

Тур Хейердал Приключения одной теории

Аннотация

Почти на шестьдесят языков переведена замечательная книга Тура Хейердала «Путешествие на Кон-Тики», со страниц которой в каждый дом входит одна из интереснейших проблем истории человечества. На написанные для массового читателя научно-художественные книги Хейердала неизбежно ограничены рамки жанра. Между тем у замечательного подвига во имя науки есть свое продолжение. Исследования Тура Хейердала выходят далеко за рамки того, о чем мы знаем по изданным книгам.

Новая книга Тура Хейердала восполняет этот пробел. Это сборник его статей и докладов, как бы подводящий предварительный итог тридцатилетним исследованиям выдающегося норвежского ученого. Чуть ли не каждая страница – увлекательное путешествие в прошлое. С полемическим задором и глубоким знанием вопроса автор рассказывает о замечательных мореплавателях прошлого, которые покоряли Атлантический и Тихий океаны на бесхитростных судах, освещает высокоразвитые культуры древних народов.

Всякий, кто с увлечением прочел «Путешествие на Кон-Тики», захочет узнать, как Тур Хейердал и его сотрудники продолжали обосновывать и развивать теорию, ради подтверждения которой шесть смельчаков в 1947 году вышли на плоту на просторы величайшего из океанов Земли.

Тур Хейердал. Приключения одной теории

Гидрометеорологическое издательство.

Ленинград – 1969

THOR HEYERDAHL

INDIANER UND ALT-ASIATEN

IM PAZIFIK DAS ABENTEUER EINER THEORIE

WOLLZEILEN VERLAG

Перевод Л. ЖДАНОВА

Автор послесловия и комментариев В. БАХТА

РЕЧЬ В КОРОЛЕВСКОМ

ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

От имени награжденных медалью Общества – доктора Лики и мистера Бейкера, а также от своего позвольте выразить самую искреннюю благодарность сэру Майклу Райту за чрезвычайно любезное и дружеское приветствие, сделанное по поручению членов Королевского географического общества, и всему Правлению Общества за высокую честь, которой мы сегодня удостоены.

Нужно ли говорить, что интерес к нашей деятельности и понимание того, что мы делаем (приглашение Королевского географического общества

– памятное для нас событие), еще больше воодушевит нас. Мы видим в этом поддержку нашего стремления вникнуть глубже в вопросы исторической географии, а также географического происхождения и миграции человека на суше и на море.

В такой памятный день хочется не только смотреть в будущее, но и оглянуться на прошлое, чтобы осмыслить, какие внешние причины побуждали нас идти вперед по путям, которые сегодня свели нас здесь. Вероятно, внешние стимулы были очень различными, и, конечно, это были не одни награды и признания. Сочетание одобрения и противодействия – вот главный двигатель научного поиска. Одобрение – желанная награда, противодействие – вызов, не позволяющий успокаиваться.

Уверен, среди присутствующих не только я убедился, что одного успеха мало. Противодействие, возражения, а иногда и поражения необходимы, чтобы идти к научной истине, расширять пределы человеческого познания. Конечно, не так-то легко воздать должное этому, особенно когда в лицо дует свирепый штормовой ветер. Но когда ветер попутный, как сегодня, мы вполне можем это признать, и пусть сознание этого помогает и другим исследователям в минуты испытаний и при встречных ветрах.

Каждый исследователь, вероятно, сталкивался с этим, но разрешите привести несколько примеров из моего личного опыта. Когда мне в первый раз представилась приятная возможность выступить в Королевском географическом обществе, я докладывал об экспедиции, которая родилась в борьбе с противодействием. Ответом на вызов явился эксперимент. Сперва я несколько поспешно заявил, что мореплаватели древнего Перу вышли

в Тихий океан и заселили острова Полинезии до того, как туда прибыли нынешние полинезийцы. Такое заявление было встречено в штыки и как будто опровергнуто ссылками на авторитетные труды, в которых утверждалось, что южноамериканские суда не пригодны для мореходства и не дошли бы даже до островов Галапагос. Таким образом, противодействие, а не признание вызвало к жизни экспедицию «Кон-Тики», и она показала, что древние перуанские мореплаватели располагали замечательным мореходным судном – бальсовым плотом, который отличался большей плавучестью, надежностью и грузоподъемностью, чем полинезийские лодки и корабли викингов, хотя уступал им в скорости и изяществе.

Новое противодействие побудило меня впервые привезти на Галапагос опытных археологов. Скептики признали мореходные качества бальсового плота, признали, что аборигены Перу в принципе могли дойти до Полинезии. И тут же заявили, что южноамериканские аборигены ходили только вдоль берегов материка, иначе острова Галапагос – ближайший к континенту океанический архипелаг – были бы открыты и освоены инками или их предшественниками до прибытия испанцев, то есть до 1535 года. В ответ на противодействие были начаты первые раскопки на негостеприимных засушливых островах Галапагос.

На трех островах архипелага были обнаружены четыре доисторические стоянки, собрано около двух тысяч черепков по меньшей мере ста тридцати одного сосуда аборигенов, найдены образцы керамики чиму, инкская глиняная свистулька, кремневые, обсидиановые предметы и др. Сотрудники Национального музея США, исследовал материал, установили, что на островах Галапагос много раз бывали приморские жители Эквадора доинкского периода и Северного Перу, во всяком случае времен культуры приморская тиауанако. Археология Южной Америки продвинулась на 600 миль в просторы Тихого океана.

Но как могли совершаться многократные плавания на Галапагос, если экспедиция «Кон-Тики» как будто показала, что бальсовый плот не способен маневрировать и идти против ветра? Был поставлен новый эксперимент – построен и спущен на воду у берегов Эквадора еще один плот с гуарами, хитроумной системой выдвижных досок-килей, которые попеременно опускают и поднимают между бревнами перед двуногой мачтой и позади нее. Оказалось, что на таком плоту перуанцы могли идти к ветру под более острым углом, чем старинные европейские парусники, и достигать любой точки в океане.

Итак, Тихий океан был доступен для древних мореплавателей из Южной Америки в такой же мере, как и для выходцев из Азии. Тогда противники нашей теории выдвинули новое возражение. Остров Пасхи лежит посередине между Южной Америкой и остальной Полинезией. Почему же он был заселен в последнюю очередь, а не в первую, если мигранты шли из Южной Америки? Почему на острове нет никаких следов культуры, предшествующей нынешней, полинезийской? Почему первооткрыватели Полинезии не знали гончарства? Чтобы ответить на эти вопросы, требовались новые полевые исследования. Раскопки и пробы пыльцы из болот острова Пасхи показали, что первые поселенцы, привезшие с собой полезные южноамериканские растения, достигли острова по меньшей мере на тысячу лет раньше, чем считала наука, и что нынешней полинезийской культуре на острове предшествовал неполинезийский субстрат, во многом перекликающийся с культурой древнего Перу. В это же время разные научные учреждения впервые направили в Полинезию археологические экспедиции; выяснилось, что гончарство было знакомо древнейшему населению Полинезии.

Таким образом, наши познания о прошлом Полинезии постоянно развиваются в споре с оппонентами. Лишь когда противодействие кончится, когда все полинезианисты придут к полному согласию, в этой области воцарится штиль, наше движение к истине в этом вопросе прекратится.

Так давайте же сегодня, когда мы вместе празднуем, смело признаемся себе в том, что мы многим обязаны, как бы парадоксально это ни звучало, тем, кто бросает нам вызов. А

тост я предлагаю за тех, кто нас поддерживает: ведь это ободряет нас и позволяет нам принять вызов.

ЛОНДОН

8 июня 1964 года

ЗАСЕЛЕНИЕ ПОЛИНЕЗИИ

На протяжении двух десятков лет после экспедиции «Кон-Тики» Хейердал продолжал собирать новые доказательства своей основной концепции.

Удивительное плавание бальсового плота из Южной Америки в Полинезию, естественно, привлекло внимание и ученых, и широкой публики, однако узнали они об этом плавании из популярной книги и из фильма. Газеты поспешили изобразить Хейердала викингом XX века, который не только отважился на единоборство с океанской стихией, но и бросил вызов ведущим кабинетным ученым, заявив, что полинезийцы вышли из Южной Америки, а не из Юго-Восточной Азии. Мало кто читал его первую научную статью, напечатанную за шесть лет до экспедиции «Кон-Тики» в сборнике «Интернейшнл Сайенс» в Нью-Йорке. В ней автор ясно говорил, что первопоселенцами в Полинезии были люди, приплывшие на плотах из Южной Америки, потом их поглотила вторая миграционная волна – выходцы из Азии, плывшие через северную часть Тихого океана.

В обширной монографии «Американские индейцы в Тихом океане» Хейердал снова и еще более уверенно утверждает, что хотя корни полинезийского расового и культурного комплекса надо искать в Азии, путь миграции проходил скорее через северную часть Тихого океана, чем через Меланезию и Микронезию.

Изложение этих взглядов составило содержание доклада, прочитанного автором в Пенсильванском университете (Филадельфия). Доклад был опубликован в Вестнике музея Пенсильванского университета (т. 4, Э 1, стр. 22-29. 1961).* (*1 Вступления ко всем статьям принадлежат составителю австрийского (оригинального) издания профессору Гейдельбергского университета Карлу Еттмару (Прим. перев.).)

Еще двести лет тому назад широко распространилось мнение, что полинезийские племена уединенных островов восточной части Тихого океана – американские индейцы, которых, как и первых европейцев, занесли туда господствующие восточные ветры и течения. (Вспомним, что на востоке Тихого океана находится американский берег, на западе – азиатский.) Начиная с плаваний Магеллана и вплоть до путешествий капитана Кука во второй половине XVIII века ни одно европейское судно не могло пробиться из европейских колоний в Индонезии в какую-либо часть Полинезии. Все без исключения плавания в Южных морях начинались в течении Гумбольдта и совершались по направлению пассатов, то есть от Южной Америки на запад, в Полинезию. Чтобы оттуда вернуться в Америку, приходилось идти сперва на запад до индонезийских вод, а затем по длинной дуге на север, вдоль берегов Азии; только севернее Гавайских островов корабль вновь встречал американские берега.

Но вот во времена капитана Кука было обнаружено, что в языке островитян-полинезийцев и малайских племен есть общие слова и корни. С той поры стало общепризнанным, что полинезийские неолитические племена совершили то, что было недоступно европейцам с их парусниками, – путешествие на восток, из Малайской области в Полинезию.

Веский лингвистический аргумент подкрепляли следующие факты: полинезийцы разводили кур, свиней, выращивали хлебное дерево, бананы, сахарный тростник, ямс, таро, они пользовались лодками с балансирами. Все это бесспорные элементы азиатской

культуры, неизвестные в Америке.

Таким образом, этнографически проблема происхождения полинезийцев решалась как будто просто. Однако в XIX и XX веках, когда антропологи, археологи и этнологи стали углубляться в изучение полинезийской проблемы, возникли неодолимые препятствия и глубокие противоречия. Такие антропологи, как Уоллес (1870 год), Деникер (1900 год), Салливэн (1923 год), подметили коренные различия между полинезийскими и малайскими племенами. Оказалось, что полинезийцы резко отличаются от малайцев ростом, телосложением, формой черепа, носа, у них различная волосатость лица и тела, иное строение волоса, несхожи глаза, цвет кожи. А современные исследования состава крови, выполненные Мельбурнской лабораторией, показывают, что полинезийцы не могут быть прямыми потомками малайских племен или племен из Юго-Восточной Азии – слишком велико различие в наследуемых факторах крови.

В декабре 1955 года «Американский журнал физической антропологии» опубликовал совместный отчет виднейших английских серологов (Симмонса, Грейдона, Семпла и Фрая), которые пришли к заключению: «Существует тесное кровное генетическое родство между американскими индейцами и полинезийцами; такое родство не отмечается при сравнении крови полинезийцев с кровью меланезийцев, микронезийцев и индонезийцев, исключая пограничные зоны, где они непосредственно соприкасаются». (I) Следов протополинезийской культуры и физического типа в Малайской области, как ни искали археологи и этнологи, найти не удалось. Зато они независимо друг от друга обнаружили важные факторы, опровергающие возможность распространения полинезийской культуры из малайского центра. Сравнительную однородность своеобразной полинезийской культуры от Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге, от Самоа до острова Пасхи можно объяснить только тем, что она развилась в этом районе еще до распространения в восточной части Тихого океана. Это же свидетельствует о сравнительно недавнем переселении и распространении полинезийских племен на обширной площади. Специалисты полагают, что последняя крупная волна переселенцев достигла Полинезии в XII веке.

Однако ни в Индонезии, ни на Микронезийско-Меланезийских островах, отделяющих ее от Полинезии, не найдено ни одного из характерных полинезийских орудий. Исключение составляет, пожалуй, определенный тип каменных тесел на севере Филиппинских островов, да и то они вышли там из употребления и уступили место другим орудиям за две с лишним тысячи лет до последней миграции полинезийцев. Железо с полуострова Малакка распространилось через Борнео и Яву около 200 года до нашей эры; между тем в Полинезии металлы были совсем неизвестны.

Не менее важен тот факт, что ни одно полинезийское племя не знало ни ткацкого, ни гончарного ремесла. А это два очень существенных признака распространения культуры, с которыми поневоле нужно считаться. Ведь керамика и ткацкий станок были широко распространенными культурными элементами почти во всех прилегающих к Тихому океану областях и прочно утвердились в Индонезии задолго до нашей эры. О колесе, издревле известном и имевшем столь огромное значение в Старом Свете, также не знали в Полинезии, несмотря на существование мощных дорог. Жевание бетеля (точнее, орехов бетеля с известью) – характерная черта индонезийской культуры, распространившаяся на восток до Меланезии включительно, – исчезает на границе Полинезии; зато здесь начинается ритуальное потребление напитка кава, которого в Индонезии не знают. (Кава – напиток из корней дикого перца *Piper methysticum*; корни разжевывали, полученную кашницу разбавляли водой и процеживали.) Пальмового вина, издавна широко распространенного в Индонезии, у полинезийцев не было, как, впрочем, и других алкогольных напитков, пока их не завезли европейцы. Струнные музыкальные инструменты, всемирным центром эволюции которых были Азия и Индонезия, у полинезийцев отсутствовали, хотя музыку они любили. Лук и стрелы как боевое оружие внезапно исчезают на границе Меланезии и Полинезии.

В 1955 году шведский этнограф Анелл пытался, сопоставляя рыболовные принадлежности, найти в Малайском архипелаге истоки миграции полинезийцев, но и он по

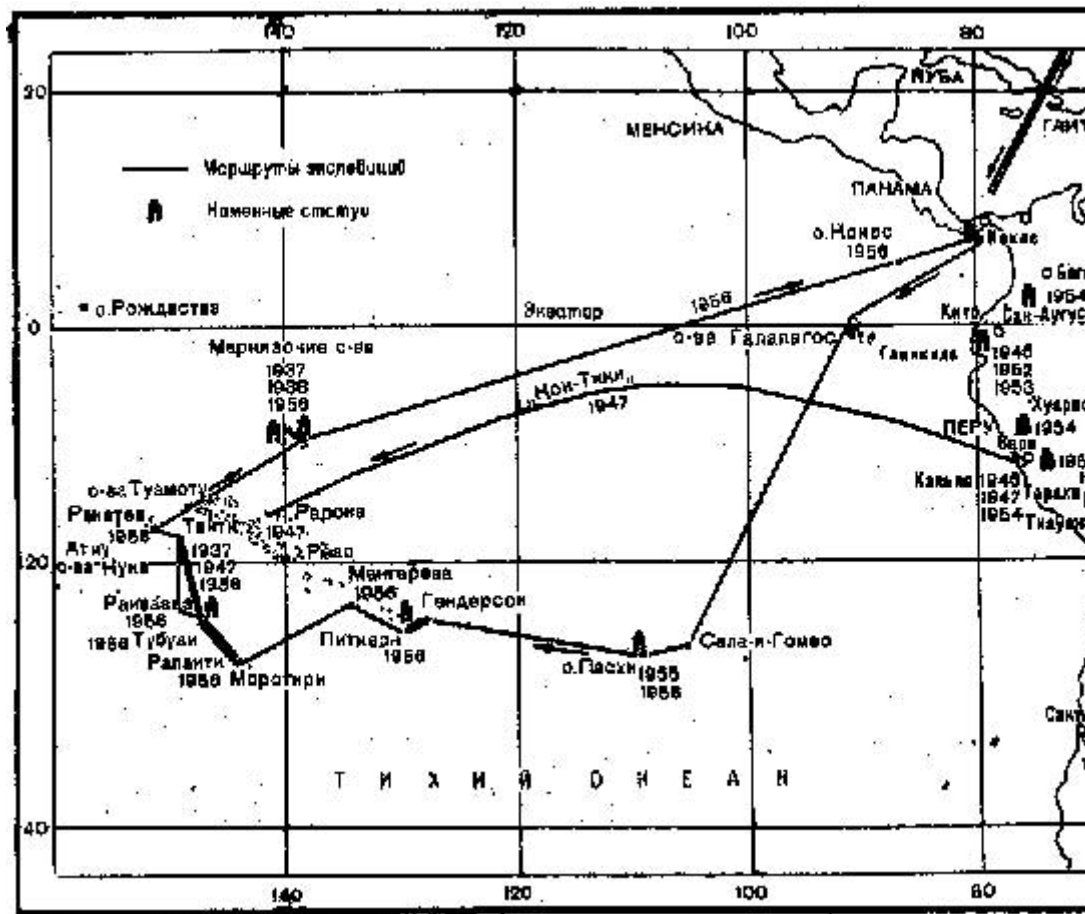
обнаружил общих черт. Анелл делает вывод, что рыболовные навыки полинезийцев связаны не с Малайей, а с более северной культурой, которая развилась в Северо-Восточной Азии (включая Японию), откуда ее влияние распространилось на Северную и Южную Америку, а также на острова Полинезии и Микронезии.

Недаром в 1923 году виднейший американский полинезианист Салливэн в критическом обзоре господствовавших теорий происхождения полинезийцев, а в 1939 году и английский этнограф Вильямсон заключили, что нет и двух совпадающих теорий и что исследователи находятся в полном недоумении относительно центра происхождения полинезийского народа и путей его миграции. Когда автор настоящего обзора довел его до 1952 года, оказалось, что более тридцати ученых, пытаясь доказать недавний исход полинезийских племен из Старого Света, опубликовали тридцать с лишним различных и взаимоисключающих теорий.

Большинство ученых предполагали, что в Полинезию в разное время прибыли независимо друг от друга две (некоторые говорили – три) народности с различной культурой. При этом все опирались на малайско-полинезийское лингвистическое родство. Но так как физическое родство полинезийцев и малайцев исключалось, а лингвистическое сходство было неопределенным и случайным (различные корни обнаруживались в языках разных малайских племен, живущих далеко друг от друга), то для догадок открывался неограниченный простор. Поэтому позднейшие исследователи вместо Индонезии обратились к Азиатскому материку. Языковые признаки, бесспорно, говорят о том, что некогда существовал какой-то контакт между праполинезийцами и прамалайцами, однако сомнительно, что предки полинезийцев когда-либо обитали в Малайской области. И ведь малайцы, как и полинезийцы, не исконные жители населенных ими ныне островов. Они, безусловно, прибыли на архипелаг с материка, находящегося поблизости, и первичная связь между малайцами и полинезийцами, наверно, предшествовала этому географическому перемещению.

Вследствие явной зыбкости и противоречивости малайско-полинезийской теории необходимо было проверить ценность аргументов, доказывающих исход полинезийцев из Индонезии, таких, как балансир (балансиры сочетались с приспособлениями, которые придавали лодкам устойчивость на бурных реках Юго-Восточной Азии) и столь часто упоминаемые домашние животные и культурные растения. Результат был по меньшей мере неожиданным.

Выдающийся полинезианист сэр Питер Бак (Те Ранги Хироа), сторонник малайско-полинезийской теории, еще в 1938 году показал, что ранние поселенцы в Полинезии не знали ни одного из интересующих нас индонезийских растений, когда достигли своих нынешних мест обитания в восточной части Тихого океана. Он выяснил, что такие важные пищевые культуры Старого Света, как хлебное дерево, банан, ямс и таро (лучшие сорта), не были завезены с запада полинезийцами. Их доставили в Полинезию из Индонезии и с Новой Гвинеи давние обитатели промежуточной области – меланезийцы. А уже на островах Фиджи, являющихся их крайним восточным форпостом, приплывавшие с востока полинезийцы обнаружили растения индонезийского происхождения. Бак считал, что гости из Полинезии прибывали через атоллы Микронезии, где названные растения тоже не были известны.

Кроме показанных здесь двух основных экспедиций, Хейердал побывал в 1937 году на Маркизских островах, в 1953 году на островах Галапагос, много путешествовал вдоль побережья Центральной и Южной Америки.

Мы знаем, что свинья и курица также не были известны первым обитателям Полинезии, пока, как указывает Бак, их не ввезли с островов Фиджи, и это отражено в устных преданиях. Этим можно объяснить также неожиданное отсутствие таких животных у многочисленных племен маори. Они приплыли в Новую Зеландию из собственно Полинезии, но оказались изолированными от населения остальных островов после XIV века, то есть до того, как там стали известны свинья и курица. Племена маори (а также мориори на островах Чатем), рано оторвавшиеся от своего ствола в собственно Полинезии, оказались единственными хранителями чисто полинезийской культуры, существовавшей до XIV века, в то время как между остальными полинезийскими племенами сохранились межостровные контакты и между ними продолжалась торговля вплоть до появления европейцев. Примечательно, что ко времени прибытия европейцев ни одно племя маори или мориори еще не знало балансира – этого гениального изобретения, придающего устойчивость дощатым лодкам.

В остальной части Полинезии уже распространились с соседних островов Фиджи свинья, курица и меланезийские культурные растения; повсеместно был освоен и балансир. Отметим, что полинезийцы знали именно о меланезийском типе одинарного балансира. Двойной балансир, применяемый в Индонезии, до Полинезии не дошел.

Словом, критическое рассмотрение немногочисленных аргументов из области материальной культуры, которые призваны были подкрепить лингвистические свидетельства происхождения полинезийцев из Индонезии, показывает их неосновательность и обманчивость. Их, наоборот, приходится отнести к числу негативных свидетельств, когда

задаешься вопросом, как полинезийские иммигранты могли прибыть из Индонезии, пересечь «буферную» меланезийскую территорию и осесть в восточной части Тихого океана, ничего не узнав об одинарном или двойном балансире, но узнав о свинье и курице.

Лингвистами и археологами ныне установлено, что все следы полинезийского поселения в Меланезии и Микронезии связаны с прибытием полинезийцев с востока – из собственно Полинезии, а не с запада – из Индонезии. Поневоле возникает вопрос: могли ли открытые индонезийские лодки неолитического типа вплоть до XVIII века конкурировать с европейскими кораблями, против ветра и течений пройти 6000 километров по враждебной территории Микронезии или Австрало-Меланезии, не оставив при этом там никаких следов?!

Выдающийся мореплаватель Бишоп три года подряд пытался провести азиатскую джонку в восточном направлении, чтобы повторить предполагаемые ранние индонезийские плавания в Полинезию. Еще до Микронезии его всякий раз отгоняло назад. В конце концов он сдался и в 1939 году справедливо заявил, что такая миграция была неосуществима.

Что же в действительности могло произойти с примитивным суденышком, которое без карты выходило на просторы Филиппинского моря в поисках новых земель? Его подхватывало течение Куроисио и увлекало к Северо-Западной Америке. У берегов Аляски – Канады ветвь течения сворачивает прямо к Гавайским островам. Мы знаем немало случаев, когда уже в более поздние времена течение Куроисио приносило людей к Северо-Западной Америке. Кроме того, известно, что в период первых европейских открытий в Тихом океане жители Гавайских островов делали свои самые большие лодки из плавника с северо-западного побережья Америки.

Плавание на простейших судах из Индонезии в Полинезию было возможно только по начертанной стихиями естественной дуге – через северную часть Тихого океана с дальнейшим поворотом к Гавайским островам. Стоит принять этот простой факт, как исчезают все проблемы. Отпадают навигационные препятствия. Суда идут в обход простершейся на 6000 километров враждебной области Микронезии и Меланезии и попадают в нее лишь с противоположной стороны. Если считать острова Северо-Западной Америки (например, острова Ванкувер и Королевы Шарлотты, архипелаг Александра) трамплином, то становится вполне понятным, почему полинезийским племенам не было известно гончарное искусство. Вдоль всего северо-западного побережья (оно стало конкретным понятием в американской этнографии) гончарства не знали вплоть до прихода европейцев, в отличие почти от всех других областей, окаймляющих Тихий океан.

Приморские племена этого уединенного района (например, квакиутли на острове Ванкувер, хайда на островах Королевы Шарлотты) пользовались выложенной камнями земляной печью; точно такую же печь мы видим у всех полинезийских племен. Отсутствие у полинезийцев ткацкого станка тоже можно понять: острова Северо-Запада – одна из немногочисленных областей вокруг Тихого океана, где его не знали до исторических времен. Незнакомые с ткачеством приморские жители Северо-Запада вырезали из дерева и кости кита грубые колотушки, такие же, какими пользовались во всей Полинезии, и делали одежду из размягченного этими колотушками вымоченного луба определенных деревьев. Плащи новозеландских маори, не знавших тропических деревьев, из которых обычно изготавливали тапу, так сильно напоминают лубяные плащи индейцев северо-западного побережья, что даже опытные исследователи не сразу их различают. (Тапа – полинезийская материя, делалась из луба бумажной шелковицы *Broussonetia papyrifera*.) Огромный разрыв в хронологии между концом неолита Индонезии и заселением Полинезии тоже легко перекрывается трамплином на Северо-Западе, где культура оставалась неолитической вплоть до прихода европейцев и где основным орудием труда, как и во всей Полинезии, был не топор, а тесло, насаженное на одинаковую для обеих областей коленчатую рукоятку. Одно из наиболее типичных для Полинезии тесел археологи обнаружили на побережье Северо-Западной Америки. Здесь находят варианты и других полинезийских изделий, которых нет в Юго-Восточной Азии, – своеобразные каменные колотушки в форме колокола, латинских

букв D и T, развившиеся на месте из пестов, а также характерные палицы типа пату и мере из полированного камня или китовой кости (по классификации полинезийских боевых палиц, разработанной несколькими исследователями, в том числе Баком, мере – короткая, плоская палица с утолщенной рукояткой).

Как и в Полинезии, здесь отсутствовал боевой лук со стрелами. Не было струнных инструментов; в обеих областях их заменяли барабаны, погремушки и духовые инструменты. Некоторые резные антропоморфные флейты настолько схожи у маори и северо-западных племен, что могут показаться сделанными одной рукой. Большие деревянные каноэ (основа чисто морской культуры племен северо-западного побережья Америки) перевозили до ста человек, и ранние путешественники отмечали поразительное сходство их с маорийскими военными каноэ. Как и в Полинезии, на Северо-Западе для плавания в открытом море иногда связывали вместе две лодки и накрывали общей дощатой палубой.

Кроме того, что суда в этих двух областях схожи по форме, размерам, способу соединения бортовых досок, отдельному изготовлению носа и кормы, увенчанных головами на лебединых шеях, совпадали даже обычаи их владельцев. Так, у некоторых племен маори и племен, живущих на Северо-Западе, было принято при подходе к берегу разворачивать боевые суда кормой вперед, ибо только богам полагалось причаливать носом.

Все эти, казалось бы, неожиданные и, однако, несомненные параллели и совпадения в культуре племен, населяющих прибрежные архипелаги Северо-Западной Америки и далекую Полинезию, неоднократно отмечались ранними путешественниками и современными этнографами. Отмечались и многие другие поразительные аналогии: от составного деревянного рыболовного крючка до резных деревянных столбов и дощатых домов с двухскатной крышей, в которые входили между расставленными ногами тотемного столба.

Этнограф Диксон подчеркивал в 1933 году, что Кук, Ванкувер и другие ранние путешественники, знакомясь с указанными областями Тихого океана, были поражены сходством культуры в этих районах. Те самые мореплаватели, которые обнаружили лингвистическое родство Полинезии и Индонезии, установили, что аналоги материальной культуры полинезийцев сосредоточены на побережье Северо-Западной Америки. Столь же примечательно сходство социального строя, обычаев и верований, также многократно отмеченное в литературе.

Привлекая внимание к архипелагу в северной части Тихого океана (севернее Гавайских островов) как к логическому трамплину на пути из Восточной Азии в Полинезию, мы не оспариваем прежних предположений о родине последних полинезийских иммигрантов, а лишь предлагаем новый вариант пути иммигрантов. Лингвистическое родство остается в неприкосновенности. До сих пор не выдвинуто никаких лингвистических аргументов, привязывающих полинезийских переселенцев к меланезийскому или микронезийскому маршруту. С точки зрения языкознания возможен любой географический трамплин. Правда, пока нет прямых указаний на то, что через архипелаг у северо-западного побережья Америки прошел какой-либо протомалайский язык. Но нельзя забывать, что (в отличие от изолированных в Океании полинезийских племен) язык жителей прибрежных островов Северо-Западной Америки, после того как они прибыли сюда из Азии, развивался.

Это можно подтвердить тем, что все здешние племена – квакиутли, хайда, сэлиши, цимшиены, тлинкиты и нутка, несмотря на тесное расовое и культурное родство, говорят на разных наречиях. Возможно, именно это расхождение – причина того, что современные исследователи не предпринимают серьезных попыток отыскать древнее родство языков Северо-Запада, с одной стороны, и малайских или полинезийских племен – с другой. Правда, в конце девяностых годов прошлого века кое-что было сделано.

Английский лингвист Кемпбелл в 1897-1898 годах высказывал мнение, что язык хайда на островах Королевы Шарлотты с таким же основанием, как полинезийский, следует отнести к океанийской семье. Он считал, что язык хайда развился на основе языка иммигрантов из области Южных морей. На рубеже XX века канадский профессор Хилл-Тут опубликовал лингвистическое исследование, озаглавленное «Океанийское происхождение

квакиутлей, нутка и сэлишей Британской Колумбии...». Он доказывал, что языки этих племен Северо-Запада производят впечатление остатков некогда единого языка, который был родственен языку современных полинезийцев. Его труды заслуживают внимания; вообще всю эту проблему нужно снова основательно изучить.

На следующий, возможно главный, вопрос: не позволяет ли нам физическая антропология считать племена Северо-Запада недостающим звеном в цепи между физически отличающимися друг от друга индонезийцами и полинезийцами? – можно ответить утвердительно. Все признаки, резко отличающие полинезийцев от индонезийских народов, – рост, телосложение, форма головы, носа, строение волоса, волосатость лица и тела, пигментация – удивительно совпадают с типичными чертами хайда и квакиутлей, населяющих южно-центральный архипелаг у северо-западного побережья. И уже в последние годы к числу наиболее веских аргументов в пользу генетического родства жителей Полинезии и Северо-Западной Америки присоединились факторы крови.

В обеих областях почти отсутствует преобладающий в Индонезии фактор В, высок фактор О и поразительно высок фактор А. Отсутствие фактора В можно истолковать как признак того, что общий центр, из которого распространились малайцы, индейцы американского Северо-Запада и полинезийцы, находился где-то на северном побережье Восточной Азии и что малайцы приобрели доминирующий ген В уже после того, как обосновались в своей нынешней области.

В статье «Группы крови у полинезийцев» (1952 год) доктор Грейдон, видный австралийский авторитет в этой области, проверил наше предположение о родстве полинезийцев с индейцами Северо-Запада, исследуя для этого и другие факторы крови. Он обнаружил, что кровь полинезийцев и северо-западных индейцев и по другим признакам «поразительно схожа». И она же «явно отличается» от крови индонезийцев и микронезийцев. Он заключил: «Серологические данные, представленные в настоящей статье, говорят в пользу полинезийско-американского родства, и возможно, что заселение островов Полинезии в большой мере происходило волнами из континентальной Америки».

Позднее (1954 год) видный британский серолог Муран в своей монографии «Распределение групп крови человека» сделал следующий вывод: «Таким образом, наблюдения над факторами групп крови – АВО, MNS и Rh – согласуются с теорией Хейердала». Могу добавить, что после года, проведенного в Юго-Восточной Полинезии, я несколько месяцев жил среди сэлишей и квакиутлей Северо-Запада и наблюдал удивительное физическое сходство индейцев с полинезийцами. В долине Белла-Кула (центральное приморье Британской Колумбии) со мной происходили курьезные случаи: я на каждом шагу «встречал» лиц, с которыми был знаком на островах Южных морей.

Подводя итог, высказываю предположение, что восточноазиатский элемент в полинезийской расе и культуре проник в Полинезийскую область через Гавайские острова, причем северо-западное побережье Америки следует рассматривать как наиболее логичный, возможный и даже необходимый трамплин.

Однако ни в Индонезии, ни в Северо-Западной Америке, ни отдельно, ни вместе, не удалось найти достаточно убедительного объяснения всей полинезийской островной культуры. Большинство этнографов полагают, что полинезийская раса и культура состоят из двух (некоторые говорят – из трех) компонентов. В большей части Полинезии, особенно на Пасхе, на этом уединенном, ближе всех расположенном к Перу острове, обнаруживаются многочисленные признаки иного расового и культурного субстрата. Поэтому, согласно второму пункту моей гипотезы, предки нынешнего населения Полинезии, прибывшие туда в начале второго тысячелетия, не были первооткрывателями этих островов – их опередили мореплаватели андского происхождения. С ними связывают особую мегалитическую кладку и антропоморфные каменные изваяния на ближайших к Америке окраинных островах, появление маорийско-полинезийской собаки, распространение в Полинезии 26-хромосомного культурного американского хлопчатника, а также батата, бутылочной тыквы и ряда других американских элементов в полинезийской флоре, в том числе пресноводного

камыша тотора на острове Пасхи и чилийского перца, который встречали в Полинезии европейские мореплаватели.

Многочисленные элементы полинезийской культуры восходят к этому южноамериканскому субстрату, который повлиял даже на окраину Меланезии. Ярким примером служит неизвестное в Южной и Восточной Азии искусство трепанации черепа, а также типично ритуальное потребление напитка кава с ферментом слюнных желез, распространившееся из Центральной и Южной Америки по всей Полинезии вплоть до ее западной окраины; здесь наряду с этим обычаем существует азиатский обычай жевать бетель.

Праща как боевое оружие неизвестна в Индонезии, зато прототипами трех специализированных типов пращи – ленточной, клапанной и щелевой – в области Южных морей являются перуанские образцы. Не знали в Индонезии и мумификации, однако в Полинезии, несмотря на неблагоприятный климат, ее применяли, причем метод сходен с перуанским. Плащи и мантии из перьев – одежда знати, характерная для Полинезии, – в Старом Свете не были известны, зато они присущи культурам Нового Света, в том числе культуре древнего Перу. Своеобразные простые и составные рыболовные крючки полинезийцев, не обнаруженные нигде в Индонезии, попадают при раскопках мусорных куч на территории от Эквадора до Северного Чили. Сложную полинезийскую кипону – хитроумную мнемоническую систему узелков – не сравнить с простой веревочкой с узелками для счета, которая была распространена во всем мире; зато она в точности повторяет перуанские кипу.

Можно привести еще много примеров, касающихся материальной культуры, социальных особенностей и мифологии этих двух областей. Однако здесь достаточно указать, что на полинезийских островах явно знали керамику и ткацкий станок, несмотря на то, что последняя волна поселенцев пришла в Полинезию из области, где не было ни гончарного искусства, ни ткачества и где известны были лишь земляная печь и лубяная колотушка.

Теперь известно, что в Полинезии некогда в самом деле была культура, знакомая с керамикой. Как на восточной, так и на западной окраине Полинезии археологи нашли черепки различной красной посуды, причем находки на Маркизских островах оказались пока наиболее старыми. На этом же архипелаге и вообще во всей Полинезии до островов Фиджи на западе 26-хромосомный американский хлопок одичал; нынешним полинезийцам он ни к чему, но первые поселенцы, конечно, привезли его на острова неспроста.

ВОЗМОЖНЫЕ ОКЕАНСКИЕ ПУТИ

В АМЕРИКУ И ИЗ АМЕРИКИ ДО КОЛУМБА

При знакомстве с теорией Хейердала, в том виде, какой она имела в 1961 году, становится ясно, что он подходит к вопросу о миграциях с известными оговорками. Хейердал учитывает огромные трудности, с которыми приходилось сталкиваться человеку прошлого.

Такая сдержанность необходима, потому что теперь повсеместно изменился взгляд на миграции через необозримые просторы океанов. Очень долго считалось (особенно в США), что заселение Нового Света происходило только через Берингов пролив и в определенный отрезок времени в далеком прошлом. И совпадения с теми или иными чертами высокоразвитых культур Старого Света всецело объясняли параллельным развитием.

Ныне эта культурно-историческая доктрина Мунро пересмотрена. Все больше склоняются к тому, чтобы признать, что азиатские народы совершили целый ряд далеких плаваний и открытий. Если говорить об Атлантическом океане, то полагают, что его

первыми пересекли не норманны. В пору бурного расцвета миграционных теорий очень полезно прочесть анализ Хейердала, в котором кроме дезориентирующей подчас географической карты, учитываются также ветры и течения.

Нижеследующий текст был опубликован в 1964 году в записках XXXV Международного конгресса американистов, состоявшегося в Мексике в 1962 году. Небольшие сокращения произведены для того, чтобы не повторять материал других глав.

Настоящий доклад представляет собой краткий обзор возможных океанских путей, практически доступных человеку в далекие времена при плаваниях в Америку и из Америки. Я отнюдь не утверждаю, что по всем рассматриваемым ниже маршрутам в самом деле плавали предшественники Колумба, хотя очевидно, что на этих путях древнего человека не подстерегали неодолимые препятствия. И цель обзора не в том, чтобы углубиться в проблемы древнего взаимопроникновения культур, – я анализирую лишь чисто практические вопросы, возникающие у тех, кто допускает возможность трансокеанских сообщений между отдельными областями Старого и Нового Света.

Спору нет, океан куда более серьезно препятствовал географическому распространению первобытного человека, чем пустыня, болото, джунгли или тундра. Но в океане, в отличие от других географических препятствий, есть «тропы», которые вполне можно сравнить с реками. Вот почему утверждение, будто у человека было очень мало надежд перенести долгое трансокеанское плавание, выглядит скороспелым. Для определенных областей необходимы существенные поправки.

Современные этнологи, как правило, проходят мимо двух важных обстоятельств. Они не учитывают, во-первых, что расстояние между двумя полярными точками, лежащими в противоположных концах земного шара (наподобие Северного и Южного полюсов), по экватору ничуть не короче расстояния между ними по дуге большой окружности в любом полушарии и, во-вторых, что путевое расстояние, проходимое судном из одной географической точки в другую, практически не равно расстоянию, измеренному по карте, больше того – путь в одну сторону не равен пути в обратную сторону.

Первое обстоятельство можно проиллюстрировать следующим характерным примером. Разбирая интересное открытие (некоторые общие черты в керамике Японии и Эквадора), (II) редакция журнала «Ньюсуик» (19 февраля 1962 года, стр. 49) заявляет, что Экваториальное противотечение «идет прямо к Эквадору», тогда как «Японское течение делает крюк через северную часть Тихого океана». Обычный, широкоупотребительный оборот речи только вводит в заблуждение. Ведь на самом деле Курисио (Японское течение), якобы делающее крюк, – наиболее короткий и прямой из двух названных путей. В этом можно убедиться, если вместо обманчивой меркаторской проекции (она часто применяется для карт мира; в этой проекции поверхность земного шара приводится к поверхности цилиндра, поэтому приполярные области сильно искажены) обратиться к глобусу, который несравненно вернее передает реальную картину.

Похоже, мало кто из этнологов отдает себе отчет в том, что, если плыть от полуострова Малакка до Эквадора через Алеутские острова, получится прямая линия между этими двумя точками (прямее пути не придумаешь). Бессмысленно искать кратчайший путь по линии экватора: ведь он повторяет кривизну земного шара точно так же, как любая другая дуга большой окружности, только этого не видно на плоской карте Тихого океана.

Китай и Перу – тоже полярные. Расстояние по прямой между тихоокеанским побережьем Южного Китая и Перу через экватор ничуть не короче, чем через Северный или Южный полюс. Между этими двумя противоположными берегами Тихого океана нельзя провести линию прямее или короче той, которая на меркаторской проекции описывает мнимую дугу через крайний север Тихого океана. Соедините на глобусе проволокой побережье Южного Китая с Перу вдоль экватора и смещайте проволоку вверх, закрепив оба конца, она уляжется даже на маршруте, проходящем через Берингово море.

Называть экватор кратчайшим путем между Юго-Восточной Азией и Южной Америкой так же неверно, как утверждать, что кратчайший путь от Северного до Южного

полюса проходит по Гринвичскому меридиану.

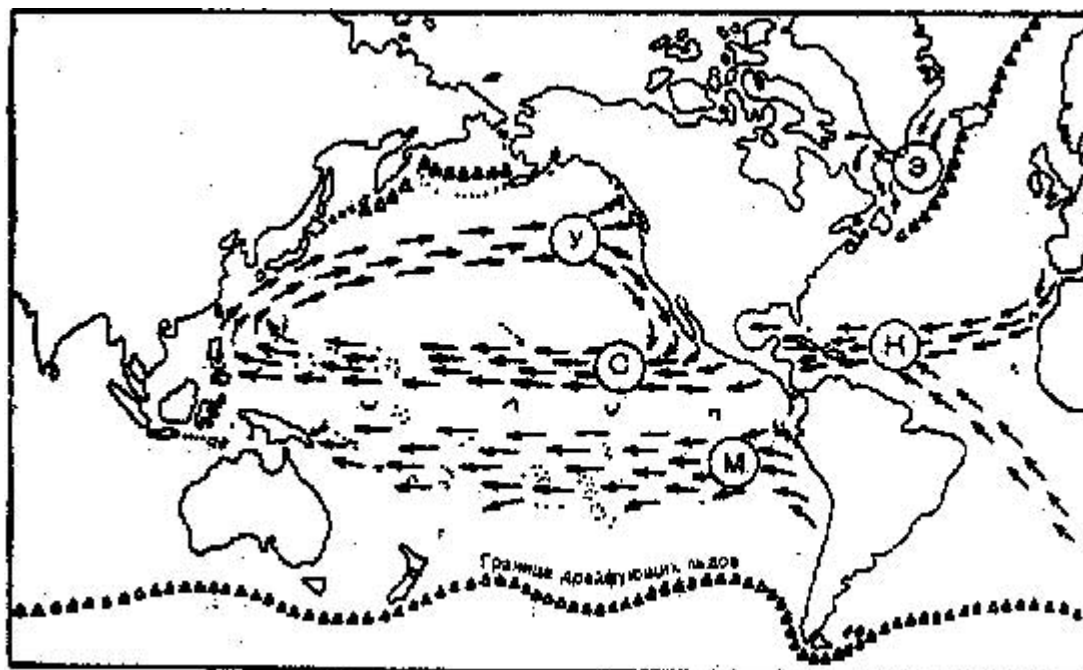
Следует помнить, что громадный Тихий океан – не гладкая равнина, а правильное полушарие, одинаково покатое во все стороны. Тогда совсем в другом свете выглядят предпосылки для путешествий аборигенных судов в неизведанном океане. Первобытный мореплаватель в какую бы сторону ни шел, видел себя в центре плоского круга, у него не было карты, которая могла бы сбить его с толку.

Второе обстоятельство, решительно требующее большой осторожности при изучении древних океанских плаваний, связано с неверным определением путевого расстояния между фиксированными точками в море. Абсолютное расстояние между двумя точками можно выразить в милях, обычно оно расходится с действительным, которое нужно проплыть. Просто мы ничего не знаем о путевом расстоянии, пройденном древним мореходом, так как нам неизвестно соотношение между скоростью течения в этой области и технически возможной собственной скоростью судна. Чем меньше собственная скорость судна, тем больше несоответствие между измеренным и действительно пройденным путем.

Вот почему путевое расстояние для современного океанского лайнера может быть совсем иным, чем для примитивного судна, хотя бы они шли по одной и той же прямой, над одним и тем же участком неподвижного океанского дна. Насколько велика эта разница, можно показать на примере трансокеанского плавания на аборигенном судне, в котором участвовал автор.

Абсолютное расстояние от Перу до островов Туамоту приблизительно 4000 миль. А на самом деле плот «Кон-Тики», пройдя от Перу до Туамоту, пересек всего около 1000 миль океанской поверхности. Если представить себе первобытное судно, способное идти с той же собственной скоростью и тоже по прямой, но в противоположном направлении, ему, чтобы попасть с Туамоту в Перу, пришлось бы пройти 7000 миль по океанской поверхности. Дело в том, что за время плавания сама поверхность океана сместилась примерно на 3000 миль (около 50 градусов окружности земного шара). Итак, если говорить о путевом расстоянии, острова Туамоту находятся всего лишь в 1000 миль от Перу, тогда как от Туамоту до Перу для того, кто идет через океан со скоростью плота «Кон-Тики», 7000 миль.

Точно так же абсолютное расстояние между Перу и Маркизскими островами составляет примерно 4000 миль. Но средняя скорость течения в этой области приблизительно 40 миль в день, а это означает, что если аборигенное судно идет на запад с собственной скоростью 60 миль в день, оно на самом деле проходит в день 60 плюс 40, то есть 100 миль, и одолевает весь путь за 40 дней. В обратном направлении при той же собственной скорости оно будет делать 60 минус 40 миль, то есть 20 миль в день, и на путь от Маркизских островов до Перу уйдет 200 дней.

К – маршрут Колумба от Африки до Мексиканского залива; Э – маршрут Лейва Эйрикссона из Северо-Западной Европы до северо-восточной части Северной Америки; У – маршрут Урданеты из Индонезии в Северо-Западную Америку и Мексику; С – маршрут Сааведры из Мексики в Микронезию и Индонезию; М – маршрут Менданьц от Андского побережья в Полинезию и Папуа-Меланезию.

Пусть собственная скорость судна только 40 миль в день, оно все равно будет идти на запад со скоростью 40 плюс 40, или 80 миль, и уже через 50 дней достигнет Маркизских островов. А в обратную сторону при скорости 40 минус 40, то есть ноль миль в день, оно вообще не оторвется от архипелага.

Эти примеры приложимы не только к району, о котором мы говорили, они в той или иной мере распространяются на любые трансокеанские плавания первобытных судов. Наряду с кривизной поверхности великих океанов такой расчет путевого расстояния играет решающую роль, в последующих рассуждениях автора. Расчеты и кривизны, и путевого расстояния составляют ныне основу современной морской навигации, да и прежде, когда еще не было карт, с этими факторами считались все, кто прокладывал путь в Америку и из Америки. И наверно, они были не менее важны для тех, кто выходил в неизведанный океан, когда еще не было никаких описаний, если мы, конечно, допустим мысль, что доисторический человек отваживался пересекать огромную водную пустыню, это вечно движущееся полушарие.

Существует три основных океанских маршрута в Новый Свет (два через Атлантический океан и один через Тихий) и два основных маршрута из Нового Света (оба через Тихий океан). Эти маршруты настолько четко определены, что им можно присвоить названия в честь их исторически известных открывателей.

МАРШРУТ ЛЕЙВА ЭЙРИКССОНА

Преимущество маршрута Лейва Эйрикссона (по имени норманна, который около 1000 года достиг полуострова Лабрадор) – краткие расстояния и сильное попутное течение, идущее вдоль восточного и южного побережий Гренландии и дальше, к Лабрадору и Ньюфаундленду. В период с 986 года и примерно до 1500 года норманны основали на юго-западном побережье Гренландии поселения, в которых было 280 дворов, епископская

усадьба и 17 церквей.

Поддерживая на открытых судах постоянную связь с Исландией и Норвегией, эти доколумбовы европейские поселенцы пять столетий жили всего в 200 милях от побережья Америки. Письменные источники XI-XIV веков показывают, что они не менее пяти раз ходили в Новый Свет. В записях 1516 года в числе товаров, доставленных из-за моря, перечисляются шкуры черного медведя и соболя, а это свидетельствует (если эти записи достоверны) о торговле через Девисов пролив.

Американский археолог Гринмен («Каррент Антрополоджи», февраль, 1963) предполагает, что человек верхнего палеолита мог еще попасть в северо-восточную часть Северной Америки вдоль кромки ледника, который перекрывал океан на широте Ирландии. Несомненно, в ту пору миграция из Северной Европы в Америку представляется возможной. Происходила ли она на самом деле – еще предстоит доказать.

МАРШРУТ КОЛУМБА

Маршрут Колумба намного длиннее, зато здесь мягкий климат, чрезвычайно благоприятные океанские течения и господствуют попутные ветры. Маршрут начинается у северо-западного побережья Африки, откуда с Канарским течением идет прямо к Вест-Индии и Мексиканскому заливу. К Канарскому течению примыкает мощная ветвь течения с юга, которая начинается у Мадагаскара, огибает Южную Африку и тоже выходит к Вест-Индии, но мимо бразильского побережья.

Хотя эти два трансокеанских течения берут начало у разных, удаленных друг от друга точек Африки, их вполне можно рассматривать как два варианта одного морского пути, как бы приближающего тропическую Америку к Африке, но в то же время «отдаляющего» Африку от Нового Света. Путевое расстояние здесь намного короче того, которое одолел плот «Кон-Тики», а условия плавания очень сходны. Мы еще не знаем, пересекал ли человек до Колумба среднюю часть Атлантики, но этот маршрут вполне мог быть преодолен теми, кого бурей относил от берегов Африки.

Некоторые ботаники (например, Меррилл – американский ботаник, горячо отстаивавший теорию полной изоляции Америки вплоть до прибытия Колумба и лишь под конец жизни пересмотревший этот взгляд) предполагали, что именно этим путем попали в земледельческие области Америки некоторые африканские культурные растения.

Путей, которые были бы благоприятны для аборигенных плаваний в Атлантическом океане из Нового Света в Старый, нет. В умеренной зоне у берегов Северной Америки мы видим холодное Лабрадорское течение, идущее на юг, а теплое течение Гольфстрим начинается в области обитания аборигенов, привыкших к условиям тропиков и потому плохо приспособленных для долгого дрейфа в холодной Северной Атлантике на север.

На тихоокеанской стороне все наоборот. Хотя европейцы сперва достигли азиатских берегов Тихого океана, никто даже не пытался из Азии углубиться в просторы Тихого океана и не ходил в Америку. Лишь после того как Колумб проложил европейцам путь в Новый Свет, в Тихий океан вышел Фердинанд Магеллан, а затем и другие мореплаватели. Но все они начинали плавание от Америки.

МАРШРУТ МЕНДАНЬИ

Основной морской путь в южной части Тихого океана можно назвать маршрутом Менданьи, по имени первого европейца, который, выйдя в плавание из Нового Света, открыл Меланезию, а затем и Полинезию. Впрочем, если учесть, что первая экспедиция Альваро Менданьи была организована для поисков обитаемых тихоокеанских островов, о которых испанцы узнали от купцов-инков и на которых как будто побывал сам Инка Тупак Юпанки, маршрут с таким же правом можно назвать маршрутом Инки.

Плавание «Кон-Тики» доказало, что путь этот был доступен для аборигенных судов.

Затем это подтвердили еще три экспедиции на плотах из Перу (теперь уже пять). Два плота (Бишоп в 1958 году, Ингрис в 1959 году) пристали к берегу в центральной части Полинезии, третий (Виллис в 1954 году) направлялся в Меланезию, но местные власти «перехватили» плот на Самоа. (В 1963 году Виллис повторил плавание из Перу в Полинезию. А в 1965 году Конгора и еще два перуанца за 115 дней прошли на плоту из Кальяо до Факарава в архипелаге Туамоту.) Течения на маршруте Инки позволяли аборигенным мореплавателям из большей части Чили, со всего перуанского побережья и из южной части Эквадора попадать в разные части Полинезии и даже дальше. Данные ботаников показывают, что такие плавания совершались и до Менданы. Пройти тот же путь в обратную сторону испанцы не могли, и они возвращались в Перу севернее Гавайских островов. Ниже мы рассмотрим два возможных пути для возвращения, здесь же достаточно сказать, что в южном полушарии нет естественного тихоокеанского маршрута, ведущего в Новый Свет.

МАРШРУТ СААВЕДРЫ

Еще до открытия Меланезии и Полинезии экспедицией Менданы испанец Альваро Сааведра в 1527 году отплыл из Закатулы на тихоокеанском побережье Мексики и пересек пустынные просторы Великого океана между экватором и Гавайскими островами, не обнаружив до самых Филиппин ни одного островка. На Филиппинах он ждал перемены ветра, чтобы вернуться в Мексику. В следующем году он сделал первую попытку, но юго-западный ветер подвел и пришлось возвратиться на Филиппины. Еще через год он прошел вдоль побережья Новой Гвинеи и повернул на север. На 27 о северной широты Сааведра умер. Выполняя приказ, его преемники дошли до 31 о северной широты, но встречные ветры вынудили их отступить назад, в Индонезию. Так неудачно кончилась первая попытка вернуться в Новый Свет через Тихий океан.

Маршрут Сааведры из Мексики в Индонезию кажется очень длинным, но он намного сокращается благодаря мощному Северному экваториальному течению. К тому же здесь дуют сильные попутные пассаты и климат очень мягкий. Испанцы регулярно ходили маршрутом Сааведры из Мексики в свои филиппинские колонии, но только в 1565 году они открыли единственный природный путь из Индонезии обратно в Мексику, пролегающий севернее Гавайских островов.

МАРШРУТ УРДАНЕТЫ

Этот важный маршрут в Новый Свет, единственный природный подход к Америке со стороны Тихого океана, можно назвать маршрутом Урданеты, по имени испанского морепроходца Андреса де Урданеты, чьи записи открыли этот путь для последующих путешественников. Правда, в том же 1565 году, за три месяца до него такое плавание совершил Арельяно, однако он не оставил никаких записей о своем курсе. А Урданета вел путевой журнал и делал научные наблюдения, которыми затем много лет пользовались во время плаваний с Филиппин в Мексику.

Маршрут Урданеты сильно сокращается идущим на восток течением Курошио; оно несет теплые воды и мягкий климат от Филиппинского моря к берегам Северо-Западной Америки, откуда устремляется вдоль побережья к Мексике. Встречные пассатные ветры оказываются обойденными, а крюк при плавании севернее Гавайских островов, как уже говорилось, воображаемый, даже если измерять расстояние в абсолютных милях.

Восточный маршрут Урданеты и западный маршрут Сааведры сливаются в единую трассу севернее экватора, своего рода движущееся кольцо между Старым и Новым Светом. Теории транстихоокеанских контактов, предложенные американским этнологом Экхольмом, его австрийским коллегой Хейне-Гельдерном и другими, теряют смысл, если пренебречь географическими и историческими факторами и сопутствующими обстоятельствами; зато они возможны, во всяком случае с мореходной точки зрения, если мы учтем эти факторы.

Других природных путей для возврата в Америку через Тихий океан нет. На многих картах отчетливо показано Экваториальное противотечение, идущее на восток между мощными, направленными на запад Северным и Южным экваториальными течениями. Но это так называемое противотечение – не что иное, как цепь, не связанных между собой завихрений, от которых транстихоокеанскому путешественнику мало толку.

Сааведра и последующие мореплаватели вплоть до наших времен не сумели найти и использовать какой-либо экваториальный маршрут. Два опыта с аборигенными судами, проведенные в наши дни, лишний раз подчеркивают его ограниченное значение.

Перед второй мировой войной француз Эрик де Бишоп три года проводил наблюдения на китайской джонке в Экваториальном противотечении, чтобы установить, в какой мере аборигены могли его использовать при миграции из Индонезии в Полинезию. Бишопу все время мешал встречный пассат и вездесущие экваториальные течения, которые перебивали предполагаемое противотечение, не позволяли двигаться вперед. И он заключил: «Как моряк я прежде всего старался определить мореходные трудности такой миграции: они... слишком многочисленны!» И еще: «...очень трудно говорить о скорости и направлении этого течения, и даже о том, существует ли оно вообще».

Перуанец Эдуарде Ингрис (чех по национальности) дважды пытался пройти на бальсовом плоту из Южной Америки в Полинезию. Вторая попытка удалась, но при первой он отошел слишком далеко к северу, попал в штилевые полосы и надолго застрял. Несколько недель ушло на тщетные попытки вернуться с Экваториальным противотечением, в конце концов плот отбуксировали в Панаму. Конечно, отдельные струи и частые штили в узкой полосе, именуемой Экваториальным противотечением, на определенных участках облегчают продвижение на восток по сравнению с плаванием против быстрых западных течений южнее и севернее этой полосы, и при известных усилиях полинезийцы, бесспорно, могли пройти этими широтами в Южную Америку. И все же здесь нет маршрута, которому благоприятствовали бы географические факторы. Транстихоокеанское плавание между полярными точками по этой линии просто бессмысленно и неоправдано. Аборигены могли плавать из Восточной Полинезии в Америку, но это было сопряжено с большими трудностями.

Другой возможный путь для мореплавателей, сознательно пробивающихся в Америку, – идущее на восток течение в южной части Тихого океана, южнее «ревущих сороковых» широт. Однако близость дрейфующих льдов и частые штормы делают этот суровый район опасным для малых судов, он вряд ли мог привлечь первобытного человека, выходящего в плавание из теплой Полинезии. Бишоп проверил и этот маршрут. Через семь месяцев тяжелых испытаний его бамбуковый плот распался примерно в 1000 миль от Чили, когда вошел в область, где восточное течение поворачивает на север и устремляется обратно в Полинезию. Команда вызвала по радио спасательное судно и покинула плот. Подтвердилось, что южный маршрут чрезвычайно труден. Чтобы идти этим маршрутом, мореплаватель должен был точно знать, что впереди его ждет Южная Америка. Пройти этим путем, наверно, можно, но это еще нужно доказать.

После того как Бишоп спасли, он отправился в Кальяо, чтобы довести опыт до конца, и на другом плоту пошел маршрутом Менданьи из Перу в Полинезию. Новый плот был сделан небрежно, его связали из кипарисовых бревен, которые интенсивно впитывали влагу. Тем не менее через 75 дней он миновал Маркизские острова, после чего прошел на запад еще 1000 миль и затонул. Команда связала из обломков и пустых канистр подобие плота и продолжала плыть с течением. Участникам плавания удалось подойти к Манихики (острова Кука) и высадиться на берег; к сожалению, при этом трагически погиб сам Бишоп. Своими четырьмя плаваниями на первобытных судах этот выдающийся мореплаватель наглядно показал, как трудно найти в Тихом океане природные морские пути, кроме тех, которые мы назвали маршрутами Инки, Сааведры и Урданеты, и сколь надежно Америка ограждена от азиатских влияний через южную часть Тихого океана. (III) Подведем итог. Возможности трансокеанского контакта с аборигенной Америкой были очень ограничены, но не

исключены совсем. С атлантической стороны нет природных путей из Америки, зато есть доступная трасса для плаваний в Северо-Восточную Америку; в ледниковый период эта трасса, вероятно, была еще важнее. Вторая трасса вполне могла привести мореплавателей, отнесенных бурей от берегов Африки, к берегам Мексиканского залива. С тихоокеанской стороны один естественный путь ведет из Мексики и Центральной Америки в Индонезию, второй – из Перу в Полинезию и дальше. Главный природный путь в Америку проходит от Индонезии и Японии к Северо-Западной Америке и Мексике; к нему в Арктике примыкает, по существу, материковый мост, включающий Алеутские острова и Берингов пролив. Чтобы форсировать океан вне этих природных путей, требовалось высокое навигационное искусство и скорее всего полная уверенность, что впереди ждет земля.

КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ –

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ДОКОЛУМБОВЫХ КОНТАКТОВ С АМЕРИКОЙ

Мы познакомились с произведенным Хейердалом систематическим обзором путей, ведущих в Новый Свет и из Нового Света. На материале разных наук можно попытаться показать, были ли на самом деле использованы возможные трассы, кем и когда.

Естественно искать языковое сходство, но это не всегда сулит успех. Часто разбирают также явные совпадения отдельных элементов культуры, однако тут трудно что-либо утверждать уверенно, так как эти элементы могли развиваться параллельно, и чтобы не ошибиться, совпадения принимают как доказательство, если они уж очень разительны. Материал, поставляемый естественными науками, обычно надежнее. Правда, зоология в этом случае мало что дает, зато исследования ботаников за последние десятилетия приобретают все больший вес.

Хейердал основательно изучил этот материал и сделал четкий обзор с учетом новейших данных. Этот обзор позволяет убедиться, что и естествоведы не застрахованы от ошибок, а исследователи из других областей вправе их судить.

Эта статья появилась первоначально в «Антиквити» (т. XXXVIII, стр. 120-133, Кембридж, 1964).

Начиная с эпохи великих географических открытий и вплоть до конца прошлого века в ходу было немало теорий о плаваниях аборигенов в Новый Свет и из Нового Света (до Колумба). В первые десятилетия XX века все они были отвергнуты компетентными учеными; исключение составляют документально подтвержденные походы норманнов в северо-восточную часть Северной Америки в начале нашего тысячелетия.

Что же явилось главной причиной столь резкого перехода от крайнего диффузионизма (его сторонники придают большое значение заимствованию и распространению новых элементов культуры) к крайнему изоляционизму (противоположный взгляд, который предполагает множество географически обособленных линий развития) среди исследователей американской древности?

Можно назвать несколько причин такой тенденции среди американистов. Одна из них – все более настоятельные требования научных доказательств и фактов вместо догадок и предположений; другая

– открытие, что этнографические параллели в искусстве и утвари двух разных областей могут объясняться независимым сходным развитием. Бесспорно, однако, что толчком, который способствовал широкому распространению изоляционистских взглядов, был материал, появившийся в связи с возникновением американской этноботаники (раздел ботаники, занимающийся изучением изменений флоры, выведением и распространением растений в результате деятельности человека). Здесь нужно прежде всего назвать двух видных ботаников: француза Альфонса де Кандоля и его последователя, американца Элмера Меррилла.

В своем основополагающем труде «Происхождение культурных растений» (1884 год) де Кандоль сделал интересный и чрезвычайно важный вывод: «В истории культурных растений я не нашел ни одного указания на связи между народами Старого и Нового Света до открытия Америки Колумбом».(1) Эти слова оказались решающим аргументом в дискуссии между этнографами и специалистами по древней истории – современниками де Кандоля. Если между доколумбовой Америкой и Старым Светом были регулярные связи, почему ни одна из зерновых культур Старого Света не проникла в древнюю Мексику или Перу? И почему остальные континенты не знали американской кукурузы?

Меррилл – верный последователь де Кандоля, на учении которого он основывал свои взгляды, воспринял и развил тезис о том, что до норманнов и Колумба не было никаких контактов между Старым и Новым Светом. Убежденность и энергичная борьба Меррилла за свои взгляды сделали его одним из ведущих поборников новой гипотезы, по которой великие океаны, омывающие тропическую и умеренную зоны Нового Света, были непреодолимым и непроницаемым барьером для первобытных мореходов. Однако если французский ученый ограничился выводом, что ботанический материал не подтверждает возможность контактов между Старым Светом и аборигенами Америки, то, по словам Меррилла, негативные свидетельства ботаников доказывали, что таких контактов не могло быть.

В 1937 году Меррилл писал: «Поскольку земледелие в Америке было автохтонным, мы вправе предположить, что автохтонными были и культуры, на которых оно основывалось».(2) А так как Меррилл был видным ботаником, к тому же одним из немногих пионеров этноботаники, чьи выводы непосредственно влияли на вопрос об этнических передвижениях, его категорическое, вновь и вновь повторяемое утверждение не могло не повлиять на современных ему этнологов, тем более что они сами заметили отсутствие в культуре Нового Света важных изобретений Старого Света, таких, как гончарный круг и колесо. В первые десятилетия XX века этноботаника утвердилась как наука, в которой господствующие течения американской этнологии черпали убедительные генетические свидетельства.

Однако выводы Меррилла были подвергнуты сомнению ботаниками и специалистами по географии растений, придерживающимися других взглядов. Наиболее видные среди них – Кук, Зауэр, Картер, Хатчинсон, Силоу, Стефенс, Стопор и Андерсон. Все они представили исторические или генетические свидетельства того, что первобытный человек переносил культурные растения через тропические океаны, окружающие Новый Свет. Благодаря успехам современной археологии была получена важная ботаническая информация, которой не было во времена де Кандоля, и Мерриллу становилось все труднее отстаивать взгляды, за которые он так цепко держался в двадцатые и тридцатые годы.

Сила и убедительность суждений Меррилла покоились на тезисе о полном и безусловном отсутствии общих для двух полушарий культурных растений. Это негативное доказательство было хотя и не окончательным, но достаточно веским аргументом против трансокеанских плаваний. Зато стоило бы найти хоть одно растение, представляющее собой исключение из этого правила, как рухнула бы вся его аргументация. Так что Мерриллу надо было следить за тем, чтобы его бочка нигде не протекала. Потеря даже одной клепки сделала бы всю бочку непригодной; негативное доказательство, превратившись в позитивное, обратилось бы против него с удвоенной силой.

БАТАТ

В 1946 году Меррилл собственноручно выбил первую клепку из своей, казалось бы водонепроницаемой бочки. Изучение географии растений и таксономии (раздел природоведения, занимающийся принципами классификации), а также знакомство с историческими исследованиями, проведенными его соотечественником, знаменитым этнологом Диксоном и другими, заставили Меррилла признать, что аборигенные

мореплаватели во всяком случае пересекли океан между Новым Светом и Полинезией. Он писал: «Они ввезли в Полинезию одно важное пищевое растение американского происхождения – батат – и распространили его от Гавайских островов до Новой Зеландии... задолго до появления европейцев в Тихом океане».(3) Дальнейшее изучение происхождения и распространения американского батата, а также практический показ в 1947 году мореходных качеств южноамериканского бататного плота вынудили в конце концов Меррилла в корне пересмотреть свой взгляд, и в 1954 году он написал: «Было бы глупо утверждать, что до Магеллана не было никаких сообщений через Тихий океан». Теперь он заявлял, что самый факт возделывания американского батата во всей Полинезии до первого плавания Кука есть позитивное свидетельство доевропейских контактов.(4) Он подчеркивал также, что за бататом требовался тщательный уход во время плавания и что мореплаватели должны были взять с собой из Америки живое растение вместе с землей, ибо никакой клубень не сохранил бы всхожести, находясь во влажной атмосфере на уровне моря сверх одного-полутора месяцев. Меррилл ссылался на плот «Кон-Тики», которому понадобилось больше трех месяцев, чтобы пересечь океан.

КОКОСОВЫЙ ОРЕХ

Тем временем в новом освещении предстал также вопрос о доевропейском распространении кокосового ореха. Сам де Кандоль был неуверен, откуда он произошел и как распространялся. Многочисленные виды подсемейства *Cocoinae*, к которому принадлежит кокосовый орех, типичны для тропической Америки, ни одного из них нет в Азии. Только многосторонне используемую культурную кокосовую пальму *Cocos nucifera* можно проследить от аборигенных поселений Центральной Америки, на всех островах Тихого океана до Индонезии и приморья Азии.

Таким образом, ботанические свидетельства склонили де Кандоля к тому, чтобы считать тропическую Америку подлинной родиной кокосовой пальмы. Позднее он изменил свой взгляд: «Обитатели азиатских островов были куда более отважными мореходами, чем американские индейцы. Очень может быть, что лодки с азиатских островов, на борту которых в качестве провианта были кокосовые орехи, по воле шторма или из-за неверного маневра попали на западное побережье Америки или на острова на пути к Америке. Обратное в высшей степени невероятно».(5) Однако другие авторы отмечали, что было бы очень странно, если бы мореплаватели из Индонезии распространили кокосовую пальму в Полинезии и Америке и не завезли бы туда алкогольные напитки. С давних времен в Индонезии из сока кокосовой пальмы готовят пальмовое вино. В Полинезии же и Америке этот способ до прихода европейцев был неизвестен.

В начале XIX века многие ботаники считали возможным естественное проникновение кокосового ореха через Тихий океан. Англичанин Геппи писал в 1906 году: «Остается... заключить, что он первоначально вышел из Америки – родины этого рода, возможно, в виде дара, принесенного Экваториальным течением из Нового Света в Азию».(6) В 1941 году на Гавайских островах были проведены опыты с плавающими кокосовыми орехами. Они опровергли представление о том, что кокосовый орех, пройдя любое расстояние в океане, может прорасти, когда его вынесет на берег. Было установлено, что глазки плывущего в море ореха заражаются гнилостными бактериями, поэтому при длительном плавании от Нового Света до Полинезии он утрачивает всхожесть.

Тщательные исследования ученых позволили документально доказать, что кокосовый орех произрастал в Центральной Америке ко времени прибытия Колумба и первых испанцев. Винер и немецкие ботаники Андре и Хармс установили также, что кокосовый орех входит в число одиннадцати аборигенных растений, изображенных на древнеперуанских сосудах. Пришлось Меррилли поневоле расстаться со второй клепкой: «...добавим еще одно утверждение, каким бы ошеломляющим оно ни показалось: вряд ли подлежит сомнению, что полинезийцы ввезли кокосовый орех на западное побережье Америки между Панамой и

Эквадором незадолго до прихода испанцев». И еще: «Мы не знаем окончательно, откуда происходит вид... Одно несомненно: кокосовая пальма прочно утвердилась на влажном тихоокеанском побережье Панамы и в сопредельной Колумбии до появления испанцев».(7)

БУТЫЛОЧНАЯ ТЫКВА

Не успел Меррилл заявить, что он вынужден пересмотреть свое мнение о перевозках человеком батата и кокосового ореха через океан между доколумбовой Америкой и Полинезией, как его бочка лишилась еще одной клепки.

В противоположность Линнею де Кандоль, а за ним и Меррилл полагали, что до Колумба коренное население Америки совсем не знало тыквы. Но вот археологи стали находить в древних могилах Перу и Чили тыквенные семена и изделия из высушенных бутылочных тыкв. В 1931 году Норденшельд указал на большое сходство таких изделий Океании и доиспанской Южной Америки и назвал бутылочную тыкву «главным доказательством доколумбовых связей между Океанией и Америкой».(8) Сэр Питер Бак (он же Те Ранги.Хироа, сын ирландца и полинезийки, прославившийся блестящими этнографическими исследованиями; занимал должность директора музеев Бишопа в Гонолулу, умер в 1950 году) в 1938 году сослался на бутылочную тыкву как на доказательство того, что полинезийские мореходы во время дальних плаваний в начале нынешнего тысячелетия несомненно достигали Южной Америки.(9) В 1945 году, за два года до плавания «Кон-Тики», он повторил это утверждение и добавил: «Поскольку у индейцев Южной Америки не было ни судов, ни мореходных навыков, необходимых, чтобы пересечь просторы океана, отделяющие их берега от ближайших полинезийских островов, их никак нельзя считать переносчиками».(10) Этот распространенный среди этнологов взгляд повлиял в свою очередь и на ботаников. Двое из них, а именно Имз и Сен-Джон, писали в 1943 году: «Ныне полагают, что до XIII века полинезийские мореплаватели с Мангаревы или Маркизских островов ходили на восток до Перу, потом возвращались. Такое плавание может объяснить появление батата... в Полинезии и бутылочной тыквы... в Южной Америке».(11) В 1950 году даже Меррилл признал, что распространение тыквы не может подтверждать его прежних взглядов, «ибо очевидно, что это культурное растение существовало в обоих полушариях до Магеллана». И еще: «Возможно, оно попало в доколумбову Америку благодаря полинезийским мореплавателям».(12) Однако и это предположение было поколеблено постепенно накапливающимися свидетельствами. Одновременно с экспедицией «Кон-Тики», которая доказала возможность плаваний на плотках из Перу, американский археолог Джуниус Берд раскопал на перуанском побережье мусорную кучу Хуака-Приета и обнаружил, что представители одной южноамериканской рыбацкой культуры выращивали и использовали для изготовления утвари бутылочную тыкву больше трех тысяч лет назад, то есть задолго до того, как полинезийцы достигли своей нынешней области обитания и, следовательно, могли доплыть до Нового Света.

Таким образом, в Перу тыква появилась раньше, чем в Полинезии. Но тогда она должна была прибыть из Перу в Полинезию, а не наоборот. В 1954 году Меррилл предложил считать родиной бутылочной тыквы Африку, откуда она через Атлантический океан, очевидно, попала к аборигенам Америки. Он заявил, что распространению в Америке и Полинезии тыква также обязана человеку.(13)

БАНАН

Отстаивать изоляционизм, продолжая цепляться за оставшиеся от бочки кленки, было бы нелепо. Под напором все более убедительных свидетельств Меррилл уступает и признает, что банан тихоокеанских островов не ввозился в Перу и Бразилию португальцами, как он ранее полагал, а возделывался там еще до Колумба. Английский путешественник Стивенсон, а также немецкие ботаники Виттмак и Хармс заметили, что листья банана многократно

обнаруживались в древнеперуанских могилах(14), а французский этноботаник Рошбрюн нашел плод культурного *Musa paradisiaca* (пищевого банана) в древней могиле в Анконе на побережье Центрального Перу.(15) Хронисты Гарсилассо де ла Вега, Патер Акоста, Патер Монтесинос и Гуаман Пома, пытавшиеся провести грань между аборигенными и привозными культурами, единодушно утверждали, что банан разводили в Перу до конкисты (то есть до завоевания страны испанцами). Меррилл то ли не знал об этой информации, то ли пренебрегал ею, но он не отрицал достоверных данных о существовании обширных банановых плантаций, которые были обнаружены первыми европейцами во внутренних областях Южной Америки. Растение, в плодах которого не развиваются семена, вряд ли может распространяться без помощи человека. Нужно выкопать корневище созревшего растения, разделить его на части и высадить. Когда представишь, сколь медленно идет такое размножение, особенный вес приобретают наблюдения испанского путешественника Орельяны. Спустившись в андские леса, чтобы первым из европейцев в 1540-1541 годах пересечь Южную Америку, он обнаружил банан повсюду в верховьях Амазонки. По теории самого Меррилла, банан в лучшем случае мог попасть на остров Сан-Доминго в Вест-Индии только 24 годами раньше. Столь обширное и стремительное географическое распространение именно банана (неизвестного аборигенам до тех пор), а не других значительно быстрее распространяющихся культурных элементов, должно было бы показаться чудом даже самому закоренелому изоляционисту.

Начав с уступок в вопросе о контактах между аборигенами Южной Америки и Полинезии, Меррилл отказался от теории, по которой культуру банана в Перу и Бразилию ввезли португальцы. В 1954 году он писал: «С полным основанием можно признать, что одна или несколько из многочисленных полинезийских разновидностей банана были доставлены самими полинезийцами в Южную Америку, потому что побеги легко перевозить на большие расстояния, и они даже при минимальном уходе сохраняют всхожесть. Возможно, одна из разновидностей, попавших в приморье Перу, пересекла Анды и достигла верховий Амазонки».(16)

ХЛОПЧАТНИК

Примерно в это же время в орбиту дискуссии было вовлечено еще одно полинезийское растение, которое раньше все упускали из виду. Когда европейцы впервые пришли на Маркизские и Гавайские острова, острова Общества и подверженные полинезийскому влиянию острова Фиджи, они нашли там дикорастущий хлопчатник. Много лет это растение оставалось вне поля зрения этноботаников: ведь полинезийцы поры европейских открытий, как и другие народы по обе стороны Тихого океана, не знали ткачества. Материю для своей скудной одежды они изготавливали, отбивая колотушками луб. Никто и не подозревал, что мог существовать четко определяемый культурный субстрат (предшествующая культура иного происхождения) с гончарством и ткацким станком. Хотя, европейцы установили, что из хлопчатника островов Общества и Маркизских можно получить пряжу, островитяне равнодушно отнеслись к попыткам наладить возделывание хлопчатника и трудоемкое прядение и ткачество. И много лет единственной примечательной особенностью линтерного полинезийского хлопчатника было то, что он не произрастал нигде в прилегающей к Азии части Тихого океана, включая Австралию, однако рос на Галапагосс, как бы перебрасывая мост к диким и культурным видам Нового Света.

В 1947 году Хатчинсон, Силоу и Стефенс – специалисты по хлопчатнику – опубликовали генетическое исследование о диких и культурных видах хлопчатника всего мира. Они обнаружили, к своему удивлению, что полинезийский хлопчатник относится к 20-хромосомным культурным видам Америки, которые были выведены в Мексике и Перу индейскими селекционерами. Дикие виды хлопчатника везде насчитывают 13 хромосом, и столько же хромосом у всех культурных видов Азии и Африки. А древним селекционерам Америки удалось вывести тетраплоидный линтерный хлопчатник, то есть насчитывающий

26 хромосом. Вместе с полинезийскими видами и подвидами – это единственные тетраплоиды во всем роде хлопчатника. Таким образом, по чисто ботаническим соображениям три названных ботаника вынуждены были предположить, что линтерный хлопчатник достиг Полинезии «после того, как его начали культивировать аборигены тропической Америки».(17) Американский специалист по географии растений Зауэр показал в 1950 году, что распространение культурного хлопчатника из Америки в Полинезию (кстати, сравнительно позднее, однако до прихода европейцев) нельзя приписать ни птицам, которые не едят семян *Gossipium*, ни океанским течениям – хлопчатник отнюдь не приспособлен для дальних плаваний. Он показал также, что и отдаленные геологические периоды, когда география этой части света была иной, дикий 13-хромосомный хлопчатник мог попасть в Америку естественным путем, но такое объяснение для того времени, когда появилась тетраплоидная группа, неприложимо. «И эта гипотеза никак не позволяет объяснить появление хлопчатника явно американского происхождения в районе от Галапагоса до островов Фиджи. Волей-неволей мы должны допустить посредничество человека в географическом распространении рода *Gossipium*. Это касается только линтерных форм, используемых человеком».(18) Его соотечественник и коллега Картер спрашивал в 1950 году: «Может быть, хлопчатник первоначально использовался как источник масличных семян, как полагают Хатчинсон, Силоу и Стефенс? Или, быть может, в тихоокеанской области было ткачество, от которого затем отказались в пользу лубяных материй?».(19) Таким образом, линтерный полинезийский хлопчатник вторгся в сферу этноботаники. Даже Меррилл, касаясь опознания в полинезийском хлопчатнике 26-хромосомного американского гибрида, сказал в 1954 году: «Этот гибрид вполне мог достичь Таити с помощью человека до того, как прекратились плавания полинезийцев».(20) Огромное число свидетельств прямого американо-полинезийского контакта в доколумбову пору заставило Меррилла отказаться от своей прежней точки зрения; он признает: «Приходится согласиться, что случайные контакты время от времени возникали между народами Полинезии и Америки и даже между американскими индейцами и жителями островов Восточной Полинезии...». Он больше не считает полинезийцев единственными мореходами Тихого океана, а говорит: «Мы должны признать..., что аборигены Южной Америки могли достичь некоторых тихоокеанских островов на бальсовых плотках».(21)

РАСТЕНИЯ ОСТРОВА ПАСХИ

Признание Меррилла в его предсмертной публикации явилось вехой в американской и полинезийской этноботанике. Никто не отстаивал доктрину полной изоляции Америки до Колумба с такой страстной убежденностью, как он. Меррилл и его сподвижники любой океан, несмотря ни на какие течения, считали барьером для перемещения человека, а не средой, способствующей путешествиям и дрейфам. Причем критическая позиция сторонников этой точки зрения несомненно сыграла ценнейшую роль плотины, без которой американская этнология в наши дни была бы затоплена диффузионистскими теориями.

Справедливость требует подчеркнуть, что накопленные свидетельства позволяют признать плавания аборигенов лишь на сравнительно короткое расстояние между Южной Америкой и Полинезией. Ботанический материал, доказывающий прямую связь с более отдаленными Азией или Африкой, еще нуждается в подтверждении.

Ареал кумары объединяет Южную Панаму, Колумбию, Эквадор, Перу, Полинезию и подверженную полинезийскому влиянию Меланезию. Мало того, что во всей этой области разводили батат, его везде называли «кумара» или каким-нибудь сходным словом. Количество убедительных свидетельств взаимосвязи в пределах области распространения кумары продолжает увеличиваться. Мы узнаем о все новых американских видах, которые культивировались полинезийскими аборигенами и были найдены в Полинезии первыми европейскими исследователями.

Остров Пасхи, ставший ныне предметом новой проверки на наличие американских

растений, можно назвать связующим звеном между остальной Полинезией и Новым Светом. Когда на этот уединенный остров прибыли европейцы, они увидели немало американских растений. Большие площади были заняты многочисленными разновидностями батата; все первые исследователи острова в один голос называют его основной пищей пасхальцев. Высушенные тыквы были единственным видом сосудов для воды; в числе даров, преподносимых европейцам при встрече, был чилийский перец (*Capsicum*) – американское растение, пока не обнаруженное на островах, лежащих дальше на запад.

Ко времени прибытия европейцев дикая (или предположительно дикая) растительность Пасхи была чрезвычайно бедна. В 1934 году шведский ботаник Скоттсберг насчитал на Пасхе тридцать одно цветковое растение: из них одиннадцать пантропических или широко распространенных в тропической зоне. Эти одиннадцать видов могли попасть на остров с любой стороны, причем, подобно папоротникам и мхам, чисто естественным путем. Но географические области распространения остальных двадцати видов были ограничены и находились либо к востоку, либо к западу от острова, причем некоторые из этих видов без помощи человека не смогли бы попасть на океанический остров.

Только семь из двадцати видов играли непосредственную роль в экономике пасхальцев; из этих семи полезных, но, видимо, одичавших растений пять вышли из Южной Америки и два из Полинезии. Пять южноамериканских видов – это камыш тотора (главный строительный материал пасхальцев и сырье для плетеных изделий), дерево торомиро (единственное на острове дикорастущее дерево, его древесина идет на резные изделия), *Lucium carolinianum* (единственный на острове дикорастущий кустарник, ягоды съедобны), *Syperus vegetus* (съедобные корни) и *Polygonum acuminatum* (пресноводное растение, используемое как лекарственное в Перу и на острове Пасхи).

Присутствие двух полинезийских видов (*Chenopodium ambiquum* и *Solanum insulae paschalis*) легко объяснить: предки нынешних пасхальцев приплыли на остров в доевропейские времена из Полинезии. Скоттсберг писал: «С ботанической точки зрения эти растения, исключая американские виды, не представляют большой проблемы, если признать, то в самом деле была трансокеанская миграция... однако наличие американского элемента вызывает недоумение».(22) Наиболее примечательной ботанической проблемой являются водные растения в кратерных озерах Пасхи; если не считать эндемического торфообразующего мха, все растения относятся к чисто американским пресноводным видам, которые не способны преодолеть такой путь ни по морю, ни по воздуху. В 1934 году Скоттсберг оставил открытым этот затруднительный ботанический вопрос.

После того как было доказано, что Полинезия была достижима для древнеперуанских судов, Скоттсберг (в 1956 и 1957 годах) вернулся к этой проблеме.(23) Он еще раз изучил пасхальский камыш тотора и установил его тождественность камышу *Scirpus riparius* (по позднейшим данным, *Scirpus tatora*), который произрастает в андских озерах и который аборигены разводили на тихоокеанском побережье Перу для тех же целей, что и пасхальцы. Ученый отверг возможность непосредственного перемещения камыша через океан без помощи человека, а мысль о сухопутном мосте назвал несерьезной.

Точно такая же проблема возникла и в связи с единственным спутником тоторы на кратерных озерах Пасхи – американским полигонумом. Скоттсберг признал, что аборигены, видимо, были причастны к появлению на Пасхе этих двух южноамериканских пресноводных видов и что такое допущение значительно упрощает сложный ботанический вопрос о трансплантации в доевропейское время.

Впоследствии археологи подтвердили, что камыш тотора был привезен на Пасху до появления европейцев. А пробы пыльцы, изученные шведским палеоботаником Селлингом, показывают, что *Polygonum* начал произрастать на кратерных озерах внезапно в ранний период заселения острова. Люди, расчищая участки, намеренно сжигали лес и истребляли при этом первичную растительность, которая состояла из нескольких (впоследствии вымерших) видов деревьев и кустарников, включая широко распространенную на острове пальму. Лесные пожары, учиненные людьми, – причина скудости современного пасхальского

ландшафта. Однако ввезенные в то время пресноводные растения не были истреблены, они разрослись и покрывают теперь большую часть поверхности трех обширных, некогда совсем чистых кратерных озер.

Поскольку появляется все больше доказательств того, что до прихода европейцев на острове Пасхи произрастали такие древнеамериканские полезные растения, как батат, бутылочная тыква, чилийский перец, камыш тотора, *Polygonum acuminatum*, *Cyperus vegetus*, *Lycium carolinianum* и торомиро, мы вправе предположить, что одновременно с ними были ввезены и другие американские виды: низкорослая перувианская вишня, полуодичавший ананас, маранта, маниок и табак. Когда европейцы составляли первые описания острова, эти растения росли преимущественно в заброшенных островитянами районах Пасхи.

Согласно пасхальским преданиям, записанным американским флотским офицером Томсоном в 1889 году,(24) табак был доставлен на остров самыми первыми поселенцами. Его местное название (аваава) позволяет предположить, что табак первоначально жевали, как в Андах, до прихода европейцев, а не курили (одмоодмо), как это стало обычным впоследствии. Но утверждать, откуда эти растения попали на Пасху, еще нельзя, и время их появления на острове пока неизвестно. Заметим только, что ботаники считают некоторые из них доевропейскими и в других частях Полинезии.

АНАНАС

Ботаник Бортони в 1919 году предположил, что американский ананас, видимо, распространился в тихоокеанской области в доколумбовы времена.(25) Его коллега Браун показал в 1931 году, что есть серьезные основания считать культуру ананаса на Маркизских островах доевропейской.(26) А ботаник Дегенер заявил в 1930 году, что гавайцы разводили менее ценную, полудикую разновидность ананаса задолго до того, как его, согласно письменным источникам, ввезли европейцы.(27) Пятью годами позже американский гавайист Брайен писал: «Произрастание ананаса и некоторых других растений, плоды которых идут в пищу, в Полинезии может означать, что полинезийцы ходили к берегам Южной и Центральной Америки».(28)

ПЕРУВИАНСКАЯ ВИШНЯ И ARGEMONE

Перувианская вишня *Physalis peruviana* прежде была широко распространена в Восточной Полинезии. На острове Пасхи и на Маркизском архипелаге она почти исчезла, но кое-где, например на восточном побережье Фату-Хивы, ее еще можно найти в дикорастущем виде на месте старых поселений. В 1888 году ботаник Хиллебранд(29) указывал на произрастание перувианской вишни на Гавайских островах с давних пор; он считал ее «важным американским элементом из Андской области в гавайской флоре».

Мы видим здесь примечательную параллель острову Пасхи; на это обратил внимание в свое время Скоттсберг. В 1950 году Картер(30) выделяет в «гавайской флоре» Хиллебранда девять андских растений, он считает, что все они «заслуживают этноботанического изучения». О гавайско-перувианской вишне Картер писал: «*Physalis* – съедобное растение, родственное американскому томату. Дженкинс в недавно изданном «Происхождении культурного томата» считает *Physalis* предшественником культурного томата и полагает, что томат потому и стали разводить, что он в общем схож с *Physalis*. Подобно хлопчатнику, батату и гибискусу, *Physalis* тоже указывает на Перу».

Изучая чисто американский род *Argemone*, ботаники Прейн(31) в 1895 году и Феде(32) в 1909 году независимо друг от друга отметили, что присутствие его на Гавайских островах ко времени открытия архипелага капитаном Куком трудно объяснить. В 1932 году американский этнолог Стоукс(33) отмечал, что нет ничего удивительного в том, что американский *Argemone* попал на Гавайские острова до прихода европейцев. Его вполне могло доставить то самое судно, которое привезло американский батат.

Через три года Яковлев и Эррера(34) сообщили, что Argemone использовался в древнем Перу в силу своих наркотических и анестетических свойств.

Картер(35) писал в 1950 году: «Судя по Argemone, обмен знаниями распространялся не только на съедобные растения, но и на лечебные растения и сопряженные с ними магические действия и ритуалы». И еще: «Все это позволяет предположить, что речь идет не о сорняке, а о растении с совершенно определенным применением в рамках данной культуры. Так как растение стало известно здесь вместе с рецептами его использования, то можно полагать, что оно скорее всего было доставлено сюда намеренно, а не случайно.

Таким образом, проблема Argemone alba (var. glauca) на Гавайских островах встает перед нами в новом свете... Данные исследований позволяют сделать вывод, что на Гавайские острова он привезен человеком». И еще: «В самом деле, было бы крайне странно, если бы оказалось, что природными путями на Гавайские острова попали только «космополитические травы», используемые человеком в Америке, и что американские рецепты их применения путешествовали вместе с ними, как это мы видим в случае с Argemone».

ПАПАЙЯ, ПАВАХИНА, МЕИ-РОРО И HELICONIA BIHAI

Папайя – тропическое плодое дерево (дынное) из Нового Света. Более крупный вид папайи произрастал от Мексики до Перу, а малоизвестные мелкие южноамериканские виды разводили во всей Андской области до Северного Чили.

В своем труде о флоре Маркизского архипелага Браун(36) сообщал в 1935 году: «...на Маркизских островах произрастают по меньшей мере две разновидности Carica papaya. Ви инана (ви ината), которую маркизцы считают одним из своих древнейших растений, дающих съедобные плоды, несомненно, попала сюда очень давно. Плоды мелкие и не такие вкусные, как у ви оаху, привезенной, по словам островитян, с Гавайских островов первыми миссионерами... Сок папайи, желательно мужского дерева (мамее), применяется для припарок. Происхождение – тропическая Америка. В Полинезию привезена аборигенами».

На основании различных ботанических данных Браун в том же исследовании сделал вывод, что «между аборигенами Американского континента и Маркизских островов, несомненно, происходило какое-то общение».

Этот материал включал траву павахина (Aristida subspicata), названную так же, как назывался важный традиционный головной убор в виде привязанного ко лбу султана, который островитяне прежде часто носили. Браун отмечал: «Интересно присутствие этой американской травы в качестве преобладающего элемента в степных районах Нуку-Хивы (крупнейший остров северной части Маркизского архипелага). Возможно, что ее непреднамеренно привезли с собой ранние поселенцы, примерно в то же время, когда здесь появился дикий ананас».

О маркизском меи-роро (Agoratum conyzoides) Браун писал: «...на Маркизских островах благоухающие цветы и листья охотно использовали для гирлянд, их добавляли как душистое вещество в кокосовое масло, применяли как лекарство. Роберт Эйткен отмечает, что и на Тубуаи ими сдабривали кокосовое масло. Распространение – пантропическое, происхождение – Америка. Вероятно, первобытный человек непреднамеренно доставил это растение в Юго-Восточную Полинезию».

Heliconia bihai – еще одно чисто американское растение, которое некогда применялось в хозяйстве и проникло в глубь островной области. От Вест-Индии до Южной Америки коренные жители употребляли в пищу его богатые крахмалом клубни, а листья шли на кровлю, стены жилищ, из них делали шляпы, циновки, корзины. Английский ботаник Бейкер(37) первым показал в 1893 году, что родина этого растения – тропическая Америка. Геликонию тихоокеанских островов он считал культурной разновидностью, родственной мексиканским и перуанским видам.

Десять лет спустя американский ботаник Кук подтвердил мнение своего коллеги

Шуманна о доисторическом появлении этого полезного американского растения на тихоокеанских островах и добавил: «Хотя это растение больше не возделывается полинезийцами, оно прочно обосновалось в горах Самоа и на многих архипелагах к западу. В Новой Каледонии и в наши дни из крепких листьев *Heliconia* плетут шляпы; однако панданус – уроженец малайской области больше подходит для всяких хозяйственных нужд и на полях полинезийцев он вытеснил *Heliconia*».(38)

ЯМСОВЫЕ БОБЫ

Нечто сходное произошло с американскими ямсовымп бобами (*Pachyrhizus*). В 1944 году ботаник Клаусен(39) указывал, что *Pachyrhizus tuberosus*, «видимо, абориген верховий Амазонки и ее притоков в Бразилии, Перу, Эквадоре и Боливии». Он сообщал, что обычные ямсовые бобы являются культурным растением в некоторых частях Вест-Индии и в Южной Америке, притом их разведение облегчается тем, что растение обладает инсектицидными свойствами. *Pachyrhizus*, известный среди индейцев кечуа в Перу под названием айпия, почти не возделывается в современном Перу, хотя первые хронисты еще застали его. Яковлев и Эррера писали в 1934 году о находках бобов *Pachyrhizus* в доинкских могилах и указали, что это растение использовалось как декоративный элемент в искусстве наска (североперуанская культура) на тихоокеанском побережье.(40) Кук первым среди ботаников пришел к мысли, что тихоокеанские острова были более достижимы для высокоразвитых культур Перу, чем многие лесные континентальные области, завоеванные Куско.(41) Он считал, что появление съедобных клубней этого вьющегося бобового растения на островах можно объяснить лишь плаваниями аборигенов. Кук рассказывает, что «аборигены островов Тонга больше не выращивают *Pachyrhizus* для питания, но позволяют ему расти на парах, так как считается, что оно помогает получать высокие урожаи собственно ямса... жители Фиджи используют волокно *Pachyrhizus* для изготовления лесы... растение почему-то фигурирует в их религиозных ритуалах; видно, в древности оно играло более важную роль».

Геоботаник Геппи(42) тоже недоумевал, откуда появился этот элемент в островном земледелии: «...родина *Pachyrhizus* – Америка. Спрашивается, как растение такого происхождения могло попасть на запад Тихого океана? Оно здесь довольно широко распространено и встречается в Новой Каледонии, на Новых Гебридах, на островах Фиджи, Тонга и Самоа. Хотя его съедобные корни идут в пищу только при недороде, в диком виде оно произрастает на всех островах Фиджи... На островах Тонга, как сообщает Грэффе, его часто сажают, чтобы улучшить почву для собственно ямса...». Американские исследователи Стюард(43) и Зауэр(44) позднее считали что это древнее американское полезное растение свидетельствует о давних трансокеанских плаваниях.

ЯМС

Собственно ямс (*Dioscorea* sp.) получил в доколумбово время подлинно трансихоокеанское распространение, съедобные сорта разводили от древней Америки до Индонезии. Принято считать, что ямс попал в Полинезию из Меланезии, но если обычай чередовать его с *Pachyrhizus* распространился вместе с самим ямсом, можно допустить появление на островах американских видов.

В тропическом поясе Нового Света произрастает немало диких видов *Dioscorea*, и, как сообщил в 1950 году Зауэр, клубни некоторых съедобны, однако неизвестно, происходят ли культурные американские сорта от этих диких американских родителей.

Как показал в 1950 году Картер вместе со своими коллегами Грэм и Трамбэллом, когда испанцы впервые пришли в область карибов, они застали там не меньше трех клубневых культур – батат, ямс и маниок. В записях испанского хрониста Овьедо за 1535 год есть абзац с описанием формы, жилкования, черенка и положения листьев ямса – признаков, отличающих его от батата, приведено местное название – аес. Аес описан также в рассказе

Наваррете о плавании Колумба. Картер заключает: «Итак, вот еще одно растение, которое, подобно батату, размножается вегетативно, а потому вряд ли способно пересечь морские просторы с ветром, течением, птицами, вообще без помощи человека, и тем не менее оно пересекло океан в доколумбово время».(45) Браун собирал аборигенный ямс на Маркизских островах, где он называется пу-ахи, и писал в 1931 году(46): «Материала для точного определения недостаточно, но он как будто близок, если не тождествен, *Dioscorea sauyensis* Lamarck, уроженцу Африки, который издавна возделывался в тропической Америке... Его подземные клубни охотно применяются в пищу аборигенами... На Маркизских островах очень редок. Всего один экземпляр найден на Фату-Хиве, самом южном острове архипелага. Несомненно завезен в давние времена аборигенами. Если это и в самом деле *Dioscorea sauyensis*, на который он очень похож, – перед нами еще одно указание на контакт с Америкой».

Джейкмен (на Международном конгрессе американистов в 1949 году) отнес ямс к группе избранных растений, которые, вероятно, перекочевали из аборигенной Америки в Полинезию, и добавил: «Большинство этих растений попало на острова не случайно – с течениями, их сознательно доставили туда переселенцы из древней Америки, это видно из того, что лишь немногие из них... могли бы пересечь океан без помощи человека...».(47)

ГИБISKУC

В отличие от названных раньше, *Hibiscus tiliaceus* – транстихоокеанское растение, способное расселиться через мировые океаны без посредничества человека. Его семена, не в пример семенам упомянутых выше видов, приспособлены для естественного распространения по воде и вполне могли попасть в Полинезию до появления там человека. Тем не менее планомерное культивирование гибискуса в Полинезии и некоторые связанные с этим лингвистические наблюдения послужили причиной того, что он также был включен в этноботаническую дискуссию. Браун справедливо называет гибискус «одним из самых полезных деревьев, возделывавшихся первыми полинезийцами» (48).

О. Кук и Р. Кук первыми рассмотрели гибискус, или махо, в 1918 году с этноботанической стороны: «Хотя многие ботаники называют махо космополитическим приморским растением, возможно, что своим широчайшим распространением он, как и кокосовая пальма, в большой мере обязан посредничеству человека».(49) Они показали, что это дерево в диком состоянии встречается в изобилии даже как господствующий вид во многих районах Центральной Америки, вплоть до берегов реки Гуаякиль на тихоокеанском побережье Южной Америки. Здесь аборигены изготовляли из луба этих деревьев материю, не боящиеся воды веревки, а при помощи палочек добывали огонь.

По словам Куков, у полинезийцев это дерево нашло, в общем, то же самое применение и называлось похоже. Если в тропической Америке гибискус был известен как махо, или махагуа (с некоторыми вариантами), то в полинезийских диалектах мы видим названия: мао, мау, вау, фау, хау и ау. И авторы заключают: «Махо, махагуа, пли липа гибискус – одно из важных в хозяйстве растений, о котором нужно помнить, когда изучаешь проблему доисторических контактов между обитателями тропической Америки, оно распространилось на островах и берегах Тихого и Индийского океанов явно до прихода европейцев. Размножение и семенами и черенками облегчило его культивирование и распространение первобытными народами. Хотя для расселения махо необходимо не столь большое участие человека, как для батата и других растений-саженцев, его названия тем не менее являют собой почти такое же убедительное доказательство посредничества человека, как и в случае с кумарой...

Название «махо», или «махагуа» (с многочисленными местными вариантами), широко распространено в тропической Америке; и на многих тихоокеанских островах мы встречаем сходные названия либо самого растения, либо важнейших способов его применения. Очевидно, первобытные полинезийцы знали махо до того, как познакомились с

аналогичными азиатскими растениями; это вытекает из того, что полинезийские названия других важных культурных растений – бумажной шелковицы *Broussonetia* (или *Papyrius*), китайской розы (*Hibiscus rosasinensis*) и пандануса (*Pandanus*) – суть производные от махо. Добывание огня трением, изготовление материи путем обработки луба желобчатыми колотушками – специальные приемы, которые, возможно, распространились вместе с махо из Америки в тропические области Старого Света».

Меррилл, оспаривая этот взгляд(50), утверждал, что названный вид никогда не культивировался за пределами Полинезии: «Это дерево, несомненно, сажали на некоторых полинезийских островах потому, что оно было лучшим или одним из лучших волокнистых растений, доступных первобытным полинезийцам... На основе чисто ботанического материала я заключаю, что *Hibiscus tiliaceus* – вид, получивший естественное пантропическое распространение... и что его в далеком прошлом разнесли морские течения».

И дальше: «Вполне вероятно, что в доисторические времена происходило ограниченное общение между Полинезией и тропической Америкой, но эта вероятность несколько не возрастет, если считать, будто нынешнее распространение *Hibiscus tiliaceus* подтверждает такую теорию. Большинство этнологов поддерживает теорию, по которой культура распространялась через Тихий океан скорее на восток, чем на запад. Если описанный Куком комплекс махо родственен полинезийскому комплексу мао, разумнее полагать, что растение попало из тихоокеанской области в Америку, чем говорить о миграции из Америки в Тихий океан».

В 1950 году Картер еще раз рассмотрел(51) взаимно исключаящие теории двух ботаников: «Эти аргументы кажутся мне типичными примерами того, к чему приводят навязчивые идеи. Кук так старался доказать американское происхождение земледелия, что неосторожно, чтобы не сказать – неразумно, привел в качестве примера один галофит, семена которого хорошо приспособлены для переноса водой.

В свою очередь, Меррилл, то ли был очень возмущен тенденциозностью Кука, то ли вообще не переносил мысль о транстихоокеанских контактах (а может быть, и то и другое), но так или иначе, ослепленный собственным отрицательным отношением, не видел достоинств аргументации Кука... Ведь, судя по ветрам и течениям, если растение в самом деле было перенесено естественным путем через Тихий океан, то именно в направлении из Америки в Полинезию. Но если согласиться с естественным переносом, остается нерешенным вопрос о применении и названии...

Совпадающие в Полинезии и в Америке приемы использования и названия дерева, а также свидетельства, которые дает батат, позволяют утверждать, что независимо от того, естественным путем или нет пересекло растение океан, название его и, очевидно, способы применения были перенесены через этот самый океан человеком. И вероятно даже, что человек привез с собой само растение». И дальше: «Трудно назвать более ясное свидетельство контактов между народами Тихого океана и Центральной Америки, чем то, которое дает нам батат и гибискус, известный под названием махо».

ФАСОЛЬ ОБЫКНОВЕННАЯ

Предвзятое мнение об отсутствии развитого мореходства в доиспанской Америке наложило свою печать также и на ботаническую дискуссию о происхождении фасоли обыкновенной (*Phaseolus vulgaris*). В прошлом веке немецкий ученый Кернике(52) в статье о родине фасоли указывал, что раньше об этом полезном растении писали, будто оно культивировалось древними греками и римлянами под названиями долихос, фасеолос и т. д. Поэтому разведение этой же фасоли аборигенами Америки объяснялось тем, что испанцы ввезли ее туда из Старого Света после открытия Колумба.

Эта теория господствовала до тех пор, пока другой немецкий ученый Витмак в 1880 году(53) не обнаружил фасоль обыкновенную среди материала раскопок, произведенных

Рейссом и Штюбелем на месте древних захоронений в Анконе (Перу). Фасоль находилась вместе с другой пищей рядом с мумиями, преданными земле задолго до открытия Америки европейцами. Так неожиданно появилось убедительное доказательство доевропейского культивирования *Phaseolus* в Америке.

Позже семена фасоли были найдены в доинкских поселениях во всем перуанском приморье. Но европейской фасоли доколумбовой поры к этому времени уже нельзя было найти. Поэтому сделали вывод, что родиной фасоли Старого Света является древняя Америка, откуда испанцы привезли ее в Европу. Сравнительно недавно ботаники Хатчинсон, Силоу и Стефенс, опираясь на убедительные ботанические данные, указали, что фасоль *Phaseolus* – еще одно подтверждение доколумбовых связей между Старым и Новым Светом.

ФАСОЛЬ ЛИМСКАЯ

Такой же вопрос возник в связи с разновидностями лимской фасоли (*Phaseolus lunatus*), которая произрастает в диком виде в Гватемале и обнаруживается в ранних погребениях культур чиму и наска на побережье Северного и Южного Перу.

В 1950 году Зауэр(54) описал генетические особенности одного примитивного сорта лимской фасоли, издавна возделываемого в некоторых областях Индонезии и Индокитая, и заметил: «Но если Юго-Восточная Азия окажется реликтовой областью примитивного сорта лимской фасоли, давно исчезнувшего в Перу и Мексике, перед нами встанет новая проблема, а именно – датировка и определение характера транстихоокеанских сообщений, благодаря которым аборигены получили американскую фасоль через океан».

КАНАВАЛИЯ

Аналогичную проблему являет собой родственное фасоли растение *Canavalia* sp. Американские ботаники Стонор и Андерсон указывали: «*Canavalia* – широко культивируемое в Тихом океане растение, всегда считавшееся уроженцем Старого Света, – теперь обнаружено в доисторических поселениях на побережье как Южной Америки, так и Мексики».(55) Семена канавалии, раскопанные в четко определяемых слоях в Хуака-Приета на тихоокеанском побережье Перу, датируются III – I тысячелетиями до нашей эры.(56) Зауэр(57) считает, что археологическое распространение канавалии и ее связь с дикими сортами дают право считать ее родиной Новый Свет.

На основании нашего короткого обзора можно заключить, что этнологическая мысль почти сто лет развивалась под влиянием этноботанических аргументов; в свою очередь, этнологические предрассудки заражали ботаников, изучавших Америку.

По литературе о происхождении и распространении ряда американских и тихоокеанских культурных видов можно судить о том, как много ботанических гипотез основывалось на убеждении, что до Колумба Новый Свет был изолирован от всего остального мира. Считалось также доказанным, что только индонезийские суда могли ходить через Тихий океан на восток, что культуры южноамериканских народов не распространялись дальше прибрежных вод, так как полагали, что у них не было настоящих морских судов.

Однако мы располагаем надежными свидетельствами вывоза аборигенных растений из Америки на соседние острова Тихого океана. Основная часть ботанических индикаторов сосредоточена на окраине Восточной Полинезии, но есть веские доказательства контакта со всей областью кумары, вплоть до окраины Меланезии. Подавляющее большинство общих для Полинезии и Америки полезных растений, очевидно, распространилось из Южной Америки на острова; банан, возможно, составляет исключение и служит примером переноса в противоположном направлении.

В отличие от многочисленных признаков южноамериканских плаваний в Полинезию, ботаническая основа, на которой строились предположения о контактах аборигенной Америки с Азией и Африкой, весьма неопределенна и пока что даже сомнительна.

Меррилл(58) отдавал предпочтение Африке как прародине бутылочной тыквы и предполагал, что эта тыква попала в Америку через Атлантический океан. Если в гибридизации 26-хромосомного американского культурного хлопка в самом деле наряду с диким сортом Нового Света участвовал 13-хромосомный культурный хлопок Старого Света (это все еще спорный вопрос), то путь по западному течению через Атлантический океан был куда короче и легче, чем против стихий через Тихий океан, протяженность которого в шесть раз больше Атлантического, причем на островах нет никаких следов 13-хромосомного хлопка.

Область распространения кокосового ореха простирается через весь Тихий океан. Если его родина – тропическая Америка, где находят все близкие роды, то его вывезли оттуда первые покорители Тихого океана, ибо он рос в Индонезии в начале нашей эры.

Ареал *Pachyrhizus* тоже простирается через весь Тихий океан. Практически мексиканский *Pachyrhizus* вполне мог достичь прилегающих к Азии островов на судах аборигенов, которые шли с Северным экваториальным течением, минуя Полинезию через широкие ворота между Маркизскими и Гавайскими островами. Если жаркая дискуссия о давнем разведении американской кукурузы в Юго-Восточной Азии закончится в пользу тех, кто утверждает, что кукуруза там появилась в доколумбовы времена, а не с приходом португальцев, то опять-таки придется принять во внимание мощное океанское течение, которое устремляется от берегов Мексики к Филиппинам.

Подведем итог. С начала возделывания хлопчатника, бутылочной тыквы и батата в Новом Свете эти и многие другие полезные растения доставлялись древними мореплавателями из Южной Америки в Полинезию. Некоторые специалисты по географии растений подозревают ныне возможность аборигенных плаваний из Африки в Центральную Америку или из Центральной Америки в Юго-Восточную Азию (если не то и другое одновременно), но у них еще нет убедительных оснований, чтобы утверждать это.

Однако было бы ошибкой вовсе пренебрегать, как это делали в прошлом, очевидным отсутствием географических барьеров, которые мешали бы судам аборигенов плыть из Северной или Южной Африки в Центральную Америку, из Перу в Полинезию, из Мексики в Индонезию, даже из Индонезии в Мексику – по старой трассе галеонов к северу от Гавайских островов. Для дрейфа на маленьком, но надежном судне по любому из этих путей от команды требовалась только воля к жизни. Однако пока ботаника может лишь доказать, что плавания из Южной Америки в Полинезию совершались и культурные растения распространялись в обоих направлениях. (IV)

РОЛЬ ИНКСКИХ ПРЕДАНИЙ ДЛЯ ИСПАНЦЕВ, ОТКРЫВШИХ ПОЛИНЕЗИЮ И МЕЛАНЕЗИЮ

Были рассмотрены возможные пути и на основе распространения культурных растений определены действительно использовавшиеся маршруты в океане.

Маршрут из Южной Америки в Полинезию, очевидно, имеет давнюю историю. Еще инки пользовались этой трассой, и предания об их плаваниях способствовали выходу испанцев в Тихий океан. Древние свидетельства оказались поразительно точными, значит, речь шла отнюдь не о туманных догадках или сказках.

Доклад, который лег в основу этой главы, был прочитан на XXXVI Международном конгрессе американистов в Барселоне в 1964 году. Небольшие сокращения сделаны лишь для того, чтобы не повторять материал, изложенный в следующих главах.

Девятнадцатого ноября 1567 года из гавани Кальяо в Перу вышла испанская экспедиция – сто пятьдесят человек на двух каравеллах. Король Испании Филипп II повелел мореплавателям отыскать в Тихом океане определенные острова и обратить в христианскую веру их обитателей, хотя европейцы совсем не знали этих островитян. Начальником

экспедиции был назначен племянник вице-короля, Альваро Менданья; ему был подчинен знаменитый мореплаватель и историк Сармьенто де Гамбоа, по инициативе которого было затеяно все дело. Проведя два года в Мексике и Гватемале, Сармьенто де Гамбоа в 1559 году прибыл в Перу. Семь лет он изучал здесь индейскую культуру и составил для Филиппа II важные записки по истории инков. Сармьенто настолько увлекся преданиями инков, что вице-король Перу назвал его «наиболее сведущим человеком в этой области»(1), хотя именно он буквально подвел черту под историей инков, собственноручно выследив и схватив Инку Тупака Амару. Сармьенто обратил внимание на многочисленные утверждения инков, что далеко в Тихом океане лежат обитаемые острова. Он настолько верил в истинность этого сообщения перуанцев, что в конце концов убедил правителя снарядить экспедицию, чтобы проверить древние навигационные сведения индейцев.

Известно, что обе экспедиции Менданьи прошли успешно, однако мало кто задумывался над тем, что открытия испанцев опирались на указания инков. Правда, Соломоновы острова, найденные испанцами, лежали не там. И кроме того, нынешние исследователи считали, что суда древних инков вообще не годились для океанских плаваний.

А между тем в 1722 году, через полтора года после попытки Сармьенто последовать указаниям инков, голландский адмирал Роггевен нечаянно обнаружил обитаемую землю как раз там, где ее надлежало искать испанцам. Правда, к тому времени, когда Роггевен открыл остров Пасхи, его современники давно забыли сообщения инков, сохранившиеся для будущих поколений в записках Сармьенто и его спутников.

Открытие Роггевена и сделанное в наше время открытие, что бальсовый плот с инкскими гуарами может ходить в любую часть Тихого океана и возвращаться обратно, заставляют нас по-новому взглянуть на подоплеку экспедиций Менданьи.

Обратимся еще раз к исконным инкским преданиям и выясним, почему Сармьенто с таким доверием относился к перуанским рассказам о дальних плаваниях в Тихом океане.

Испанцы успели прожить бок о бок с перуанскими аборигенами почти сорок лет, когда Сармьенто убедил свое правительство в реальности утверждений инков. В эти десятилетия, предшествовавшие полному крушению местной культуры, конкистадоры единодушно поражались масштабам древнего перуанского мореходства. Естественно, что внимание всех хронистов в основном привлекали центры в высокогорных районах, где хранились несметные богатства господствующей верхушки. Тем не менее осталось немало исторических источников, которые подтверждают данные археологии о жизни многочисленного населения; отважные рыбаки и купцы жили в больших поселениях вдоль побережья и почти всецело зависели от даров моря.

Сармьенто и его современники знали, что их соотечественники почти за год до высадки на перуанском побережье встречали в море суда с инкскими командами. Когда испанцы, продвигаясь на юг, вышли в район Северного Эквадора, их передовая каравелла водоизмещением 40 тонн встретила с шедшим на север бальсовым плотом. Тяжело нагруженное и легко управляемое инкское судно везло 36 тонн груза из расположенного в 300 милях южнее порта Тумбес. Вероятно, плот направлялся в Панаму. Там испанцы еще в 1512 году слышали рассказы про южную страну с многочисленным населением и про огромные плоты, управляемые с помощью парусов и весел.(2) Когда в 1559 году Сармьенто сам попал в эти области, бальсовые плоты еще использовали в торговле и мореходстве вплоть до Центрального и Южного Перу, за две тысячи миль от всех бальсовых лесов. Его современник Лисаррага(3) писал об аборигенах долины Чикама: «Эти индейцы – искусные мореплаватели, у них большие плоты из легкой древесины, на которых они покоряют океан...». Он указывал, что плоты аборигенов, груженные провиантом и разными товарами, ходили за пятьсот миль на север до Гуаякиля.

Современники Сармьенто восхищались навигационными познаниями древних перуанцев и мореходными качествами их своеобразных плотов, с похвалой отзывались о стройных мачтах и реях и превозносили перуанские паруса, считая, что они не уступают испанским.(4) Хлопчатобумажную парусину называли «превосходной», о снастях говорили,

что они «прочнее испанских»(5). Вплоть до времен Сармьенто испанцы охотно использовали бальсовые плоты с инкской командой, потому что на плотках можно было пройти над отмелями и форсировать зону прибоя, которую не прошло бы ни одно европейское судно.

Овьедо(6) рассказывает, как индейцы на парусных плотках перебросили через море на остров Пуна конный отряд Франсиско Писарро. Инка Гарсилассо де ла Вега (видный хронист, черпавший сведения непосредственно у представителей инкского рода, из которого происходила его мать) сообщает, что индейцы приморья много раз перевозили на плотках горцев. Приморские жители каждый день выходили в море на плотках, а подчас отправлялись в плавание на целые недели со всей семьей и скарбом. Плотогонцы и многочисленные владельцы маленьких камышовых судов добывали в коварном течении в 20– 50 милях от побережья столько рыбы, что часть улова даже уделляли горным инкам; за два дня каски (гонцы, которые передавали известия по эстафете) доставляли ее в горы.(7) Рыбная ловля в открытом море, развитая торговля и мореходство были существенной составной частью хозяйства инков, когда испанцы завоевали Перу.(8) Об этом, хотя бы вскользь, говорят все хронисты, писавшие преимущественно о богатстве и могуществе владык высокогорных областей. По сообщениям Сармьенто и его современников, мореплаватели на бальсовых плотках выходили в неведомые дали так же смело, как моряки на европейских судах. Это объясняет, почему испанцы охотно верили рассказам инков.

Слухи, сказания и исторические предания, которые в XVI веке были в ходу в Перу, вполне могли раздражить воображение такого моряка, как Сармьенто, и побудить его к действию. Он был ведущим историком той поры и в устных преданиях находил пищу для размышления. Во многих сказаниях говорилось о плаваниях плотов. Встречались полные описания далеких морских походов на многих плотках, которые благополучно возвращались домой.

Важную роль в рассказах инков о морских путешествиях играл район порта Манты на крайнем севере государства инков (нынешний Эквадор). Отсюда будто бы ушел в Тихий океан герой индейского эпоса Виракоча. И отсюда же впоследствии вышел со своим флотом искать острова в океане Инка Тупак Юпанки (или Тупак Инка). Однако Сармьенто и его спутники избрали не этот северный район, они выходили из Центрального Перу, направляясь к югу.

Тупак Инка был дедом братьев-правителей, которых застали испанцы; Сармьенто созвал сорок два виднейших инкских историка, чтобы услышать от них наиболее точную версию рассказа о его походе. Таким образом, Сармьенто знал, что Тупак Инка начал плавание на севере. О захвате Тупаком северного побережья Сармьенто писал(9): «Он воевал на суше и сражался на море на бальсовых плотках от Тумбеса до Хуанапи, Хумао, Манты, Туруки и Кисина. Продвигаясь вперед, Инка захватил в приморье район Манты и острова Пуна и Тумбес, и в это время в Тумбес пришли с запада на парусных плотках купцы».

Сармьенто передает известную историю о том, как эти купцы рассказывали о виденных ими обитаемых островах и как этот рассказ соблазнил горного Инку попытать счастья также и на море. «Он велел построить огромное количество бальсовых плотов, на которых разместилось больше 20 тысяч избранных людей. Капитанами он взял с собой Хуамана Ачачи, Кунти Юпанки, Кихуала Тупака (Хананские куско), Янкана Майту, Кису Майту, Качима-паку Макуса Юпанки, Лышпиту Уску Майту (Хуринские куско); его брат Тилька Юпанки был командиром всего флота. Апу Юпанки назначили командовать войском, оставшимся на берегу. Тупак Юпанки плавал до тех пор, пока не открыл острова Авачумби и Ниначумби...»

По одним данным, этот морской поход длился девять месяцев, по другим – год. Тупак привез с собой «чернокожих людей» и иные трофеи, которые хранились в крепости Куско до прихода испанцев. Сармьенто опрашивал даже сторожа, охранявшего эти самые сокровища.

О том, что Инка вышел в море на севере, упоминал также патер Мигуэль Кабельо де Бальбоа, прибывший в Перу за год до того, как Сармьенто отправился искать острова Инки. Бальбоа (10) писал о Тупаке Инке, называя его королем Топой: «...и обсудив свои планы и

замыслы со своими офицерами, он вышел в поход с несметным войском и разместился в Манте, и в Чарапуку, и в Пикуаре, ибо было невозможно разместить и прокормить на меньшей площади такое огромное количество людей, какое было с ним.

Здесь король Топа Инка впервые увидел океан. После этого открытия он повелел надлежащим образом поклоняться океану и дал ему имя Мамакоча, что означает «мать морей». Он приказал снарядить несчетное количество судов, которыми пользовались местные жители, а делались такие суда из сотен бревен особенно легкого дерева. Бревна связывали вместе одно за другим и настилали на них сотни сплетенных вместе камышовых циновок. Так получались очень надежные и удобные суда, которые мы называем «бальсас».

Он повелел также приготовить запасы для многочисленную войска, которое должно было его сопровождать, и отобрал среди жителей приморья самых опытных кормчих, после чего вышел в океан с тем же мужеством и отвагой, которые всю жизнь вели его от победы к победе. О его плавании я не хочу говорить больше того, что представляется вполне достоверным, но всякий, кто рассказывает о подвигах храброго Инки, уверяет, что он провел в этом плавании год, а по словам некоторых – и больше, и что он открыл острова, которые были названы Хагуа Чумби и Нина Чумби, и лежат эти острова в Южном море, и Инка приставал к их берегам».

Бальбоа тоже(11) сообщает, что на плотях Инки были привезены в Южную Америку «многочисленные пленники с черной кожей».

Бетансос (12), попавший в Перу с первыми испанцами еще до прибытия Сармьенто, записал гораздо более старинную легенду о выходе в океан из того же самого района Манты народа виракочей; это предание занимало воображение жителей инкского государства куда сильнее, чем недавнее возвращение Тупака Инки. Люди считали, что легендарный герой Виракоча вместе со всем своим доинкским народом отправился из Тиауанако на север и через Куско достиг эквадорского побережья. Здесь они собрались у Пуэрто-Вьехо вблизи Манты и отплыли в Тихий океан.

В связи с этим широко распространенным инкским преданием Сармьенто (13) подчеркивал известный всем конкистадорам факт, что первых испанцев здесь приняли за вернувшихся из Тихого океана белых бородатых виракочей. Эга ошибка помогла Писарро с горсткой моряков захватить без боя все обширное инкское государство с его огромной армией и мощными укреплениями.

Конечно, Инка Тупак не случайно избрал северный порт, откуда вышел в море его легендарный предшественник. Манта лежит почти точно на экваторе, а Тупак, подобно Виракоче, поклонялся солнцу, считая его своим предком и покровителем; к тому же Эквадор был единственным источником бальсы, которая шла на строительство плотов в приморской части государства инков. Чтобы добыть нужное количество бальсы и бамбука для целого флота плотов, Инке пришлось отправиться со своими людьми в глубь леса. Однако из тех же инкских преданий следует, что флот пошел в южную часть океана; это и побудило Сармьенто идти из Кальяо на запад-юго-запад.

В 700 милях к югу от Манты, на засушливом побережье Северного Перу испанцы слышали не менее яркие рассказы о древних плаваниях представителей культуры мочика на бальсовых плотях. Патер Мигуэль Кабельо де Бальбоа (14) записал: «Люди из Ламбайеке говорят – и все обитающие по соседству с их долиной подтверждают это, – что в незапамятные времена пришел с большим флотом бальсовых плотов из Северную Перу основоположник одного могущественного рода, человек великой отваги и незаурядного ума, по имени Наймлап; и он привез с собой много наложниц, но его главной женой будто бы была Сетерни. Его сопровождало много людей, которые называли его капитаном и своим предводителем». По преданиям аборигенов, прибытие этих мореплавателей привело к основанию североперуанской династии и культуры чиму.

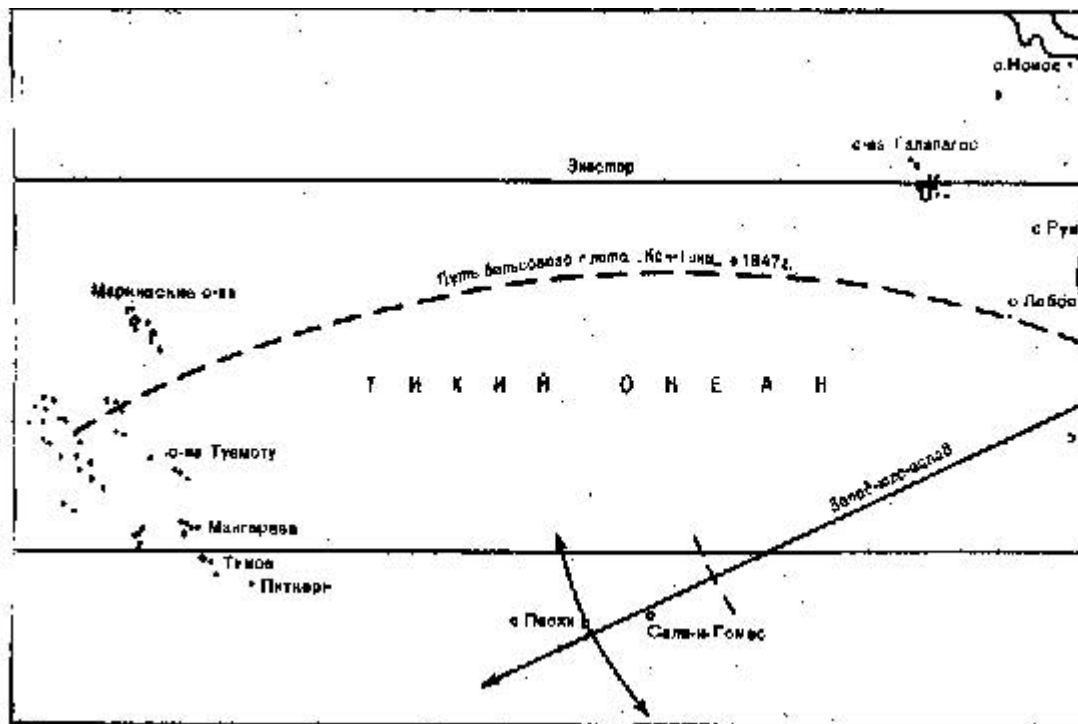
Сходные версии об инкской династии рассказывались индейцами побережья Центрального Перу еще в прошлом столетии.(15) Согласно преданиям племен, обитающих в области Лимы, первые королевские Инки обманом пришли к власти, внушив горным

народам, будто происходят от солнца. Это обвинение было записано иезуитом Анельо Оливой (16), который в XVI веке поселился среди равнинных племен. Ему рассказали, что первые королевские Инки на самом деле были потомками обыкновенного морского народа, приплывшего из Эквадора: «Многие ходили по морю вдоль побережья и некоторые терпели крушение. В конце концов одна ветвь поселилась на острове под названием Гуаяу, у берегов Эквадора. На этом острове родился Манко Капак. После смерти своего отца он решил оставить родной остров, чтобы найти более благодатный край. Он вышел на судах, которые у него имелись, взяв с собой двести человек, и разделил их на три отряда. Два первых отряда пропали без вести, сам же Манко Капак и его спутники высадились около Ики на побережье Перу и оттуда пробились в горы, и достигли берегов озера Титикака».

Конечно, версия о высадке первого Инки около Ики может быть от начала до конца вымышленной, но об этом говорилось в преданиях. Еще в доинкские времена Ика могла соперничать с лесной областью на севере как центр плавания на плотках.

Патер Иосеф де Акоста сообщал (17), что индейцы Ики, а также Арики, лежащей на 750 миль южнее, рассказывали испанцам, будто в старые времена моряки выходили в Южное море и далеко на западе посещали какие-то острова. Акоста полагал, что эти доиспанские экспедиции совершались на плотках из наполненных воздухом тюленьих шкур. Однако многочисленные древние гуары из твердой древесины и модели бальсовых плотов, найденные при раскопках как в Ике, так и в Арике, подтверждают, что эти две области были старейшими доинкскими центрами мореходства на бревенчатых плотках.(18) Капитан де Кадр узнал от одного престарелого мудрого индейца по имени Чепо (ему будто бы было 115 – 120 лет), что Арика и Ика, две важнейшие гавани на побережье ниже Тиауанако, считались особенно удобными исходными пунктами для плаваний к обитаемым тихоокеанским островам. По словам Чепо, индейцы заходили в Арику и Ику, затем шли на запад в Тихий океан и через два месяца достигали необитаемого острова Коату с тремя высокими горами, кишящего птицами. Чтобы попасть на лежащую за ним обитаемую землю, следовало оставить Коату слева и продолжать путь до уединенного острова, называемого Кюэн. Здесь было многочисленное население; главного вождя звали Кюэнтике; кроме него, было еще два вождя – Укинике и Каманике. В десяти днях пути на запад от Кюэна лежал другой обитаемый остров, Акабана. Когда Чепо пригрозили смертью, если он не скажет правду об островах, он стал расписывать капитану великие богатства их. Под конец он по собственной воле добавил, что для плавания использовали деревянные плоты.

Хотя испанцы решили, что Чепо подразумевал Соломоновы острова (так они называли все легендарные острова Южного моря), Амхерст и Томсон(19), издавшие в 1901 году английскую версию старой рукописи, полагали, что индеец пересказал искаженную историю о действительно состоявшемся плавании. В сноске они указали, что Пасха и предшествующий ему голый островок Сала-и-Гомес удивительно похожи на острова, о которых слышал капитан де Кадр.

Курс на ближайший тихоокеанский остров, по данным инков. Когда испанцы впервые одолели этот путь, они определили, что его протяженность примерно 600 лиг.

Действительно, задолго до плавания Роггевена старик Чепо сообщил испанцам точное навигационное описание пути до острова Пасхи из самой удобной гавани на побережье Южного Перу. Теперь нам известно: чтобы достичь на плоту ближайшего обитаемого острова, надо из Ило или Арики идти сперва на скалистый птичий базар Сала-и-Гомес. Оттуда прямой путь к острову Пасхи. Плавание с попутным пассатом вдоль южной внешней части Перуанского течения в самом деле, как утверждал старик-индеец, займет около трех месяцев.

В описании Чепо названы все основные приметы безлюдного Сала-и-Гомеса, над которым издали видны стаи птиц. Когда идешь с востока, кажется, что из воды торчат три горы. Уже у первых европейских мореплавателей они считались характерными ориентирами; они настолько бросаются в глаза, что даже на современных картах Сала-и-Гомес подчас обозначают ошибочно в виде трех отдельных островков. В шторм почти весь этот клочок суши исчезает под волнами, и лишь три скалы по-прежнему остаются надежным убежищем для многочисленных птиц. Если из Ило и Арики строго идти на первый обитаемый остров – Пасху, Сала-и-Гомес действительно останется слева. А следующий обитаемый остров за Пасхой – Мангарева.

Не менее интересно имя Кюэнтике, которым Чепо называет главного вождя острова Кюэн: первые испанцы, посетившие Пасху в 1770 году, записали, что вождь у пасхальцев называется теке-теке.(20) И так, в Южном Перу индейцы точно знали направление и расстояние до острова Пасхи, помнили характерный вид единственного ориентира на этом пути. Такие же сведения Сармьенто услышал в 1000 миль к северу, в Кальяо. Отсюда видно, что древние перуанцы вполне могли определить позицию острова Пасхи с разных точек побережья.

Как известно, внутренние разногласия привели к тому, что экспедиция Менданы изменила курс, рассчитанный Сармьенто по советам индейцев. Разберемся вкратце, что же произошло. В своем превосходном труде об этой экспедиции Амхерст и Томсон(21) сообщают, что, когда в Перу наладилось организованное управление, томящиеся от безделья испанские авантюристы стали особенно жадно прислушиваться к ходившим среди индейцев

и моряков Кальяо рассказам о неведомых островах и даже целом континенте на западе. Кабацкие сплетни превратились в излюбленную тему дворцовых бесед, и Педро Сармьенто де Гамбоа «объявил во всеуслышание, что может определить местоположение островов, о которых местные ученые говорили, что они суть аванпосты южного материка, простирающегося от Огненной Земли на север до широты 15 градусов 5 минут, примерно в 600 лигах от Перу».

Эта последняя цифра верна с небольшой поправкой. Действительно, все считали, что надо идти примерно 600 лиг от Перу. И авторы справедливо напоминают, что провиант экспедиции Менданьи был взят с учетом пути от Кальяо до первого острова. Примечательно, что испанцы, которые двести лет спустя достигли острова Пасхи из Перу, так определяли его положение: «около 600 лиг от Кальяо и примерно столько же от чилийского побережья».(22) Шестьсот лиг – это немногим больше 2 тысяч морских миль, что как раз соответствует расстоянию до острова Пасхи.

Члены экспедиции Менданьи соглашались друг с другом еще в том, что ближайший остров должен лежать точно на западо-юго-западе от порта Кальяо. Достаточно сопоставить отчет Сармьенто с дневниками его противников (официального летописца экспедиции Катоыры, руководителя экспедиции Менданьи, первого штурмана Гальего), а также с анонимной рукописью еще одного члена команды, чтобы убедиться – все явно считали, что искомая земля находилась к западо-юго-западу от Кальяо, ибо десять дней (у Гальего – двенадцать) корабли неуклонно следовали курсом(23), который должен был привести их к острову Пасхи. Однако в конце ноября, когда они достигли широты 15 градусов 45 минут, начались раздоры.

Сармьенто, хоть и слыл человеком вздорным, по праву считал себя компетентным в вопросе об островах. Он подчеркивает (Сармьенто пишет о себе в третьем лице), что это он представил правителю Перу «сведения о многочисленных островах и о континенте, находящихся на юге океана, и лично вызвался открыть их именем Его Величества. С этой целью он собрал сведения и изготовил карту... Предполагалось, что они будут следовать курсом запад-юго-запад до 23-го градуса, то есть до широты, определенной Педро Сармьенто...». Если бы намерение Сармьенто искать землю в 600 лигах, или в 2 тысячах морских миль, на западо-юго-западе от Кальяо осуществилось, они пришли бы почти к самому острову Пасхи. Правда, рассчитывая широту острова, он промахнулся на четыре градуса – простительная ошибка, если вспомнить, что первый штурман определил координаты хорошо знакомой гавани Кальяо в 12 градусов 30 минут, а на самом деле они равны 11 градусам 56 минутам.

Так или иначе, дойдя до 15 градуса 45 минуты южной широты, штурман внезапно свернул с прямого курса на остров Пасхи и повел корабли на запад. Сармьенто гневно пишет в своем отчете: «Педро Сармьенто со всей решительностью обратился к генералу (Менданье) по поводу этой перемены курса и при всех сказал ему, что с этим нельзя соглашаться, это нужно отменить, иначе он не совершит открытия и собьется с пути...».

Но молодой Менданья поддержал кормчего, и экспедиция двадцать дней шла примерно вдоль пятнадцатой параллели на запад. Всем было ясно, что штурман свернул с намеченного курса задолго до установленной Сармьенто отметки в 600 лиг, и, однако, никто не возражал. Причина заключалась в том, что Гальего, долго ходивший штурманом у берегов Перу и Чили, получил другую информацию в Кансильерии в Лиме.

Вот как Гальего обосновывал свои действия: «Я следовал вдоль этой широты, так как сеньор Президент сказал, что на пятнадцатом градусе южной широты в 600 лигах от Перу находится множество богатых островов». В итоге штурман повел суда в сердце Полинезии – ведь большая часть архипелага Туамоту, острова Общества, Самоа, Фиджи и другие обитаемые острова группируются в полосе между 10 и 20 градусами южной широты. Вместо того чтобы плыть на уединенный остров Пасхи, экспедиция шла теперь в самую гущу островов Туамоту.

Однако буквально на пороге архипелага, когда оставалось совсем немного до островов

Пукапука и Рароиа, штурман опять внезапно повернул и лег на северо-западный курс. В итоге оба корабля прошли через «ворота» между Маркизами и Туамоту. Спустя три недели был замечен остров Нукуфетау в архипелаге Эллис, а на восьмидесятый день плавания экспедиция причалила к одному из Соломоновых островов в Меланезии. Испанцы потратили почти четыреста дней на то, чтобы пробиться обратно в Перу. Встречные ветры и характерные для Полинезии восточные течения вынудили их плыть севернее Гавайских островов.

Двадцать шесть лет спустя вторая экспедиция Менданьи снова вышла из Кальяо и достигла Маркизского архипелага. Так европейцы впервые открыли Полинезию.

Если бы штурман выполнил инструкции Сармьенто, у первой экспедиции Менданьи были бы все шансы открыть остров Пасхи; будь он более последовательным в своих решениях, они попали бы на Туамоту. Из-за колебаний кормчего суда экспедиции прошли мимо ближайших островов и попали в далекую Меланезию.

В принципе и Тупак Юпанки вполне мог дойти до Меланезии; это объяснило бы, откуда взялись чернокожие пленники, доставленные им в Перу. Но скорее можно полагать, что он шел на многочисленных плотах веерообразным строем и обнаружил ближайшие острова. Мы уже видели, что потомки подданных Тупака знали направление и расстояние до Пасхи от Ило и Арики так же хорошо, как от Кальяо; вряд ли можно сомневаться, что кормчие Тупака за два-три поколения до прихода испанцев были осведомлены не хуже.

Следующий за Пасхой обитаемый остров – Мангарева в южной оконечности архипелага Туамоту. Его жители подтверждают, что Тупак со своим флотом доходил сюда. Главные предания островитян посвящены приезду чужеземного короля Тупы. Первым эти рассказы опубликовал английский путешественник Крисчен,⁽²⁴⁾ который не знал истории инков: «...у мангаревцев есть предание о рыжеволосом вожде по имени Тупа, который пришел с востока на судах неполинезийского типа, напоминающих плот, – очевидно, тут отразилось воспоминание о каких-то перуанских бальсовых плотах».

Известный французский этнолог Риве,⁽²⁵⁾ цитирующий Крисчена, предположил, что мангаревцы сохранили память о визите Тупака Инки. Питер Бак⁽²⁶⁾ опубликовал затем дополнительные подробности из древней, так называемой Тирипонской рукописи.

Лет через двадцать после прибытия на остров европейцев Тирипоне, сын мангаревского вождя, сообщал: «Одним из видных посетителей Мангаревы был Тупа. Согласно основным историческим преданиям, он прибыл, когда правили братья короли Тавере и Тарой... Тупа прошел к Мангареве через юго-восточный пролив, названный потом Те-Ава-нуи-о-Тупа (большой пролив Тупы)». И дальше: «...мореплаватель Тупа... подошел к самой Мангареве и бросил якорь в большом проливе Тупы. Он ступил на берег маленького островка Те Кава».

В той же рукописи говорится, что Тупа, прежде чем возвращаться на родину, «поведал мангаревцам про обширную страну... где живет большой народ, управляемый могущественными королями».

Кава, островок в восточной части барьерного рифа, где сошел на берег Тупа, и большой пролив Тупы, где была стоянка его плотов, невольно заставляют вспомнить слова инков про Ава, или Ава-чумби, – один из двух островов, на которых побывал флот Тупака. Вторым назывался Ни-на-чумби, то есть Огненный остров – меткое название для острова Пасхи, о котором все первые путешественники, от Роггевена и Гонсалеса до Бичи и других мореплавателей XIX века, писали, что обитатели острова, завидев корабль, разжигали по всему побережью множество костров, и к небу поднимались столбы дыма.⁽²⁷⁾ Некоторые исследователи предполагали, что название «Огненный остров» относится к островам Галапагос с их дремлющими вулканами. Но инки еще раньше знали Галапагос²⁸, к тому же этот архипелаг был необитаем. «Чернокожих» вполне можно было найти среди мангаревцев; ведь открывший остров Бичи⁽²⁹⁾ обнаружил среди чрезвычайно пестрого по составу населения людей с такой же темной кожей, как у меланезийцев.

Кстати, темнокожие пленники – единственная примечательная добыча, которую могущественный Инка привез на родину с тихоокеанского острова. Наверно, он вернулся в

Перу не менее разочарованный, чем жадный до золота Менданья. Возможно, он возвращался тоже северным маршрутом и там добыл металлический трон и другие сувениры, которые испанцы видели во времена внуков Тупака.

Отсутствие золота и других сокровищ на открытых островах плюс чрезвычайно трудный обратный путь в Перу – вот вероятные причины, из-за которых открытия Менданьи почти двести лет пребывали в забвении, пока во второй половине XVIII века их не повторили другие европейцы. Даже в этом испанские владыки Перу пошли по стопам своих предшественников – инков.

БАЛЬСОВЫЙ ПЛОТ И РОЛЬ ГУАР В АБОРИГЕННОМ МОРЕХОДСТВЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Главным аргументом против установленных Хейердалом в предыдущих главах связей Южной Америки с Полинезией (причем, что самое важное, в этих связях Южная Америка играла активную роль) было отсутствие у аборигенов таких мореходных судов, к каким привыкли в Старом Свете. Хейердалу пришлось организовать экспедицию «Кон-Тики», чтобы доказать, что бальсовый плот пригоден для преодоления больших расстояний в открытом море ничуть не меньше европейских судов.

Впоследствии оказалось, что этот отважный эксперимент произвел огромное впечатление на широкую публику, но не на ученых специалистов. Они укрылись за утверждением, что бальса недолго сохраняет плавучесть, но главное – из самой экспедиции они сделали на первый взгляд справедливый вывод, что с таким судном высадка на полинезийский остров всякий раз сопряжена с риском для жизни.

В этой главе Хейердал не только делает обзор всех известных преданий о бальсовом плоте, но и старается показать, что свежесрубленные бальсовые бревна долго сохраняют плавучесть. А в заключение он описывает эксперимент, доказавший, что бальсовый плот обладает превосходной маневренностью, если верно применять парус и изобретенные древними перуанцами гуары. «Кон-Тики» сел на риф лишь потому, что участники экспедиции не знали секрета инкских и доинкских мореплавателей.

Здесь вместе объединены статья Хейердала в «Саутвестерн джорнэл оф антрополоджи» (т. 11, Э 3, стр. 251-264, Университет Нью-Мексико, Альбукерке, 1955) и доклад, вошедший в «Записки XXXIII конгресса американистов» (Коста-Рика, 1958). При этом сделаны сокращения, которые не отразились на полноте материала.

Современные судостроители и этнологи мало знают и неверно судят о судостроении аборигенов Перу и прилегающих областей северо-западной части Южной Америки. Причина ясна: местное судостроение основывалось на совсем иных принципах, чем те, которые мы унаследовали от наших предков.

В представлении европейца единственный тип мореходного судна – это наполненный воздухом водонепроницаемый корпус, достаточно высокий и большой, чтобы его не могли захлестнуть волны.

Для древних перуанцев размеры не играли такой роли; с их точки зрения, мореходным было судно, которое вообще не могло быть заполнено водой, ибо открытая конструкция не создавала вместилища, способного удержать воду. Они строили суда типа плотов, обладающие высокой, плавучестью, либо из бальсы и другой легкой древесины, либо из снопов камыша и тростника, связанных в виде лодки. Иногда делали понтоны из наполненных воздухом тюленьих шкур, на которые настилали своего рода палубу.

Человеку, не знакомому с мореходными качествами такого судна, оно может показаться примитивным, громоздким и ненадежным. Вероятно, поэтому широко распространилось ошибочное мнение, что у народов древнего Перу – страны с морским побережьем протяженностью в две тысячи миль и с поразительно высокой культурой – не

было мореходных судов и умелых моряков.

Когда я в 1941 году(1) впервые попытался привлечь внимание ученых к возможностям древнеперуанского мореходства, те немногие этнологи, которые знали, что бальсовый плот составлял один из элементов доевропейской культуры, не придавали ему никакого значения; некоторые даже упустили из виду, что эти плоты ходили под парусами. В других частях древней Америки употребление парусов не отмечено. Общий взгляд выразился в приговоре, вынесенном в труде «Антропология доисторического Перу» (1875 год) английским антропологом Хатчинсоном(2), который назвал бальсовый плот «плавучей связкой пробкового дерева». Трое известных современных ученых – американский археолог Лотроп(3), английский историк Минз(4) и английский этнолог, специалист по первобытному мореходству, Хорнелл(5) – опубликовали интересные статьи о древнеперуанских судах и мореходстве, в которых превосходно описали конструкцию бальсового плота. Однако они чисто умозрительно (как мы это увидим дальше) заключили, что бальса впитывает воду, а потому не годится для плаваний в открытом море.

Все эти скороспелые суждения побудили меня лучше изучить перуанское судостроение и реабилитировать его, ибо на основании ряда данных я предположил, что перуанские бальсовые плоты доходили до островов Полинезии, до которых от Перу четыре тысячи миль.

Первые записи о перуанском бальсовом плоту сделаны еще до настоящего открытия Инкской империи. Когда Франсиско Писарро в 1526 году вышел с Панамского перешейка во второе плавание на юг вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки, его экспедиция встретила в море перуанских купцов далеко от их страны. Главный кормчий Писарро – Бартоломео Руне – пошел вперед, чтобы исследовать берега у экватора, и когда его корабль поравнялся с северными областями Эквадора, испанцы увидели плывущее навстречу им парусное судно, почти не уступавшее по величине их собственному. Судно шло на север; оно оказалось большим плотом, а команду составляли перуанцы – первые перуанцы, увиденные европейцами. Хуан де Сааманос(6) сразу же послал донесение Карлу V; таким образом, этот случай был описан еще до того, как испанцы дошли до Перу. В 1534 году об этом же писал Франсиско де Херес, личный секретарь Писарро. Оба источника сообщают, что бальсовый плот вместе с командой, состоявшей из двадцати индейцев – мужчин и женщин, был захвачен испанцами. Одиннадцать человек бросили за борт, четверых оставили на плоту, а двух мужчин и трех женщин взяли на каравеллу, чтобы сделать из них переводчиков.

Плот оказался торговым, на нем был большой груз. Испанцы определили, что его грузоподъемность 30 тонн, то есть около тридцати шести тонн; водоизмещение их собственного судна составляло сорок тонн, а команда каравеллы была наполовину меньше команды плота. Испанцы сделали подробную опись груза и обнаружили такие товары, которые могли происходить только из Перу.

По словам Сааманоса, судно представляло собой плоский плот, бревенчатая основа была покрыта тростниковой палубой, поднятой настолько, что груз и команда не смачивались водой.

Бревна и тростник были крепко связаны веревкой из генекенового волокна. О парусах и такелаже Сааманос писал:

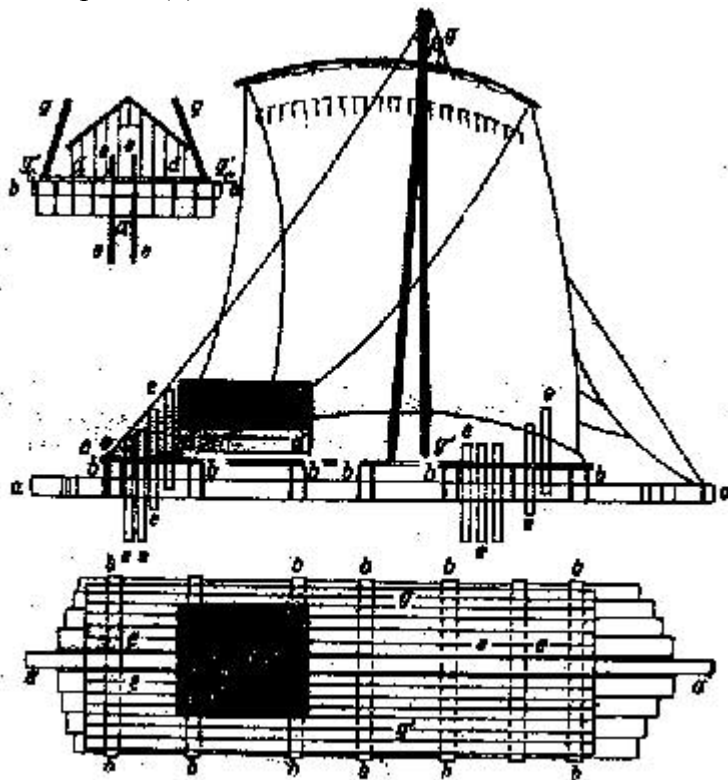
«Он был оснащен мачтами и реями из очень хорошего дерева и нес хлопчатобумажные паруса такого же рода, как наш корабль. Отличные снасти сделаны из упомянутого генекена, который напоминает пеньку; два камня, подобных мельничным жерновам, служили якорями».(7)

Изображения судов на сосуде (культура чиму). Суда камышовые, с двойной палубой, на которой стоят мифические рыбаки и герои. Под палубой видна команда и груз. Ноги внизу символизируют движение судов.

Руис вернулся с пленниками и добычей к Писарро, и через несколько месяцев новый отряд во главе с Писарро вышел на юго-запад, к северным берегам Инкской империи. По пути к острову Санта-Клара, лежащему в открытом Гуаякильском заливе, Писарро за два дня перехватил пять плотов. Переговоры с командами плотов прошли успешно. Затем он пересек залив и взял курс на перуанский порт Тумбес, откуда были родом некоторые из пленников. Недалеко от берега испанцы увидели идущую им навстречу флотилию бальсовых плотов с вооруженными инками на борту. Поравнявшись с флотилией, Писарро пригласил к себе на корабль нескольких инкских капитанов. С помощью переводчиков (пленников с первого встреченного им плота) он узнал, что эти плоты направлялись к подчиненному перуанцам острову Пуна.

Из бухты вышли другие бальсовые плоты с подарками и провиантом для испанцев. Двоюродный брат Франсиско Писарро, Педро, сообщает, что, продолжая идти на юг вдоль перуанского побережья, экспедиция догнала бальсовые плоты, на которых были драгоценные металлы и одежда местного производства, и все это испанцы забрали, чтобы доставить в Испанию и показать королю.(8)

Чертеж бальсового плота аборигенов северо-западного побережья Южной Америки.

a – 9 бревен основы, бальса; b – 7 поперечин из бальсы. c – палубный настил, d – бамбуковая хижина с камышовой крышей; e – 9 гуар; g, g' – двуногая мачта из мангровой древесины, на мачте рея с прямоугольным хлопчатобумажным парусом. Длина плота до 24-27 метров, ширина до 7,5 – 9 метров. Грузоподъемность 20-25 тонн.

Но еще до того, как Руис у берегов Эквадора захватил первый торговый плот, испанцы слышали от аборигенов Панама рассказы о перуанском мореходстве. Хронист Лас Касас,(9) сын одного из спутников Колумба, записал, что аборигены Перу располагали бальсовыми плотами, которыми управляли с помощью парусов и весел. Об этом еще до прихода испанцев знал старший сын Комогре, видного панамского вождя, поведавший Бальбоа о могущественном приморском государстве на юге, жители которого выходили в Тихий океан на судах под парусами и с веслами, немногим уступавших по величине испанским.

Подробное описание плотов, принадлежавших жителям приморья Эквадора и Северного Перу, оставили современники Писарро – Овьедо (1535 год), Андагоя (1541 год) и прибывший в Перу в 1543 году в качестве королевского казначея Сарате (1555 год).(10) Все они сообщают, что для плотов брали нечетное количество – пять, семь, девять или одиннадцать – «длинных легких бревен» и связывали их вместе поперечинами, на которые настилали палубу; они также указывают, что плоты передвигались с помощью парусов и весел; отмечают способность самых больших плотов перевозить до пятидесяти человек и трех лошадей; упоминают про особое место на плоту для приготовления пищи.

Андагоя, участник первых плаваний на север и на юг вдоль тихоокеанского побережья, особенно высоко оценил качество генекеновых снастей («крепче испанских») и превосходной хлопчатобумажной парусины.

Рассказывая, как искусно аборигены маневрировали нормальными парусами, Сарате подчеркивает, что плотоводы из Тумбеса в Северном Перу – замечательные моряки (грандес маринерос) и что они причиняли серьезные неприятности испанцам, которых перевозили на своих плотях. Перуанцы развязывали веревки, скреплявшие бревна, и испанцы падали в воду и тонули, а хитрые хозяева плотов – отличные пловцы – спасались.

Педро Писарро, сопровождавший своего двоюродного брата в перуанское приморье, рассказывает, как он сам, Алонсо де Меса, капитан Сото и многие другие конкистадоры, заставив аборигенов везти себя на парусных бальсовых плотях, оказались в воде и еле выбрались на берег.

Другие хронисты той поры, в том числе Съеза де Леон (1553 год), сообщают, что еще до прихода испанцев перуанцы приморья, «плававшие, как рыбы», заманивали горных инков в море на бальсовых плотях, развязывали бревна и топили своих незадачливых пассажиров. А сами весело перекликались друг с другом, держась за бревна, – вода была их стихией.(11) Итальянский путешественник Джироламо Бенсони(12), приехавший в Перу около 1540 года, опубликовал очень примитивную зарисовку небольшого перуанского бальсового плота из семи бревен, с восьмью пассажирами индейцами. В тексте он сообщает, что мореходные плоты делали из девяти и одиннадцати бревен, с парусами, соответствующими размерам судна.

Гарсилассо де ла Вега(13), который выехал из Перу (он был из рода инков) в Испанию в 1560 году, в своих записях уделяет основное внимание рыбацему судну из тростника или камыша, пропускавшего воду насквозь. Таких судов было много, они, несомненно, преобладали вдоль побережья Перу. Он сообщает, что на них обычно выходили в море на четыре – шесть лиг (пятнадцать – двадцать четыре английских мили), но, если нужно, и дальше. Гарсилассо добавляет, что для перевозки тяжелых грузов применяли деревянные плоты с парусами.

Испанский хронист Реджинальдо де Лисаррага (14), прибывший в Перу в тот год, когда оттуда уехал Инка Гарсилассо, рассказывает о жителях долины Чикама: «Эти индейцы замечательные мореплаватели; у них есть длинные и широкие плоты из легкого дерева, на

которых они выходят в океан. Во время рыбной ловли они удаляются от берега на много лиг». Он пишет также, что купцы из долины Чикама поддерживали сношения с расположенным в 500 милях к северу Гуаякилем; на плотках перевозили продукты моря и другой груз.

О том, как далеко ходили на бальсовых плотках, в частности, во времена Тупака Юпанки, мы рассказали выше; они, во всяком случае, достигали Полинезии.

Один из виднейших первых историков Перу, Бернабе Кобо(15), очень подробно описывает достоинства бальсовых бревен, применяемых для мореходных плотков, и называет аборигенов искусными навигаторами и пловцами. Он добавляет:

«Самые большие плотки перуанских индейцев, живущих вблизи лесов, скажем в портах Паита, Манта и Гуаякиль, состоят из семи, девяти и даже большего числа бревен. Вот как их делают: лежащие рядом бревна связывают лианами или веревками, которые захватывают также другие бревна, положенные поперек. Среднее бревно в носовой части длиннее остальных, дальше в обе стороны от него укладывают более короткие бревна, так что видом и соотношением они придают носу плотка сходство с пальцами кисти руки, а корма ровная. Поверх бревен кладут настил, чтобы вода, которая проникает снизу в щели между бревнами, не намочила людей и одежду. Этими плотками индейцы управляют в море с помощью парусов и весел; и есть такие большие плотки, что без труда перевозят пятьдесят человек».

Грубая зарисовка бальсового плотка под парусами была сделана голландским адмиралом Шпильбергом(16) во время его кругосветного плавания в 1614-1617 годах. Шпильберг сообщает, что на этом плотке команда из пяти аборигенов выходила на два месяца ловить рыбу. Улова, доставленного в Паиту, что лежит в 120 милях южнее перуанского порта Тумбеса, хватило, чтобы снабдить провиантом все голландские корабли, стоявшие в бухте. Рисунок Шпильберга интересен тем, что команда показана в работе. Два индейца заняты парусом, остальные трое маневрируют гуарами – широкими досками, просунутыми в щели между бревнами; не видно ни весел, ни какого-либо руля. Такие выдвигаемые шверты были освоены европейскими судостроителями только в 1870 году, то есть через двести пятьдесят лет.

В тексте Шпильберг ничего не говорит о гуарах, он лишь заключает, что плот оказался превосходным судном.

Прошло сто тридцать лет, прежде чем навигационные приемы индейцев настолько заинтересовали двух испанских морских офицеров, Хуана и Ульоа, что они решили проникнуть в тайну аборигенных гуар. Они опубликовали превосходный рисунок бальсового плотка в море, передавая такие детали, как устройство двуногой мачты с парусами и такелажем, расположение рубки в средней части судна, «камбуза» с открытым очагом и запасом воды в кувшинах на корме, размещение выдвигаемых швертов в носовой и кормовой частях. Хуан и Ульоа решительно утверждали, что индейская команда, хорошо усвоившая искусство маневрирования выдвигаемыми швертами, при любом ветре могла вести бальсовый плот, как обычный корабль.

Они писали: «До сих пор мы говорили только о конструкции и применении плотков, но главная особенность этих судов заключается в том, что они ходят, лавируют и приводятся к ветру ничуть не хуже килевых судов и почти не подвержены сносу. Достигается это с помощью не руля, а другого приспособления, а именно досок длиной три-четыре метра и шириной около полуметра, которые устанавливают вертикально между бревнами основания как на носу, так и на корме.

Погружая глубоко в воду одни доски и поднимая другие, они ходят в бакштаг, приводятся к ветру, меняют галс, ложатся в дрейф – короче, выполняют все маневры, доступные обычным судам. Изобретение, до сих пор неизвестное самым просвещенным нациям Европы... Если погрузить в воду гуару на носу, судно приводится к ветру, если ее поднять, оно пойдет в бакштаг или спустится под ветер. И если погрузить в воду гуару на корме, плот пойдет в бакштаг, а если поднять, он приводится и идет круче к ветру.

Таков способ, с помощью которого индейцы управляют бальсовыми плотками; порой

они ставят пять или шесть гуар, чтобы воспрепятствовать сносу, и ясно, что чем глубже в воду погружены гуары, тем больше сопротивление судна с этой стороны, так как гуары выполняют функцию выдвижных килей (подобно позднейшим швертам), применяемых на небольших парусных судах. Способ управления гуарами настолько легок и прост, что, когда плот ложится на нужный курс, дальше пользуются лишь одной из них, погружая или поднимая ее по мере надобности"(17).

Эти древнеперуанские приемы управления судном произвели такое сильное впечатление на обоих авторов, что они настоятельно предлагали перенять их в Европе.

Французский специалист по морским судам Лекалье(18) и его английский коллега Чарнок(19) в своих трудах по истории мореходства (соответственно в 1791 и 1801 годах) еще раз напомнили о наблюдениях, сделанных Хуаном и Ульоа в Эквадоре, и сообщили, что до сих пор только индейцы северо-западных областей Южной Америки управляют своими судами с помощью выдвижных швертов, в Европе же этот способ по-прежнему неизвестен. В своем наставлении французским кадетам Лекалье горячо, но без успеха советовал снабдить гуарами европейские спасательные плоты.

Затем рассказы о перуанской технике мореходства опубликовали знаменитый ученый и путешественник Александр фон Гумбольдт (1810 год) и его английский коллега Стивенсон (1825 год).(20) Стивенсон оставил превосходное описание бальсовых плотов, которые все еще использовали вдоль побережья бывшего государства Чиму вплоть до Хуанчако, южнее Чикамы. На самых больших плотях стояли бамбуковые хижины с четырьмя-пятью помещениями; такие плоты ходили против ветра и течения на сотни миль с грузом 25-30 тонн, не считая команду и ее провиант.

Стивенсон тоже описывает гуары, он говорит о них: «Поднимая или погружая эти доски в разных частях плота, аборигены могут на своем плоту выполнить все маневры, которые выполняют на обычном судне с совершенным такелажем...».

В неизданной рукописи 1840 года английского путешественника Джорджа Блексленда, хранящейся в библиотеке Митчелла в Сиднее, воспроизведена зарисовка бальсового плота из девяти бревен, который управляется только парусами и выдвижными швертами. Блексленд приводит рапорт офицера одного из кораблей Его Величества, встретившего целое перуанское семейство на бальсовом плоту около острова Лобос де Афуэра, примерно в 60 милях от побережья Перу. Индейцы как раз собирались идти против ветра к скрытому за горизонтом материк.

«Они три недели не были в родной деревне и теперь возвращались с грузом сушеной рыбы; семья состояла из девяти человек, с ними были еще собаки и весь скарб... Судно, на борту которого я находился, – шхуна водоизмещением 40 тонн – направилось вместе с ними в тот же пункт, и нас поразило, как круто шел плот против ветра, развивая скорость до четырех-пяти узлов. Некоторое время мы шли рядом и прибыли на следующий день с разрывом в несколько часов... На отдельных участках побережья все морские перевозки осуществляются такими бальсовыми плотами, а в Ламбайеке из-за сильного прибоя только на них можно подойти к берегу. Они перевозят также соль из порта в порт на расстояние 200-300 миль, что еще раз доказывает их надежность».

Французский исследователь мореходства Пари отправился в северо-западную часть Южной Америки, чтобы изучить там бальсовый плот. Он описал этот плот в своем капитальном труде о неевропейских судах, вышедшем в 1841-1843 годах. Сто с небольшим лет назад Пари писал: «В Перу по-прежнему применяют такие же плоты, какие в древности строили аборигены; они настолько приспособлены к местным условиям, что их предпочитают всем другим судам...».(21) Он опубликовал также важный технический чертеж большого бальсового плота с гуарами, однако ему не довелось увидеть плот, маневрирующий в море, поэтому он не совсем разобрался в применении и действии гуар. Пари недоверчиво отнесся к свидетельству Хуана и Ульоа о том, что гуары позволяют плотам делать любые маневры.

Он писал: «Нам не пришлось достаточно наблюдать эти замечательные плоты, чтобы

удостовериться, что они в самом деле могут выполнять все эти маневры...». Однако он признавал: «На плотях нет никаких других приспособлений для управления в океане...».

Через несколько лет шведский капитан Скугман(22) видел бальсовые плоты с гуарами далеко в океане на широте Северного Перу и сообщил, что такие плоты заходили на острова Галапагос, лежащие в 600 милях от материка.

Очевидно, гуара, в отличие от гребка или рулевого весла, может применяться только вместе с парусом. Без паруса в гуаре нет смысла.

Американский археолог Лотроп(23) и другие исследователи установили этот факт, который очень важен, если учесть, как много гуар найдено при раскопках погребений в засушливых районах на севере и юге Перу. Изумительно орнаментированные гуары из многочисленных погребений Паракаса и Ики в Южном Перу показывают, что парусные плоты были существенным элементом культуры и в этих южных широтах задолго до появления письменных источников, даже до инков.

Беннет(24) – специалист по археологии Перу – приводит иллюстрацию, на которой изображена доинкская гуара с южного побережья Перу, украшенная замечательной резьбой и росписью. Археологи позволили нам также узнать мелкие, но достаточно существенные детали, не отмеченные ранними хронистами и исследователями, а именно, как крепились найтовы к скользким бревнам и какую форму придавали отдельным бревнам на носу и на корме, чтобы уменьшить сопротивление.

Эту информацию дают крохотные модели плотов – так сказать, «духи» плотов, найденные в большом количестве еще южнее, в погребениях Арики. Речь идет о доисторических изделиях, захороненных за тысячу с лишним лет до прибытия Писарро и первых европейцев; на них видно, что найтовы из пенькового каната или ремней (из тюленьей шкуры) входили в вырезанные по окружности бревен желобки. Видно также, что расположение бревен на носу и на корме приближало обводы к форме лодки, чтобы сопротивление было меньше.

Маленький плот, найденный при раскопках погребений Арики известным археологом, специалистом по Перу, Максом Уле(25), был оснащен квадратным парусом из камыша. Аналогичным парусом до сего дня пользуются горные индейцы на озере Титикака. Эта находка, сделанная на месте примитивного рыбацкого селения и датируемая первым веком нашей эры, побудила Норденшельда(26) заключить, что «на побережье Перу парус, вероятно, был известен до появления гончарного ремесла и ткачества...».

Как мы уже видели у Инки Гарсилассо, на засушливом побережье древнего Перу самым распространенным судном был камышовый плот одиночного рыбака. Парусные деревянные плоты использовались только для перевозки тяжелых грузов и для выхода в океан. В инкские времена главными перуанскими гаванями, в которых сосредоточивались такие плоты, были Паита, Тумбес и другие поселения вблизи больших бальсовых лесов на северном побережье Эквадора. Но вплоть до 1900 года важные порты находились также в Сехуре, Ламбайеке, Пакасмайо и Хуанчако, в 500 милях к югу от Гуаякиля.

Во времена инков на бальсовых плотях плавали еще в 500 милях южнее. На них перевозили в разные области Перу гуано для удобрения с островов Чинча в районе Писко. Инки даже транспортировали по суше в разные концы своей империи бальсовые бревна для плотов. Когда первый испанский отряд под предводительством Эрнандо Писарро, выйдя из Куско, продолжал движение через Анды, он нашел в нынешней Боливии множество длинных бревен, доставленных туда местными носильщиками. На озере Титикака предполагалось построить бальсовые плоты для Инки Хуайна Капака и его придворных.(27) Таким образом, сочетание исторической и археологической информации дает нам достаточно полное представление о принципах конструкции и о значении примечательного плота, который обеспечил возможность аборигенного судоходства в Перу и в прилегающих областях Тихого океана. Известный американист Лотроп в своем интересном труде «Мореходство аборигенов у западных берегов Южной Америки» хорошо описал бальсовый плот.

Правда, оценивая его ходовые качества, Лотроп утверждал, что бревна «быстро впитывают воду и через несколько недель совершенно теряют плавучесть. Поэтому приходилось время от времени разбирать жангаду (то есть бальсовый плот) и вытаскивать бревна на берег, чтобы как следует их просушить».(28) Лотроп считал, что бальсовый плот был непригоден для заморских плаваний и не мог пройти не только до полинезийских островов, но даже до островов Галапагос, лежащих в нескольких сотнях миль от материка.

При этом Лотроп ссылался на Байема – английского путешественника XIX века, совсем не знавшего бальсовых плотов.(29) В книге Байема, изданной в 1850 году, читаем, что парусник, на котором он шел, встретил бальсовый плот в районе Кабо Бланке (Северное Перу). Плот шел вдалеке, курсом на юг, борясь с встречным ветром. Капитан парусника рассказал Байему, что такие плоты лавируют лучше, чем европейские китобойцы, но через несколько недель утрачивают плавучесть, их приходится вытаскивать на берег и сушить.

На основании этих сведений Лотроп и сделал вывод, что бальсовый плот неспособен находиться в море достаточно долго и, следовательно, совершать большие плавания. И он предположил, что Тупак Инка со своей армией не ходил дальше района, лежащего к северу от Гуаякиля.

Но в целом труд Лотропа был настолько основательным, что после него мало кто из этнологов углублялся в этот вопрос. Дополнительный материал представил Минз – крупный английский авторитет по инкской истории – в опубликованной в 1942 году интересной статье «Доиспанское мореходство у Андского побережья».(30) Однако он отчасти опирается на Лотропа и в своей умозрительной оценке бальсового плота разделяет его негативную точку зрения: «несомненно, этот тип судна мог вызвать только презрение у судостроителей едва ли не любой другой мореходной нации мира». Минз заключает: «Итак, мы вправе сделать вывод, что в перуанском аборигенном мореходстве до завоевания страны испанцами плот из бальсовых бревен с парусами, рубкой и грузовым помещением был наименее презираемым и наименее несовершенным среди известных судов. Что и говорить, невелика похвала, но таковы факты, а лучшего отзыва не заслуживает судостроительное искусство древних жителей Андской области, совершенно чуждое морю».

Хорнелл – известный специалист по древним судам и мореходству аборигенов – в 1945 и 1946 годах тоже обращается к этой теме в статьях «Были ли контакты между народами Океании и Южной Америки до Колумба?» и «Как попал батат в Океанию?». Хорнелл не сомневается в том, что древние перуанцы оказывали влияние на земледелие полинезийских островов, но избегает поспешно судить о бальсовом плоту. И, однако, все-таки он считает: «Обыкновенный, ничем не обработанный бальсовый плот не мог совершить дальнего океанского плавания, разве что инкские моряки знали способ пропитки гигроскопичных бревен каким-то водоотталкивающим составом...». Хорнелл допускал, что древние перуанцы растворенным каучуком, смолой или воском смазывали бревна и благодаря этому могли плавать до Восточной Полинезии.

Такая убежденность американистов, которые теоретически изучили основные принципы перуанского судостроения, повлияла двояко на современных этнологов. Этнологи, заклеив мореходные качества бальсового плота и считая его «немореходным», тем самым лишили аборигенов Перу важнейшего навигационного средства и составили представление о них как о чуждом мореходству, сугубо сухопутном народе. Это однобокое представление о ранних высокоразвитых культурах тихоокеанского побережья Южной Америки внедрилось как в специальную, так и в общую литературу и повлияло на изучение узловых проблем полинезийской этнологии.

В 1932 году видному знатоку Тихоокеанской области Диксону удалось показать, что батат вместе с его кечуа-перуанским названием «кумара» был доставлен человеком из Перу в Полинезию до прихода испанцев в Южную Америку. Указывая на бальсовый плот, он предположил, что переносчиками батата были перуанские или иные американские индейцы. В том же году Лотрон опубликовал свой упомянутый выше обзор перуанского судоходства, а двумя годами позже Диксон в новой статье вернулся к этому вопросу. Теперь он писал:

«Так как у нас нет никаких свидетельств, что у индейцев тихоокеанского побережья Южной Америки, где возделывался батат, когда-либо были суда или навыки дальних морских плаваний, приходится заключить, что переносчиками растения были полинезийцы».(31) Известный американский специалист по археологии Полинезии Эмори(32) писал в 1933 году по поводу древних мегалитических сооружений на острове Пасхи, островах Общества, Маркизских, Гавайских, Тубуаи и Тонга: «Вполне правомерно предположить американское происхождение такого специализированного элемента культуры, как эта каменная кладка. Это очень характерный элемент, и сосредоточен он в той части Америки, которая находится ближе всего к Полинезии и откуда течения устремляются по направлению к острову Пасхи и архипелагу Туамоту... Разве не мог какой-нибудь мореходный плот ранних инков, подхваченный этим течением, доставить уцелевших за 2 тысячи миль на остров Пасхи на западе?».

Но в 1942 году в одной из своих последующих статей Эмори(33) отказался от этого взгляда, ибо, как он говорил, Диксон смог убедить его, что бальсовый плот тихоокеанского приморья Южной Америки быстро пропитывается водой. В свою очередь Морган(34) в 1946 году ссылается уже на Эмори, который сообщил ему, что «бальсовые плоты в несколько дней пропитываются водой, если их не вытаскивать на берег для просушки».

К этому времени негативное суждение о бальсовом плоту стало аксиомой, и Питер Бак(35) в 1945 году в своем «Введении в полинезийскую этнологию» сбросил со счетов половину прилегающих к Тихому океану областей, заявив: «Поскольку у индейцев Южной Америки не было ни судов, ни мореходных навыков, необходимых, чтобы пересечь просторы океана, отделяющие их берега от ближайших полинезийских островов, их никак нельзя считать переносчиками элементов культуры».

Столь же убежденно американский этнолог Уэклер(36) писал в 1943 году в монографии «Полинезийские первооткрыватели Тихого океана»: «...у американских индейцев не было морских судов, способных на такие переходы, как плавание в Полинезию».

Этот взгляд так утвердился среди американистов и тихоокеанистов, что, когда я попытался оспорить его в 1941 году, моя статья, как и следовало ожидать, не вызвала отклика. Стало очевидно, что есть лишь один способ решить вопрос: построить такое же судно и проверить его на деле.

В 1947 году я организовал и возглавил экспедицию «Кон-Тики».

Плот, названный «Кон-Тики», был сделан из девяти бальсовых бревен двухфутовой толщины, длиной от 30 до 45 футов; среднее бревно было самым длинным. Основа была связана с поперечинами, на которых лежал бамбуковый настил и стояла открытая надстройка. Конструкцию довершали двуногая мачта с прямым парусом, пять гуар и рулевое весло. 28 апреля 1947 года плот вышел из Кальяо с командой, состоящей из шести человек; спустя девяносто три дня он миновал первые обитаемые полинезийские острова. Пройдя за 101 день 4300 миль, «Кон-Тики» сел на риф атолла Рароиа в архипелаге Туамоту; при этом команда не пострадала, а груз был спасен почти полностью.

Цель экспедиции заключалась в том, чтобы практически изучить и проверить качества и возможности бальсового плота, а также получить ответ на старый спорный вопрос: были ли острова Полинезии досягаемы для плотоводов древнего Перу?

Судно продемонстрировало замечательные мореходные качества и отлично доказало свою способность перевозить тяжелые грузы в открытом океане. Из всех его ценных свойств нас больше всего удивила и поразила исключительная надежность и остойчивость при любой погоде. Кроме способности справляться с волнами, стоит, пожалуй, назвать грузоподъемность. Впрочем, тут нечему удивляться, ведь еще первые испанцы описывали бальсовые плоты, перевозившие больше тридцати тонн.

Теоретики отрицательно отозвались о плавучести бальсового плота, ссылаясь на то, что из-за гигроскопичности бальсы он-де без регулярной просушки затонет. Кроме того, считали, что найтовы, соединяющие бревна и всю остальную конструкцию, будут истерты при качании бревен на волнах. О легкой пористой древесине говорили, что она не выдержит

сосредоточенной в центре нагрузки (команда и груз), если нос и корму одновременно поднимет двумя волнами. Наконец, при высоте надводного борта всего полтора фута команда и груз на открытом плоском плоту окажутся не защищенными от океанских волн.

Наш опыт дал ответ на эти вопросы и показал, что у представителей древних культур Перу и Эквадора были все основания создать именно такой тип мореходного судна.

Поступающая в продажу сухая бальса чрезвычайно гигроскопична и не подходит для строительства плотов, но древесина только что срубленных стволов еще насыщена соком и почти не впитывает морской воды. Правда, вода постепенно проникает в просушиваемые солнцем внешние слои, но внутрь ее не пускает сок. Когда «Кон-Тики» через год после экспедиции вытащили на берег для консервации, он еще мог поднять не одну тонну груза.

Бальсовые бревна не стирали найтовы по той простой причине, что их поверхность стала мягкой, губчатой, и веревки оказались словно утопленными в пробке. Двухфутовой толщины было достаточно, чтобы бревна устояли против двух штормов, во время которых волны вздымались выше плота; они выдержали даже столкновение с рифом в Полинезии.

Секрет надежности и остойчивости открытого бальсового плота, несмотря на незначительную высоту надводного борта, объясняется его исключительной способностью прилаживаться к волне. Плот переваливал через грозные горы воды, которые подмяли бы почти любое другое малое судно. Вторая причина – гениальная конструкция, благодаря которой вода тотчас уходила, как сквозь сито. Ни могучие валы, ни разбивающиеся ветровые волны не могли застичь плот врасплох; результатом было чувство безопасности, какого не дает никакое другое открытое или малое судно. Больше того, низкий борт и обеспечиваемая независимыми креплениями гибкость конструкции позволили посадить плот прямо на риф с подветренной стороны коварного архипелага Туамоту.

Во время плавания было проведено несколько опытов с упоминавшимися выше выдвижными швертами, которые индейцы называют гуарами. Выяснилось, что пяти надежно укрепленных гуар шириной в два фута и длиной в шесть футов достаточно, чтобы плот мог идти почти под прямым углом к ветру. Подтвердилось также, что править плотом можно без рулевого весла, если поднимать или опускать гуару на носу или на корме.

Однако попытка идти галсами против ветра кончилась полной неудачей, и команда склонилась к общепринятому взгляду, что перуанский бальсовый плот, подобно любому другому плоскодонному плоту, может ходить только в общем направлении попутного ветра.

Но последующие исследования, проведенные после экспедиции, убедили меня, что наша неудача объясняется скорее незнанием забытых приемов, чем несовершенством системы, которую так долго с успехом применяли инки. Это подтвердилось во время второго эксперимента с плотом, проведенного в 1953 году у берегов Эквадора.

Гуары бальсовых плотов заметно отличаются друг от друга размерами (в зависимости от величины и типа судна) и материалом, из которого они сделаны. Обычная длина гуары 1,25-2 метра, ширина 10-25 сантиметров; правда, в районах, прилегающих к лесным массивам Эквадора, известны гуары длиной до 3,5 метра и шириной 0,5 метра. Гуары представляют собой прямоугольные доски с выступом или вырезом в верхнем конце.

Если для изучения древнеперуанских судов мы располагали только записками хронистов, схематическими изображениями в аборигенном искусстве и «духами плотов», то для знакомства с гуарами к нашим услугам есть подлинные экземпляры, которыми пользовались древние мореплаватели.

Такие гуары, чаще всего вырезанные из твердой и прочной древесины перуанского альгарробо, принадлежат к наиболее многочисленным находкам в доиспанских погребениях на побережье Перу. Есть мастерски выполненные гуары, которые представляют художественную ценность, и многие из них являются гордостью перуанских разделов музеев всего мира. Но большинство гуар сделано просто, без всяких украшений, а так как представляющие чисто прикладной интерес изделия не привлекали кладоискателей, они часто бесследно исчезали.

Пожалуй, можно сказать так: соотношение между профессиональной археологией и

простым кладоискательством на перуанском побережье прямо пропорционально соотношению примитивных и богато украшенных гуар или соотношению между гладкой перуанской керамикой и красующимися в музеях декорированными фигурными сосудами.

Наиболее искусно обработаны гуары из районов Писко, Паракас и Ика в южной части побережья Среднего Перу. Но и здесь при раскопках находят примитивные, грубо сделанные гуары из альгарробо. Если на резных гуарах из района Чиму на севере Перу мы обычно видим только изображение одной птицы или одного животного на нерабочей части рукоятки (как и на местных веслах), то на лучших образцах из Паракаса резные или рисованные изображения птиц, рыб, людей или символические орнаменты расположены в два-три ряда. Часто верхний ряд составляют фигуры шести – восьми мужчин, которые стоят бок о бок, держась за руки так, что получается волнообразная линия.

Высказывались предположения, что некоторые гуары с особенно тщательно вырезанными украшениями были ритуальными эмблемами ранга; вероятно, это так и есть. Однако я не видел еще ни одного образца, который нельзя было бы использовать по прямому назначению: в каждом случае взята достаточно твердая древесина, а резные изображения размещены так, что они не мешают пользованию гуарой. Резьба, как правило, ограничивается рукояткой; в редких случаях орнамент спускается ниже, тогда он нанесен на боковую грань, и доска все равно может свободно ходить в прорези или щели между мягкими бальсовыми бревнами.

Характерно, что резьбой в основном покрывали только ту часть гуар, которая оставалась на виду над палубой, а погруженную часть, скрытую от глаз команды и пассажиров, не украшали.

Естественно было ожидать, что чисто ритуальный предмет будет украшен во всю длину, подобно рукояткам обрядовых топоров или жезлам. Учитывая функции гуары, верхняя часть которой, а также рукоятка остаются на виду и не изнашиваются (к ним лишь изредка прикасается рука), можно уверенно предположить, что подавляющее большинство даже наиболее богато орнаментированных образцов использовалось по прямому назначению – вероятно, более высокопоставленными членами общины.

Когда в конце прошлого столетия в музеи и частные коллекции впервые поступили полученные при раскопках искусно обработанные доски из Писко, их считали просто замечательными образцами доинкской резьбы по дереву. И хотя Гретцер – специалист по Перу – в 1914 году заключил, что речь идет о морских гуарах, до недавнего времени мало кто задумывался над подлинным назначением этих досок.

Гретцер, проживший не один десяток лет в приморье Перу, имел полную возможность наблюдать уже уходящие в прошлое бальсовые плоты с гуарами, которые, как и в далекие времена, по-прежнему перевозили тонны сушеной рыбы на север, в Эквадор, а там забирали строительный лес и другие грузы. При раскопках в долинах Писко и Ики он сразу же определил назначение обнаруженных гуар, которые хранятся теперь в Берлинском музее этнографии. Гретцер видел в этой находке убедительное доказательство того, что жители приморья уже и доинкские времена регулярно выходили в океан и совершали плавания, подобные тем, которые засвидетельствовали испанцы.

Тому, кто незнаком с замечательными мореходными качествами инкских камышовых и бальсовых плотов, может показаться, что жители побережья делали только первые шаги в судоходстве. На самом деле древние перуанцы хорошо знали одnodеревки и лодки с нормальным корпусом, и все-таки они предпочитали пользоваться своими судами, изумительно приспособленными к местным географическим условиям.

Широко распространенное мнение, которое недооценивало якобы примитивные лодки из камыша тотора и бальсовые плоты, возможно, было одной из причин того, что поразительно мало внимания уделялось источникам, которые трактуют вопрос о мореходстве аборигенов. Даже после публикации Гретцера нередко можно было увидеть в музеях перуанские гуары с бирками «ритуальные лопаты» или что-нибудь в этом роде, хотя каждый мог убедиться, что гуары не подходят для земляных работ. По мере роста количества

находок в раскопах становилось все более ясно, что эти своеобразные доски – какая-то часть морской оснастки, ибо в погребениях они обычно лежали вместе с рыболовными снастями или иными предметами, указывающими скорее на морской промысел, чем на земледелие. Бросалось также в глаза, что узоры на рукоятках гуар и местных веслах повторяют друг друга. Поэтому в последнее время гуары чаще всего экспонировали с бирками: «весло особого рода» или даже «руль».

Между тем достаточно взглянуть на рукоятку, чтобы сразу понять, что это своеобразное изделие не могло быть ни тем, ни другим. Главное свойство весла – безупречный баланс; рукоятка должна венчать вертикальную ось, чтобы лопасть не поворачивалась во время гребка. А рукоятка гуары совсем не сбалансирована, она расположена с самого края, поэтому грести такой доской невозможно. И нигде не ухватишься для баланса второй рукой. На большинстве гуар южного побережья есть прорезь для пальцев – что-то вроде ручки обычной сумки.

Очевидно, что специализированная рукоятка гуары рассчитана только на вертикальный подъем и опускание широкой доски одной рукой, а не на сбалансированные гребки двумя руками. Столь же мало рукоятка гуары годится на роль румпеля. Совершенно ясно, что гуары по своему назначению не могут быть сравнимы ни с какими частями оснастки европейских плавучих средств.

Однако эти археологические свидетельства, а также описания и зарисовки европейских путешественников, которые сами видели гуары на плотках аборигенов, так и не стали всеобщим достоянием к тому времени, когда в Европе – кстати, довольно поздно! – начали оснащать суда швертами.

Лотроп сообщает, что в 1710 году в Англии провели опыты с выдвигаемыми швертами на некоторых типах малых судов. По-настоящему они стали применяться в Англии и США с 1870 года. До тех пор европейские моряки использовали только выдвигаемые кили, единственное назначение которых было препятствовать сносу.

Когда мы в 1947 году оснастили «Кон-Тики» гуарами, все этнологи и знатоки морского дела единодушно утверждали, что они не помогут управлению плотом. И хотя члены экспедиции установили, что с пятью действующими гуарами можно изменять курс и идти почти под прямым углом к ветру, все наши попытки развернуться и плыть против ветра оказались безуспешными.

В 1953 году благодаря любезной помощи эквадорского археолога Эмилио Эстрады оказалось возможным продолжить опыты с бальсовым плотом нормальных размеров в районе залива Плайас в Эквадоре, где местные рыбаки и поныне используют маленькие, связанные из трех бревен плоты типа бразильской жангады.

На этот раз удалось до конца раскрыть секрет инков, ходивших на своих плотках против ветра.

Это оказалось очень просто. Команда, в которую входили Эстрада, американский археолог Рид, его норвежский коллега Шельсволд и я, установила, что, если в момент поворота, когда ветер дует перпендикулярно продольной оси плота, быстро развернуть парус и так же быстро изменить соотношение погруженной площади гуар на носу и на корме, плот послушно развернется и пойдет против ветра.

Самое главное заключается в том, чтобы согласовать движения при повороте реи и подъеме или погружении гуар. Чтобы рею можно было свободно повернуть, она должна быть закреплена в точке соединения мачты-бипода. После того как был открыт способ разворота плота, оставалось лишь регулировать гуары, и плот без труда шел против ветра, лавируя под таким же углом, как обычные парусные суда. При новом курсе опять-таки только соотношение между погруженными гуарами на носу и на корме определяло направление хода.

Итак, теперь нам известно, что технически нет никаких пределов дальности плаваний древнеперуанских судов в Тихом океане. Следовательно, нет ничего неожиданного в том, что передовой отряд Писарро встретил бальсовый плот, направлявшийся в Панаму. И мы

вправе строить самые смелые предположения о развитии мореходства у жителей перуанского побережья после появления, еще в доинкские времена, гениального изобретения – гуар. (V)

РАСКОПКИ НА ОСТРОВАХ ГАЛАПАГОС

Хейердал показал, что индейцы располагали и судами, и навигационными навыками, позволяющими им достичь островов Южного моря. Надо было найти след их присутствия там, будь то в виде элементов культуры или археологического субстрата. С самого начала Хейердал ищет объяснение определенным элементам культуры и уже на протяжении многих лет привлекает в помощь археологию. Он организовал две археологические экспедиции, первую – на острова Галапагос, лежащие всего в 600 милях от побережья Перу и Эквадора.

Читатель уже знает, что архипелагу придавалось большое значение при толковании инкских преданий. Засушливая природа этих вулканических островов обусловила их необитаемость.

В разных местах Галапагоса археологи экспедиции раскопали много черепков аборигенной керамики и некоторые другие предметы индейского происхождения. Находки были отправлены в Национальный музей США в Вашингтоне. Там определили, что они представляют разные индейские культуры приморья древнего Перу и Эквадора. Многие предметы явно были изготовлены не только до прихода испанцев, но и до возникновения инкского государства.

Позднее Хейердалу пришлось спорить со своими противниками, которые утверждали, что найденные изделия были доставлены на Галапагос пиратами, ограбившими перуанские погребения. Но, во-первых, никто не слышал о том, чтобы пираты грабили перуанские погребения, во-вторых, среди находок преобладали черепки гладкой, лишенной украшений посуды. Такая посуда представляла для флибустьеров столь же малый интерес, как обнаруженные наряду с черепками пряслице, свистулька из обожженной глины и примитивные орудия из кремня и обсидиана.

К тому же многие черепки относились к типам керамики, характерным исключительно для обитателей приморских лесов Эквадора, куда пираты вообще не забирались. И наконец, черепки перуанской и эквадорской посуды найдены в разных точках нескольких островов Галапагоса. Все это подтверждает вывод, к которому пришли специалисты из Национального музея в Вашингтоне: археологические находки на Галапагосе доказывают, что индейцы Южной Америки на протяжении долгого времени до прихода европейцев часто посещали архипелаг.

В основу этой статьи лег доклад, прочитанный на X Тихоокеанском конгрессе в Гонолулу, проходившем с 21 августа по 6 сентября 1961 года. Сокращено только то, о чем подробно говорилось в предыдущих главах.

До недавнего времени считалось, что острова Галапагос были недостижимы для судов аборигенов как Южной Америки, так и Полинезии, поэтому здесь не велось никаких археологических работ. Правда, в XVI – XIX веках: немало европейцев, лично видевших управляемые гуарами бальсовые плоты, считали, что аборигенные суда из Перу и Эквадора могли дойти до Галапагосов, но на рубеже XX века, когда бальсовые плоты исчезли совсем, забыли и о замечательных свойствах этих местных судов.

Все дискуссии о возможности доиспанских посещений Галапагосов определялись предвзятым отношением авторов к плотам. В специальной литературе распространились ошибочные взгляды, и у археологов уже не было стимула изучать необитаемые засушливые острова Галапагосы.

Так, известный путешественник В. фон Хаген утверждал: «Инка (Тупак) плыл куда угодно, только не на Галапагосы».

Опираясь на якобы авторитетные заявления о том, что обитатели Андского приморья были «совершенными невеждами» в вопросах мореходства, он считал высадку Инки на

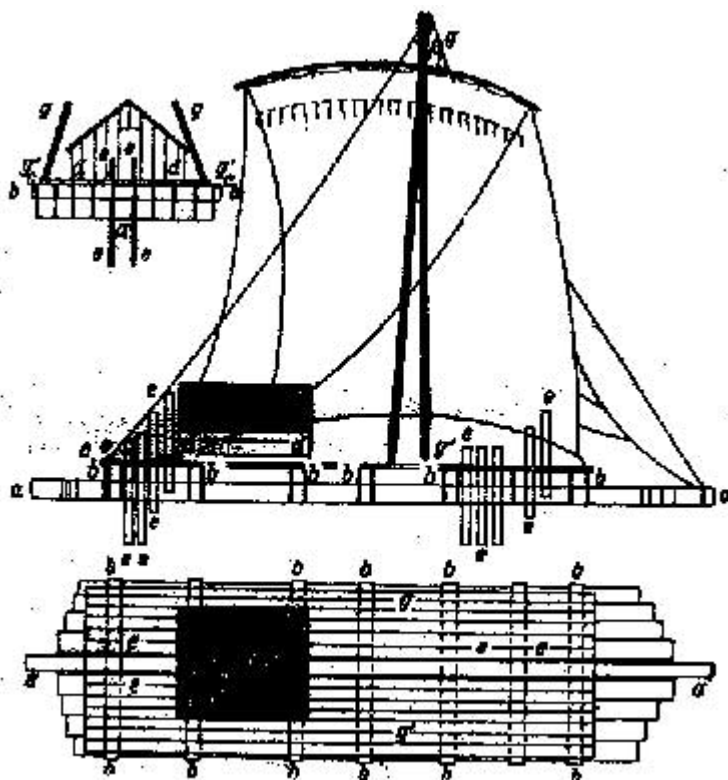
острова Галапагосы «явно невозможной».

Дальнейшие события показали, что современное суждение о бальсовых плотках было в корне ошибочным. Начиная с 1947 года мимо Галапагосов прошло пять парусных плотков из Перу. Один из них с командой из трех мужчин и одной женщины, во главе с перуанским композитором чешского происхождения Ингрисом, сперва пристал к острову Исабела в архипелаге Галапагос, а затем попал в полосу штилей, где его и подобрала. Остальные четыре дошли до Восточной, Центральной и Западной Полинезии.

Еще важнее оказались новые эксперименты с гуарами, проведенные Эстрадой, Ридом, Шельсволдом и мной в 1953 году на бальсовом плотке у побережья Эквадора. В результате было выяснено, как действует это чрезвычайно остроумное навигационное приспособление, и ранее дискредитированные источники были реабилитированы. При правильном соотношении действующей площади гуар на носу и на корме плоток разворачивается кругом и ложится на любой нужный курс независимо от направления ветра.

Другие опыты показали, что плотки из свежей бальсы полностью сохраняют плавучесть до двух лет, а то и больше. Короче говоря, острова Галапагос были вполне достижимы для аборигенов Перу и Эквадора.

Учитывая все это, автор в 1953 году организовал экспедицию на Галапагосы с целью археологических исследований. В экспедиции участвовали археологи Рид (главный археолог Национальных парков США) и Шельсволд (ныне хранитель собрания древностей университета Осло). Мы не собирались досконально изучать архипелаг, даже отдельные его острова, а сосредоточили свое внимание на местах, пригодных для стоянок и доступных для аборигенных судов.

Острова Галапагосские.

На трех островах было найдено четыре зоны доиспанских стоянок, наиболее крупная – на острове Сантьяго, где на плато выше залива Джемса мы обследовали восемь стоянок. Горный гребень отделяет их от зоны у бухты Пиратов. Две другие зоны обнаружены на острове Санта-Крус, у Китовой бухты, и на Черном берегу острова Флореана. Еще одну доисторическую стоянку открыли уже в 1954 году на острове Санта-Крус, возле Кабо

Колорадо, американские участники Диснеевской экспедиции на Галапагосы – Куффер и Холл.

На этих стоянках был собран 1961 черепок минимум 131 сосуда аборигенной керамики. Ученые считают, что сорок четыре сосуда несомненно и еще тринадцать сосудов предположительно представляют собой известную посуду приморья Эквадора и Северного Перу. Из остальных семидесяти четырех сосудов шестьдесят семь не опознаны только потому, что материал недостаточно характерен, а семь сосудов не удалось точно определить, даже несмотря на вполне отчетливые приметы.

Они относятся к типам керамики, которых не находили больше нигде в мире. Американские специалисты разделяют типы южноамериканской керамики по составу и качеству глины, степени обжига, форме и обработке поверхности сосудов. Каждый тип керамики получил название, как правило, по месту первой находки; эти сосуды производились исключительно в пределах распространения данной индейской культуры, то есть в определенной географической области и на протяжении определенного времени, пока не появлялся новый тип изделия, который полностью вытеснял предшествующий. Поэтому черепки сосудов исключительно важны для определения перуанских и эквадорских культур, особенно в таких областях, как Галапагос, где почва и климат не благоприятствуют сохранению органического материала – скелетов, дерева и тканей. Керамика принадлежит к немногим доисторическим материалам, которые остаются неизменными, если не считать, что она может разбиться на мелкие куски. «Ла-Плата фигурная», «Сан-Хуан фигурная» и так далее

– названия типов доисторической керамики с побережья Перу. Керамика, именуемая «Тиауанакоидная», относится к тому времени, когда влияние доинкской культуры тиауанако распространилось от горных областей до побережья Тихого океана.

Образцы керамики, добытые при раскопках на Галапагосах, исследованы и определены Эвансом и Меггерс, крупнейшими знатоками бытовой керамики индейцев эквадорского и североперуанского приморья, сотрудниками Смитсонова института в Вашингтоне.

На некоторых стоянках были собраны черепки только перуанских изделий, на других получен и перуанский, и эквадорский материал.

Керамика «Ла-Плата фигурная» представлена тремя сосудами с двух стоянок на берегу залива Джемса; «Сан-Хуан фигурная» – одним сосудом с третьей стоянки на том же берегу; «Кенето лошенная гладкая» – двумя кувшинами из двух раскопов в районе залива Джемса; «Тиауанакоидная» – тремя изделиями из двух мест на берегу залива Джемса. В этом же районе найден один сосуд «Сан-Николас фигурный».

К типу «Томавал гладкая» принадлежат минимум пятнадцать сосудов из районов залива Джемса, бухты Пиратов, Китовой бухты и Черного берега; еще пять сосудов с трех стоянок предположительно отнесены к этому же типу. Керамика «Кастильо гладкая» представлена по меньшей мере десятью кувшинами из районов залива Джемса, Китовой бухты и Черного берега. На Черном берегу найдена также глиняная свистулька типа «Мочика». Еще шесть сосудов предположительно определены как «Кастильо гладкая».

Остальные поддающиеся определению кувшины представляют собой характерную доиспанскую бытовую керамику района Гуаяс (Эквадор). Весь материал подробно описан Шельсволдом и мной в «Записках Общества американской археологии», Э 12.

Если не считать трех сосудов сложной формы ранее неизвестного неевропейского вида, представленных 377 черепками (край, ручка, тулово) очень тонкой керамики с толстой красной глазурью, явно новых типов не обнаружено. Иначе говоря, с научной точки зрения собранный материал не представляет собой типологической ценности. Его значение заключается всецело в том, что он найден на островах Галапагосы, в 600-1000 миль от материка.

Естественно, возникает вопрос: не могла ли часть этих изделий попасть на Галапагос после Колумба? Остановимся вкратце на истории архипелага.

Острова Галапагос были открыты европейцами случайно в 1535 году, когда испанский

епископ Томас де Берланга, плывя из Панама в Перу, был подхвачен мощной струей комбинированного течения Эль Ниньо и Гумбольдта. Мореплаватели провели день на одном острове, еще два на другом, тщетно разыскивая пресную воду, после чего ушли. С большим трудом испанцам удалось пробиться в Эквадор, идя против устремленного на запад сильного течения. Поскольку епископ шел из Панама, он и его спутники вряд ли могли доставить на Галапагосы керамику аборигенов Перу или Эквадора.

Второе посещение архипелага состоялось в 1546 году, когда капитан Диего де Риваденейра украл в Арике (Чили) корабль и направился в Гватемалу. Он вновь открыл Галапагосы. безуспешно пытался в поисках питьевой воды подойти к одному из меньших островов и пошел дальше. Таким образом, и эти гости непричастны к черепкам, о которых идет речь.

Мы знаем, что во второй половине XVI века в водах архипелага Галапагосы появлялись отдельные испанские каравеллы, но известно также, что моряки не задерживались на этих необитаемых островах, где не было ни фруктов, ни воды. Возможно, на борту некоторых каравелл были индейцы и они сходили на берег, захватив с собой кувшины, и, возможно, они уронили несколько штук, но маловероятно, что они доставили на берег 131 кувшин и все до одного разбили. Да и не могли они привезти столь разную посуду, представляющую совсем различные географические районы и культурные периоды древнего Перу и Эквадора.

Хотя эти острова уже в 1570 году появились на карте (Орбис Террарум) фламандского картографа Ортелиуса под названием Галапагосских, для испанцев уединенный архипелаг в коварном Перуанском течении долго оставался «Лас Ислас Энкантадас» (Заколдованными островами).

Ортелиус нанес архипелаг Галапагосы на карту на основании соответствующей информации, полученной от своих коллег в Севилье. Кроме того, был известен отчет штурмана корабля, на котором плыл епископ Берланга. Название «Заколдованные острова» дал архипелагу капитан Диего де Риваденейра, так и не сумевший высадиться на них. Спасаясь от гнева короля, Диего направился вдоль экватора на запад, чтобы найти землю, о которой сообщал Берланга.

Он достиг архипелага, но из-за сильнейших течений корабль то сбивался с курса, то попадал в опасные места. Несколько дней испанцы тщетно пытались пристать к берегу и в конце концов решили, что острова перемещаются по поверхности моря. Отчаявшись покорить эти «непостоянные и нереальные острова», Диего сдался и окрестил их «Заколдованными».

В 1680 году в этих водах ходил английский пират Шарп. Коварные течения и ему не дали высадиться на берег. Он вел корабль сперва вдоль побережья курсом на Перу, но на широте Пунта Паринья свернул в открытое море, чтобы избежать встречи с испанцами. Там, где течение Гумбольдта устремляется в сторону Галапагосов, во время сильного шторма пираты встретили идущий под парусами бальсовый плот с товарами. Лоцман посоветовал Шарпу не состязаться с аборигенами, «так как еще не известно, удастся ли нам их догнать...».

Шарп рассказывал, что у бальсовых плотов «отличный ход», причем некоторые из них так велики, что из приморских долин Перу доставляют в Панаму по двести пятьдесят тюков муки, не замочив ни одного. (Это свидетельствует о том, что индейцы, во всяком случае до конца XVII века, продолжали перевозить грузы из Перу в далекую Панаму на больших морских плотках, о которых писали уже первые испанские путешественники. Капитан шведского фрегата «Евгения» Скугман также сообщает, что аборигены плавали на бальсовых плотках не только в прибрежных водах. Скугман встретил индейцев в океане в районе Северного Перу; они вели плот с помощью гуар. Шведский капитан прямо говорил, что бальсовые плоты того времени ходили на Галапагосы.) В 1684 году, через четыре года после тщетной попытки Шарпа, европейцам впервые удалось на некоторое время утвердиться на Галапагосах. Группа английских пиратов – Каули, Дампир, Девис, Уофер, Рингроуз и Джон Кук – на двенадцать дней остановилась в бухте Джемса (на острове

Сантьяго), чтобы разделить добычу. В Британском музее хранятся записки Каули, где подчеркивается, как трудно было добраться до архипелага: «...мы пошли на запад, чтобы попытаться найти острова, известные под названием Галиполус, а испанцы подняли нас на смех, они называли их заколдованными островами и говорили, что никто, кроме капитана Пориальто, их не видел, да и то он не мог подойти к ним вплотную и бросить якорь – ведь это призраки, а не настоящие острова».

Любопытно, что в 1684 году пираты оставили на берегу бухты Джемса не совсем обычную добычу – восемь тонн конфитюра из айвы. Вице-король Перу обнаружил пиратское гнездо, и огромные кувшины были разбиты. На плато до сих пор встречаются черепки толстых формованных на гончарном круге «испанских кувшинов». Впервые их обнаружил там английский капитан Коулнетт в 1798 году.

Интересно, что и мы видели некоторые из этих черепков. Они торчат в застывшем потоке черной лавы, край которого затопил большую часть долины. Таким образом, стало точно известно, что на острове Сантьяго после 1684 года произошло сильное вулканическое извержение.

В 1700 году на архипелаг прибыла французская экспедиция под руководством Бошан-Гуэна. Она провела там месяц. В 1789 году на островах вновь появились испанцы. Отряд Алонсо де Торреса прибыл на Галапагосы, чтобы исследовать острова и нанести их на карту.

Таким образом, нет никаких оснований полагать, что черепки аборигенной керамики составляли сосуды, которые попали на Галапагосы после прихода европейцев в Южную Америку. Изучая перуанскую керамику, Эванс и Меггере установили, что найденный нами материал восходит к доинкским периодам «Эстеро», «Ла-Плата» и «Томавал» на материке. Это значит, что черепки, по крайней мере с двух стоянок, датируются временем культуры приморская тиауанако.

Черепки 131 аборигенного сосуда, найденные на Галапагосах, свидетельствуют о немалой активности людей в этом районе задолго до появления здесь колонизаторов. Само собой разумеется, наше беглое обследование не могло выявить всех стоянок и вскрыло лишь незначительную долю материала. Причем из-за скудости почвенного слоя на прибрежных скалах значительная часть следов былых посещений, конечно, смыта в море.

Не менее очевидно, что это были кратковременные посещения островов, а не постоянные поселения, от которых остались бы более мощные слои и более однородная посуда. Вряд ли здесь могло независимо от родины развиваться гончарство, точно повторяющее материковую керамику

– от «Кастильо гладкая» и «Томавал гладкая» до «Тиауанакоидная полихромная», «Сан-Николас фигурная» и трех характерных образцов черной керамики чиму, а именно: «Кенето лощеная гладкая», «Сан-Хуан фигурная» и «Ла-Плата фигурная». Собранный экспедицией материал – типы керамики, которые были распространены от района Гуаяс в Эквадоре до отделенной от него на 1000 миль долины Касма, лежащей вблизи побережья Центрального Перу.

На основании всех этих данных можно с уверенностью сказать, что европейцы не первыми начали использовать острова Галапагос как рыболовную базу. Этот обычай зародился у аборигенов, по меньшей мере, во времена культуры приморская тиауанако в археологической периодизации Перу. (VI)

ОСТРОВ КОКОС – БАЗА ДОИСПАНСКОГО ИНДЕЙСКОГО СУДОХОДСТВА?

Остров Кокос, лежащий всего в 300 милях к юго-западу от Коста-Рики, первооткрыватели описали как приветливый клочок земли, правда, необитаемый, изобилующий зарослями кокосовой пальмы. Они и дали название этому вулканическому

островку, опоясанному крутыми скалами. Вторая археологическая экспедиция Хейердала обнаружила, что остров зарос дождевым лесом; от многочисленных пальмовых рощ остались только одиночные деревья. Такое изменение растительности является отправной точкой для умозаключений, подводящих нас к новому свидетельству древнеамериканского судоходства. Этноботанический анализ приводится здесь на конкретном примере.

Однодневного пребывания на острове оказалось достаточно, чтобы сделать вывод, что в будущем имеет смысл провести здесь археологические раскопки.

В основу этой главы положена статья «Заметки о доевропейских рощах кокосовой пальмы на острове Кокос», вошедшая в «Отчеты Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи и в восточную часть Тихого океана» (т. II, Стокгольм, 1965).

Норвежская археологическая экспедиция на остров Пасхи и в восточную часть Тихого океана высадилась на этом маленьком необитаемом океаническом острове 25 июля 1956 года, по пути с Маркизских островов в Панаму. Он лежит на 5° 35' северной широты и 87° 02' западной долготы, приблизительно в 450 милях к северо-востоку от островов Галапагос и в 300 милях к юго-западу от Коста-Рики; его площадь примерно 45 квадратных километров. Внутренняя, возвышенная часть острова достигает 911 метров; берег скалистый, обрывистый. Геология Кокоса описана англичанином Чаббом.(1) Лишь в северной части острова сплошные скалы прорезаны двумя непересыхающими потоками, устья которых образуют заливы Чатем и Уэфера. От каждой бухты в глубь острова уходит зажатая кручами долина. Сильные дожди питают многочисленные водопады. Они срываются с висячих долин или просто с гребней в выбитые в береговой кромке водоемы. Крутые склоны обеих долин, а также внутренние нагорья и гребни поросли густым, непроходимым тропическим лесом; зеленые мхи и кустарники покрывают большую часть отвесных береговых скал. Только вдоль долин можно проникнуть внутрь острова, да и то надо расчищать себе путь.

Общий характер растительности сильно изменился с тех пор, как первые европейцы, побывавшие здесь, описали остров и дали ему имя. Кокосовых пальм осталось так мало, что название «остров Кокос» кажется искусственным, особенно при сравнении с другими островами, лежащими ближе к Панамскому перешейку или в океане. Но раньше остров соответствовал своему названию; это видно из рассказов открывших его испанцев английскому капитану Уильяму Дампиру. Он пишет: «Остров Кокос назван так испанцами потому, что там в изобилии растут кокосовые пальмы, и не в одном, не в двух местах, а большие рощи... во всяком случае, так говорят испанцы, и я слышал то же самое от капитана Итона, побывавшего там впоследствии».(2) Одним из первых, в 1685 году, на острове побывал английский капитан Лайонел Уэфер(3), именем которого назван залив. Он писал: «Как только наши люди более или менее отдохнули, мы пошли на юг и достигли острова Кокос на 5 градусах 15 минуте северной широты. Он так назван из-за кокосовых орехов, которых на нем великий запас. Остров небольшой, но приятный; середина острова представляет собой крутую гору, а ее окружает плато, обрывающееся в море. Это плато (особенно же долина, где мореплаватели сходят на берег) густо поросло кокосовыми пальмами. Пальмы здесь отлично прижились, так как почва тучная и плодородная. Очень красиво они произрастают также вдоль подножия возвышенности в центре острова и местами на склонах.

Но особую приятность сему месту придают многочисленные источники чистой пресной воды, собирающейся на вершине в большом глубоком водоеме или пруду; стока в виде ручья или реки для этой воды нет, поэтому она во многих местах переливается через край и сбегает вниз множеством красивых струй. А кое где скалистый склон нависает над плато, и там срываются водопады, будто льют воду из ведра, и под струей остается сухое место, как под водяным сводом. Все это вместе с красивым видом, с произрастающими вблизи кокосовыми пальмами и освежающей воздух падающей водой делает это место весьма чудесным и улаждающим одновременно многие чувства.

Наши люди были премного довольны развлечением, каким для них явилось посещение острова, они наполнили здесь водой все бочки, ибо в речушке, образуемой водопадами,

превосходная чистая вода, и корабль стоял в море как раз напротив устья, где отличная якорная стоянка. Трудно найти лучшее место для пополнения запасов воды.

Мы не сэкономили кокосовые орехи – ели, сколько могли, пили кокосовое молоко и доставили на корабль несколько сот штук. Некоторые из числа команды сходили на берег каждый день. А однажды, желая доставить себе удовольствие, они сошли на берег и срубили множество кокосовых пальм, собрали с них орехи и набрали около двадцати галлонов молока. Потом все сели и стали пить за здоровье короля, королевы и прочих. Выпили изрядное количество, но никто не захмелел. И все же жидкость эта до того охладила и притупила их чувства, что они не могли ни ходить, ни стоять. И не могли вернуться на корабль без помощи тех, кто не принимал участия в увеселении. Прошло четыре или пять дней, прежде чем они пришли в себя».

Присутствие столь обширных пальмовых рощ на острове Кокос в доевропейское время можно объяснить тем, что их посадили люди, которые могли прибыть либо из Америки, либо из Полинезии, или же тем, что морские течения прибили к острову орехи. Все эти три гипотезы рассмотрены исследователями. Выводы ботаников, играющие важную роль для этнографических реконструкций, в значительной мере основываются на господствующих представлениях о миграции человека. Вопрос о происхождении *Cocos nucifera* окончательно еще не выяснен учеными.

Задолго до открытия Америки европейцы познакомились с кокосовой пальмой в Индии и Индонезии. Аполлоний Тинийский видел эту пальму в Индостане в начале нашей эры; тогда ее считали типично индийским растением. На Азиатский континент она попала с Малайского архипелага, очевидно, незадолго до упомянутого сообщения. Самые ранние китайские описания относятся к IX веку; на Цейлон кокосовая пальма попала на заре истории.(4) Когда Колумб во время первого плавания в Америку открыл Кубу, в его судовом журнале появилась запись о том, что мореплаватели увидели берег с множеством очень высоких пальм «и крупным орехом того рода, который известен в Индии». А когда испанцы достигли Панамского перешейка, Овьедо записал в 1526 году: «...как на материке, так и на островах есть дерево, именуемое Кокус...». И он чрезвычайно подробно описывает кокосовый орех и его применение.(5) В XVII веке многие ботаники считали кокосовую пальму азиатским видом, однако в XIX веке Марциус (1823-1850 годы) и Гризебах (1872 год) по ботаническим признакам заключили, что это растение происходит из Нового Света.

Французский ботаник де Кандоль сперва разделял их взгляд, но потом, изменив свою точку зрения⁶, заявил, что происхождение кокосовой пальмы остается неясным. Его аргументы определили дальнейший ход дискуссии. Он показал, что чисто ботанические признаки говорят в пользу американского происхождения, ведь одиннадцать представителей рода *Cocos* – американские и нет среди них ни одного азиатского. Аргументы де Кандоля в пользу азиатского происхождения всецело относятся к области этнографии и истории: раннее, доколумбово, распространение, многообразие способов местного применения, множество форм и названий.

Он признает, что в самом деле с пассатами предметы из тропической Америки попадают в тропическую Азию, но: «Обитатели азиатских островов были куда более отважными мореходами, чем американские индейцы. Очень может быть, что лодки с азиатских островов, на борту которых в качестве провианта были кокосовые орехи, по воле шторма или из-за неверного маневра попали на западное побережье Америки или острова на пути к Америке. Обратное в высшей степени невероятно». По его мнению, кокосовую пальму на остров Кокос доставили полинезийские мореплаватели.

Впоследствии аргументация до Кандоля ничем существенным не пополнилась. Мелкоплодный ископаемый вид *Cocos zeylandica*, открытый в позднечетвертичных отложениях на севере Новой Зеландии, не давал настоящих кокосовых орехов, в отличие от *Cocos nucifera*. Может быть, это открытие важно для каталога видов (в нем по-прежнему преобладают американские представители), но оно никак не влияет на вопрос о миграции человека(7).

Многие исследователи присоединились к теории де Кандоля о распространении кокосового ореха, опирающейся на этнографические доводы, другие не менее настойчиво вслед за Марциусом и Гризебахом указывают на отсутствие родственных видов в Индонезии и континентальной Азии.(8) Пожалуй, наиболее горячо отстаивал американское происхождение этого рода американский ботаник Кук, который первым упомянул в этой связи остров Кокос. Он писал: «Если бы кокосовый орех впервые попал в руки специалисту, знакомому со всеми остальными известными пальмами, он без колебаний отнес бы его к флоре Америки, ибо все близкие роды, включающие около трехсот видов, – американские. Не менее уверенно специалист приписал бы кокосовый орех к Южной Америке, потому что все остальные виды рода *Cocos* сосредоточены именно там, причем он указал бы на северо-западную часть Южной Америки, так как здешние дикие виды *Cocos* гораздо ближе к кокосовому ореху, чем виды из бассейна Амазонки и из Восточной Бразилии. Таким образом, с чисто биологической точки зрения правомерно предположить, что жизнеспособные и плодоносные кокосовые пальмы, отмеченные Гумбольдтом во внутренних областях Венесуэлы и Колумбии, росли поблизости от древней родины этих видов».

И еще: «Наиболее разнообразно применение кокосового ореха на островах Тихого океана, потому что скудный выбор растений делал островитян все более зависимыми от кокоса. Нужда породила многообразное применение пальмы, но сама она, несомненно, доставлена из Южной Америки – единственной части света, где дико произрастают ей подобные.

Большое количество кокосовых пальм на острове Кокос во времена Уэфера (1685 год) и исчезновение их следует считать доказательством того, что на острове ранее обитали или, во всяком случае, его посещали аборигенные мореплаватели с ближайшего материка... Пусть на острове не было постоянного населения, все равно обитатели материка могли посадить кокосовые пальмы и следить за ними, чтобы пользоваться их плодами во время рыболовных экспедиций, как это принято в некоторых районах Малайской области. Серьезные нарушения уклада в связи с приходом испанцев в область Панамы, естественно, должны были помешать таким посещениям.

Для этнологов эта ранее неизвестная доисторическая колонизация острова Кокос может стать еще одним свидетельством мореходного искусства индейцев тихоокеанского побережья тропической Америки, и они более положительно станут относиться к возможности доисторических связей между берегами Американского континента и островами Тихого океана».(9) Английский ботаник Хилл замечает по этому поводу: «Кук тоже придает значение присутствию кокосовой пальмы на острове Кокос... Однако предположения, сделанные Куком, вряд ли опровергают мнение де Кандоля о том, что кокосовую пальму могли привезти на остров ранние полинезийские мореплаватели. С этого острова или, что еще вероятнее, благодаря высадке кого-нибудь из упомянутых мореплавателей на тихоокеанском побережье Центральной Америки кокосовая пальма попала на материк и со временем широко распространилась».(10) Видный специалист по географии растений Зауэр говорит: «Вероятно, до прихода европейцев в Новом Свете по-настоящему возделывались только две пальмы: кокосовая и пехибайе. Остальные производят впечатление неизменившихся диких видов...».(11) Указав, что ученые располагают «компетентными и точными» рассказами очевидцев о том, что кокосовая пальма уже росла «в больших рощах в Панаме, Коста-Рике и на острове Кокос», когда туда пришли испанцы, он добавляет: «Возможно, такие рощи кокосовой пальмы достигали на севере побережья Ялиско (Мексика)». И еще: «Самые первые известные рощи в Новом Свете стояли отчасти вдоль побережья, отчасти вдали от моря, но тогда, как и теперь, это явно были именно рощи, а не отдельные пальмы среди девственного леса или кустарника».

Зауэр не определяет своего отношения к различным взглядам на исконную родину и доисторическое распространение кокосовой пальмы, однако говорит о предположениях Кука: «Это исследование по-прежнему остается наиболее значительным вкладом по данному

вопросу, хотя его выводы не получили полного признания... Гипотеза Кука в целом натолкнулась на сопротивление, прежде всего потому, что она предполагает высокий уровень мореходства древних, и потому, что кокосовый орех играл менее значительную роль в хозяйстве индейцев, чем индонезийцев».

Самым ярким оппонентом Кука по вопросу распространения американских культурных растений в области Тихого океана много лет был его соотечественник Меррилл.(12) (О подоплеке этого спора рассказано выше.) Однако потом Меррилл сам назвал кокосовую пальму в числе растений, которые с помощью человека пересекли Тихий океан до прихода европейцев.

Он писал: «Приходится согласиться, что время от времени происходили случайные контакты между народами Полинезии и Америки, были даже отдельные контакты между американскими индейцами и жителями островов Восточной Полинезии, однако никаких «тихоокеанских гонок», конечно, не происходило ни в том, ни в другом направлении». И еще: »...вряд ли подлежит сомнению, что полинезийцы ввезли кокосовый орех на западное побережье Америки между Панамой и Эквадором незадолго до прихода испанцев.

Мы не знаем окончательно, откуда происходит вид, не знаем также, когда и как он столь широко распространился. Одно несомненно: кокосовая пальма прочно утвердилась на влажном тихоокеанском побережье Панамы и в сопредельной Колумбии до появления испанцев».

Хотя общего согласия по вопросу о первичном центре возделывания *Cocos nucifera* нет, это не имеет значения для рассматриваемой проблемы, так же как тот факт, что в последнее время ботаники все больше склонны считать Америку родиной вида. Несмотря на разные мнения о происхождении кокосовой пальмы и начале ее культивирования, никто не оспаривает, что она была широко распространена как на материке к востоку от острова Кокос, так и на островах к западу от него до прихода европейцев.

Никто не сомневался в том, что кокосовый орех способен перенести дальние плавания в океане. Всхожесть ореха всецело определяется сопротивляемостью его глазков морской воде и гнилостным бактериям; примется ли он на новом месте, зависит от рельефа, почвы и растительности. Предположение, что эта полезная пальма могла распространиться через широкие океанские просторы лишь с помощью человека, подтвердилось.

Эдмондсон, занимавшийся в 1941 году опытами на Гавайских островах, и я во время экспедиции «Кон-Тики» в 1947 году независимо друг от друга убедились, что через несколько месяцев пребывания плодов в море в результате действия микроорганизмов их всхожесть понижается или даже вовсе уничтожается, даже если на новом месте они попадут в идеальные условия, например: их высадят на расчищенном участке, в песке, смешанном с землей. Поэтому самостоятельное распространение кокосовой пальмы через обширные водные пространства крайне маловероятно. Если кокосовая пальма попала на остров Кокос прямо из Полинезии, то только с помощью человека.

Ближайшая полинезийская область, откуда кокосовый орех мог быть доставлен на остров Кокос, – это Маркизские острова. Логично спросить, не упоминается ли в полинезийских преданиях о существовании какого-нибудь острова к востоку от Маркизских островов. На поразительно точной карте, которую сделал для капитана Кука полинезиец Тупия с острова Улитеа, восточнее Маркизского архипелага показан некий остров Уту.

Кроме того, маркизцы рассказали американскому капитану Портеру,(13) что к востоку от их архипелага есть остров под названием Утупу.

Портер пишет: «До сих пор ни один из наших мореплавателей не находил в этом месте острова с таким названием, но если обратиться к карте Тупия... вблизи того места, куда жители Нуахивы (то есть Нуку-Хивы) помещают Утупу, есть остров Уту... Эта карта, хотя и не выполнена с такой точностью, какой мы требуем от наших специалистов, начерчена сэром Джозефом Бенксом по указаниям Тупия и очень помогла Куку и другим мореплавателям открыть поименованные на ней острова...»

Что Уту, или Утупу, существует, в этом нет никакого сомнения: Тупия около

пятидесяти лет назад получил от других мореплавателей эту информацию и на основе ее указал положение острова на своей карте, а положение, сообщенное теперь Гаттаневой (с острова Нуку-Хивы), мало отличается от сведений Тупиа».

Но что особенно примечательно, маркизцы, по словам Портера, помнили об этом восточном острове лишь то, что оттуда их предки привезли кокосовый орех: «Рассказывают, что кокосовая пальма, как я уже говорил, доставлена с Утупу, острова, который здешние люди помещают где-то с подветренной стороны Ла Магдалены».(14) Таким образом, в устных преданиях мы не находим подтверждения гипотезы, по которой полинезийские мореплаватели заложили плантации кокосовой пальмы на острове Кокос. Напротив, сообщается, что первые орехи были привезены людьми, прибывшими с богатого кокосовыми пальмами острова на востоке, где лежит Америка.

Если морская вода и микроорганизмы загубят глазки плавающего кокосового ореха, прежде чем какое-либо морское течение успеет доставить его из Полинезии за 4000 миль в район острова Кокос или в Новый Свет, то 300 миль, отделяющие тот же остров от американского материка, – вполне преодолимое расстояние для переноса естественным путем. Тем более что ветры здесь благоприятные, не в пример экваториальной полосе на западе с ее штилями и переменчивыми течениями.

Остается выяснить, мог ли кокосовый орех, принесенный с американского материка, рассчитывать на благоприятные условия, способствующие его естественному распространению на берегах острова Кокос. Целью нашего короткого визита на остров было ознакомиться с местной топографией и растительностью. Таких сведений не найдешь ни в литературе, ни на весьма приблизительных картах.

Обойдя вокруг Кокоса, мы убедились, что крутые скалы и высокие отвесные берега, придающие острову сходство с крепостью, не оставляют ни одного клочка земли, где мог бы зацепиться дрейфующий орех, за исключением узкого устья рек в заливах Чатем и Уэфера в северной части. Экспедиционное судно отдало якорь у залива Чатем; мы высаживались на берег и здесь, и в бухте Уэфера.

После визита Уэфера в 1685 году растительность изменилась так разительно, что, не укажи он точные, исключаяющие всякую возможность ошибки, координаты, можно было бы подумать, что он говорит о другом острове. Если отряд Уэфера нашел остров «приятным» и без труда поднялся на плато вокруг возвышенности в центре острова, нам было совсем нелегко проникнуть в перегороженную густыми зарослями долину, откуда он начинал свою вылазку.

За один день, который был в нашем распоряжении, нам удалось дойти только до круто вздымающихся стен в глубине долины Уэфера и до ближайших скал. Вспомнились слова Чабба(15), сообщающего в своем геологическом очерке, что он не смог достаточно подробно изучить внутреннюю часть острова и проверить, существует ли в самом деле описанное Уэфером кратерное озеро. При желании сквозь заросло можно было проложить тропу в горы, но такой необходимости не было, так как внутренние плато и долина, где высаживались англичане, «густо поросли кокосовыми пальмами...».

Было очевидно, что за два с половиной столетия густой лес, наступая на кокосовые рощи, занял все прежние расчистки. Во время вылазки мы увидели, что в возвышенных лесных районах и на далеко отстоящих друг от друга гребнях выше леса растут одиночные кокосовые пальмы. Макушки отдельных пальм поднимались и над сплошным пологом дождевого леса, растущего в обеих долинах. Только на небольшой ровной площадке возле берега бухты Уэфера стояла группа кокосовых пальм, которую с натяжкой можно было назвать рощицей. Здесь мы заметили следы недавней расчистки, некоторые пальмы были срублены; возможно, это память о недолгом пребывании в этих местах костариканской колонии преступников.

Не будь у нас записанного черным по белому рассказа Уэфера про обширные рощи внутри острова, можно было бы подумать, что *Cocos nucifera* на острове Кокос – не культурное растение, а дикая пальма, растущая спонтанно, как составная часть дождевого

леса. Но тогда перед нами оказалось бы единственное место с дикорастущей *Cocos nucifera*. и вопрос о ее происхождении из Нового Света решился бы положительно.

В таком случае появление группы пальм в заливе Уэфера вполне можно было бы объяснить тем, что морское течение принесло кокосовые орехи из Коста-Рики или Панамы. Затем кокосовая пальма могла естественным путем распространиться по дну долины при условии, что не было нынешнего леса, преграждающего путь этим чрезвычайно солнцелюбивым растениям.

С нами вместе на Кокос прибыл плантатор А. Кинандер с островов Общества, специалист по кокосовым пальмам. Он выразил полную уверенность, что молодые ростки зачали бы в густом подлеске, не успев пробиться сквозь плотный свод. Действительно, нигде, кроме расчистки возле берега, мы не видели ни проросшего ореха, ни молодой пальмы. Все одиночные пальмы, замеченные нами, были уже взрослыми, их вершины вздымались высоко к небу, вырвавшись из мертвой хватки дождевого леса. Густые леса, покрывающие внутреннее нагорье и гребни, отделены от двух глубоких теснин нависшими скалами; они так плотно обступают заканчивающиеся тупиком долины, что ни один орех не мог бы без помощи человека из долины попасть на возвышенное плато, на котором Уэфер видел большие рощи, а мы издали разглядели макушки отдельных пальм.

Если не игнорировать сообщение Уэфера и не считать *Cocos nucifera* диким уроженцем острова Кокос, остается признать, что задолго до прихода европейцев люди расчистили обширные участки земли на дне долин, на плато и гребнях и разбили на этих участках большие плантации кокосовой пальмы.

Кроме кокосовых пальм, большинство которых мы могли видеть лишь издалека, нам за время короткого визита не попало никаких признаков деятельности аборигенов, разве что на берегу залива Чатем. Мы не стали затевать раскопок. Подробное исследование в устьях двух рек и в зарослях нагорья, наверно, вознаградит археологов, которые захотят здесь поработать.

В заливе Чатем два узких пляжа разделены высоким мысом. Крутые склоны и искусственно сглаженный гребень мыса покрыты чрезвычайно густой травой, выше человеческого роста, переплетенной вьющимися растениями. Эта растительность резко отличается от окружающего дождевого леса. Здесь ярко выражены следы человеческой деятельности, но они могли появиться уже после того, как остров открыли европейцы. Лишь с помощью мачете удавалось нам пробиться сквозь густую, жесткую траву на склонах, где то и дело встречались небольшие выемно-насыпные площадки. Назначение их неясно. Может быть, на этих площадках стояли скромные жилища? Поросшая травой искусственная терраса на гребне, около шестидесяти метров в ширину и вдвое больше в длину, несомненно потребовала большого труда. Западной границей террасы служит вертикальная четырехметровая выемка в каменно-земляном грунте; весь снятый грунт пошел на расширение поля. С севера в террасу врезается глубокий и широкий овраг, похожий на искусственный ров.

Тут и там попадались совсем свежие расчистки; сараи из рифленого железа и другие следы обитания человека рассказывали о деятельности недавних посетителей острова, возможно кладоискателей.

Мы знали, что здесь некоторое время размещалась костариканская колония преступников. Может быть, она и находилась на большой террасе на мысу? Иначе невозможно объяснить существование этого искусственного сооружения, если исключить деятельность аборигенов. Однако впоследствии выяснилось, что колония с 1878 по 1881 год находилась в заливе Чатем, а не в бухте Уэфера.

Профессор Анастасио Альфаро, посетивший это место, писал в 1898 году: «В день нашей высадки в заливе Чатем, 14 марта, мы с братом Рафаэлем сопровождали сеньора Питье до бухты Уэфера, где стояли дома колонии... На тропе, по которой мы шли, часто попадались следы свиней, ранее содержавшихся в двух свинарниках в бухте Уэфера... Особенно много следов было на пастбищах, а также на плантациях кофе и кешью, возле того

места, где некогда стояло главное здание колонии, а теперь осталось лишь несколько гнилых бревен да листы ржавого железа».(16) По имеющимся данным(17), никто не занимался ни земледелием, ни строительством в районе бухты Чатем, а так как колония преступников размещалась в заливе Уэфера, у нас, казалось бы, нет оснований относить большие работы по разбивке террасы на мысу к историческим временам. Если не принимать во внимание колонию и случайные короткие визиты кладоискателей, остров Кокос был необитаем – об этом пишут все, кто там побывал в исторические времена.

На берегах бухт Чатем и Уэфера, а также на расчистках в устье обеих рек было множество старых и свежих разведочных шурфов – работа кладоискателей. Уплатив правительству Коста-Рики пошлину, эти авантюристы получали разрешение искать предполагаемые сокровища. Они были единственными регулярными посетителями острова, который из-за непроходимых зарослей и неприступных берегов не привлекает ни дельцов, ни туристов. На немногочисленных ровных участках в районе причалов вся земля перекопана, кое-где применялась взрывчатка. Одичавшие свиньи усугубили хаос, роясь в мягкой земле и переворачивая камни. Поэтому о первоначальном виде этих мест судить невозможно.

В бухте Уэфера, метрах в пятидесяти от песчаного пляжа, параллельно подножию скал есть два коротких ряда врытых в землю каменных глыб. Вся почва вокруг них так перепахана, что определить, для чего они предназначались, нельзя.

Чтобы надежно вычислить возраст искусственных сооружений в бухтах Чатем и Уэфера, требовалось больше времени, чем мы располагали. Поэтому наши догадки о том, что человек жил на острове в доисторические времена, основаны только на следах расчисток для посадки кокосовых пальм.

В заключение скажем, что древние земледельцы, очевидно, считали положение острова Кокос достаточно важным, если ценой невероятных усилий расчистили в девственном лесу участки для пальм. Трудно себе представить, что могло побудить полинезийцев проделать такую огромную работу на острове, лежащем более чем в четырех тысячах миль от их области, разве что они вели интенсивную торговлю с Панамской областью, но на это пока нет никаких указаний. Столь же трудно понять, для чего американским индейцам понадобилось сводить большие площади леса на уединенном острове далеко от побережья: ведь кокосовый орех играл незначительную роль в их питании, да и в лесах на материке хватало земли для расчисток.

Мне кажется, что разведение кокосовых пальм на острове Кокос имело смысл лишь в случае, если остров был либо густо населен, либо занимал удобное положение для мореплавателей, которые проходили через этот район и нуждались в пополнении провианта. По собственному опыту могу заверить, что для первобытного мореплавателя нет лучшего провианта, чем свежие, чуть недозревшие кокосовые орехи. Они не боятся соленых брызг, нетребовательны к хранению и в течение многих недель могут служить моряку жидкой и твердой пищей.

Наш коллега, американский археолог Фердон наблюдал, как приморские жители, которые из северной части провинции Эсмеральдас в Эквадоре еще в 1943 году ходили на долбленках типа «имбавура» до Тумако и Буэнавентуры в Колумбии, использовали неочищенные зеленые кокосовые орехи в качестве источника «воды».(18) Зеленые орехи полностью удовлетворяли потребность в питье также тех эквадорских плотогонов, которые в 1947 году доставили нас с Ватсингером и наши бальсовые бревна для плота «Кон-Тики» вниз по реке в Гуаякиль.

В последние годы археологи все более склоняются к мысли, что быстро накапливающиеся свидетельства культурных контактов между Гватемалой, с одной стороны, Эквадором и Северным Перу – с другой, возможно, следует объяснять древними торговыми связями через море.(19) Такое предположение подтверждается и тем, что на побережье, разделяющем эти области, нигде не найдено сходного археологического материала.

Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться, что остров Кокос лежит на пути

из Эквадора в Гватемалу. Археологические материалы,(20) найденные на Галапагосе, и свидетельство о том, что жители Северо-Запада Южной Америки издавна ходили на парусных плотках, управляемых гуарами, тоже дают серьезное основание рассматривать остров Кокос как идеальную промежуточную гавань в открытом море между областями высокоразвитых культур, сложившихся по обе стороны непроходимых панамских лесов.(21) На нем доиспанские мореплаватели могли отдохнуть и запастись водой и кокосовыми орехами.

Влажный климат, густой дождевой лес и быстрое накопление гумуса типичны для острова Кокос и резко отличают его от засушливых, со скудными почвами островов Галапагос. Будущие археологические работы на Кокосе, очевидно, потребуют немалых затрат. Наиболее вероятными местами археологических находок нам кажутся устья рек и возвышенные плато, некогда занятые рощами кокосовых пальм.

ОСТРОВ ПАСХИ

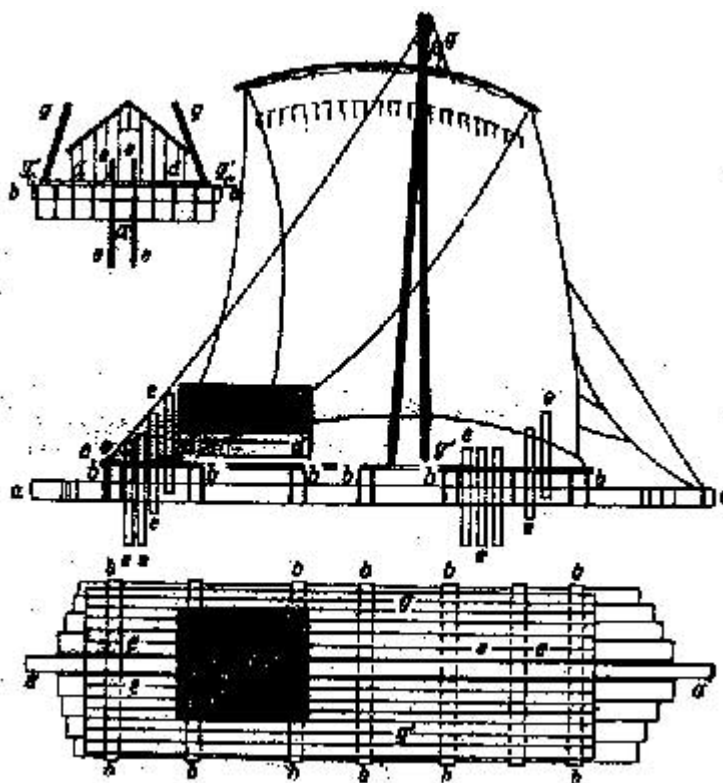
Даже те читатели, которые помнят «Аку-Аку» – лучшее введение для неспециалиста в последующие главы, вряд ли откажутся расширить свое представление об острове Пасхи, главным объекте археологических исследований экспедиции 1955-1956 годов. Здесь за основу взят написанный Хейердалом географический и исторический обзор, вошедший под заголовком «Очерк острова Пасхи» в первый том отчетов Норвежской археологической экспедиции. Мы не воспроизводим здесь полностью этот очерк, так как он слишком пространен.

Остров Пасхи лежит в 2300 милях от побережья Перу и Северного Чили и в 1200 милях от ближайшего форпоста Восточной Полинезии – острова Питкерн. Образовался он в результате ряда подводных вулканических извержений. Кратеры, лавовые поля и множество извергнутых обломков на поверхности острова говорят о его геологическом прошлом. Однако процесс горообразования на острове (в отличие от островов Галапагос) закончился задолго до появления здесь человека. Некоторые из многочисленных пещер, о которых столько пишут, возникли в связи с выделением вулканических газов.

Маленький, всего 22X11 километров, остров напоминает в плане треугольник. Берег во многих местах крутой и обрывистый; вдоль береговой стены лишь кое-где можно увидеть крохотные островки. Коралловых рифов нет. Климат субтропический (координаты острова: 109° 25' западной долготы и 27° 8' южной широты); осадков достаточно. Несмотря на это, флора и фауна чрезвычайно бедны, что объяснялось раньше огромными расстояниями, отделяющими остров от материка и от архипелагов Полинезии. Особенно бросается в глаза полное отсутствие деревьев, однако как раз в связи с этой особенностью острова экспедиция пришла к неожиданному выводу.

Некоторые растения и животные, в основном те, которые играют важную роль в хозяйстве, были привезены сюда. Об этом было рассказано в «Аку-Аку», а ниже этот рассказ будет дополнен.

На острове, где животный и растительный мир скуден, поражает изобилие каменных свидетелей прошлого. В разных местах встречаются каменные фундаменты; уже первые европейцы, исследовавшие остров, описали жилища, сделанные целиком из камня. Однако самое сильное впечатление производят мегалитические скульптуры, изображающие человека. На зарисовках ранних исследователей мы видим, что скульптуры стояли на платформах, внутри которых помещались погребальные камеры. Головы каменных исполинов венчались цилиндрами из красного камня. Как высекали и перемещали идолов, было установлено исследованиями Хейердала в 1956 году. Вооруженные лишь техникой каменного века, аборигены делали удивительные вещи.

В более поздние времена европейцы увидели, что статуи все до единой были свергнуты с платформ – аху. Это произошло во время войн между местными племенами. Очевидно, в ходе междоусобиц наиболее богатые районы острова переходили из рук в руки. Последняя большая битва произошла в промежутке между двумя посещениями европейцев. Затем наступила тяжелая пора – набега европейцев и работорговля; население Пасхи было почти полностью истреблено. Думая обо всех этих подтвержденных исследованиями столкновениях между племенами, невольно спрашиваешь себя, как люди находили время и силы, чтобы воздвигнуть столько огромных изваяний?

Сами пасхальцы рассказывают, что ваянием их предки начали заниматься еще в мирную пору, когда они работали на другой народ. Они подробно описывают этот народ. Подтверждение того, что на острове, лежащем: сравнительно близко к Южной Америке, некогда обитала сильно отличавшаяся от полинезийцев этническая группа, было очень важно для обоснования теории Хейердала.

Правда, видный французский этнолог Метро в свое время назвал все эти рассказы вымыслом. Дескать, островитяне пытались объяснить явления, которые в пору упадка казались им непонятными. Метро считал, что полинезийцы пришли на безлесный остров. Уйти отсюда они не могли, так как на острове не было материала для мореходных судов, И тогда люди приложили неслыханные усилия, чтобы как-то скрасить жизнь на этом голом клочке земли: вытесывали статуи по образцам, известным на некоторых других островах Восточной Полинезии, тешили свое тщеславие войнами. Даже возникновение письменности, единственной во всей Полинезии, Метро втиснул в рамки своего толкования. Его гипотеза была принята не только потому, что она вроде бы соответствовала наличным фактам, но и в силу тенденций, присущих определенным этнологическим школам. Современные исследователи нередко склонны объяснять развитие культуры средой (весьма растяжимое понятие), мало считаясь с исторической подоплекой, которую особенно трудно установить, когда речь идет о первобытных народах.

Искусственно построенная гипотеза рассыпалась, словно картонный домик, когда начались раскопки. Их проводили квалифицированные археологи, вошедшие в состав экспедиции Хейердала: Э. Н. Фердон (тогда сотрудник музея в Нью-Мексико, ныне заместитель директора Государственного музея в Аризоне, США), У. Меллой (профессор, руководитель кафедры этнологии Уайомингского университета, США), А. Шельсволд (тогда заведующий археологическим отделом Ставангерского музея, ныне главный археолог собрания древностей Ослокского университета, Норвегия), К. С. Смит (профессор, руководитель кафедры этнологии Канзасского университета, США), а также археологи Г. Фигероа и Э. Санчес, сотрудники университета Сантьяго (Чили).

Археологи норвежской экспедиции показали, сколь несовершенна картина, нарисованная Метро, который ограничил действительность искусственным горизонтом.

На острове было древнее население с совершенно неполинезийской культурой. Постепенно в связи с новыми волнами переселенцев возникло сходство между культурами Пасхи и других островов. Мало-помалу за более чем тысячелетний период появляются те элементы, которые Метро считал полинезийской основой. В последний период развития всецело преобладают полинезийские элементы. Их значение возросло в пору, когда происходила миграция населения под влиянием европейцев (большую роль тут сыграли миссионеры). Загадка острова Пасхи была решена, и это решение хорошо согласуется с гипотезой, разработанной Хейердалом.

СТАТУИ ОСТРОВА ПАСХИ – ПРОБЛЕМА И ИТОГИ

Из публикаций Хейердала, посвященных острову Пасхи, мы включили в сборник статью о статуях. Статуи на Пасхе не только символ, их появление и дальнейшая судьба отражают смену различных этнических слоев. Кто укажет истоки вдохновения ваятелей, у того в руках будет ключ от загадки острова.

Эта статья по сравнению с «Аку-Аку» пополнилась новыми впечатлениями Хейердала. Кроме того, в статье он дал обзор истории исследования острова и указал на тесную связь этой истории с трагическими событиями, уничтожившими последнюю островную культуру.

В основу главы лег доклад, прочитанный в Шведском обществе антропологии и географии в Стокгольме 24 апреля 1962 года. Доклад был напечатан в журнале «Имер», Э 2, стр. 108-124, 1962.

Трудно найти другое место на земле, где между географией и этнологией было бы такое парадоксальное соотношение, как на острове Пасхи. На этом засушливом и бесплодном клочке земли, самом уединенном во всем Тихом океане, больше замечательных археологических памятников, чем на любом из более крупных, плодородных и легкодоступных островов и архипелагов, лежащих западнее. Конечно, естественно, что Тихий океан в силу своих географических особенностей – множество обитаемых островов разбросано на площади, занимающей более половины всего земного шара, – ставит перед этнологами больше проблем, чем любой другой из океанов. Но как-то неожиданно, даже несуразно, что именно остров Пасхи, самый обособленный и труднодоступный из десятков тысяч тихоокеанских островов, привлек всеобщее внимание обилием своеобразных археологических памятников. Пожалуй, столь же поразительно, что на острове, занимающем в географическом и археологическом отношении совершенно особое положение, не проводили археологических исследований вплоть до приезда туда экспедиции, о которой здесь пойдет речь.

Первым из европейцев поселился на острове Пасхи в 1864 году французский миссионер Эжен Эйро; ему и его коллегам по конгрегации «Святое сердце Иисуса и Марии» удалось перевернуть последнюю страницу изначальной истории острова. Закончился последний, трагический акт одной из самых удивительных драм, какие когда-либо разыгрывались на одиноком океаническом островке.

Никому из посторонних не довелось увидеть первых актов. Зрители прибыли на остров

Пасхи, когда в разгаре было уже последнее действие. Только археология и другие науки, изучающие прошлое, могут помочь восстановить главные черты поры расцвета и величия острова. Раньше этого не знали, но теперь мы можем утверждать, что шли последние картины печального эпилога, когда первый европеец появился в поле зрения островитян, на несколько часов сошел на берег и был в Старом Свете объявлен открывателем острова. Это был голландский адмирал Роггевен. Под вечер дня пасхи в 1722 году он приблизился к неведомому острову.

Утром следующего дня, когда солнце выглянуло из-за горизонта, три корабля подошли ближе, и моряки увидели островитян – людей с разным цветом кожи. Они сидели на корточках перед кострами, разведенными вдоль вереницы исполинских статуй, и, склонив голову, молитвенно поднимали и опускали руки. Как только солнце взошло, они упали ниц на землю, головой на восток, а костры перед каменными великанами продолжали гореть. Уже тогда статуи были настолько старыми, их так источило дождями и ветром, что Роггевен смог отломить кусок от одной из них; он заключил, что истуканы вылеплены из глины и земли, замешанных с камнями. Голландцы провели на острове всего один день.

Прошло почти пятьдесят лет, прежде чем испанец Фелипе Гонсалес и его спутники вновь открыли остров. (Это было в 1770 году. Вице-король Перу послал два корабля с приказом разыскать и аннексировать остров, о котором в Перу говорили, что он лежит примерно в 600 милях от материка на широте Копьяпо и может оказаться тем самым островом, который видел Роггевен.) Испанцы не ограничились поверхностным осмотром статуй: один из них так хватил киркой по статуе, что искры полетели. Скульптуры казались им изваянными из очень твердого и плотного камня. По записям испанцев, головы десятиметровых истуканов были увенчаны большими цилиндрами из камня другой породы. На цилиндрах лежали человеческие кости, из чего был сделан вывод: статуи были не только идолами, но и местом кремации покойников.

И голландцы, и испанцы записали, что на острове Пасхи нет ни леса, ни канатов в достаточном количестве, чтобы воздвигнуть столь огромные статуи. Роггевен, как уже говорилось, считал, что скульптуры вылеплены из глины, но испанцы опровергли его мнение. От них удивленный мир впервые услышал о многочисленных каменных великанах, высящихся на голом, безлесном острове с примитивным населением, за тысячи километров от ближайшей суши. Два с половиной века загадка острова Пасхи прочно владела умами людей.

Через четыре года после испанцев на остров приплыл капитан Кук, а за ним – французы во главе с Лаперузом. Все ранние путешественники подчеркивали, что статуи очень древние, а примитивные люди, которых застали европейцы, никак не могли быть причастны к ваянию этих монументов. Кук заметил, что многие статуи повалены и лежат рядом с разрушенными каменными постаментами, напоминающими алтарь. Он обратил внимание и на то, что пасхальцы ничуть не заботятся о починке разрушенного.

У Кука был переводчик – полинезиец. Он с трудом понимал местную речь, но, во всяком случае, разобрал, что многочисленные статуи изображают умерших королей и вождей. Никто, кроме голландцев, не видел, чтобы пасхальцы молились перед идолами, но и англичане, и французы находили около статуй скелеты и поэтому описали их как древние могильники.

Чем бы ни были скульптуры для тогдашнего населения Пасхи, жители острова продолжали свертать их с пьедесталов.

В 1804 году на остров Пасхи высаживался русский мореплаватель Лисянский. Он записал, что в бухте Кука по-прежнему стояли на своих каменных платформах четыре статуи, в Винапу – семь. Двенадцать лет спустя, в 1816 году, на остров прибыла еще одна русская экспедиция во главе с Коцебу. Он установил, что в бухте Кука все изваяния повалены, а из семи статуй в Винапу остались стоять только две.

Последнее сообщение о стоящих статуях мы находим в записях дю Пти-Туара, который в 1838 году видел севернее залива Кука девять истуканов на каменных платформах. Позднее

были свергнуты и эти исполины, и когда в 1864 году первый европеец Эжен Эйро поселился на острове Пасхи, на многочисленных платформах не было ни одной статуи – все были повалены, причем многие при падении раскололись, а огромные каменные цилиндры с их голов скатились вниз по склонам, словно паровые катки. Пасхальцам не удалось повалить только наполовину врытые в землю изваяния, обнаруженные отрядом Кука у подножия древней мастерской в кратере Рано Рараку.

Эйро и миссионеры, его коллеги, первыми из чужеземцев освоили язык пасхальцев. Они пытались расспрашивать жителей, чтобы получить ответ на загадку острова Пасхи. Островитяне могли лишь сообщить, что давным-давно все статуи стояли в одном месте, но затем по велению бога-творца Макемаке они сами разошлись по многочисленным платформам аху в разных концах острова.

Через семь лет миссионеров заставили уйти с Пасхи. Вскоре на остров явился таитянский овцевод Салмон, а затем еще и чилийский метеоролог Мартинес. Они жили в тесном общении с пасхальцами; благодаря им до нас дошли чрезвычайно интересные предания.

Согласно первым записанным преданиям, предками нынешнего населения острова были «короткоухие». Они пришли на Пасху со своим вождем Туу-ко-иху с острова, расположенного далеко на западе, то есть в Полинезии. Прибыв, они обнаружили, что новая земля уже заселена другим народом, «длинноухими», которые во главе с ее первооткрывателем Хоту Матуа прибыли с противоположной стороны, с востока. Шестидесять дней плыли они из огромной страны, лежащей там, где восходит солнце и где так жарко, что временами палящие солнечные лучи сжигают всю растительность. «Длинноухие», прибывшие первыми, сразу начали воздвигать моаи – статуи. Двести лет «короткоухие» помогали «длинноухим» строить аху и высекать изваяния. Но затем мирное сосуществование сменилось кровавой распрей, во время которой «короткоухие» истребили почти всех «длинноухих» – загнали их в длинный оборонительный ров, в котором был разожжен огромный костер. Оставили только одного «длинноухого». После этого продолжались междоусобицы среди «короткоухих». Все истуканы были повалены с помощью канатов и клиньев, о чем тоже говорится в преданиях. (VII) Археологическое исследование острова началось в 1914 году, когда англичанка Кэтрин Скоресби Раутледж приплыла сюда на частной яхте. Правда, миссис Раутледж не захватила с собой опытных археологов. Ее собственные научные записки, к сожалению, утрачены. Но ее популярная книга о путешествии изобилует ценнейшими научными наблюдениями и до последнего времени оставалась главным источником общих сведений об археологии острова Пасхи.

Двадцать лет спустя, в 1934 году, на остров прибыла франко-бельгийская экспедиция. К несчастью, француз археолог скончался в пути, и Анри Лавашери, его бельгийский коллега, должен был один исследовать все пасхальские памятники прошлого. Он занялся изучением неизвестных ранее наскальных изображений, а француз этнолог Альфред Метро провел не менее важное исследование в своей области. Однако эта экспедиция, как и экспедиция Раутледж, не проводила систематических раскопок. Все считали, что на безлесном острове не могло быть перегноя, который скрывал бы неведомые следы прошлого.

Раутледж полагала, что до полинезийцев на острове Пасхи обитал неизвестный, уже вымерший народ, возможно, меланезийского происхождения. Однако Метро решительно утверждал, что этот уединенный клочок земли был необитаемым, пока в XII-XIII веках сюда не приплыли полинезийцы. Он выдвинул теорию, ставшую затем общепринятой, согласно которой пасхальцы воздвигали огромные статуи из камня, так как попали на голый остров, где не было материала для резьбы по дереву, распространенной на лесистых островах собственно Полинезии. Теория эта выглядела достаточно убедительной, и археологи больше не приезжали на Пасху, считая, что там нет смысла проводить стратиграфические раскопки.

Был ли остров Пасхи, как уверяли этнологи, в самом деле таким безлесным, когда его впервые освоили люди? Мы надеемся, что сможем ответить на этот вопрос, и привезли с собой новейшее снаряжение для взятия проб пылицы.

Теперь я с удовольствием могу сообщить о результатах палинологического исследования кратерных озер в потухших вулканах Рано Рараку и Рано Као на острове Пасхи. Был собран богатый палеоботанический материал, над изучением его затем работал профессор Улуф Селлинг из Государственного музея естественной истории в Стокгольме. Удалось установить, что естественная среда, в которую попали первопоселенцы, была непохожа на известную нам по описаниям, сделанным во время открытия острова европейцами в 1722 году. Теперь остров беден растительностью, а раньше здесь была более богатая флора, росли деревья. Между деревьями произрастали кустарники разных видов. В целом растительность до какой-то степени, должно быть, напоминала первичную низинную флору, скажем, на подветренной стороне Гавайских или Маркизских островов.

До того как в кратере Рано Рараку начали трудиться ваятели, его голые ныне склоны, очевидно, были покрыты пальмами вида, которого теперь нет на острове. Донные отложения кратерного озера буквально насыщены пылью этой пальмы. Одно из самых неожиданных открытий – пыльца кустарника, родственного хвойным (*Ephedra*). Этот кустарник раньше вообще не находили на тихоокеанских островах; зато он сродни кустарнику одного южноамериканского вида, если не идентичен ему. Улуф Селлинг обнаружил пыльцу такого же вида на Маркизских островах.

Взятые нами на острове Пасхи восьмиметровые колонки с пылью, которая поддается вполне четкому определению, позволяют проследить, как постепенно исчезала первичная растительность. Вокруг открытых древних кратерных озер еще росли деревья, когда здесь неожиданно появился американский пресноводный *Polygonum amphibium*. Вероятно, его как лекарственное растение привезли с побережья Южной Америки первопоселенцы. С той поры в отложениях появляются зольные частицы и быстро оскудевает первичная растительность. Зольные частицы – скорее всего след лесных пожаров. Виновниками пожаров, видимо, были первопоселенцы. Население росло, людям нужна была земля для жилищ и огородов, а потом, возможно, началось и намеренное уничтожение леса во время войн. Это опустошение было довольно основательным, во всяком случае в верхних слоях следы первичной растительности исчезают; голым островом постепенно завладели травы и папоротники.

Такая перемена декораций на острове Пасхи интересна не только для ботаников. Выходит, мы неверно представляли себе природу острова в ту пору, когда первоначальная островная культура была в расцвете. Приплывшие с первой волной переселенцев каменщики, которые вытесывали и применяли для строительства огромные глыбы базальта, попали не на безлесный остров, на котором можно в любом направлении перетаскивать огромные монолиты. Им пришлось сперва валить деревья, расчищать участки, чтобы проложить путь к каменоломням, и освобождать место для жилищ и монументов. Это открытие опровергает старую гипотезу о пасхальцах, будто бы потому врубившихся в склон горы, что на острове не было возможности заниматься резьбой по дереву. Среда обитания первых пасхальцев в основном была такой же, как на других островах; и тем сильнее бросается в глаза своеобразие культуры, которую, как будет показано ниже, привезли с собой эти люди.

Еще одно утверждение внесло путаницу в вопрос о статуях острова Пасхи. В основе его лежало неверное толкование одного из наблюдений, сделанных экспедицией Раутледж. Кэтрин Раутледж велела очистить от песка и гравия основания некоторых идолов, частично погребенных у подножия каменоломни Рано Рараку. В своей книге она написала, что у одной из этих статуй было заостренное основание. Раутледж предполагала, что эту скульптуру нарочно сделали так, чтобы врыть ее в землю, а не ставить на аху. Метро решил, что все шестьдесят изваяний, поставленных у подножия вулкана, заостряются книзу. Даже не проверив это сообщение, он в своем труде об этнологии острова Пасхи заявил, что на острове есть изваяния двух в корне различных видов: статуи, заостренные внизу, стоящие у подножия кратера Рано Рараку, и статуи с плоским основанием, некогда венчавшие многочисленные аху.

Сэр Питер Бак, крупнейший авторитет по культуре Полинезии, сам не бывавший на Пасхе, усугубил путаницу, сделав вывод, что Метро считал остроконечными, то есть предназначенными для установки в земле, также те 170 незаконченных статуй, которые лежали на карнизах каменоломни. В итоге одна (дефектная) статуя превратилась в публикациях в 230.

В «Мореплавателях солнечного восхода» – самой распространенной из всех книг, посвященных Полинезии, Питер Бак писал: «Изваяния с заостренными основаниями не предназначались для установки на ритуальных каменных платформах, их вкапывали в землю в качестве нетленных украшений и знаков, обозначающих дороги и границы округов. Так как у всех изваяний, оставшихся в каменоломне, основания заостренные, можно предположить, что заказы для платформ были полностью выполнены и пасхальцы приступили к украшению дорог...».

Не стоило большого труда установить, что ни одна из многочисленных статуй, оставшихся в каменоломнях Ранго Раваку, не заострилась книзу, хотя Шельсволд, руководивший этими раскопками, нашел около пятидесяти статуй, которые еще совсем не были описаны. Мы приступили к раскопкам частично врытых в землю истуканов и обнаружили, что у них, если не считать одного дефектного экземпляра, тоже плоское широкое основание и тонкие пальцы длинных рук встречаются в нижней части живота. Все эти скульптуры предназначались для установки на аху.

Наши исследования показали, что все известные пасхальские статуи (примерно 600) однородны и отличаются только по степени готовности. Весь процесс ваения можно разбить на четыре стадии. На первой стадии спина изваяния была еще соединена с коренной породой, шла обработка передней части и боков, производилась даже полировка, и только глазниц недоставало. На второй стадии фигуру отделяли от породы и ставили в отвалах у подножия вулкана, чтобы закончить обработку спины и высечь на ней символические изображения; на крутом склоне нетрудно было поставить изваяние на вымошенную необработанным камнем площадку. На третьей стадии все еще безглазые статуи снова укладывали на землю и перетаскивали по дорогам, расходящимся от вулкана. И только на четвертой стадии, когда идол уже был установлен на своей аху, ему делали глаза, а на голову помещали большой цилиндр из красного камня. Этот цилиндр пасхальцы называли пукао, то есть узел или пучок волос.

Наше открытие сразу упростило проблему. Ни о каком украшении дорог или ландшафта речи не было. Ваятели высекали лишь похожих друг на друга истуканов и красные цилиндры для установки в ряд на аху вдоль всего побережья. Однако оставалось еще немало загадок.

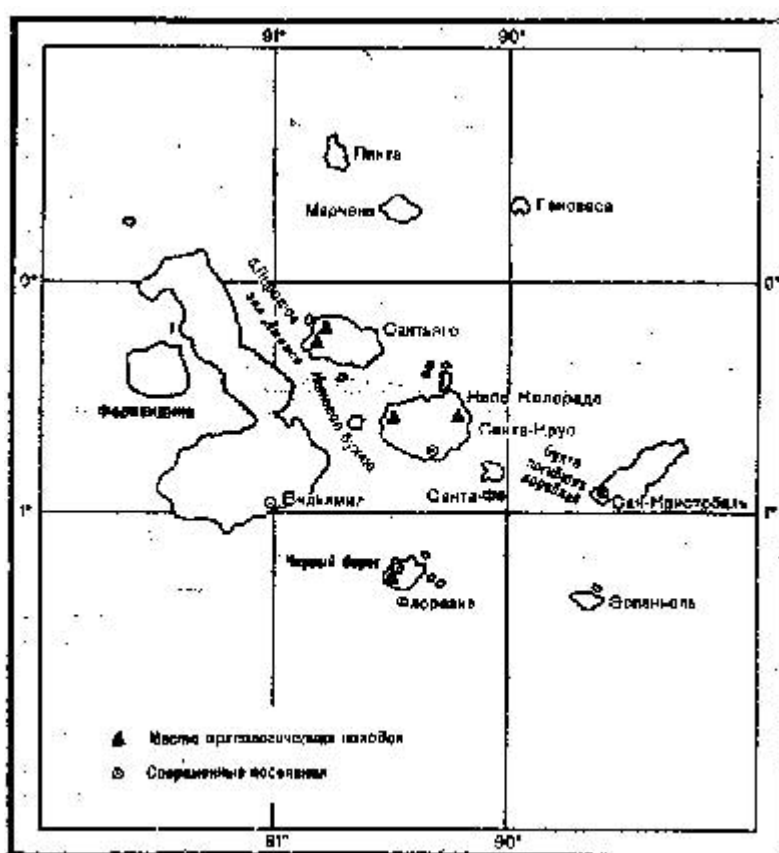
Пока Шельсволд вел работы около Ранго Раваку, американские археологи профессора Меллой и Смит приступили к систематическим исследованиям и раскопкам разрушенных аху, на которых некогда стояли изваяния. Они обнаружили, что под верхними слоями кладки скрывались более древние сооружения, которые частью были перестроены, частью расширены и укреплены. Первичные сооружения не могли служить постаментами для тяжелых статуй, в них нашел воплощение другой архитектурный стиль, другая каменотесная техника.

Данные стратиграфических раскопок всюду и все ясное показывали, что доисторический период развития острова Пасхи можно подразделить на три отчетливо различимых периода: ранний, средний и поздний.

В раннем периоде не делали изваяний для аху. Культовые сооружения представляли собой возвышения, напоминающие алтарь; они были сложены из очень больших, тщательно обтесанных и пригнанных друг к другу камней разной формы; фасад смотрел на море, а с противоположной стороны простиралась вырытая в земле культовая площадка. Все возвышения были точно ориентированы по солнцу; вероятно, здесь работали искуснейшие каменотесы, которые хорошо изучили годичное движение солнца и подчиняли ему религиозную архитектуру. На площадке устанавливали разного рода небольшие скульптуры.

Только в средний культурный период на каменные платформы были водружены известные нам гигантские изваяния. Первичные сооружения были отчасти разрушены и переделаны, их надстроили, и возникли хорошо известные неориентированные аху. На них спиной к морю и лицом к старой культовой площадке шеренгами выстроились каменные великаны.

Начало позднего периода характеризуется внезапным прекращением работ в каменоломнях Рано Ракаку. Кончилась и транспортировка статуй по дорогам. Одно за другим изваяния свергли с аху; представители более примитивной культуры, искусные резчики по дереву, не умевшие делать мегалитических скульптур и не владевшие техникой каменной кладки, хоронили покойников под беспорядочно наваленными горами камня на развалинах аху или в больших коллективных склепах, небрежно сооруженных под брюхом или лицом поверженных исполинов. На всем острове поздний период был порой резкого упадка, войн и разрушений. В слоях этого периода лежат тысячи обсидиановых наконечников для копий; до этой поры оружия на острове либо вовсе не было, либо оно было редкостью.

История одной аху (аху Э 2 в Винапу), по материалам раскопок в 1955-1956 годах.

1 – аху до начала раскопок (разрез), 2 – в конце раннего периода, реконструкция, 3 – в конце среднего периода, реконструкция, 4 – в конце позднего периода. Появляются погребальные камеры, четкие контуры смазываются.

Архитекторы и ваятели среднего периода сосредоточили все свои силы и внимание на установке огромных статуй из туфа каменоломен Рано Ракаку; в отличие от них, пасхальцы в ранний период гораздо искуснее обтесывали и подгоняли огромные базальтовые глыбы для алтареподобных культовых сооружений.

Таким образом, было установлено чередование разнородных культур на острове Пасхи. И пришла пора в корне пересмотреть прежние гипотезы о последовательности развития местной культуры. Правда, Раугледж предполагала, что пасхальские аху прежде выглядели

иначе и позднее были перестроены, но Метро и Лавашери отвергли ее догадку и заявили, что культура острова Пасхи однородна, в ней нет различных слоев. Все отмечали поразительное сходство самых больших и наиболее сохранившихся фасадов пасхальских аху с подобными сооружениями в Андской области, но полагали, что на Пасхе лучшие стены появились позже, в период расцвета независимого местного каменотесного искусства полинезийцев, которые не владели этой техникой, когда прибыли сюда, но, живя на безлесном острове, сумели достигнуть такого же совершенства, как лучшие мастера каменной кладки в Южной Америке.

И вот все поменялось местами. Оказалось, что первопоселенцы, расчистив участки в лесу, сразу начали сооружать совершенные стены такого же типа, какой известен в Перу и в прилегающих частях Андской области. Во второй, средний период люди не владели этим искусством, они ограничивались ваянием огромных статуй. В третий период пасхальской истории всякая эволюция каменного дела прекратилась, все то, что создали две предыдущие культуры, разрушается и гибнет.

Итак, все оказалось иначе. Теперь уже нельзя было исключать возможность влияния характерной каменотесной культуры Южной Америки. Ведь во всей тихоокеанской области больше нигде было освоить эту совершенно особую технику обработки камня, которой владели первые пришельцы.

Разнородность пасхальской культуры отразилась не только на культовых сооружениях и могильниках, но и на жилищах аборигенов. Фердон, ознакомившись с памятниками, предположил, что на острове сохранились остатки жилищ различного типа. До сих пор этнологи и археологи считали, что на Пасхе, помимо пещер, был только один вид жилья: продолговатые камышовые хижины, напоминающие перевернутую вверх дном лодку. Жерди, служившие каркасом для камышовой и травяной кровли, втыкались в отверстия в каменном фундаменте, который очертаниями также напоминал лодку.

Наши археологи начали с того, что раскопали целый ряд таких фундаментов. Оказалось, что все они были сооружены либо непосредственно перед появлением здесь европейцев, либо вскоре после этого события, то есть в поздний период. Затем Фердон и Шельсволд принялись изучать кольцевые каменные ограды, которых очень много на острове. Прежде этнографы и археологи верили рассказам местных жителей о том, что на безлесном острове эти стены защищали от ветра огороды предков, сажавших махуте.

Ботаник Скоттсберг, посетивший остров Пасхи в 1917 году, подтвердил, что стенами огораживали плантации; об этом свидетельствует и иллюстрация в его статье о флоре острова Пасхи. Позже Метро воспроизвел эту иллюстрацию в своем труде об этнологии Пасхи. Наши раскопки показали, что стены начали использовать для защиты огородов не сразу, а лишь в третий период. Первоначально это были крытые камышом круглые жилища. В земляных полах мы нашли множество изделий и обросов – следы длительного проживания людей. Очаг помещался либо посреди пола, либо возле стены снаружи. Одна из найденных Шельсволдом печей, по-видимому, поспешно брошенная хозяевами, была полна обугленных остатков печеного сахарного тростника и бататов.

Радиоуглеродный анализ показал, что этот совсем неполинезийский тип жилья распространился на острове в средний культурный период, когда вытесывались исполинские статуи; некоторые дома стояли еще и в третий период рядом с лодковидными жилищами из жердей и соломы. Фердон, хорошо знающий археологию Южной Америки, указал, что круглые дома, неизвестные в остальной Полинезии, были характерны для той части Андской области, которая лежит ближе всего к острову Пасхи.

Во время раскопок на равнине у Винапу мы обнаружили третий, тоже своеобразный вид жилья – дом с массивной крышей из каменных плит, засыпанных землей. Последующее поколение пасхальцев использовало этот дом как склеп для захоронения обезглавленного человека. Целое селение из таких же каменных домов размещалось на вершине самого высокого вулкана острова Пасхи. Еще первые миссионеры установили, что здесь находился важнейший культовый центр – Оронго. Ежегодно во время весеннего равноденствия в

Оронго собирались все жители острова и наблюдали за традиционными соревнованиями, участники которых плыли на маленьких камышовых лодках на птичьи островки поблизости, чтобы добыть первое в году яйцо. Победитель получал священный титул птичеловека.

И Раутледж, и Метро уделили немало внимания этому своеобразному ежегодному ритуалу, который сохранился до исторических времен. Однако каменные дома в Оронго все исследователи считали сугубо пасхальской культовой деревней; ведь на Тихом океане больше нигде не было таких жилищ-склепов. Раскопками в Оронго руководил Фердон, который и здесь нашел признаки чередования культур. Необычные сооружения на вершине вулкана, сохранившиеся в качестве ритуальных объектов, на самом деле были перестроены из жилищ раннего периода. Фердон заключил, что и этот тип сооружений, неизвестный в других частях Полинезии, связан с древним Перу и прилегающими частями Андской области.

Все выступы скал в Оронго сплошь покрыты высеченными изображениями птичеловека – этой типичной для Пасхи человеческой фигуры с птичьей головой и длинным изогнутым клювом. Один птичеловек держит в своих объятиях солнце. Раскапывая низкие, нередко обвалившиеся культовые сооружения, Фердон открыл много ранее неизвестных росписей на стенах и потолке. Среди изображений преобладали камышовые лодки, двухлопастные весла и характерный для американских древних культур мотив «плачущий глаз» (круглые глаза, из которых струятся слезы в виде капель или вертикальных черточек – символ дождя, посылаемого богом-творцом). Ничего подобного не найдено в других частях Полинезии.

По стратиграфическим материалам, поселок на вершине самого высокого пасхальского вулкана на протяжении всех трех культурных периодов с небольшими перерывами был культовым центром острова. В нижнем слое Фердон нашел солнечную обсерваторию с метками, определяющими положение восходящего солнца во время декабрьского и июньского солнцестояний и равноденствий. Тут были солнечные символы, в том числе петроглифы, и небольшая статуя, тип которой неизвестен. Ничего похожего на эту обсерваторию ранее не находили в Полинезии. И снова, чтобы найти параллель, мы должны обратиться к Андской области.

В средний период солнечная обсерватория, кладка которой искусно выполнена из обтесанных камней, была перекрыта святилищем, напоминающим аху. Рядом выросли каменные домики поселка. И внезапно в совершенно развитой форме появился культ птичеловека. Сперва он сочетался с предшествовавшим ему солнцепоклонничеством, потом совсем его вытеснил. В начале среднего периода в самом просторном и, видимо, главном каменном строении культового центра Оронго появилась сравнительно небольшая, изумительно выполненная статуя из темного базальта (она известна историкам под названием Хоа-хака-мана-па, хранится теперь в Британском музее). В ранний период она, по-видимому, воплощала бога Солнца; на спине идола были высечены символические изображения солнца и радуги. А затем поверх старинных символов были нанесены изображения птичеловека и весла; Раутледж первая написала об этом, не делая попыток объяснить такое чередование.

Статуя из Оронго отличается от всех известных изваяний острова Пасхи тем, что она вытесана не из серо-желтого туфа, а из твердого черного базальта; значит, ее делали не в каменоломнях Рано Рараку. У статуи выпуклое основание. Как мы увидим дальше, она, вероятно, была прототипом всех скульптур, установленных во второй период на аху.

На равнине тоже стали находить статуи не встречавшихся раньше видов. Одни из этих ранних изваяний были намеренно разбиты, а обломки пошли на сооружение круглых домов среднего периода. Другие были целиком использованы как блоки для постаментов, на которых воздвигли великанов среднего периода. Среди ранних, подвергшихся надруганию статуй были статуи, вытесанные из черного базальта, из красного и серо-желтого туфа каменоломен Рано Рараку. И все они не были похожи на обычные пасхальские изваяния.

Открытые экспедицией статуи, характерные для раннего периода, можно отнести к

четырем разным видам, три из которых были ранее неизвестны в тихоокеанской области. К первому виду относится плоская, прямоугольная каменная голова без туловища, схожая с головой, найденной в храме Солнца в Оронго; ко второму – колонноподобная условная фигура в полный рост, с прямоугольным сечением, углы слегка закруглены; к третьему – очень реалистичская коленопреклоненная фигура с острой бородкой, сидящая на пятках, руки положены на колени, взгляд обращен в небо. Все эти три вида скульптур, не встречавшиеся на других островах, принадлежат к типам, которые Беннет считает характерными для доинкского культового центра Тиауанако в Андах. Зато четвертый вид статуй – традиционный: срезанный у бедер бюст, руки соединяются внизу живота. Это явно местный тип, очень близкий к типу исполинов, характерных для среднего периода Пасхи.

Полное, до мелочей, сходство коленопреклоненной статуи раннего периода острова Пасхи, найденной Шельсволдом в отвалах каменоломни Рано Параку, с коленопреклоненными скульптурами Тиауанако, отнесенными Беннетом к раннему предклассическому периоду этого важного культурного центра, настолько очевидно, что Шельсволд делает вывод: «Вряд ли это можно объяснить случайностью, скорее всего речь идет о близком родстве, указывающем на связь между этими двумя образцами древней каменной скульптуры в Андах и на острове Пасхи».

Четвертый вид статуй раннего периода острова Пасхи – прямой, усеченный внизу торс – не имеет явных параллелей ни в Полинезии, ни в Южной Америке. Очевидно, это местная разновидность статуй, получивших распространение в конце раннего периода. Прimitивные прототипы этого бюста высекались из красного туфа и черного базальта, а конечный классический вариант был в ранний период представлен небольшой базальтовой скульптурой из каменного дома в Оронго. Все «серийные» изваяния следующего, среднего периода Пасхи повторяют статую из Оронго. Их отличают только значительно большие размеры, материал (туф Рано Параку вместо твердого базальта) и плоское основание, позволяющее установить идола на аху.

По этим различным типам статуй можно отчетливо представить себе эволюцию пасхальских монументов с аху. До сих пор были известны только похожие друг на друга исполины среднего периода, а у них нет ничего общего ни со статуями островов на западе, ни с изваяниями, встречающимися на континенте на востоке. В этом одна из причин того, что их присутствие на уединенном острове Пасхи казалось столь загадочным. Теперь выяснилось, что в раннюю пору, о которой прежде никто не подозревал, первые пасхальцы экспериментировали с разными горными породами и различными типами антропоморфных статуй (из них три были хорошо известны в главном культурном центре на ближайшем материке на востоке). К концу раннего периода развился четвертый, чисто пасхальский тип. Он был принят в качестве обязательного образца для сотен каменных исполинов, воздвигнутых на перестроенных аху в следующий культурный период острова Пасхи.

Почему? Чтобы объяснить эту эволюцию и, как это показывает археология, сменивший ее странный застой, приходится обратиться за помощью к этнологам. Нет никаких оснований сомневаться в устной информации, которую получили Кук, Лаперуз и другие путешественники от пасхальцев в поздний период, когда многие статуи еще стояли на своих аху. Изваяния были не идолами в собственном смысле слова, а памятниками, воздвигнутыми на местах погребения королей, вождей и других могущественных лиц.

Каждая статуя была изваяна в честь определенного умершего человека. Многие старики даже после племенных распрей в третьем периоде, когда изваяния были повалены на землю, еще помнили имена некоторых арики – вождей, чьи образы были воплощены в памятниках. При раскопках мы выявили, что в конце среднего и на всем протяжении позднего периода склепы и другие виды погребения были всецело связаны с аху. В ориентированных по солнцу алтареподобных сооружениях раннего периода, которые не украшались статуями, не хоронили. Но перед фасадом ориентированных по солнцу стен, более искусно сложенных и обработанных, мы нашли следы коллективной кремации. Это открытие тоже было совсем неожиданным: до сих пор было неизвестно, что в погребальный

ритуал на острове Пасхи некогда входила кремация.

И опять возникает естественный вопрос: почему могущественные вожди в средний период на Пасхе предпочитали, чтобы на их могилах стояли стереотипные копии небольшой статуи из Оронго? Может быть, эта статуя играла какую-то особую роль? На последний вопрос можно ответить утвердительно. Эта единственная статуя, основание которой было выпуклым, установлена на полу внутри помещения; из всех изваяний на острове одна она не подверглась надруганию во время всех трех культурных периодов: ее не пытались ни повалить, ни повредить. Наконец, это единственный монумент, которому поклонялось все население, независимо от родовой или племенной принадлежности. Остальные статуи вместе с аху принадлежали отдельным родам, поэтому во время кровавых распрей позднего периода все они оказались свергнутыми и разбитыми – это был своеобразный акт мести.

Глубокие шрамы свидетельствуют о попытках обезглавить даже некоторые незаконченные статуи, врытые в землю под каменоломнями Ранго Рараку, потому что их не удалось повалить. А идол в каменном доме в Оронго простоял неприкосновенным в течение среднего и позднего периодов. С ним вплоть до прибытия миссионеров во второй половине прошлого столетия были связаны культ плодородия и важные ритуалы, общие для всех враждующих племен острова. При раскопках мы нашли очень много древесного угля – следы ритуальных костров перед входом в большой центральный каменный дом, в котором стояла базальтовая статуя.

Судя по всему, изваяние в доме на вершине самого высокого вулкана в ранний период было связано с ритуалами пасхальских солнцепоклонников. На спине изваяния были высечены символические изображения солнца и радуги. В средний период статую внесли в новое каменное здание и на спине ее появились отличающие этот период символические изображения птичеловека. Воплощая бога-творца или бога плодородия, этот идол сохранял свою центральную позицию в пасхальских культурах; ему поклонялись во время ежегодных празднеств весеннего равноденствия. Если другие статуи, установленные в средний период на родовых аху, воплощали образы отдельных людей, то оронгская скульптура продолжала оставаться общим божеством, почитаемым всеми пасхальцами. А поскольку короли на острове Пасхи, как и во всей Полинезии, и в Перу, считали себя прямыми потомками высшего божества, понятно, что каждый хотел, чтобы его изображение как можно больше походило на божественный образец, известный всему населению. Единственное отклонение, которое допускалось – это увеличение размеров статуи, так как каждый стремился, чтобы его статуя была самой крупной – символом могущества и богатства.

Так выяснилось место известных пасхальских великанов в хронологии сложной истории Пасхи. Все они относятся к среднему периоду; развились эти статуи тут же, на острове, из более древних и меньших по размеру монументов раннего периода; их перестали вытесывать, когда кончился средний период, и наконец без всякого почтения свергли с погребальных аху в поздний период истории острова, продолжавшийся вплоть до исторических времен.

Естественно, возникает вопрос: можно ли хотя бы приблизительно датировать три разнородные культурные эпохи острова Пасхи? Чтобы выяснить это, археологи, не жалея сил, разыскивали связанные с разными периодами строительства органические остатки, по которым можно было бы сделать радиоуглеродный анализ. Прежние попытки датировать первое заселение острова делались на основании генеалогии местных королей, по сообщениям островитян. При этом наиболее древний «ряд королей» – пятьдесят семь поколений – был отвергнут в пользу более короткого ряда, насчитывающего двадцать – тридцать имен. Ведь все считали, что остров Пасхи первоначально был открыт пришельцами из Азии и заселен последним среди тихоокеанских островов, так как расположен он ближе всего к Южной Америке.

Раутледж предполагала, что на остров Пасхи прибыли два потока иммигрантов разного происхождения, причем полинезийцы приплыли примерно в 1400 году. Кнохе тоже считал,

что на остров в разное время прибыли два различных народа, первый – между XI и XIII веками. Лавашери и Метро считали культуру острова Пасхи молодой и однородной, открытие острова относили к XII – XIII векам. Энглерт допускал местное слияние двух культур, но полагал, что ни одна из них не могла появиться на острове ранее 1575 года.

Наши раскопки показали, что уже в 380 году (плюс – минус сто лет) на острове было многочисленное население, занятое строительством крупного оборонительного сооружения. Эта дата на тысячу лет опережала все предполагавшиеся до тех пор; вообще ни на одном из островов Полинезии еще не было получено столь древней даты. (VIII) Тщательно отобрав на острове Пасхи древесный уголь и костные останки, мы смогли получить семнадцать радиоуглеродных датировок. Из них две (наиболее интересные) – из легендарного рва, отделяющего полуостров Поике. Островитяне давно рассказывали европейцам, что в этом месте произошла решающая битва между их предками и «длинноухими». И «длинноухие» были сожжены в их собственном оборонительном рву длиной более двух километров.

И геологи, и археологи считали ров естественной геологической формацией. Метро и Лавашери полагали, что пасхальцы придумали легенды, пытаясь объяснить природное явление. Современные этнологи и археологи назвали предание о «длинноухих» и «короткоухих» сплошным вымыслом. Однако первый же шурф показал, что ров полон древесного угля, что здесь примерно в 1676 году (плюс-минус сто лет) пылал огромный костер. Это поразительно совпадало с датой (1680 год), которую патер Себастиан Энглерт еще раньше определил, исходя из утверждения островитян, что битва у Поике произошла двенадцать поколений тому назад.

Раскопки Смита помогли установить, что оборонительный ров был вырыт не наскоро; к 1680 году, то есть к тому времени, когда усобицы завершились массовым аутодафе, он уже представлял собой древнее сооружение, частично занесенное песком и пылью. На дне его Смит нашел осколки обсидиана. Природная складка была расширена до 12 метров и углублена до 4-5 метров; общая длина рва около 2 километров. Вынутый со дна грунт пошел на строительство оборонительного вала вдоль одной стороны; при этом щебенкой было засыпано кострище, по остаткам которого удалось определить, что укреплять окаймленный скалами полуостров начали уже около 380 года. Возможно, обитатели острова не ладили между собой, а может быть, они боялись набегов из страны, из которой прибыли, – рассказы о преследующем враге занимают важное место в древнейших пасхальских преданиях.

Расположенные ниже каменоломен Рано Рараку гребешки и холмики, поросшие травой, прежде считались природными образованиями. На вершине одного холма стоял фундамент священного жилища для ежегодно избираемого птичечеловека. Раутледж и Метро связывали этот фундамент с древнейшими ритуалами пасхальцев. Раскопки Шельсволда показали, что гребешки и холмы – не природные образования, а отвалы грунта. С каменоломен на склоне сюда носили обломочный материал, разбитые рубила, золу. Анализ пепла из костров, некогда горевших на отвалах, позволил датировать ту часть среднего периода, когда в каменоломнях Рано Рараку еще шла работа. Тут и выяснилось, что жилище птичечеловека

– позднее сооружение; оно было выстроено на отвалах среднего периода, когда перестали вытесывать статуи.

По данным радиоуглеродного анализа археологи смогли наметить хронологию трех культурных эпох острова Пасхи. Ранний период начался до 380 года и закончился примерно в 1100 году, средний период продолжался примерно с 1100 до 1680 года, поздний период, начавшись приблизительно в 1680 году, длился до 1868 года, когда миссионеры ввели на острове христианство.

Чтобы получить основу для хронологических и типологических сопоставлений, наша экспедиция после острова Пасхи посетила Питкерн, Раиваваэ, а также два острова Маркизского архипелага – Хива-Оа и Нуку-Хива. Во всей Полинезии только на этих четырех островах, кроме Пасхи, найдены монументальные статуи.

На Питкерне и Раиваваэ находили небольшие скульптуры сравнительно позднего

происхождения, однако никто не пытался утверждать, что они были источником вдохновения древних ваятелей острова Пасхи. Но Бак и другие считали примитивными предшественниками совершенных пасхальских статуй неуклюжие гротескные фигуры примерно в рост человека, установленные в двух святилищах Маркизских островов, которые лежат так же далеко к северо-западу от Пасхи, как Перу на востоке. Шельсволду посчастливилось найти древесный уголь в двух слоях под каменной платформой, служащей опорой статуям острова Хива-Оа, а Меллой и Фердон взяли древесный уголь из-под постаментов изваяний острова Нуку-Хива. Ученые узнали, что статуи Маркизских островов были установлены в XIII, XIV и XV веках, то есть в разгар среднего периода культуры острова Пасха. Значит, маркизские скульптуры никак не могли вдохновить первых пасхальских скульпторов; ведь, как мы видели, ваяние развилось на Пасхе уже в ранний период, за тысячу лет до появления маркизских статуй. Ни стилистически, ни хронологически эти статуи XIII-XV веков не могли повлиять даже на тех пасхальцев, которые в средний период наладили массовое производство истуканов для аху: средний период начался около 1100 года. Зато возможность влияния Пасхи на маркизское ваяние хронологически не исключена. (IX) Как известно, один из потомков Оророины (единственного уцелевшего после пожара во рву Поике «длинноухого») показал нашей экспедиции, как двенадцать поколений тому назад грубо заостренными рубилами из твердого андезита островитяне высекали на склонах кратера Рано Рараку огромные статуи, как несколько сот человек могли перетаскивать изваяния по равнине, как двенадцать островитян, располагая только канатами, бревнами и камнями, могли за восемнадцать дней установить на аху исполина весом примерно 20 тонн.

Что же в итоге нам известно о загадке острова Пасхи?

Некогда, до 380 года, то есть более полутора тысяч лет назад, на острове Пасхи высадились первые поселенцы. Они нашли цветущую землю, на которой росло множество разных деревьев и кустарников, а также пальмы. Люди принялись расчищать участки для жилищ, каменных святилищ, каменоломен, где высекались статуи. Хотя на острове не было недостатка в лесе, эти люди, в отличие от полинезийцев, не строили свои жилища из жердей и соломы. Они делали круглые дома из камня, лодковидные – из плит, которые выкладывали ложным сводом. Часто на кровлю шел камыш тотора – растение, корневища которого, несомненно, были привезены с какого-то орошаемого участка на засушливом побережье Южной Америки и высажены в пресноводные кратерные озера вместе с *Polygonum amphibium* – другим американским растением. И хотя леса было вдоволь, свои необычные суда поселенцы вязали из камыша тотора; такие же суда ходили по водным путям Тиауанако и вдоль тихоокеанского побережья древнего Перу. Чтобы добраться до туфа, скрытого под почвенным слоем, они рубили пальмы, роши которых покрывали тогда склоны потухшего вулкана Рано Рараку. Из этого туфа, а также из туфов и базальта в других каменоломнях они рубилами американского типа искусно высекали огромные блоки самой различной формы, обрабатывали их и складывали так, что в шов между камнями не проходило даже лезвие ножа.

Техника каменной кладки, которой они владели, была неизвестна в других частях Полинезии, зато она характерна для древнего Перу, от долины Куско до Тиауанако. Очевидно, эти первопоселенцы были солнцепоклонниками: ведь их мощные культовые сооружения представляли собой алтареподобные мегалитические платформы, ориентированные по солнцу. И недаром на самой высокой вершине Пасхи они соорудили солнечную обсерваторию и святилище. В отличие от полинезийцев, жители острова Пасхи не занимались резьбой по дереву, они высекали статуи из твердого базальта и разных туфов, потом устанавливали их в святилищах. Среди этих статуй мы видим скульптуры своеобразного типа, неизвестного на островах Тихого океана, зато характерного для динамического культурного центра Тиауанако. Оборонительное сооружение отделило от острова полуостров Поике; возможно, переселенцы опасались, что в их уединенное убежище вторгнутся те, кто преследовал их еще на родине.

Нам неизвестно, что произошло с людьми, положившими начало культуре раннего периода. Как в Винапу, так и в Оронго археологи нашли признаки временной заброшенности святилищ. Не исключено, что на какое-то время между ранним и средним периодами остров вообще был оставлен жителями. Во всяком случае, люди, пришедшие позднее, враждебно относились к своим предшественникам. Они разрушали старые святилища и перекладывали каменные блоки, не считаясь с искусством обработки и кладки, не думая об ориентации по солнцу. Каменные истуканы тоже были разбиты, а обломки пошли на сооружение новых архитектурных объектов – аху.

Несмотря на враждебность к предшественникам и явное различие в религиозных представлениях, новая культура была так близка к предыдущей, что мы вправе искать ее корни в той же географической области. Возможно, что поселенцы, положившие начало среднему периоду, знали, где лежит остров Пасхи. Прибыв сюда приблизительно в 1100 году, они ввели культ птичеловека. С культом птичеловека был тесно связан культ умерших. Большие статуи, изображающие предков, заняли главное место в архитектуре и повседневных занятиях островитян, а различные погребения стали культовыми центрами тех или иных родов. В течение примерно шестисот лет на обезлесенных склонах кратера Рано Рараку (ранее растущие на склонах пальмы давно обратились в развеянный ветром пепел) было высечено более шестисот огромных изваяний. Для поддержания престижа постепенно стали воздвигать все более и более внушительные памятники. Внешние враги не угрожали уединенному острову, и заботой островитян стало перещеголять друг друга в создании статуй для своего рода. К концу среднего периода весь остров был опоясан платформами – аху – с каменными великанами, обращенными лицом к святилищу, спиной к морю. В конце этого же периода вместо кремации перед аху, очевидно, стали совершать коллективные погребения внутри самих аху или на них. Этот обычай стал преобладающим в поздний период.

Когда производство статуй достигло кульминации (перед внезапным концом среднего периода), пасхальские мастера уже умели воздвигать монолитные статуи высотой до 12 метров, что соответствует высоте четырехэтажного дома. Самая большая статуя, установленная на постаменте вдали от каменоломни, весила больше 80 тонн. Высота истукана оказалась 10 метров, да еще на голове его покоился красный каменный цилиндр, весивший 12 тонн – столько же, сколько два взрослых слона. В каменоломне уже шла работа над двадцатиметровой статуей (то есть равной по высоте семиэтажному дому), но около 1680 года внезапно произошла катастрофа. Работы в каменоломнях, на дорогах и на аху были прекращены и больше никогда не возобновлялись. Впервые началось производство наконечников для копий из обсидиана, которыми избилуют все последующие культурные слои. Статуи были низвергнуты с аху, сожжены камышовые хижины, разрушены опорные стелы.

Победителем оказался полинезиец, который не привык высекать статуи и строить из камня. Он строил дома из жердей и соломы и собирал на берегу плавник, чтобы, как это принято во всей Полинезия, вырезать деревянные фигуры. На острове Пасхи важнейшим традиционным деревянным изделием, которое и поныне изготавливается в сотнях экземпляров для продажи, становится причудливая фигура изможденного человека с острой бородкой, орлиным носом и длинными, свисающими до плеч мочками ушей. По словам пасхальцев, так выглядели люди, которых их предки застали на острове и сожгли во рву Поике.

Полинезийцы, приплывшие на Пасху, не привезли с собой ни пестов для приготовления пои, ни колотушек для тапы – двух важнейших предметов домашнего обихода, характеризующих общеполинезийскую культуру. До сих пор не найдено материальных следов, позволяющих определить, когда именно прибыли полинезийцы. Похоже, что это были смиренные пришельцы, послушно принявшие неполинезийскую веру и обычаи. Еще нельзя сказать точно, с какого острова они приплыли сюда. В их преданиях, записанных в прошлом веке, утверждается, что они прибыли карау-карау, то есть за двести лет до восстания, которое закончилось битвой на Поике. Это хорошо согласуется с

предположениями, сделанными Раутледж и другими на основе более короткой из двух пасхальских генеалогий (в ней перечислено 22 поколения, а про Хоту Матуа говорится, что он пришел с востока 57 поколений назад).

Многое говорит за то, что полинезийцы не по своей воле прибыли на уединенный остров помогать «долгоухим» островитянам; возможно, их захватили в плен и привезли пасхальцы среднего периода, если, конечно, они посещали Маркизские острова примерно в XIV веке.

Так или иначе, новые пришельцы жили одни среди руин на голом острове Пасхи (сохранив в своей среде небольшой инородный элемент). Когда Роггевен поднял занавес перед европейским зрителем, основное действие давно кончилось и исполнители главных ролей покинули сцену.

ПОЛИНЕЗИЙСКИЕ И НЕПОЛИНЕЗИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

Теперь, когда археологическое исследование выявило на Пасхе несколько культурных и этнических слоев, можно напомнить, что представители других наук (например, физической антропологии, лингвистики и этнографии, причем каждый по ряду пунктов) давно указывали на неполинезийские компоненты в культуре острова.

Правда, к этому долго не прислушивались, так как умозрительное построение, предложенное Метро взамен истории, взяло верх над здравым смыслом. Господствовало мнение, будто некая полинезийская ветвь развилась здесь в уединении и достигла беспримерных высот. Очень уж увлекательной казалась картина неистового творческого порыва, когда художники старались превзойти самих себя.

Но теперь это построение развеялось и собранный материал снова можно рассматривать объективно. В основе этой главы лежит доклад, прочитанный Хейердалом на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в 1964 году в Москве.

Раскопки на острове Пасхи, предпринятые по инициативе Норвежской археологической экспедиции в 1955-1956 годах и продолженные У. Меллоем и Г. Фигероа (университет Сантьяго), показали, что на Пасхе происходила смена культур. Памятники народа, религиозные и архитектурные представления которого в корне отличались от представлений людей, живших в поздний период, относятся к поре, опередившей на тысячу лет эпоху, с которой до сих пор связывали первое заселение острова.(1) Эти открытия вынуждают заново рассмотреть исторически известную пасхальскую культуру, чтобы выяснить, нет ли в ней элементов каких-то иных доисторических традиций. Тот факт, что ныне на острове живет полинезийский народ, говорящий на полинезийском наречии, приобретает новый смысл, если учесть, что в культурном наследии пасхальцев есть много черт, отличающих его от общеполинезийского наследия.

Кстати, мысль о том, что на уединенном острове Пасхи слилось несколько культур, возникла задолго до упомянутых раскопок. Голландцы, открывшие остров в 1722 году, а затем испанцы, вновь открывшие его в 1770 году, описывают представителей многочисленных этнических групп, которые жили на острове.(2) Когда же Кук в 1774 году – всего через четыре года после испанцев – высадился на Пасхе, он нашел сильно поредевшее и истощенное войной население явно полинезийского происхождения. Кук проводит четкую грань между этими островитянами и монолитными статуями Пасхи; он считает, что изваяния – памятники какой-то давней эпохи.(3) Первые европейцы, поселившиеся на острове, услышали от пасхальцев рассказ о двух волнах миграции: одна пришла с востока, вторая с запада. При этом островитяне упорно твердили, что после многолетнего периода мирного сосуществования с другим островным народом наступил период, когда их предки почти

совсем истребили этот другой островной народ, представлявший иную культуру.(4) Томсон(5), который при посредничестве Салмона беседовал с пасхальцами, тоже предполагал, что острова достигла не одна волна переселенцев.

В. Кнохе(6), руководивший чилийским научным отрядом, обратил внимание на сложный состав элементов пасхальской культуры, он заключил, что культурному слою, характерному для преобладающего ныне населения, предшествовал неполинезийский слой. Он отверг взгляд английского специалиста по Андской области Клемента Маркхема(7), предполагавшего связь с Тиауанако. Кнохе заявил, что южноамериканские плоты не могли пересечь океанские просторы, он допускал дополинезийскую волну переселенцев из далекой Меланезии.

Английский антрополог Бальфур⁸ утверждал, что культура Пасхи неоднородна, что была по меньшей мере одна дополинезийская волна переселенцев, вероятно, из Меланезии. А. Хеддон(9) предполагал, что этого уединенного островка достигли три волны переселенцев – одна из Австралии, вторая из Меланезии и последняя из Полинезии. Хеддон опирался на исследование черепов европейскими и американскими антропологами Фольцом, Хеми, Джойсом, Пикрофтом и Кейсом. Все эти видные ученые находили у пасхальцев неполинезийские черты.

Первое систематическое исследование памятников на острове, правда, без раскопок, провела Кэтрин Раутледж(10). Ее научные записи были утрачены, но в популярной книге она высказывает мнение, что в основе пасхальской культуры явно есть какой-то неполинезийский элемент. Она заключает: «Очевидно, что здесь перед нами смешанная раса...».

Американский антрополог Г. Шапиро(11) снова рассмотрел проблему с позиций физической антропологии и установил, что мнения ученых в этой области сильно расходятся. Сам он заключил: «Кто связывает остров Пасхи с населением Меланезии или Австралии... вступает в противоречие с известными фактами». Метро(12) счел это отрицание меланезийского фактора вполне обоснованным. В своей монографии об этнологии острова Пасхи он пишет о том, что исследование археологических памятников убедило его в единстве культуры острова Пасхи.

Его коллега Лавашери(13), единственный квалифицированный археолог, посетивший Пасхи до 1955 года, подчеркнул, однако, что работа экспедиции свелась к общим наблюдениям и зарисовкам наземного материала. Стратиграфическими раскопками члены экспедиции не занимались, ибо господствовало представление, что почвенный слой на острове не менялся, поэтому памятники разных периодов надо искать не в земле, а на ее поверхности. Лавашери осторожно заключил: «По-видимому, полинезийцы нашли остров Пасхи необитаемым и лишенным следов каких-либо построек; впрочем, у нас нет доказательств этого утверждения».

В 1941 году я вернулся к свидетельствам, говорящим в пользу комплексного характера пасхальской культуры, но вместо меланезийского субстрата предложил субстрат из соседней Андской области.(14) Позднее патер Энглерт(15) пересмотрел результаты археологического исследования наземных памятников и оспорил выводы Метро и Лавашери. Он вернулся к предположениям Кэтрин Раутледж и других исследователей о том, что полинезийскому этническому и культурному слою предшествовал какой-то другой слой. Старую гипотезу об иммиграции из Меланезии он видоизменил, указав на важные совпадения в элементах культуры с древним Перу.

В области лингвистики было, пожалуй, меньше оснований искать чужеродный субстрат. Однако Энглерт(16), наиболее тщательно исследовавший современный пасхальский язык, заключает, исходя из преданий, что ранняя инородная этническая группа говорила на другом языке. Наличие синонимов в современном рапануйском наречии может объясняться тем, что одновременно существовало два языка.

Первый словарь, в который вошло девятью четыре пасхальских выражения, был составлен в 1770 году участником испанской экспедиции Агуэрой.(17) В словаре много

характерных слов полинезийского происхождения, но содержатся и явно неполинезийские слова. К последним относятся, в частности, числительные от одного до десяти. Привожу эти числительные (в скобках – полинезийские числительные на современном рапануйском наречии): кояна (этахи), корепа (эруа), когохуи (этору), кироки (эха), маяна (эрима), феуто (эоно), фегеа (эхиту), мороки (эвару), виховири (эива), керомата (ангахуру).

Росс(18) и Метро(19), чтобы объяснить, откуда взялись эти, казалось бы, не имеющие никаких корней на Пасхе слова, предположили, что Агуэра неверно истолковал их смысл. Но даже если это так, они остаются чужеродным элементом в полинезийском языке: ведь другого толкования мы все равно не находим.

Как показывает Энглерт(20), примерно с 1772 по 1774 год, как раз перед прибытием Кука, на острове, очевидно, шла разрушительная война. Плантации были опустошены; осталась горстка измученных войной, живущих в крайней нужде полинезийцев. Только они встречали разочарованных англичан, которые не смогли здесь запастись даже достаточным количеством провианта.

Кук и его спутники вполне понимали, насколько отличаются эти несколько сот уцелевших пасхальцев от многочисленного процветающего населения, описанного предыдущими исследователями. Он и естествоиспытатель Г. Форстер сразу определили полинезийский элемент. По их описанию, уцелевшие островитяне – это малорослые, щуплые, боязливые и жалкие люди. Оба исследователя предположили, что на острове произошла какая-то катастрофа, и только грозные монументы остались свидетелями былого величия(21). Позднейшие исследователи забыли об этой резкой перемене, происшедшей между визитами европейцев в 1770 и 1774 годах. Между тем археологические находки и устные предания свидетельствуют, что примерно в 1680 году, то есть незадолго до визита Роггевена, тоже была уничтожена немалая часть населения острова.(22) Мы не знаем, в какой степени ко времени прибытия Кука на Пасху там сохранились неполинезийские языковые элементы, потому что Кук(23) и Форстер(24) записали для сравнения только такие слова, которые они и их переводчик с Таити смогли отождествить с таитянскими. Непонятные выражения не принимались во внимание. Сам Кук признавал, что словарь из двадцати восьми слов, родственных таитянским, не характеризует пасхальского языка той поры. Ведь пишет же он о первом пасхальце, который поднялся на борт корабля, что «язык его оказался совершенно непонятным»(25) и для таитянского переводчика.

Еще до появления полного словаря рапануйского языка на остров в 1864 году прибыл миссионер Эйро. Он привез с собой, кроме мангаревцев, немногочисленную группу пасхальцев, переживших эпидемию оспы в Перу, куда они были угнаны в рабство. Они вернулись на родину через Таити. Письменность и речь сильно сократившегося населения Пасхи подверглись влиянию таитянского диалекта.

Вскоре французский миссионер Руссел(26) составил рапануйский словарь, опубликованный после его смерти. Но еще при жизни Руссела английский хирург Пальмер(27) писал: «Язык их изменился так сильно, что никто не может сказать, каким он был первоначально».

Влияние таитянского диалекта еще больше усилилось, когда в 1871 году большинство пасхальцев отправились на Мангареву и Таити, а на острове, население которого к 1878 году сократилось до 111 человек, обосновались говорящие на полинезийском языке овцеводы и проповедники.(28) Лексика потомков этих 111 пасхальцев, которых обучали в школах на таитянском наречии, и легла в основу большинства словарей острова Пасхи. Неудивительно, что языковед Черчилль(29), сравнивая свой собственный словарь с рапануйским текстом, записанным на острове Томсоном со слов жителей предыдущего поколения, сообщал в 1912 году: «Об этом тексте мы можем лишь сказать, что это не тот рапануйский язык, который мы видим на страницах словаря; не отвечает он и наречиям каких-либо иных известных полинезийских народов, речь идет, скорее, о смешении нескольких языков».

Независимо от того, что к глоттохронологии (так называется метод, сторонники которого по характеру и степени языковой дифференциации определяют начало

обособленного развития языка) многие относятся скептически, ко всяким подсчетам, основанным на нынешней пасхальской лексике, вообще нужно подходить очень осторожно(30), так как этот метод очень ненадежен. (X) Говорящая на ломаном таитянском диалекте группа, которая прививала свою речь немногочисленному покорному населению Пасхи, состояла из полинезийцев, обращенных в христианскую веру. Они не привезли с собой понятий, связанных с их прежним пантеоном. Поэтому богам и богиням острова Пасхи не пришлось потесниться, уступая место божествам, занимавшим ведущее место в собственно Полинезии. Высшие полинезийские божества Ту, Тане, Тангароа, Тики и Мауи не играли никакой роли в религии пасхальцев. Хиро, Ронго, Тангароа и Тики были известны по преданиям, но их не почитали и им не поклонялись. Метро(31) справедливо отмечал: «Наиболее приметной чертой пасхальской религии является то, что важнейшим богам и героям других полинезийских религий придается весьма малое значение». Он предположил: «Значение, придаваемое в пасхальской мифологии богам, имена которых неизвестны в остальной Полинезии, свидетельствует о том, что переселенцы, прибывшие на остров, заменили главных богов богами низшего ранга, снабдив их соответствующими атрибутами и достоинством». (32) Однако в Полинезии нет божеств низшего ранга, носящих те имена, которые по-настоящему почитались на Пасхе. Высшим божеством пасхальцев был Макемаке. Кроме него, поклонялись и приносили жертвы только Хауа(33). В других частях Полинезии не знали даже имен Макемаке и Хауа. Предположение, что речь идет о неполинезийских богах, доставшихся пасхальцам в наследство от носителей другой культуры на самом острове, кажется более правдоподобным, чем гипотеза о полинезийских переселенцах, которые будто бы, прибыв на необитаемый остров, выбросили за борт всех общеполинезийских богов, то есть принесли их в жертву собственному изобретению, совершенно чуждому их предкам. Это было бы совсем непохоже на полинезийцев.

И ведь Макемаке был не просто обожествленным героем, он являлся верховным божеством пасхальцев, которые считали его творцом земли и моря, солнца, луны и звезд, человека и всего живого. Он вознаграждал добродетельных и карал дурных людей после их смерти, о своем гневе он давал знать громовыми раскатами.

Фердон(34) показал, что символ Макемаке тесно связан с сооружениями для наблюдения за солнцем и с другими следами солнцепоклонничества, обнаруженными в Оронго, на вершине самой большой горы острова Пасхи. Ритуальное поселение Оронго с его искусно выполненными каменными строениями было центром культа Макемаке и всей религиозной деятельности, общей для всего острова. Причем постройки и приуроченные к ним ритуалы были такими же неполинезийскими, как сама фигура Макемаке. Сооруженная здесь обсерватория для наблюдения положения солнца во время солнцестояния и равноденствий пока что остается уникальной во всей Полинезии.

Зато такие сооружения обычны на ближайшем материке, в Перу. И здесь, как на Пасхе, они служат центром религиозных ритуалов.(35) Мы установили, что ритуальное поселение Оронго и по архитектуре не является полинезийским. Нигде больше в Полинезии не проявлялось стремление соединить вместе несколько домов. Но это свойственно древнеперуанской архитектуре – и в горах, и на побережье. Не знает параллелей в Полинезии и высокоразвитая техника строительства домов в Оронго. Это относится к кладке стен, ложному своду, искусному соединению под острым углом наклонных стен. Такие каменные дома характерны для строительного искусства Перу и прилегающих областей Южной Америки.(36) Археологи свидетельствуют, что к культу Макемаке, то есть солнцепоклонничеству, позднее добавился общий для всех островитян культ птичеловека, если не совсем был вытеснен им. Здесь главную роль играло неполинезийское божество Хауа. В средний период все скалы в Оронго были покрыты изображениями человеческой фигуры с птичьей головой. Ритуальными стали ежегодные заплывы на заостренных, как клык, поплавках из камыша тотора к островку у побережья за первым яйцом. Победитель считался священным птичеловеком и в течение года получал почти неограниченные социальные привилегии.

Метро(37) пишет: «Глядя на руины Оронго и многочисленные изображения птичеловека на скалах, невозможно оспаривать значение культа птичеловека. Предания, свидетельства ранних миссионеров и путевые заметки мореплавателей подтверждают первостепенную роль ритуалов этого культа, а также рисуют социальные отношения во время этих ежегодных соревнований... Весь комплекс культа птичеловека... не знает параллелей в остальной Полинезии... Нигде больше не было всеобщих состязаний, за которыми следовало поклонение священному человеку». Фердон(38) пишет: «Хотя художественные изображения пасхальского птичеловека сейчас кажутся уникальными, следы культа птичеловека в Тиауанако (Боливия), а также в культуре чиму на северном побережье Перу позволяют предположить американское происхождение пасхальского культа».

Применявшиеся в состязаниях камышовые плоты с острым носом – еще одна неполинезийская черта. Плавучие средства из растительного материала использовали в прошлом в Новой Зеландии, но там они формой не напоминали клык, кроме того, делали их из *Rhogium tenax* – местного представителя лилейных. Материал этот быстро намокал.(39) Зато остроносые лодки такого же размера и формы, как на Пасхе, сделанные из такого же камыша, были самым распространенным плавучим средством в древнем Перу. На озере Титикака, особенно у тихоокеанского побережья, камышовые лодки порой достигали поразительных размеров.

Стоит отметить, что изображение знакомого нам птичеловека с длинным изогнутым клювом часто встречается среди памятников древней культуры чиму, причем птичеловек плывет на камышовых лодках.(40) Шведский ботаник Скоттсберг(41) недавно показал, что на Пасхе первоначально рос неполинезийский камыш *Scirpus girarius* (по новейшим данным, *Scirpus tabora*) – американское пресноводное растение, которое из искусственно орошаемых участков в приморье Перу могло попасть на пасхальские пресноводные озера лишь при посредничестве человека. Фердон(42) отмечает, что существование на острове Пасхи не только камышового плота южноамериканского типа, но и самого растения, которое шло на такие плоты, «служит веским доказательством контакта с Америкой и позволяет предположить, каким образом элементы американской культуры могли достичь острова Пасхи».

Большие и малые камышовые лодки занимают видное место в стенных росписях домов Оронго. Мы видим тут также стилизованное изображение двухлопастного пасхальского весла. В остальной Полинезии двухлопастного весла нет, им не пользовались даже в ритуальных танцах, как это было на Пасхе. Зато оно было широко распространено в Америке; в древнем Перу его использовали гребцы на камышовых плотках.(43) Далее, изображенные в Оронго личины имеют «плачущий глаз» – постоянный элемент всего пасхальского искусства.(44) «Плачущего глаза» тоже нет нигде в остальной Полинезии; вместе с тем его считают характерным мотивом ранних культур Перу и сопредельных областей Америки. Типичным примером могут служить изображения птичеловека на тиауанакских Вратах Солнца.(45) Верховный бог Макемаке изображался в Оронго в виде животного, напоминающего кошку. Томсон(46) писал об одном наскальном рельефе, который считал самым древним: «Наиболее часто встречается мифическое существо, полужверь-получеловек, с выгнутой спиной и длинными, переходящими в когти руками и ногами. По словам островитян, это символ бога Меке-Меке...». Томсон считал это изображение «удивительно схожим» с мотивом, виденным им на побережье Перу. Кошка с выгнутой спиной, втянутым животом, длинными ногами, круглой головой и раскрытой пастью вырезана рядом с птичеловеком и на пасхальских дощечках.(47) Жоссан предположил, что речь идет о крысе(48), так как на островах Южных морей нет хищных кошек. Зато они есть в Южной Америке и со времен культуры тиауанако от Мексики до Перу служили символом бога-творца.

У каждого рода наряду с главным культовым центром Оронго, единым для всех племен Пасхи, была своя платформа со статуями, связанная с культом предков. В поздний период

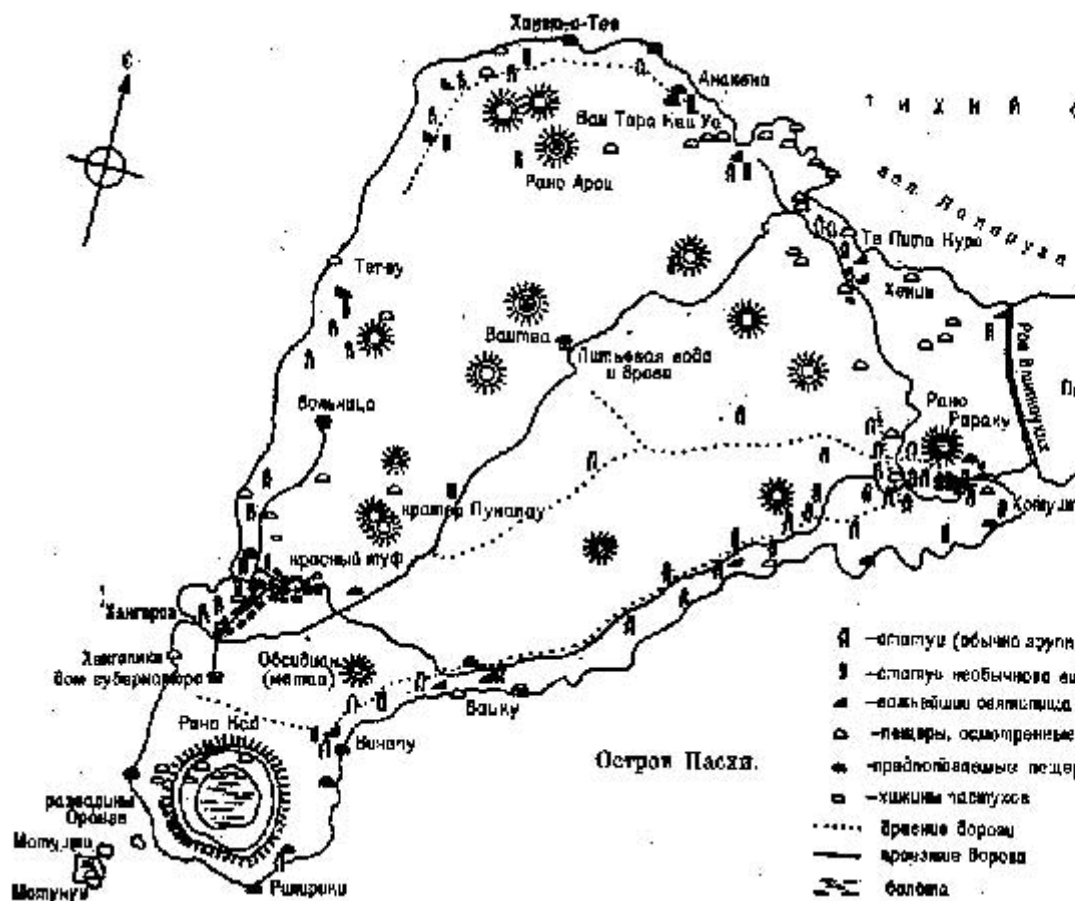
постаменты напоминали культовые сооружения других островов Юго-Восточной Полинезии. Однако при раскопках выяснилось, что аху были выстроены поверх более древних конструкций, они имели другой рисунок и выполняли иную задачу. На месте задней стены аху находился фасад ранних сооружений, в которых не было склепов; они не предназначались для установки исполинских статуй. Позднейшие постаменты с пристроенными крыльями ориентировались беспорядочно и представляли собой массивные сооружения из каменных глыб и бывших в употреблении плит; ранние конструкции предстают перед нами как астрономически ориентированные алтари с искусной облицовкой из тщательно обтесанных и пригнанных блоков.

Многочисленные статуи, водруженные на позднейшие постаменты – аху, были обращены лицом внутрь острова. В позднее время ритуал совершался на площадке перед ними, а в ранний период – у обращенного к морю высокого фасада платформы, ориентация которой была согласована с годовым движением солнца. Щели в тех местах кладки, где грани прямоугольных или многоугольных блоков не совпадали, были аккуратно заполнены щебнем; получалась очень ровная, чуть выпуклая стена. Нигде в Полинезии не найдено ничего похожего на эту совершенную технику каменной кладки. Правда, на некоторых островах можно увидеть старательно выложенные стены, но их отделка не идет ни в какое сравнение с отделкой пасхальских стен, и они не согласовывались с движением солнца. Зато мегалитические культовые платформы со щебневым заполнением, ориентированные по солнцу и облицованные мастерски высеченными и пригнанными плитами, то есть платформы, кладка которых так же совершенна, как в ранний период на Пасхе, встречаются во многих областях Перу доинкского периода, от долины Куско и Руми-Кольке до Оллантай-Тамбо и Тиауанако.(49) Бак50 предлагал считать предшественниками пасхальских изваяний немногочисленные в рост человека каменные статуи Маркизских островов. Эта гипотеза опровергается новейшими раскопками и радиоуглеродным анализом. Маркизские платформы с идолами, о которых здесь идет речь, появились намного позже той поры, когда на Пасхе начали вырубать статуи среднего периода.(51) А различные пасхальские скульптуры раннего периода относятся к слою, который вообще не дает нам антропоморфных монолитов ни в Полинезии, ни в Меланезии, ни в Микронезии. Вместе с тем огромные статуи, воздвигнутые под открытым небом, были характерными для святилищ в соседних областях северо-западного угла Южной Америки. Три из четырех типов скульптур раннего пасхальского периода, о котором до раскопок ничего не было известно, очень близки к своеобразным типам статуй раннего периода Тиауанако.(52) Бросается в глаза разнообразие погребальных обрядов на крохотном острове Пасхи. Наши раскопки позволили открыть новые ритуалы. Сначала перед ориентированной по солнцу стеной Винапу, а затем перед другими пасхальскими аху Меллой нашел примыкающие друг к другу каменные гробы с кремированными останками.(53) Кремация известна на Новой Зеландии, но в остальной Полинезии не обнаружена. Случайные следы кремации найдены в Меланезии, и установлено, что она применялась в западной части Южной Америки.(54) Неизвестны в Полинезии и широко распространенные на Пасхе овальные могильники из камня, полые внутри; в эту полость помещали вторичные останки.(55) Нет в остальной Полинезии и цилиндрических, увенчанных ложным сводом каменных башен, которые на Пасхе называют тупами. Зато они в точности повторяют южноамериканские погребальные башни, известные под названием «чульп» и особенно часто встречающиеся в области Тиауанако.

Если обратиться к жилым постройкам, то мы опять увидим совсем неполинезийскую картину. В статье, посвященной типам пасхальских жилищ, Фердон(56) пишет: «Одна из многих черт, которые так хорошо отличают комплекс материальной культуры острова Пасхи от культур других полинезийских островов, – многообразие типов жилищ... По своей общей конструкции каждый из этих типов является уникальным в Полинезии; это порождает еще одну проблему, которую вряд ли можно объяснить только самостоятельным развитием».

Один из основных ранних типов жилищ особенно часто встречается в восточной части

острова. Речь идет о круглых каменных домах с толстыми двойными каменными стенами со щебневым заполнением, встроенными погребам и входом через крышу, которая, по-видимому, была конической и делалась из камыша. Местами такие круглые дома примыкали друг к другу, у них были смежные стены; получались поселения с единообразной планировкой.(57) В полинезийской культуре ничего похожего нет, зато эти дома во всем, вплоть до такой детали, как вход через камышовую крышу, схожи с круглыми толстостенными и многокомнатными каменными домами тихоокеанского побережья ниже Тиуанако.(58)

План пасхальского селения со смежными домами.

Не менее распространенными, чем круглые дома с вертикальными стенами и камышовой крышей, были продолговатые лодковидные жилища из положенных горизонтально друг на друга каменных плит. Характерные черты этих жилищ – тщательная подгонка камня в местах соединения стен постройки под острым углом, кровля ложным сводом и вход через туннель сбоку. Ритуальное поселение Оронго представляет собой наиболее сохранившийся образец этой примечательной неполинезийской архитектуры, но и в других частях острова есть развалины отдельных домов и даже руины целого поселения такого же рода.(59) Пасхальские камышовые хижины, в отличие от полинезийских (деревянные каркасы, крытые пальмовыми листьями), были не прямоугольными и не овальными, они сохраняли в плане ту же своеобразную ланцетовидную форму, что и каменные дома с конструктивно обусловленными острыми концами. Необычная форма, применение южноамериканского камыша, жердей, вставлявшихся в отверстия, пробуренные в каменном фундаменте, который выкладывался из тщательно обтесанных и пригнанных плит, – все это отличает даже пасхальские дома исторической поры от жилищ остальной Полинезии.(60) Повсюду встречающиеся базальтовые фундаменты – паенга – принадлежат к самым частым археологическим находкам на Пасхе. Ничего похожего нет в других частях

Океании.(61) Пасхальский очаг, не имеющий ничего общего с применяемой во всей Полинезии земляной печью, сооружался из прямоугольных каменных плит и блоков, устанавливаемых торчком. Наполовину врытые в землю, они образовали квадратную или пятиугольную фигуру. И опять перед нами конструкция, которая была хорошо известна в древнем Перу и выполняла там ту же функцию.(62) Можно привести немало других подробностей, но ограничимся здесь общим обзором орудий, утвари и других изделий.

Основное оружие, наиболее часто встречающееся на Пасхе, – матаа, обсидиановый наконечник для копья с черенком, позволяющим крепить наконечник к древку; в нем нет ничего полинезийского. За пределами острова Пасхи найдено всего два матаа, оба в могилах древних жителей чилийского приморья. Были ли они изготовлены на месте или привезены (может быть, как раз с Пасхи), остается невыясненным.(63) Каменные топоры из слоев последнего пасхальского периода весьма разнотипны. Топоры с симметрично обитым с двух сторон клинком (то есть собственно топоры, а не тесла) нельзя назвать типично полинезийскими. Тем не менее их находили при раскопках в слоях среднего периода. Заостренные с одного или с двух концов ручные рубила составляют на Пасхе основную массу находимых орудий труда: ведь ими пользовались все каменотесы. Однако они не являются характерным полинезийским элементом. Зато в Америке эти рубила, как и упомянутый выше топор, были широко распространены.

В чрезвычайно пестром пасхальском наборе рыболовных крючков важнейшее место занимает сплошной каменный крючок, не встречающийся ни в Полинезии, ни в прилегающих к ней областях. По не выясненной пока причине его встречают в культурных слоях на островах у побережья Калифорнии. Кроме того, сплошные каменные крючки делали только на южноамериканском побережье ниже Тиауанако.(64) Важнейший элемент всех полинезийских культур – каменный пест для приготовления пои. Тем резче бросается в глаза его полное отсутствие на Пасхе. Хотя тут выращивали таро, но пои, основную полинезийскую пищу, не делали.(65) Отсутствовал на Пасхе и кофе – распространенный по всей Полинезии ритуальный напиток, присущий лишь полинезийской культуре.

Сделанная из дерева или китовой кости ребристая колотушка для тапы (наряду с пестом главный предмет полинезийской утвари) на острове Пасхи не применялась, пока ее не ввезли уже во времена миссионеров. Пасхальны выколачивали свой луб махуте окатанными морем гольшами и соединяли получившиеся полосы совсем не на полинезийский лад – сшивали их с помощью иголки и нитки. Как показал Метро(66), остров Пасхи – единственное место во всей Полинезии, где одежду из тапы шили. Соответственно важным элементом пасхальской культуры стала маленькая костяная игла с ушком. Наша экспедиция нашла 163 таких иглы. Этот тип изделий чрезвычайно редок в Полинезии, зато подобные ему изделия известны в древнем Перу.(67) Единственным предметом обстановки в домах были циновки из южноамериканского камыша тоторы и каменные подушки с нацарапанным рисунком, не употреблявшиеся в Полинезии. Применение на острове каменных подушек (они известны также у многих южноамериканских народов) неверно объясняли(68) нехваткой древесины – довод, которым долго оперировали исследователи.

Положение острова Пасхи по отношению к ближайшим островам Полинезии и побережью Южной Америки. Наглядно видно сколь мала разница в расстоянии до соседей на западе и на востоке.

До сих пор вне поля зрения ученых оставались повсеместно встречающиеся на Пасхе неполинезийские жернова, очень похожие на американские метате. Для чего древние пасхальцы применяли эти жернова, неизвестно. Не менее часто попадаются (тоже неполинезийские) маленькие миски из полированного базальта в форме полушария. Аналогичный тип распространен на северном побережье Чили.(69) Личные украшения и знаки достоинства пасхальцев – например, деревянные реи миро (плоский кусок дерева в виде полумесяца, обычно с бородатой мужской физиономией на концах; по словам островитян, реи миро символизировали, во-первых, луну, во-вторых, те самые суда, на которых приплыли на Пасху их предки) и тахонга (кусок дерева, напоминающий по форме яйцо или кокосовый орех; на тупом конце часто вырезалась двойная человеческая голова; тахонга вешали на грудь) – сильно отличаются от полинезийских.

Даже столь важные моаи кавакава (резное изображение изможденного мужчины с торчащими ребрами, впалым животом, орлиным носом, козлиной бородкой и свисающими до плеч ушами; местные предания утверждают, что это портрет единственного представителя первых обитателей острова, который уцелел после жестокой битвы), моаи

паапаа (плоское деревянное изображение женщины с некоторыми мужскими чертами) и прочие деревянные скульптуры – основные атрибуты искусства и ритуалов острова Пасхи, неизвестны в Полинезии. У них нет ничего общего с фигурками тики.

Перечень пасхальских элементов, отсутствующих в Полинезии, и полинезийских элементов, которых нет на Пасхе, можно продолжить, но мы уже назвали важнейшие предметы местного быта и черты религиозных обрядов. Поэтому достаточно в заключение сослаться на дощечки ронго-ронго, ставшие предметом столь оживленного обсуждения. Полинезийцы не знали письменности, а между тем именно остров Пасхи, занимающий обособленное географическое положение, оказался единственным из островов Южных морей, где обнаружена письменность. Исследованиям этого вопроса посвящена следующая глава.

Трудно объяснить сложную историю острова Пасхи, если догматически отвергать влияние культур Нового Света. И ведь от Пасхи до Нового Света расстояние ничуть не больше, чем до Центральной Полинезии на западе.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОСТРОВА

ПАСХИ И ПИСЬМЕННОСТЬ РОНГО-РОНГО (XI)

Остров Пасхи, ныне принадлежащий Чили, приобрел в последние десятилетия известность не только благодаря экспедиции Хейердала. Прошел слух, будто один немецкий ученый, применяя методы дешифровки, разработанные в годы второй мировой войны, обработал собранный епископом Жоссаном материал и раскрыл наконец тайну пасхальской письменности. Во всяком случае, печать превозносила этого ученого как толкователя письмен острова Пасхи и Хейердалова супостата. Но опубликованный отчет оказался чрезвычайно сдержанным. Впечатление, что многое осталось невыясненным, подтвердилось тем, что в расшифровку включились советские исследователи, применяющие самые современные способы. Причем они считают, что проблема прочтения пасхальских дощечек далеко не решена; больше того, они сомневаются, что ее вообще можно решить.

Хейердал внес немалый вклад в решение этой проблемы. Он не ограничивается ссылками на собранный экспедицией материал, а тщательно разбирает все, что почти за двести лет стало известно от островитян о дощечках с письменами.

Интерпретируя толкования, предложенные самими пасхальцами, Хейердал пришел к тому же заключению, к какому другим путем пришли советские исследователи: язык дощечек, очевидно, так же чужд для Полинезии, как и письмена. Некоторые признаки как будто указывают на связь с Южной и Средней Америкой.

На первый взгляд, аргументация Хейердала может показаться чрезмерно обстоятельной, отдельные факты повторяются и рассматриваются с различных сторон, но это необходимо при той осторожности и сдержанности, с которой он формулирует свои выводы. Зато читатель приобщается к увлекательной, кропотливой работе исследователя, когда словно при расследовании уголовного дела, отыскивается деталь за деталью и возникает мозаичная картина, призванная выявить истину.

Текст этой главы первоначально был напечатан во втором томе «Отчетов Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи и в восточную часть Тихого океана». Он был дополнен статьями Т. Бартеля, Ю. Кнорозова, И. Федоровой и А. Кондратова, а также образцами письменности.

На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 году русские исследователи ронго-ронго сообщили, что содержание дощечек с письменами острова Пасхи все еще неизвестно, хотя некоторые утверждают обратное.⁽¹⁾ Ю. Кнорозов и его коллеги считали, что ронго-ронго – иероглифическое письмо, однако, по их мнению, неверно было бы отождествлять язык дощечек с современным рапануйским

языком, как это делалось до сих пор.(2) Этот вывод сам по себе является важным шагом вперед и побуждает еще раз критически рассмотреть сведения, сообщенные пасхальцами в XIX веке. Ведь все известные попытки расшифровать кохау ронго-ронго исходили из предположения, что язык и письменность дощечек были известны некоторым островитянам той поры, когда на Пасхе уже обосновались миссионеры. (XI)

ПОДПИСИ ПАСХАЛЬЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВИЗИТА ГОНСАЛЕСА В 1770 ГОДУ

Первое сообщение о том, что у жителей Пасхи, в отличие от всех остальных полинезийцев, была какая-то письменность, мы находим в официальной записке коммодора Фелипе Гонсалеса, датированной 19 ноября 1770 года. Гости провели среди островитян четыре дня и, очевидно, подметили, что на острове есть своя письменность, ибо перед тем, как испанцы торжественно именем короля Испании вступили во владение островом, Гонсалес отдал дону Хосе Бустильо, назначенному руководить церемонией, письменное распоряжение: «...и поручите казначею представить вам отчет обо всем, что происходило, и присовокупите грамоту признанных вождей, или кациков, подписанную их собственными письменами, в подтверждение того, что они во всем согласны и всем довольны...».

Старинная рукопись, повествующая о ходе церемонии, сообщает: «И тогда, после того как грамота о вступлении во владение островом была подписана всеми участниками экспедиции, они предложили кацикам сделать то же самое в знак покорности королю Испании. И вожди начертали письмена в рукописи, их подлинность и достоверность засвидетельствована секретарем экспедиции, сеньором Антонио Ромеро».(3) В другом отчете о той же церемонии один из офицеров экспедиции пишет: «Акт передачи власти был засвидетельствован с соблюдением надлежащих формальностей, и, чтобы придать еще большую достоверность столь важному делу, некоторые из присутствовавших при сем туземцев подписали или утвердили официальную грамоту, начертав на ней знаки своей собственной письменности».(4) Знаки, которыми пасхальцы в 1770 году подписали договор с испанцами, заметно отличаются от знаков, известных нам по дощечкам ронго-ронго, за исключением знака, изображающего фрегат. Эта птица – обычный сюжет пасхальского искусства, ее изображение мы видим на стенных росписях в домах и пещерах.(5) Можно было бы назвать пасхальские «подписи» 1770 года попросту каракулями, начертанными в подражание знакам испанской письменности, если бы мы не знали, что к этому времени на острове, вероятно, существовали дощечки ронго-ронго. Поэтому приходится выбирать одну из двух взаимоисключающих возможностей: либо пасхальцы XVIII века только делали вид, будто умеют писать, либо они изобрели (или унаследовали) письмена, отличные от тех, которые нам известны по кохау ронго-ронго.

Независимо от того, какая альтернатива верна, налицо важная информация: пасхальцы позднего периода, когда им в 1770 году представился случай «писать», не воспользовались знаками, вырезанными на деревянных дощечках.

ОТКРЫТИЕ КОХАУ РОНГО-РОНГО И РАССПРОСЫ ПАСХАЛЬЦЕВ

До 1864 года, когда на острове Пасхи поселился брат Эжен Эйро(6), мало кто навещал пасхальцев, да и то на очень короткое время. Возможно, и до него кто-нибудь из чужеземцев видел дощечки ронго-ронго, но он первым поведал миру об их существовании. В декабре 1864 года Эйро писал верховному генералу конгрегации «Святого сердца Иисуса и Марии»:

«Во всех их домах можно увидеть деревянные дощечки или палки, покрытые всякого рода знаками, изображающими неизвестных на острове животных; эти знаки туземцы чертят острым камнем. У каждой фигуры есть свое название; но так как туземцы придают этим дощечкам мало значения, я склонен думать, что эти знаки – пережиток примитивной письменности – для них ныне стали традицией, которую сохраняют, не доискиваясь ее смысла. Туземцы не умеют ни читать, ни писать...»

Похоже, что исследователи недостаточно внимательно отнеслись к этому свидетельству первого наблюдателя, близко познакомившегося с пасхальцами в те времена, когда на острове еще сохранялась исконная культура и кохау ронго-ронго были в обиходе.

Итак, Эйро, знавший всех жителей острова, утверждает, что никто из них не умел читать и что владельцы дощечек знали каждый знак сохранившейся письменности лишь по названию, а смысла не понимали.

Сообщение Эйро подтверждается наблюдениями патера Ипполита Руссела и патера Гаспара Зумбома. Они оба поселились на острове Пасхи через два года после прибытия Эйро. Но если Эйро поначалу в каждом доме находил дощечки с письменами, то теперь они почти все исчезли. Как ни странно, Эйро никогда не говорил на эту тему со своими коллегами, но Руссел(7) докладывал своим начальникам: «Их песни сопровождаются ритмичными движениями, весьма монотонными и крайне непристойными. Они утверждают, будто у них есть своего рода письменность, благодаря которой они сохраняют для потомства важнейшие события, происходящие на их земле. Я видел знаки этой письменности на продолговатом куске полированного дерева, они очень напоминают египетские иероглифы. Лично мне кажется, что вряд ли они понимают смысл этих знаков. Некоторые из индейцев уверяли нас, будто понимают их, но когда мы устраивали проверку, то слышали только какие-то нелепые и невразумительные истории».

Его коллега Зумбом(8) сообщал: «Сначала несколько слов об иероглифах. Иногда нам попадались на берегу некие камни со следами гравировки, но так как здешние туземцы не придавали этому большого значения, мы не видели причин задумываться над находками. Однажды, когда я совершал прогулку со школьниками, о которых еще расскажу, я увидел в руках одного мальчика странный предмет, найденный им среди скал. Это был кусок дерева около 35 сантиметров в длину и около 30 в ширину, слегка закругленный с одного конца. Можно было различить стоящие правильными рядами знаки, к сожалению, поврежденные выветриванием. Видя, как внимательно я рассматриваю находку, ребенок преподнес ее мне, и я ее сохранил.

На следующий день один индеец, заметивший, какое значение я придаю этому открытию, принес мне такой же предмет, но больших размеров и лучше сохранившийся и выменял его у меня на кусок материи. Здесь были начертаны миниатюрные изображения рыб, птиц и прочего, что есть на этой земле, а также вымышленные фигуры. Я созвал самых просвещенных индейцев, чтобы расспросить их о смысле этих знаков, очень похожих на иероглифические письмена.

Все с явным одобрением смотрели на этот предмет. Мне сказали, как называется предмет, но я забыл; потом некоторые из них стали читать текст нараспев. Однако другие закричали: «Нет, не так!»

Разногласие среди моих учителей было столь велико, что, несмотря на все мои старания, после этого урока я знал немногим больше, чем до него.

Позднее, во время одной поездки, я показал эту диковину монсьеру Аксьери (епископу Тепано Жоссану на Таити), который осмотрел ее с великим интересом и очень сожалел, что я не могу объяснить ему смысл всех загадочных фигур. «Ибо это, – сказал он мне,

– первые следы письменности, когда-либо обнаруженные на островах Океании». Видя, сколь высоко наш возлюбленный прелат оценил этот предмет, я поспешил преподнести его ему. Его преподобие посоветовал мне незамедлительно связаться с патером Ипполитом Русселом, чтобы он по возможности расшифровал второй текст, оставленный мной на

острове Пасхи.

Впоследствии я нашел еще один такой же предмет длиной примерно 135 сантиметров и шириной 40 и договорился выменять его на одежду. Но немедленно заключить сделку я не мог, так как не располагал в это время средствами, а владелец сего небольшого сувенира ни за что не соглашался отдать его мне, пока не получит плату. Мы условились, что он придет ко мне домой, но я напрасно его ждал. Встретив этого человека через несколько дней, я спросил его, почему он не принес мне то, что я у него приобрел. Он ответил, что у него больше нет этого предмета, однако не пожелал рассказать, что он с ним сделал. Потом я узнал, что один коварный человек то ли из зависти, то ли по злобе присвоил себе этот предмет и сжег его. Меня очень огорчила эта потеря, тем более что я не смог ее возместить другой находкой такого же рода. Я не сомневаюсь, что эта индейская письменность представляет подлинную ценность для науки».

ЕПИСКОП ЖОССАН РАССПРАШИВАЕТ ПАСХАЛЬСКИХ РАБОЧИХ НА ТАИТИ

Монсеньер Аксьери, он же епископ Жоссан, чрезвычайно заинтересовался открытием миссионеров. Однако их неспособность записать на острове Пасхи текст хотя бы одной дощечки удручила его чрезвычайно, и он решил лично взяться за дело. Жоссан(9), сообщив, что брат Эйро во всех домах на острове Пасхи видел дощечки с письменами и что, по словам Эйро, никто из пасхальцев не умеет ни читать, ни писать, продолжает:

«Когда патер Гаспар Зумбом проезжал через Таити, направляясь через Вальпараисо обратно на остров Пасхи, он преподнес мне косички волос, намотанные на плоскую дощечку размером 30 на 15 сантиметров, которая была обломана или повреждена со всех концов. Эта дощечка тотчас же привлекла мое внимание, ибо на обеих ее сторонах я увидел аккуратно начерченные ряды знаков. Тогда я не вспомнил рассказ любезного святого брата, а удивление его друга патера Гаспара Зумбома свидетельствует, что брат Эжен Эйро не показал ни одной дощечки миссионерам на острове Пасхи, где он скончался 20 августа 1868 года.

При первой возможности я попросил патера Руссела собрать для меня все еще сохранившиеся подобные дощечки, поскольку они теперь туземцам ни к чему. «Они используют их для растопки кухонных очагов», – сказал один пасхалец, сопровождавший патера Зумбома. Нельзя было мешкать. Патер Руссел прислал мне пять дощечек. Одну из них я подарил русскому военному кораблю «Витязь». Несмотря на призыв патера Руссела, никто – почему, не знаю, – не предложил свои услуги, чтобы истолковать ему надписи на этих дощечках. Я не скрывал своей радости, что получил дощечки, – ведь в моих руках оказались полинезийские тексты. Но если и появилась надежда найти в них обильную информацию, то она быстро развеялась...

С той поры я всегда говорил как туземцам, так и приезжим о великой ценности кохаоу ронго-ронго – мудрого гибискусового дерева. Так называются дощечки. Один чилийский военный корабль сумел вскоре приобрести две штуки. И наконец, господин Паеа Салмон, овцевод, состоявший на службе у покойного Дютру-Борнье п Брандера, собрал на острове Пасхи все диковины, какие мог найти, и продал их в Папеете. Говорят даже, будто он отыскал туземца, который смог прочесть ему дощечки.

Вывоз пасхальцев на плантации господина Брандера на Таити позволил мне познакомиться с «маори», то есть с туземным ученым по имени Меторо Таоуаоуре, уроженцем Махатоуа, сыном Хетоуки и учеником Гахоу, Реимири и Паоваа. Мне указали на него его земляки. Господин Брандер согласился предоставить его в мое распоряжение на две недели. Меторо, пока ждал меня в моем доме, начертил на бумаге несколько знаков. Со мной был Оуроупано Хинапоте, старый спутник патера Зумбома, сын ученого Теаки и ученик его

дяди Реими́ро, который писал акульим зубом. Перед пасхальцами, смеявшимися над ним, Хинапоте смешался; он признался, что учился в школе, но ничего не знает.

Эти подробности, а также сообщение о европейском весле, на котором правильными рядами нанесены письма, могут служить подтверждением того, что письменностью, хотя речь идет о древней письменности, на острове Пасхи пользуются по сей день.

Перуанская экспедиция (подразумевается набег рабовладельцев в 1862 году) увезла всех туземных ученых. С 1864 года, когда брат Эжен Эйро видел много ценных для туземцев дощечек, до 1868 года, когда патер Руссел еще смог найти для меня пять таких дощечек, большая часть их была сожжена. Мне кажется, я вправе сказать, что они открыты мной, во всяком случае, я спас от огня все, что осталось, спас ключ от загадки.

Наступила торжественная минута. Я вручаю Меторо одну из дощечек. Он поворачивает ее раз, другой – ищет, где начинается текст, и читает нараспев нижнюю строчку, слева направо. Дочитав ее, он спел следующую строчку справа налево, третью слева направо, четвертую справа налево – так ходит бык с плугом. Дойдя до последней, верхней строки, он перешел на обратную сторону и стал спускаться по строкам, словно быки, которые вспахивают бугор с двух сторон, так что борозда, начавшись у подножия с одной стороны, кончается у подножия с другой. Читающий дощечку может после каждой строчки переворачивать ее, если не умеет читать знаки, стоящие вверх ногами. Таким образом, пасхальцы показали некоторым из моих читателей, что значит писать бустрофедоном. Если бы они объяснили нам также, откуда у них эта письменность!

Внимательно рассматривая письма, я увидел, что первые знаки парных строк стоят противоположно друг другу; этим объясняется попеременное чтение строк слева направо и справа налево. Стремясь уловить смысл написанного, насколько мне позволяло знание диалектов, я обнаружил, что письма идеографические, точнее, даже кириологические, то есть каждый знак выражал какое-то понятие. Но я не видел писем, которые связывали бы отдельные понятия между собой, не было также «неизвестных на острове животных», вообще никаких убедительных признаков древности. Если они и существовали, на что как будто указывает сообщение брата Эйро, можно лишь предполагать, что все они стали жертвой пламени. Сколь прискорбно, что до нас не дошла ни одна из древних дощечек! Те, которые я спас, явно относятся к более позднему времени, и я почти уверен, что они представляют собой лишь остатки письменности былой поры, ведь мы видим на них только то, что есть в природе этого маленького острова.

Затем мой переводчик объяснил мне, что принято собираться в кружок и читать текст нараспев; это своего рода ритуал. Кроме слов, передающих истинный смысл знаков, песня содержит также множество слов, добавляемых исполнителями от себя. Эти слова ученику значительно труднее удержать в памяти, чем одно только значение писем. Писать знаки было удовольствием, а вот выучить наизусть и уметь исполнять все песни, по мнению Меторо, было тяжелым трудом. Он ни разу не пытался объяснить мне смысл какого-нибудь знака вне песни. Когда патер Руссел обратился с призывом к жителям острова прочитать ему письма, все ученики, учителя которых умерли, опасались, что им встретится незнакомая дощечка. Вот почему никто не явился...

И я снова вручил дощечку Меторо и записал то, что он пел...»

Жоссан нигде не опубликовал полный рапануйский текст, исполненный Меторо, ибо, как он говорит, «слова, прибавленные в песню, растянули бы ее больше чем на двести страниц, и читать все это невозможно».(10) Вместо этого Жоссан сам попытался построчно выделить знаки ронго-ронго, чтобы число их в каждой строке отвечало числу слов, спетых Меторо, но все равно не смог прочесть или уяснить себе смысл хотя бы одной дощечки. Тогда он отобрал знаки ронго-ронго соответственно их предполагаемому содержанию и сгруппировал по понятиям: боги, люди, птицы, рыбы, растения и так далее. Рядом с каждым знаком он написал свое толкование.

Так появилось то, что называют каталогом Жоссана.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРОФТА

НА ТАИТИ В 1874 ГОДУ

Как только Жоссан сообщил, что располагает письменными дощечками, обнаруженными у аборигенов острова Пасхи, он сразу стал получать письма от исследователей со всего света. Одним из первых к нему обратился живший на Таити Томас Крофт, которому Калифорнийская академия наук поручила приобрести у епископа дощечку с письменами. Это обращение вылилось во вторую попытку решить загадку письмен с помощью пасхальцев, вывезенных на Таити. Ниже следует выдержка из письма Крофта президенту Калифорнийской академии, написанного на Таити 30 апреля 1874 года:

«Получив от монсеньера Аксьори известие, что он сможет передать вам одну из дощечек, я приложил все старания, чтобы добыть два комплекта хороших фотографий всех дощечек, как вы об этом просили...

Дощечки имеют разную величину и форму. Я объясню, почему. Давным-давно (как рассказали мне туземцы острова Пасхи, ныне живущие на Таити) население острова очень сильно выросло – до нескольких тысяч человек. И так как остров мал, всего около 20 миль в длину, а люди могли рассчитывать только на местные ресурсы, надо было возделывать каждый клочок пригодной земли. Жители острова срубили все деревья и посадили на месте лесов батат, ямс и прочее.

С той поры и до нашего времени на острове нет деревьев больше двух дюймов в поперечнике, да и то это быстрорастущие породы с мягкой древесиной, которую использовали, не дожидаясь, когда она затвердеет. Поэтому, когда была израсходована вся древесина прежних лесов, оставалось только собирать плавник, выброшенный на берег океаном. Вообще всюду, где было можно, собирали дерево твердых пород, чтобы записать то, что хотели сохранить для потомства. Так можно объяснить разнообразие древесины, из которой сделаны дощечки, их неодинаковую форму и различную толщину. В прошлом, как говорят туземцы, таких таблиц или дощечек было огромное количество, но большая часть их погибла во время частых войн, когда один отряд намеренно уничтожал имущество, принадлежащее другому отряду.

Правда, некоторые туземцы поведали мне – насколько это достоверно, не знаю (ибо жители всех этих островов не отличаются правдивостью), – что миссионеры католики убедили многих островитян предать огню все имевшиеся у них дощечки. Они называли их языческим наследием и говорили, что хранить такие дощечки, значит, сохранять связь с язычеством, а это препятствует подлинному обращению в новую веру и, следовательно, спасению души.

Другие туземцы решительно отрицают такое объяснение и считают это ложью. Правда, так говорят католики, живущие у епископа. Поэтому к их словам следует относиться осторожно. Во лжи миссионеров обвиняют те, кто работает у господина Брандера и не подчинен контролю католиков.

Господин Де Грено (пассажир корабля, затонувшего возле острова Пасхи; он провел на острове несколько месяцев) рассказывал мне, что, когда он впервые попал на остров, туземцы показали ему и его друзьям много таких дощечек. Причем они явно дорожили дощечками, ибо через три или четыре месяца, когда он собрался уезжать и хотел взять с собой несколько дощечек, добыть их оказалось невозможным, а многие туземцы даже вообще отрицали, что у них есть дощечки. Тем не менее капитану затонувшего корабля удалось приобрести две или три штуки, которые он привез в Европу.

Мистер Кэлиген, помощник капитана американского судна, недавно потерпевшего крушение у острова Пасхи... тоже приобрел одну дощечку, которую, по его словам (его нет здесь сейчас, когда я пишу это письмо), отправил своей жене, живущей, кажется, где-то в Калифорнии...

Мистер Паркер, здешний торговец, сообщает мне, что три-четыре года назад, когда на Таити привезли около трехсот туземцев с острова Пасхи (они были завербованы на срок, который теперь истекает), у них были с собой такие дощечки и они пытались их продать. Однако покупателей не нашлось, так как туземцы запросили очень высокую цену. Мистер Паркер говорит, что они явно считали свои дощечки очень ценными, но не сумели никого в этом убедить. По его словам, ему (поскольку он не понимает языка) эти изделия показались просто-напросто кусками дерева с образцами резьбы, знаки, нанесенные на них, имели чисто орнаментальный характер...

Что касается перевода письмен, должен, к сожалению, сообщить, что я горько разочаровался в своем переводчике. Его привел ко мне в дом его земляк, сказав, что этот человек сможет перевести мне письма. В тот день я записал часть перевода пасхальца и настроение у меня было самое оптимистическое. Это происходило в воскресенье, единственный день, когда у него был досуг для таких дел. Потом я куда-то задевал свои записи. И когда он пришел в следующее воскресенье, я решил начать перевод сначала и принялся записывать его толкование, как на его собственном наречии, так и на таитянском диалекте малайского языка.

Через некоторое время меня вдруг осенило, что этот вторичный перевод тех же самых знаков существенно отличается от первого. Чем дальше, тем больше крепло это подозрение, и наконец я понял, что он меня обманывает и то ли вовсе не понимает письмен, то ли не умеет верно их объяснить.

Тем не менее я решил не проявлять излишней поспешности, любезно сказал ему, что он свободен и попросил его прийти в следующее воскресенье. Однако он пришел не в условленный день, а только через воскресенье. Тем временем я отыскал первую запись, сравнил ее со второй и убедился, что между ними большая разница. Когда он появился, я попросил его повторить прежний перевод, чтобы исправить ошибки и пропуски в моих записях. Он послушался, и я увидел, что третий перевод, в свою очередь, расходится с предыдущими.

Тут я обратил его внимание на это несоответствие и сказал ему, что не может быть так, чтобы одни и те же знаки имели три разных значения, что он, очевидно, не знает смысла письмен и пытается меня обмануть. Если это так, пусть лучше уходит. И он ушел.

Епископ тоже пытался справиться с переводом этих письмен. Он показал мне довольно толстую рукопись, содержащую, по его мнению, толкование большинства знаков с фотографий, помеченных номерами 5 и 6, то есть с обеих сторон одной из дощечек. По его словам, ему помогал один из людей (туземец с острова Пасхи, ныне состоящий на службе в миссии), который был переводчиком. Я посоветовал епископу тоже проверить своего переводчика, и опасаясь, что он окажется обманутым. Он обещал сделать это, как только представится возможность».(11)

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДОЩЕЧЕК

Внезапное исчезновение большого количества дощечек ронго-ронго (между 1864 и 1866 годами) совпадает с прибытием миссионеров и поселением на острове первых европейцев. Маловероятно, чтобы наследие предков использовали для растопки кухонных очагов, как это часто думают, исходя из «остроумного» объяснения пасхальского спутника патера Зумбома. Глубокий знаток психологии островитян патер Себастиан Энглерт пишет: «Что же случилось с многочисленными дощечками, которые брат Эйро видел в 1864 году? В период войн и упадка многое могло погибнуть... Но патер Эйро видел дощечки, когда эпоха войн только что кончилась. Что произошло с ними? Трудно понять, как они могли исчезнуть. Самое правдоподобное объяснение: их спрятали в тайниках – пещерах. Миссионеры, получившие распоряжение от епископа Жоссана собирать дощечки, приобрели всего несколько штук. Похоже, что пасхальцы в это время считали святотатством отдавать дощечки, которые были табу, то есть священными и запретными для чужеземцев; они,

вероятно, опасались страшной кары духов, скажем, покойных маори ронго-ронго, за то, что передадут кому-то дощечки... Потайные пещеры служили хранилищами именно таких ценных и священных предметов, как эти дощечки».(12) Конечно, внезапное исчезновение языческих идолов и старых ритуальных дощечек вполне можно объяснить прибытием Эйро на остров и введением новой веры; естественно, что у миссионеров было меньше шансов, чем у кого-либо, добыть укрытое в тайниках наследие. В 1868 году, как раз когда патер Руссел получил письмо епископа Жоссана с настоятельной просьбой разыскать дощечки, на остров Пасхи зашел капитан норвежского торгового судна Петтер Аруп. Человек мирской, он смог без труда приобрести старинных идолов(13) и дощечку с письменами. Когда он показал свои приобретения постоянно живущим на острове миссионерам, Руссел проявил такой интерес к дощечке ронго-ронго, что Аруп отдал ее ему и она попала к Жоссану на Таити.(14) Вскоре после этого остров Пасхи посетил Пальмер(15); он так пишет о дощечках: «После прибытия миссионеров почти все они, как говорят, были уничтожены. Мы не видели ни одной в 1868 году. Чилийский капитан Гана приобрел только три (в 1870 году), он сообщает, что они – большая редкость. Эти дощечки были найдены в каменных домах у Терано Кау (Рано Као)».(16) Очевидно, миссионеры уже тогда заподозрили, что кое-что из языческого наследия исчезло в пещерах. В предисловии к неопубликованной рукописи Жоссана, которую я видел в главной канцелярии конгрегации «Святого сердца Иисуса и Марии» (в Гроттафферрате под Римом), по поводу дощечек ронго-ронго говорится: «Теперь их больше не изготавливают. Если в будущем что-нибудь найдут, то либо в старых каменных постройках, либо в пещерах».

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА ОСТРОВЕ

*ПАСХИ С УЧАСТИЕМ А. П. САЛМОНА
(1877-1886 годы)*

Пасхальцы, к которым обращались за информацией о ронго-ронго Жоссан и Крофт, были привезены на Таити фирмой Брандера; ее представитель капитан Дютру-Борнье переехал с Таити на остров Пасхи и, поселившись там сразу же после приезда миссионеров, занялся овцеводством. После года непрерывных стычек с миссионерами он в 1871 году совсем их выжил с острова, но в 1877 году был сам убит местными жителями.

В том же году, когда пасхальцы снова жили без посторонних, на их остров зашел французский военный корабль «Сеиньелей», и один из пассажиров, Пинар(17), записал следующее о дощечках с письменами: «Это единственный остров во всей Полинезии, где найдены такие документы, скорее всего, – памятники поколения, воздвигшего монументальные статуи. Современные островитяне не могут расшифровать этих «говорящих дощечек», как их называют на острове. На немногие еще сохранившиеся «говорящие дощечки» туземцы наматывают бечеву, идущую на лески и сети; поэтому они и сохранились». Пинар не приобрел ни одного образца.

Вместо убитого Дютру-Борнье с Таити приехал Александр П. Салмон. Семейство Салмонов состояло в родстве с королевской семьей на Таити, и новый поселенец мог разговаривать с островитянами на таитянском языке, используя рапануйские слова, которые он перенял у пасхальцев, работавших на таитянской плантации Брандера. Салмона очень заинтересовало прошлое острова Пасхи, он стал незаменимым информатором и переводчиком для прибывших на Пасху через несколько лет европейских и американских исследователей. Ему посчастливилось познакомиться с пожилыми островитянами, которые, наверно, больше дорожили прошлым, чем молодые рабочие, вывезенные Брандером на Таити.

В Германии Мейнеке(18) и Бастиан(19) уже в 1871 – 1872 годах опубликовали сообщения об открытии на острове дощечек с письменами, когда немецкий сторожевой

корабль «Гиена» по инициативе Бастиана навестил остров в 1882 году. От Салмона капитан «Гиены» Гейзелер узнал, что у старого вождя по имени Хангето сохранились «дощечки со знаками, обозначающими генеалогии». Старик не был склонен расставаться с дедовским наследием, но поведал, что письмом владели только короли и вожди. Он сообщил также, что письменность применялась на острове для двух целей. Во-первых, чтобы передавать другим вождям важные вести, которых гонец не должен был знать, во-вторых, чтобы записывать генеалогии.(20) Четыре года спустя, в 1886 году, пришел американский военный корабль «Могикан», на борту которого находился предприимчивый казначей У. Томсон. и Салмон снова выступил в роли незаменимого информатора и переводчика. Перед этим Томсон побывал у епископа Жоссана на Таити, который позволил ему изучить и сфотографировать свои дощечки. Эти фотографии Томсон привез на Пасху. Он сообщает,(21) что ценой «немалых усилий и расходов» добыл две дощечки. «Приобретенные дощечки находятся в хорошем состоянии. Большая дощечка представляет собой кусок плавника, судя по необычной форме, – обломок лодки».

Об этих самых дощечках через три десятка лет Кэтрин Раутледж(22) записала со слов аборигенов: «Туземцы рассказали, что один ученый с южного берега, в доме которого было очень много таких текстов, расстался с ними по призыву миссионеров. Другой человек с практическим складом ума, по имени Ниари, присвоил эти дощечки и сделал из них лодку, с которой он поймал много рыбы. Но так как лодка сильно протекала, он спрятал все дерево в склепе аху у Ханга Роа, чтобы потом сделать новую лодку. Пакарати, островитянин, который жив до сих пор, нашел одну из этих дощечек. Она была потом продана на американский корабль «Могикан».

Томсон продолжает: «Вторая дощечка сделана из дерева торомиро, растущего на острове. Островитяне, объясняя, почему исчезли дощечки, утверждают, что миссионеры велели сжигать все, какие удастся найти; они старались уничтожить старинные тексты и другие предметы, которые могли связывать туземцев с язычеством, чтобы их обращение в христианство было прочным...

Туземные предания сообщают о дощечках с письменами лишь то, что Хоту-Матуа, первый король, владел письменностью и привез с собой на остров шестьдесят семь дощечек с текстами аллегорий, преданий, генеалогий и поговорок, связанных со страной, откуда он приплыл. Умение читать письмена было привилегией королевского рода – вождей шести округов, на которые был поделен остров, их сыновей, а также некоторых жрецов или учителей; однако один раз в год в заливе Анакена собирали все население и читали текст всех таблиц. Праздник дощечек считался самым важным праздником, даже война его не отменяла.

Стечение обстоятельств, которое положило конец ваянию огромных статуй, а затем и вообще всяким работам такого рода на острове, могло отразиться и на искусстве письма. В таком случае наиболее сохранившиеся дощечки могут быть ровесницами незаконченных статуй в каменоломнях. Умение читать письмена могло сохраниться до 1862 года (у Томсона ошибочно указан 1864 год), когда перуанские работоторговцы угнали в неволю немалую часть населения, в том числе всех должностных лиц и знатных людей. После этой катастрофы жители острова вспоминали предания и все, что было зафиксировано на дощечках, очевидно, в особых случаях, но точного смысла знаков уже никто не знал.

Человек по имени Уре Ваеико, один из старейших жителей острова, заявил, что как раз во время перуанского набега его обучали искусству читать иероглифы. Он уверял, что понимает большую часть знаков. Были начаты переговоры с ним о переводе двух приобретенных дощечек, но он отказался сообщить какие-либо сведения, так как это запрещено священниками. Время от времени ему носили от меня деньги и ценные подарки, однако он неизменно отвечал, что слишком стар и слаб, что жить ему осталось совсем немного; он не соглашался рисковать спасением души, поступая вопреки указаниям своих христианских учителей. В конце концов, чтобы избежать соблазна, старик задумал отсидеться в горах, пока не уйдет «Могикан».

С помощью Салмона Томсон и его отряд однажды вечером застигли врасплох старика, которого сильнейший дождь вынудил вернуться в свой дом. «Видя, что уйти нельзя, он рассердился и наотрез отказывался не только взять в руки дощечку, но даже посмотреть на нее. Ему предложили пойти на компромисс и рассказать какое-нибудь старое предание. На это он охотно согласился... Пока он говорил, его угостили нарочно припасенными для такого случая согревающими напитками... Предпочтение благ настоящих заглушило все опасения за блаженство-грядущее, и в подходящую минуту ему показали фотографии дощечек, принадлежащих епископу.

Старый Уре Ваеико прежде никогда не видел фотографий, и его удивило, как верно они воспроизводят дощечки, виденные им в молодости. Настоящая дощечка вызвала бы в нем отпор, но против фотографии нечего было возразить, к тому же она принадлежала доброму епископу, которого его учили почитать. Он узнал текст и без запинки прочел легенду. Было выяснено содержание и всех остальных известных нам дощечек; мистер Салмон записывал слова туземца по мере того, как тот говорил, потом перевел на английский язык...

Никто не перебивал плавную речь Уре Ваеико, хотя было очевидно, что он не читает письма. Было замечено, что фразы не отвечают числу знаков в строке, и когда ему незаметно подложили фотографию другой дощечки, он продолжал свой рассказ, так и не заметив подмены. Добрый старик пришел в замешательство, когда в конце нашего бдения, затянувшегося на всю ночь, его обвинили в обмане. Он заявил, что понимает все знаки, однако истолковать иероглифы, взятые наудачу с уже проверенных дощечек, не смог.

В конце концов он сказал, что подлинный смысл и значение писем забыты, но каждую дощечку можно безошибочно опознать по определенным признакам, поэтому его толкование не подлежит сомнению. Так человек узнает иностранный язык, которым написана книга, и вполне представляет себе ее содержание, хотя прочесть ее сам не может».

В этой связи важно отметить (об этом писал Томсон)» что старик Уре Ваеико прервал чтение одной дощечки и пропустил часть текста. Приводя английский перевод остального текста, Томсон(23) отмечает: «Следующие иероглифы на этой дощечке, как нам было сказано, принадлежат какому-то древнему языку, ключ к которому давно утрачен. После этого таинственного куска перевод выглядит так...»

Затем перевод был еще раз прерван из-за неподдающихся толкованию мест, написанных на забытом языке.

Томсон(24) продолжает: «Без сомнения, каждая дощечка содержит свою легенду, отсюда названия дощечек, вызывающие определенный сюжет в памяти даже тех, кто не утверждает, что понимает смысл иероглифов. Старик по имени Каитае, называющий себя родичем Маураты – последнего короля, позднее опознал на фотографиях некоторые дощечки и повторил тот же текст, который нам сообщил Уре Ваеико».

Во время пятидесятилетнего пребывания на Пасхе в 1923 году Макмиллан Браун(25) расспрашивал стариков про Уре Ваеико и узнал следующее: «Уре Ваеико был известен как один из слуг Нгаары, короля, который умер перед набегом перуанцев. Говорят, однако, что он не знал письменности. Будучи поваром короля, он часто слышал, как тот читает дощечки; благодаря хорошей памяти он запомнил их и мог повторить песни или религиозные гимны, о которых ему напоминал вид дощечек».

Раутледж(26) получила такие же сведения: «Экспедиция расспрашивала об этом старике, и островитяне единодушно утверждали, что он никогда не владел ни одной дощечкой и не умел их делать, но что он был слугой Нгаары и научился читать их по памяти».

Таким образом, так как два престарелых пасхальца, несмотря на то, что они не умели читать ронго-ронго, независимо друг от друга прочли Салмону и Томсону почти один и тот же текст на фотографиях дощечек Жоссана, можно заключить, что они помнили наизусть некоторые старинные тексты, прежде исполнявшиеся по дощечкам. Оба были уже пожилыми людьми во время набега работяг и появления первых миссионеров. Конечно, у нас нет никаких доказательств, что прочтенные ими Салмону и Томсону тексты

ронго-ронго в самом деле соответствовали письменам на дощечках. Однако совпадение двух текстов очень важно – это позволяет определить примерную длину обычного текста одной дощечки.

Из разных сообщений, которые будут приведены ниже, нам известно, что во время ежегодных праздников кохау ронго-ронго в заливе Анакена различные тангата ронго-ронго читали изрядное количество дощечек. Естественно предположить, что текст каждой дощечки в отдельности не мог быть очень длинным. Это подтверждается образцами текстов ронго-ронго, которые два старика независимо друг от друга изложили Салмону и Томсону. Тексты представляют собой короткие содержательные мифы о сотворении мира, легенды, траурные и любовные песни.

В публикации Томсона(27) все они заняли неполных девять страниц, вместе с рапануйским и английским переводом. Вот почему особенно странно, что текст, который прочел Меторо с дощечек Жоссана на Таити, получился невразумительным и такой длины, что Жоссан не стал его публиковать, так как получилось бы «больше двухсот страниц». Могли ли на ежегодных праздниках различные тангата ронго-ронго зачитать все дощечки, если каждый должен был прочесть текст, равный по объему двумстам печатным страницам?

Во введении к составленному Русселом словарю рапануйского языка патер Ильдефонсо Алазар(28) цитирует образец странного текста, спетого на Таити Жоссану. Этот отрывок, якобы отвечающий первой строке дощечки длиной 42 сантиметра, приводится здесь; он хорошо иллюстрирует упоминавшийся метод Меторо, который по своему усмотрению добавлял слова, чтобы связать между собой знаки, будто бы опознанные им по начертанию на дощечке. Это производит впечатление импровизации. Так школьник пишет сочинение на заданные ему произвольные слова.

«Пусть дождь падет с неба на два мира Хоту Матуа! Пусть восседает он высоко на небесах и на земле! Старший сын пребывает на земле, в его собственном мире; его лодка вышла к его младшему брату, прямо к ребенку. Что до него, то будь он на небесах или на земле, пусть явится на землю тот, которому так нравится на небесах! Он держит землю в своей руке. Человек, уходи. Я останусь на моей земле. Отец, восседающий на троне, приди к своему ребенку. Ему нравилось на небесах. Птица улетела с земли, летит к человеку, который кормится на земле. Человек ест курицу, он поместил курицу под воду, он ощипал с нее перья. Курица, берегись копыя, иди в хорошее место, иди прямо к королю, к его дому, лети; она улетела в хорошее место, подальше от копыя; летя к детям земли, она оказалась в безопасности».

Алазар(29) продолжает: «Несмотря на несовершенство этой песни, монсеньер Жоссан охотно издал бы построчный перевод всех своих дощечек, если бы это не требовало таких больших расходов. Ему пришлось отказаться от этой мысли и довольствоваться публикацией короткой заметки с перечнем примерно 500 иероглифических знаков, которая появилась в «Географическом бюллетене» в 1893 году, через год после его смерти.

Покойный монсеньер де Арль, известный профессор католического университета в Левэне, впоследствии изучил эти своеобразные дощечки и толкование их, сообщенное пасхальцем на Таити. «Да представляют ли в самом деле эти знаки какую-то письменность? – вопрошает он в номере «Мюзеон» за ноябрь 1895 года. – А может быть это скорее набор виньеток, достойных самого изобретательного резчика по дереву?» От сомнения он переходит к утверждению: «Да, это не что иное, как ряд независимых друг от друга изображений».

Владельцы дощечек не могли их прочесть, а те, кто вызывался это сделать, не могли объяснить смысла отдельных знаков, и даже когда одному и тому же лицу в разное время показывали одну и ту же дощечку, излагались противоречивые версии. Неудивительно, что мнение де Арля(30) постепенно нашло столько сторонников в научном мире.

ВИЗИТ КНОХЕ В 1911 ГОДУ

В 1911 году на остров Пасхи из Чили был послан научный отряд во главе с доктором В. Кнохе. К этому времени в музеях Старого и Нового Света собралось уже около двадцати дощечек ронго-ронго. Кнохе привез с собой на остров репродукции трех дощечек, доставленных капитаном Гана на корвете «О'Хиггинс» в Чили в 1870 году.

Прошло всего сорок девять лет после набега перуанских работорговцев и появления на Пасхе первых миссионеров, и люди старшего поколения еще помнили ежегодные чтения кохау ронго-ронго в заливе Анакена. Тем не менее попытки Кнохе истолковать дощечки оказались такими же тщетными, как и усилия его предшественников.(31) «Два старейших пасхальца будто бы могли перевести копии пасхальских писем, привезенные мной из музея Сантьяго. Однако их переводы оказались совершенно различными и в обоих случаях объем изложения не отвечал объему текста. Остается предположить, что нынешнее население не знает значения писем. Недаром все присутствовавшие при чтении заявляли, что старики ничего не смыслят в знаках, а только пересказывают одно из многочисленных преданий, известных и другим без всяких дощечек».

Расспрашивая старейших пасхальцев, Кнохе как-то раз в присутствии 60-70 любопытствующих островитян услышал интересное признание: «Нам сказали, что дощечки с письменами были изготовлены не нынешним населением, а более древними обитателями».(32) Подобно другим приезжим, которые, начиная с Салмона, интересовались пасхальскими преданиями, Кнохе(33) тоже записал некоторые детали местной версии о том, что до прихода европейцев на острове Пасхи поселились два разных народа. Он несколько раз возвращается к сообщению, что «длинноухие» – наиболее трудолюбивый народ, творец огромных статуй – были истреблены в гражданской войне. Об указании, что письменность принадлежала более древнему населению, он говорит: «Это более чем вероятно... вряд ли мы ошибемся, приписав «длинноухим» также и письменность...» Таким образом, он первый сформулировал гипотезу, что подлинный язык дощечек, возможно, отличается от современного рапануйского и что нынешнее население сберегает рудиментарные следы искусства, принадлежавшего другому народу.

ИССЛЕДОВАНИЯ РАУТЛЕДЖ В 1914-1915 ГОДАХ

Через три года после Кнохе на остров прибыла английская экспедиция Раутледж. Кэтрин Раутледж(34) пишет:

«Когда мы прибыли, на острове еще жило несколько человек, которым было за шестьдесят, так что они помнили кое-что из старины; с большинством из них, числом около двенадцати, мы встретились... Это была очень важная работа, потому что время было на исходе, истекали последние дни...» И еще: «...дощечки, известные под названием «кохау ронго-ронго», имели большое значение в жизни островитян в ту пору, которую еще помнили люди преклонного возраста». И дальше: «Языковая проблема, естественно, усугубляла трудности... Туземцы говорят не только на своем языке, они сочетают его с таитянским, который применяется в их церковных книгах и в богослужении. Эти языки родственны между собой, но вместе с тем сильно различаются, и, чтобы понимать речь туземцев, надо было изучать оба языка».(35) Большую часть информации о письменах Раутледж получила от старика по имени Томеника, проживавшего в лепрозории, его близкого друга Капиеры и Те Хахи. Последний был приближенным покойного короля Нгаары, помогал королю во время ритуалов ронго-ронго и даже «начинал учиться писать, но оказалось, что у него слишком сильно дрожит рука...» Ее основным информатор Хуан Тепано, владеющий испанским языком, в молодости отказался от предложения «выучить один из видов письменности»; эти слова заставляют вспомнить, что на острове существовали письмена, или знаки, отличающиеся от начертанных на дощечках.

Раутледж(36) продолжает рассказ: «Дощечки имели разную длину, до шести футов. В роще, где мы беседовали, старый пасхалец подобрал с земли кусок бананового стебля длиннее себя и заковылял с ним, показывая, как носили дощечку. Зрелище было забавное. По

его словам, дощечки были плоские с обеих сторон, а не круглые, как стебель. Говорят, что письма были привезены на остров первопоселенцами, причем они были начертаны на «бумаге», а когда бумага изнашивалась, из банана сделали новую. Когда же оказалось, что и эта бумага изнашивается, стали использовать дерево. В каждом племени были «люди ронго-ронго» (тангата ронго-ронго). Они жили в собственных домах, в разных округах нам показывали, где стояли эти дома. В них они занимались своим делом, часто работали, сидя вместе с учениками в тени бананов. Их жены жили отдельно. Ученики чертили знаки акульным зубом; начинающие упражнялись на коре бананового стебля, и только позже им разрешалось чертить на дереве, известном под названием торо-миро...

Читали, по словам Те Хахи, так: одну строку слева направо, следующую строку справа налево – так же, как бык прокладывает борозду при вспашке, способ этот называется бустрофедоном. Готовые дощечки обертывали камышом и подвешивали в домах... Они считались военным трофеем, но часто сторали вместе с домом во время межплеменных стычек. Рассказывают, будто в доме Нгаары хранились «сотни кохау», и он обучал других искусству, которое перенял от своего деда. Он читал тексты, держа в руке дощечку и раскачиваясь при декламации из стороны в сторону...

Каждый год, рассказывает Те Хаха, устраивалось большое собрание в заливе Анакена, куда приходили сотни чтецов ронго-ронго. Молодые и наиболее пытливые островитяне из всех округов собирались посмотреть на это зрелище. Они приносили с собой хеу-хеу (палки с пучками перьев на конце), привязывали к ним пау (растение семейства Scitamineae) и втыкали эти палки в землю вокруг площадки...

Арики и его сын Каимокои восседали на сидениях, сделанных из дощечек, и каждый держал в руке дощечку. На голове у них, как и у всех учителей, были уборы из перьев. Чтецов ронго-ронго выстраивали рядами, так что посередине оставался проход, ведущий к арики. У одних островитян была с собой только одна дощечка, у других – целых четыре. Старики читали поочередно, иногда вдвоем, с того места, где стояли, но никто не следил по их дощечкам.

Те Хаха и его товарищи стояли с края, он и еще один пасхалец держали в руках мару (нитку белых перьев, привязанную к палке). Если ошибался молодой чтец, его вызывали и указывали ему на ошибки; если же старик читал скверно, Нгаара подавал знак Те Хахе, тот подходил к оплошавшему и дергал его за ухо... Утром успевали прослушать половину чтецов, потом был перерыв на обед, после чего читали остальные, и все это представление продолжалось до вечера. Порой доходило до стычек, когда кто-нибудь высмеивал допустившего ошибку...

Кроме этого большого собрания, в новолуние или когда луна была в последней четверти, устраивались не столь многолюдные собрания. Чтецы ронго-ронго собирались в заливе Анакена, и арики ходил взад-вперед, читая дощечки, а старики стояли вместе и слушали».

О кончине арики Нгаары, умершего незадолго до набега работорговцев, Раутледж рассказал следующее: «Шесть дней подряд после его смерти все делали палки с перьями на конце (хеу-хеу), эти палки расставили вокруг того места. Его похоронили в разрушенной аху в Тахаи, и тело его несли на трех дощечках, а следом между рядами провожающих шли чтецы ронго-ронго. Дощечки захоронили вместе с ним. Голова арики поплатилась за свое величие: ее потом украли, и неизвестно, куда она делась. Десять или пятнадцать дощечек арики раздали старикам, остальные достались его слуге Пито, а после смерти Пито – Маурате. Когда Маурату увезли в Перу, дощечки перешли к родственнику Те Хахи, Таке, и Салмон попросил Те Хаху добыть их для него. На беду Таке был в ссоре с Те Хахой, ибо Те Хаха, служа у Салмона и получая хорошее жалованье, был, по мнению Таке, слишком скуп на подарки родственнику. Поэтому Таке отказался уступить дощечки. Они хранились в пещере, положение которой приблизительно было известно; но Таке умер, не сказав точно, где она находится, и дощечки не удалось найти».

Раутледж напоминает также основанное на длительности декламации Меторо мнение

Жоссана, что каждый знак ронго-ронго «был лишь гвоздем, на который можно было повесить куда более длинный текст, сохраняемый в памяти». Правда, по ее наблюдениям, декламируемые тексты дощечек оказались не длиннее тех, которые были известны Салмону и Томсону со слов старика Уре Ваеико на острове Пасхи. Больше того, информаторы Раутледж узнали в одном из кусков, прочтенных Уре Ваеико, текст дощечки, в которой говорилось о сотворении мира. Другой отрывок оказался хорошо известной старинной любовной песней, остальные не были опознаны. Но островитяне единодушно утверждали, что Уре Ваеико, хотя и не умел сам изготавливать дощечки ронго-ронго, «был слугой Нгаары и научился их декламировать».

Раутледж продолжает: «Поначалу у нас все шло так же, как у американцев. Стоило нам предъявить фотографии с единственной целью получить общие сведения, как их, к нашему удивлению, тотчас начинали читать, привязывая определенные слова к каждой фигуре. Когда же мы после великих трудов начертили все знаки и записали значения каждого, оказалось, что можно любой из них поставить на любое место. Туземцы вели себя словно дети, они делали вид, что читают, а сами декламировали наизусть».

Одно наблюдение Раутледж особенно важно в свете наших последующих открытий на острове Пасхи: «Однако в пяти или шести примечательных случаях разные лица декламировали примерно одно и то же, начиная словами: «Хе тимо те ако-ако, хе ако-ако тена». На вопрос, что это значит, нам отвечали, что эти слова взяты с одной из древнейших дощечек и всем известны. Они представляли собой как бы «первую азбуку». Уре-ваи-ике (то есть Уре Ваеико) утверждал, что это «великие древние слова», а все другие слова «малые». Получить перевод их было очень трудно... некоторые слова могли быть объяснены, другие нет, полный смысл оставался непонятным. Тем не менее можно предположить, что здесь действительно речь идет о содержании древних дощечек».

Мы не знаем, записала ли экспедиция Раутледж полный текст этого важного документа, потому что неопубликованные записки экспедиции были потеряны в Англии. К счастью, мне удалось найти текст «Хе тимо те ако-ако» среди рукописей, собранных мной в 1956 году на острове Пасхи.

Сообщение Раутледж о том, что речь идет о выученном наизусть тексте одной из древнейших дощечек и что смысл его непонятен из-за слов, которые нынешние островитяне не могут истолковать, очень интересно, если учесть, что современные ей пасхальцы хорошо знали другие полинезийские диалекты. Церковные службы шли на таитянском языке; мангаревский был в обиходе на острове с тех пор, как приехали первые миссионеры со спутниками с Мангаревы; во время визита Раутледж учителем закона божьего на острове был Пакарати, женатый на туамотуанке. Замечательно, что в этой полинезийской лингвистической каше сохранился древний текст, непонятный самим пасхальцам.

Вспоминается продекламированный Салмону и Томсону отрывок, будто бы написанный «на древнем языке, ключ к которому давно утрачен». Видимо, пасхальский язык изменялся в большей степени, чем представляют себе большинство лингвистов. Или же перед нами свидетельство лингвистического субстрата. Намек на то, что исконный текст дощечек написан не на современном рапануйском языке, виден и в своеобразных ответах, которые получила Раутледж от своих двух основных информаторов, когда силилась выяснить, почему все попытки прочесть дощечки приводят в тупик Она пишет. «Как заявил Томеника, «слова новые, а вот письмена старые»; Капиера по этому же поводу сказал, что «картинки те же, а слова другие»».(37) Раутледж составила список тринадцати предметов, о которых, по словам разных лиц, повествовали кохау ронго-ронго. «Предметы, о которых, казалось бы, непременно должны рассказывать ронго-ронго – генеалогии, перечень арики или странствия народа, – вовсе не упоминались». По полученным ею сведениям, были дощечки, которые читались в связи с убийством человека, другие связывались с мстостью, третьи способствовали плодородию, в некоторых перечислялись войны или описывались полностью либо частично ритуалы.

Ей сообщили, что самая интересная дощечка известна под названием «кохау-о-те-

ранга». Она приносила своему владельцу победу и много «ранга», то есть беженцев, обращаемых в рабство. И будто бы есть только одна такая дощечка, привезенная на остров первыми поселенцами. Она была украдена у короля Нгаары слугой, который отдал ее Арохио, а сын его продал дощечку одному из миссионеров. Видимо, она оказалась в числе дощечек, попавших на Таити.

И снова мы видим указание на то, что был второй род письма. Раутледж говорит: «К счастью, мы прибыли своевременно и застали человека, который умел чертить один из видов письмен. Правда, он был, увы, уже далеко не в расцвете своих сил.

Однажды нам показали в деревне клочок, вырванный из чилийского блокнота бумаги с коряво начертанными знаками; одни из них напоминали уже известные, другие отличались от всего виденного нами ранее. Выяснилось, что это дело рук старика по имени Томеника; будто бы он последний из пасхальцев знал низший вид ронго-ронго именуемый «тау». Но теперь он был болен и содержался в колонии прокаженных.

Вооружившись копией письмен, мы посетили старика; он стоял на пороге своего дома и явно не хотел, чтобы мы входили, – он не был склонен сотрудничать с нами. Старик признал, что знаки начертаны его рукой, прочел «Хе тимо те ако-ако» и объяснил, что некоторые письма связаны с «Иисусом Христом».

Во время второго визита Раутледж Томеника попросил бумагу и карандаш и вызвался написать и прочесть тау. «...Он сделал три вертикальных столбца, сначала из нуликов, потом из «птичек», дал название каждому столбцу и принялся декламировать. Не было никакого сомнения, что декламация подлинная, но он бормотал слишком быстро, а когда его попросили говорить медленнее, чтобы можно было записать, сбился и вынужден был начать сначала. Несомненно, значки нужны были ему только, чтобы вести счет фразам. В конце нашего посещения он предложил написать что-нибудь к следующему разу. Мы оставили ему бумагу. И когда через два-три дня вернулись, он приготовил пять горизонтальных строк, четыре из них состояли из письмен, в которых часто повторялся один и тот же знак; всего было не больше дюжины разных символов.

Сопровождающий нас Хуан Тепано назвал это «ленивым письмом».

Томеника посетовал, что бумага «недостаточно велика», и ему дали другой лист. Он положил его рядом с первым и продолжил горизонтальные строчки. Старик писал слева направо проворно и легко... То, что он прочитал, частично совпало с прочтенным в прошлый раз, причем письма играли роль «птичек»: каждому знаку соответствовали три-четыре (до десяти) слова. Когда его просили что-нибудь повторить, он мог поменять местами две фразы. Очевидно, сами письма для него – во всяком случае теперь – не были связаны с определенными словами.

Когда мы с Хуаном Тепано стали разбирать смысл записанных слов, оказалось, что вторая половина каждой фразы, как правило, состоит из чисел, которым предшествует слово «тау», или «год». Например: «год четыре», «год пять» и так далее. Числа нарастали с каждой строкой (в общем, правильно) до десяти. Первую часть почти каждой фразы нам истолковали как имя какого-нибудь человека...»

Капиера, которого Раутледж называет одним из наиболее заслуживающих доверия стариков и который одно время жил вместе с Томеникой, попытался объяснить общий смысл тау. Во время «коро» – большого праздника в честь отца (живого или умершего) – заказывали знающему письмо человеку маленькую дощечку, перечисляющую все подвиги престарелого родителя: «...сколько людей он убил, сколько кур украл...»

Другая, более крупная дощечка содержала перечень всех этих малых дощечек, в котором называлось только имя каждого героя и год его коро. «Вот этот общий обзор и прочел нам Томеника; и хотя не обошлось без путаницы, каждая строка, как будто, представляла десятилетие». Заметив, что хотя Томеника, очевидно, знал наизусть некоторые старые тау, Раутледж заключила: «Попытка побудить его восстановить какую-нибудь тау, сделанную им самим, кончилась неудачно».

Капиера тоже смог прочесть образец малой тау. «Эта тау, как нам сказали, была

первоначально сделана одним из предков Хота-Матуа, первого вождя переселенцев. Она не считалась табу, в отличие от других ронго-ронго, и Нгаара ее не знал. В начале прошлого века о ней было известно лишь троим. Среди них... был приемный отец Томеники, обучавший других этому искусству. Сам Томеника и другие говорили, что он знает «только часть», что есть еще письмена, с которыми он не знаком, потому что его приемный отец умер прежде, чем он все выучил».

Томеника умер во время пребывания Раутледж на острове, через две недели после ее третьего визита в лепрозорий. Образцы начертанных им письмен опубликованы Раутледж и воспроизведены в отчете Норвежской экспедиции.

Подозрение, что дощечки ронго-ронго были спрятаны, когда приехали миссионеры, и что лишь часть из них (примерно двадцать штук, известных нам сегодня) позднее была извлечена из тайников, подтверждается рассказами, записанными на острове во время визита Раутледж: «Туземцы от природы скрытны, они никому не поверяют своих тайн, и со смертью человека его клад оказывается утраченным».

Один старик, больной проказой, у которого будто бы было что-то около пяти дощечек, поведал своим друзьям, что, когда мистер Эдмунде (английский казначей, купил дело у фирмы Брандер и стал ее преемником) велел соорудить стену на своем участке, люди работали так близко от тайника, что владелец боялся, как бы секрет не раскрылся, но строители прошли мимо. Вскоре старик умер и унес свою тайну в могилу.

Особенно трагична вполне достоверная история о человеке, который исчез вместе со своим тайным кладом. Он заключил сделку с приезжими и пошел к своему тайнику, чтобы принести для продажи кое-что из спрятанного имущества; больше его никто не видел. Видимо, произошел какой-то несчастный случай, он либо сорвался со скалы, либо был погребен заживо.

Иногда какой-нибудь пасхалец на смертном одре поверяет сыну, где спрятаны вещи, но природные ориентиры меняются и этой информации бывает недостаточно, чтобы опознать место. Поэтому охота за сокровищами на острове Пасхи – занятие весьма бесполезное, мы это испытали на себе.

Вскоре после нашего приезда в деревне умер человек, о котором было известно, что он спрятал кое-что среди скал на побережье недалеко от селения. Его соседи отправились на поиски. Мы предложили высокое вознаграждение за любую находку, причем вознаграждение удваивалось, если найденный предмет будет оставлен на месте нетронутым до нашего прихода. Мы и сами потратили немало времени, наблюдая за поисками, но обнаружить ничего не удалось.

Один молодой пасхалец сообщил, что у него есть пещера на Рану Као, где отец хранил какие-то предметы. Полдня ушло на поездку туда, однако местонахождение тайника было описано приблизительно, и он не смог его найти...

Интересная, но столь же тщетная экспедиция была предпринята для поисков дощечки, будто бы спрятанной одним из тангата ронго-ронго возле залива Анакена. В пещере оказался вход в виде искусственно выложенного колодца, за которым следовала длинная естественная подземная полость. Там было обнаружено что-то напоминающее остатки истлевшего дерева... Тем не менее сами туземцы с неизменным рвением продолжают разыскивать спрятанные изделия, цену которых хорошо знают. Такой род работы им по нраву».(38)

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТРО В 1934 ГОДУ

Через двадцать лет после визита Раутледж на Пасху прибыла франко-бельгийская экспедиция; старые люди, помнившие жизнь на острове до миссионеров, к этому времени все уже умерли. Отныне приходилось довольствоваться сведениями о дощечках и об их содержании из вторых рук. Метро пишет: «Вряд ли можно считать достоверной теперешнюю информацию о содержании дощечек... Современные туземцы относятся к ним с суеверным страхом. Мне рассказали, что три года назад пасхалец по имени Берибери

нашел кусок дощечки. Через некоторое время несколько членов его семьи умерло. Он решил, что виноваты чары дощечки и сжег ее».(39) Не сумев решить проблему путем расспросов пасхальцев, Метро порицает методику предшествующих исследователей, которые находились в более выгодном положении: «Они заведомо считали знаки письменностью и отказывались от информаторов, которые не могли доказать, что на самом деле читают... Если бы европейские исследователи допускали мысль, что речь идет необязательно о письменности, они могли бы несколькими вопросами решить загадку дощечек острова Пасхи».(40) Метро считал пасхальскую культуру однородной и молодой, он не сомневался, что искусство ронго-ронго было в расцвете, когда прибыли европейцы, и что пасхальцы, декламировавшие тексты первым исследователям, отлично знали систему знаков. Исходя из такой предпосылки, он считал неспособность островитян прочесть знаки лишь доказательством того, что «знаки острова Пасхи не являются письменностью».(41) Метро ссылается на отсутствие письменности в других частях Тихого океана и на то, что ничего похожего на пасхальские дощечки не встречалось ни на одном из островов океана.

Он полагает, что кохау ронго-ронго – местное изобретение. Метро цитирует Лавашери(42), который считал, что на дощечки шло также дерево, привезенное лишь в новое время. Один из самых больших и наиболее сохранившихся образцов текста вырезан на лопасти европейского весла из ясеня. «Следовательно, он должен датироваться концом XVIII века или первой половиной XIX века... Деревянные дощечки не могли сохраниться веками в хижинах с соломенной кровлей или в пещерах. Как же они пережили тысячелетия странствий и войны и дошли до нас в виде современного европейского весла?»

И Метро заключает: «Деревянные дощечки, покрытые рядами маленьких фигур, являются научной загадкой, а также одной из самых сложных загадок культуры острова Пасхи».(43) Далее: «С какой стати пасхальским жрецам могли понадобиться мнемонические приспособления, без которых обходились жрецы других полинезийских островов. Главная трудность в решении загадки дощечек связана с отсутствием убедительных параллелей в Полинезии... Какую-то параллель можно провести между дощечками Пасхи и мнемоническими приспособлениями маркизцев, представляющими собой цилиндрические пучки плетеного кокосового волокна, с которых свисают шнурки с узелками... Некоторые признаки позволяют предположить, что и на островах Кука узелки помогали запоминать песни».(44) Хотя Метро в остальном и не допускал сравнений с ближайшим на восток материком, он обращается к этому материку, чтобы найти параллели письменным дощечкам Пасхи: «Индейцы куна в Панаме и оджибва в Северной Америке изобрели сходный способ письма. Оджибва заучивают наизусть свои песни, но воспроизводят их на бересте знаками, чем-то напоминающими пасхальские. Вокруг каждого слова группируется гнездо слов, образующее куплет».(45) Указывая на религиозный или магический характер письмен острова Пасхи, он добавляет: «Точно так же у индейцев оджибва и куна символы применяются специально, чтобы придать тексту большую силу и святость».(46) Резюмируя, Метро заявляет, что знаки на бесформенных кусках дерева, найденных на острове Пасхи, несомненно играли роль символов, они не были чисто декоративными: «Письменность острова Пасхи, возможно, была разновидностью рисуночного письма – пиктографии. В ней есть все черты рисуночного письма – натуралистические изображения, чередующиеся с геометрическими знаками, которые можно воспринять как условные символы».(47) Однако он признает: «Если дощечки острова Пасхи являют собой образец пиктографии, странно, что символы до такой степени стандартизованы и их число более или менее ограничено... Хотя многое свидетельствует о примитивной пиктографии, не следует безоговорочно принимать такую гипотезу».

НАБЛЮДЕНИЯ ЭНГЛЕРТА ПОСЛЕ 1935 ГОДА

Через несколько месяцев после отъезда франко-бельгийской экспедиции на острове поселился миссионер-капуцин патер Себастиан Энглерт, чтобы возобновить прерванную в

1871 году деятельность миссии. Он постоянно слышал рассказы про кохау ронго-ронго; чаще всего речь шла о старых дощечках, либо добытых из тайных родовых пещер, либо еще хранящихся там. Энглерт подчеркивает, что это наследие предков до последнего времени считалось табу, и показывает, сколько суеверия и таинственности было связано с хранилищами ценных предметов: «Этим объясняется случай, когда один старик показал подлинную дощечку другому туземцу и, взяв с него слово никому не говорить о ее существовании, сжег ее из суеверного страха. Тайные пещеры служат хранилищем дорогих и священных предметов, вроде упомянутых дощечек. Несколько десятилетий назад старик по имени Паоа Хитаки повел туземца Хуана Араки на Рано Као. Он не разрешил ему спускаться на дно кратера, а велел приготовить в земляной печи курицу и батат. Потом начертил на земле круг и строгонastroго запретил выходить за пределы этого круга. Старик стал спускаться в кратер и вскоре скрылся за деревьями и скалами. Вернулся он много времени спустя с хорошо сохранившейся дощечкой в руках. «Семь кохау ронго-ронго обратились в прах в пещере,

– сказал он, – одна эта уцелела».

Вернувшись в Хангароа, он продал дощечку управляющему компании, который в то время жил в Матавери. Через некоторое время старик помешался и умер. Причину его болезни и смерти все видят в том, что он достал дощечку и сбыв ее. Ныне туземцы наконец расстались со своими страхами и охотно пошли бы на выгодную сделку. Но они не знают, как проникнуть в тайники, а если бы и знали, у них мало надежд найти хорошо сохранившиеся дощечки во влажных, лишенных вентиляции пещерах».(48) Лучший знаток современного рапануйского языка, Энглерт говорит о дощечках: «Если даже посчастливится расшифровать надписи (это маловероятно, так как речь идет явно не о письменности), все равно в наших знаниях исконного языка, архаичных слов и специальных флексий так много пробелов, что мы не смогли бы перевести большинство текстов. Например, никто не сумел бы перевести первые строфы цитируемой здесь дощечки: «Хе тимо те акоако э те туу э те таха э те куиа э те капакапа э те хере хуа».

В общем, то же можно сказать о текстах песен, связанных с древними «каикаи» (игра в веревочку). Несколько лет назад автор записал ряд таких текстов, однако вскоре оставил эту работу, потому что туземцы, заучившие эти песни со слов старых людей, не знали, их содержания, они понимали только отдельные слова».(49) Энглерт сообщает также. «Из преданий известно, что первые дощечки и первые «маори кохау ронго-ронго» прибыли вместе с Хоту Мату'а. Очевидно, перед нами культурное наследие неизвестного происхождения. Прибыв на Те Пито о те Хенуа, переселенцы считали своим долгом продолжить священную традицию – вырезание на дереве письмен. За этим следил арики хенуа, первый мастер и главный авторитет в таких делах, так сказать, верховный маори кохау ронго-ронго. Арики надлежало наблюдать за преподаванием; ежегодно проводились экзамены, для чего ученики в сопровождении своих учителей являлись в Анакену».(50) Через Энглерта мы впервые узнаем, что священные школьные постройки были особого рода; они назывались харе паепае и конструктивно в корне отличались от построек, известных на Пасхе в исторический период: «Харе паепае состояли из каменных стен без дверей и из камышовой крыши. Они были выше, просторнее и лучше освещены внутри, так как открытый вход помещался вверху. В таких помещениях обучали детей искусству читать и писать на дощечках».

Подобные каменные дома с входом через камышовую крышу представляют собой пережиток культурного элемента, присущего одному из ранних архитектурных периодов Пасхи, как это выяснилось во время проведенных нашей экспедицией выборочных раскопок, когда «огороды» оказались жилищами среднего периода».(51) Энглерт продолжает: «Один старик, который в молодости посещал эти классы, поведал ныне живущим туземцам, что он ходил в школу около Аху Акапу. Дисциплина была очень строгая. Сперва заучивали тексты наизусть. Играть и разговаривать не разрешалось, от учеников требовали постоянного внимания, они стояли на коленях, сложив руки на груди... Научившись декламировать

тексты, ученики начинали осваивать письмо. Копировали знаки сначала не на дереве, а на банановых листьях, пользуясь заостренной птичьей косточкой или острой палочкой. Лишь достигнув известной степени совершенства, ученики могли писать на деревянных дощечках, преимущественно из торомиро, либо тончайшими осколками обсидиана, либо острыми акульими зубами».

Патер Руссел, по словам Энглерта (52), – пожалуй, был недалек от истины, когда заявил, что пасхальцы исторической поры вряд ли понимали смысл своих знаков ронго-ронго.

ОТКРЫТИЕ РУКОПИСЕЙ НА ОСТРОВЕ ПАСХИ В 1955-1956 ГОДАХ

Норвежская археологическая экспедиция на остров Пасхи всецело состояла из археологов-профессионалов, так как здесь еще никто не занимался стратиграфическими раскопками. Зная по опыту, как далеко зашла аккультурация (взаимодействие местной культуры с пришлой) на других островах Восточной Полинезии, я не рассчитывал ни на какие этнографические открытия. Все внимание было сосредоточено на археологических полевых работах; местное население на первых порах использовалось лишь как источник рабочей силы.

В лепрозории, расположенной к северу от деревни Хангароа, который мы посетили вместе с патером Себастианом Энглертом вскоре после нашего прибытия на остров (в октябре 1955 года), мы с женой впервые заметили, что здесь и поныне, спустя 90 лет после исчезновения дощечек, сохранился некоторый интерес к забытому искусству ронго-ронго. Габриель Херевери, пожилой человек, сидел у открытого окна своей комнаты и что-то писал чернилами в книге, напоминающей амбарную. Заметив наши любопытные взгляды, Херевери с гордостью показал нам несколько колонок скопированных им знаков ронго-ронго и пронзительным голосом объяснил, что сейчас записывает «значение» письмен. Этот случай напомнил нам картину, которую наблюдала Раутледж сорок лет назад в том же лепрозории. Полагая, что больной просто развлекается, списывая знаки с опубликованных дощечек, мы забыли об этом эпизоде; правда, старика мы засняли на киноленту. Сейчас не приходится сомневаться, что Херевери работал над рукописью, которую позже увидел и скопировал Бартель.(53) Лишь через несколько месяцев, к концу нашего пребывания, мы установили, что в разных концах острова в пещерах с потайными входами пасхальцы прячут украденные предметы и другое имущество – вообще вещи, которые слишком ценны, чтобы держать их в деревне. Мелкое воровство считалось дозволенным средством «принудительной торговли» (обоюдные кражи обеспечивают обмен, обычно осуществляемый посредством торговли).(54) Ночью 13 марта 1956 года я находился вместе с Атаном Атаном Пакомио и его старшим братом Эстеваном в домике Атана на окраине деревни Хангароа. Пытаясь расположить к себе туземцев, я заговорил о потайных пещерах, где еще не побывал ни один посетитель, и с удивлением услышал от Эстевана, мужчины лет тридцати двух, что у него есть «книга», полученная от деда (абуэло), который умел писать и петь ронго-ронго. В этой «книге» абуэло, мол, изобразил все знаки пасхальской письменности и латинскими буквами написал их значение. Эстеван добавил, что у его старшего брата, Педро Атана, есть еще одна такая книга.

По словам Эстевана, многие пасхальцы научились писать латинскими буквами, когда их угнали в рабство в Перу (1862-1864 годы), и его абуэло изображал «чилийские письма» с помощью одного из тех, кто вернулся на Пасху. Эта «книга», дескать, хранится в непромокаемом мешке в пещере самого Эстевана, и ее еще никто не видел. При этих словах его младший брат Атан вышел из комнаты и вскоре вернулся со старым пожелтевшим листом бумаги, исписанным выцветшими бурыми чернилами. Он явно гордился диковиной, которую, по его словам, унаследовал от того же абуэло. На листе было несколько столбцов обычных знаков ронго-ронго и написанный латинскими буквами рапануйский текст, который занимал площадь, раза в четыре большую, чем письмена ронго-ронго. Дав мне вдоволь полюбоваться драгоценным наследством, Атан спрятал лист, и больше его никто не

видел.

Я обсудил этот случай с патером Энглертом, который никогда не видел в домах пасхальцев никаких рукописей. Через шесть дней Атан Атан хотел показать нам свою пещеру. Ночью меня привели в домик Эстева Атана за деревней Хангароа.

В маленькой комнате Эстева достал из бумажного мешка для цемента толстую тетрадь без обложки и позволил мне рассмотреть ее. Она была сделана из чилийской школьной тетради и дополнена другой бумагой, преимущественно листами из линованного блокнота. На некоторых страницах чернилами были изображены горизонтальные строки знаков ронго-ронго, другие страницы содержали рапануйский текст, записанный латинскими буквами, третьи – вертикальные колонки знаков ронго-ронго, справа от которых находился перевод этих знаков на рапануйский язык, записанный латинскими буквами. В верхней части одной страницы я прочел: «1936»; дальше следовали вертикальные столбцы, изображающие разные фазы луны. Судя по изношенной бумаге и поблекшим чернилам, текст в самом деле мог относиться к указанному году. Эстеву тогда было лет двенадцать.

По словам Эстева, он получил тетрадь в подарок от своего отца Хосе Абрахана Атана за год с небольшим до его смерти. Отец не знал ронго-ронго и не владел современной грамотой. Тем не менее, как сказали Эстеву, это он тщательно скопировал другую тетрадь, которая истрепалась до того, что грозила совсем рассыпаться. Ее автором был дед Эстева, Тупутахи, считавшийся маори ронго-ронго Эстева повторил то, что говорил раньше: по словам его отца, Тупутахи умел вырезать и декламировать тексты на дощечках. Но чтобы записать значение знаков и другую информацию буквами, понятными современным людям, он вынужден был обратиться за помощью к одному из грамотных пасхальцев, вернувшихся из Перу. Эстева чрезвычайно высоко ценил свою тетрадь, приписывая ей магические свойства; он доставал ее очень редко и то тайно, когда ему хотелось вспомнить покойного отца. Теперь он решил сделать новую копию, и, когда приступил к работе, оказалось, что это дело непростое – ведь так много страниц исписано замысловатыми знаками.

(Страница пасхальской рукописи Эстева Атана (рукопись А).)

Эстева ни за какие блага не соглашался расстаться со своей рукописью, но в конце концов разрешил Фердону и экспедиционному фотографу, которые ждали снаружи вместе с его младшим братом Атаном, войти в комнату и посмотреть тетрадь. На присутствовавшую при этом жену Эстева и на Атана тетрадь произвела сильное впечатление, похоже было, что они и в самом деле, как говорил Эстева, никуда прежде ее не видели.

(рис. II) (Страница рукописи Эстева Атана Предполагаемый смысл знаков ронго-ронго написан по рапануйски латинскими буквами.

Поскольку все попытки приобрести рукопись ни к чему не привели, я уговорил Эстева позволить нам сфотографировать ее и избавить его от долгого и утомительного переписывания изношенных листов. Он согласился при условии, что съемка будет происходить на борту нашего судна, в тайне от других пасхальцев. Атану было поручено принести тетрадь на судно (см. стр. (рукопись А), (рис. II), (рис. III)).(55) Рукопись А была возвращена Эстеву с набором фотокопий. После отъезда нашей экспедиции с острова Пасхи, Эстева Атан Пакомио на небольшой самодельной лодке направился на Таити. Лодка и команда пропали. Вдова рассказала Бартелю(56), что Эстева взял с собой тетрадь, однако есть сведения, что эту рукопись видели на острове в 1964 году.

Лист со знаками ронго-ронго и рапануйским текстом, который я видел в доме Атана, исчез. Вряд ли лист был уничтожен, скорее всего, он хранится где-нибудь на острове. Тетрадь, по словам Эстева, принадлежавшая его брату Педро Атану, никто не видел, и сам Педро никогда о ней не упоминал.

Возможно, старик Томеника, умерший от проказы во время пребывания на острове экспедиции Раугледж, каким-то образом причастен к рукописи А: вверху первой страницы стоит имя Томеника Ава (?) Теа (рис. II). В связи с этим интересно следующее сообщение

Энглера: «Покойный Эстебан Атан Пакомио был сыном Хосе Абрахана Атана и Хиларии Пакомио, сестры Магдалены Пакомио, бывшей замужем за Тимотео Пате а вака. Отцом Тимотео был Томеника а Те Ана о Му, дедом – Те Ана о Му. Брат Те Ана о Му, Ко Театеа, вырастил Томепику... Томеника считался дядей Эстебана».(57)

(рис. III) Четыре из тринадцати обрывков рукописи, показанной Хен ердалу Ароном Пакарати, содержат чнаи ронго ронго и пред полагаемый перевод на рапануйский язык На обрывке B видны французские слова Ciel (небо) и Soleil (солнце) написанные одной рукой. Очевидно, что это копия каталога Жоссана.

(рис. IV) Первая страница рукописи Эстебана Атана Сравнение последовательности знаков ронго ронго и их транскрипции латинскими буквами с началом каталога Жоссана (см кат. I) показывает, что островитянин копировал каталог епископа.

(рукопись B) Страница из рукописи, приобретенной Хейердалом у Элиаса Пакарати Атана (рукопись B) Ронго-ронго и транскрипция латинскими буквами на рапануйском языке. Перевод на испанский добавлен карандашом другой рукой. Предполагают, что рукопись представляет собой копию одной из тетрадей, изготовленных Пуа Ара-хоа, который, вероятно, копировал рукопись A.

Но еще интереснее, что на одной из страниц перед именем Томаника Ава написано имя Уре Вае Ику (см. рукопись A). Энглера указывает(58), что Уре Вае Ику – правильное написание имени, переданного Томсоном как Уре Ваеико.(59) Напомним, что Уре Ваеико был одним из старейших островитян во времена Салмона и все пасхальны говорили, будто он знает тексты ронго-ронго наизусть, ибо служил у короля Нгаары, умершего незадолго до набега перуанских работорговцев. Энглера не установил очевидного родства между Эстебаном Атаном Пакомио и Уре Вае Ику.

На двух других страницах ((рис. I)) видна надпись «Хе Ма Рама»; это, вероятно, имя еще одного местного ученого, или маори. Энглера пишет: «Урекино Маори, принявший при крещении имя Пакомио (теперь ставшее фамилией), происходил из племени Марамы. Поэтому вполне возможно, что его звали Хе Марамы, подобно тому как старик Хей(60) тоже был Марамы».(61) Таким образом, Эстебан Атан Пакомио, владелец рукописи A, по материнской линии (его мать Хилария Пакомио), был прямым потомком Хе Марамы.

Особый интерес представляет короткая страница с рапануйским текстом и заглавием «Хе Тимо», после которого следует текст, начинающийся словами: «Хе тимо, теако ако, хеако ако тена...». Напомним рассказ Раутледж о том, что с полдюжины человек декламировали примерно один и тот же текст, начинающийся словами: «Хе тимо те ако-ако, хе ако-ако тена». На ее вопрос о тексте отвечали, что это выученный наизусть текст одной из древнейших дощечек. Полный смысл текста был неизвестен тогдашним рапануйцам, так как в нем содержались неподдающиеся толкованию слова. Уре-вае-ико (Уре Вае Ику) сказал о старинном тексте, что это «великие древние слова». Текст «Хе тимо» пропал вместе с записками Раутледж, а Энглера(62) удалось записать только начальные отрывки, но в передаче пасхальцев текст сохранился в рукописи A.

О второй родственной рукописи стало известно при драматических обстоятельствах,(63) когда в доме Хуана Хаоа подвергали испытанию мою «мана». Конторскую книгу без корок, с пожелтевшими, сильно потрепанными страницами внесли в комнату в плоской плетеной из камыша тотора папке. Клапан, закрывший отверстие с одной из коротких сторон папки, был завязан плетеным шнурком из тоторы. Мне предложили доказать, способен ли я угадать содержимое завязанной папки, которому, по всем признакам, владелец придавал магическое значение. По чистой случайности ответ в духе оракула, с помощью которого я попытался выйти из затруднения, носил двойной смысл («кон плюма», то есть «с пером» или «пером») и произвел на владельца рукописи сильное впечатление. Видимо, поэтому рукопись была преподнесена мне в подарок, тогда как тетрадь Эстебана Атана приобрести не удалось.

(рукопись C) Страница из рукописи подаренной Хейердалу Хуаном Хаоа (рукопись C). Внизу две строки, написанные латинскими буквами; эти строки считались магическими,

владелец видел в них «аку-аку тетради».

С первого взгляда было видно, что большие листы конторской книги заполнены не одной рукой. Как знаки ронго-ронго, так и рапануйский текст явно записывались в разное время. Записи были сделаны синими чернилами различных оттенков, зеленовато-коричневыми и серыми. Некоторые знаки ронго-ронго были обведены карандашом, в нескольких местах стояли карандашные крестики и другие значки, словно пометки читавшего. Судя по обилию пятен, книгой прилежно пользовались. Типографская нумерация страниц начиналась с 79 и кончалась 368, но большинство промежуточных листов было вырвано, вырезана верхняя половина одного листа и нижняя другого, всего осталось тридцать четыре страницы. Бумага стала совсем хрупкой и приобрела желтовато-бежевый оттенок. Листы кое-как скреплялись остатками корешка.

Хуан Хаоа, владелец рукописи, показал мне ее в присутствии своего старшего брата Андреса, так называемого «туму» – Хуана Нахоэ и Атана Атана. Драматическая обстановка помешала мне получить сведения о ее происхождении, но мне дали ясно понять, что речь идет о ценном наследстве, видимо, от отца. Судя по тому, как часто упоминалось имя старухи Таху-таху, она была причастна к акту передачи рукописи, во всяком случае, одобряла его. Таху-таху, она же Виктория Атан, была единственной оставшейся в живых теткой братьев Атан. Несмотря на весьма преклонный возраст, она провела несколько дней в пещере в Анакене, колдовством «помогая» своим племянникам, когда они заканчивали подъем анакенской статуи. После благополучного завершения этого «предприятия» она не упускала случая подчеркнуть, что отныне мне будет сопутствовать «большая удача». Виктория Атан выступала как бы в роли незримого соучастника многих последовавших в дальнейшем неожиданных событий.

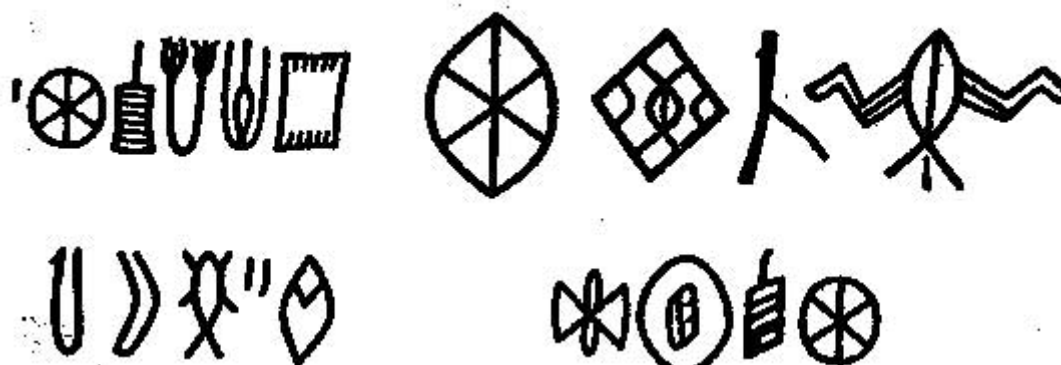
Отнюдь не впечатлительный Хуан относился к ней с величайшим почтением, считая ее колдуньей (таху-таху). Для него вся ценность рукописи заключалась в ее магической силе. Его заботила только одна строка в середине книги, написанная на рапануйском языке (рукопись С). Большую часть страницы занимают две колонки знаков ронго-ронго и написанные латинскими буквами предполагаемые рапануйские эквиваленты. Все это записано синими чернилами, но пониже, другой рукой, выцветшими светло-бурыми чернилами добавлены две строчки, нижнюю из которых владелец считал аку-аку, то есть духом книги. Эту строку («Кокава аро, кокава туа, те игоа о те акуаку, эруа») Хуан понимал как повеление владельцу сделать новый список, когда настоящий «износится спереди и износится сзади». Когда мы потом спрашивали пасхальцев, каков смысл этой фразы, они отвечали, что дословный перевод невозможен. Тем не менее Хуан считал ее наделенной волшебной силой мана. Он многократно прочел эту фразу вслух, сперва дома, затем на террасированном конусообразном холме, возвышающемся над нашим лагерем в Анакене. На вершине холма состоялась торжественная церемония передачи рукописи мне.(64) (Кондратов(65), ссылаясь на Энглерта, впоследствии показал, что Кава-аро и Кава-туа – имена двух аку-аку, будто бы обитающих в районе Рааи. Ко – артикль, обычно употребляемый перед именами собственными.) Рукопись Хаоа (она же рукопись С) теперь хранится в музее «Кон-Тики».

Два столбца знаков необычного вида пасхальцы считали «ронго-ронго второго рода». Однако при сопоставлении оказалось, что многие из этих знаков совпадают с образцами «подписей», вождей маори на мирном договоре с Англией, воспроизведенных Жоссаном просто для сравнения.

Не все подписи, приведенные Жоссаном, повторены в версии Хаоа, нарушена их последовательность, некоторые стоят вверх ногами по отношению друг к другу. Многие знаки Хаоа отсутствуют в каталоге Жоссана.

Здесь важно вспомнить, что «подписи» маори были сымпровизированы совершенно неграмотными людьми, которые имели лишь поверхностное представление об европейской письменности и, как могли, подражали ей. Аналогичные «подписи» пасхальских вождей на договоре с испанцами, скорее всего были таким же образом изобретены на месте. У

подлинных ронго-ронго, очевидно, совсем другие и более глубокие корни. Из «подписей» маори, внесенных почтенным епископом в каталог ронго-ронго, опекаемые миссионерами пасхальцы сотворили второй род не поддающегося прочтению мнимого письма.

Знаки на печатях Индской культуры, смысл неизвестен.

Не исключено, что информатор Салмона и Томсона, Уре Бае Ику, чье имя написано наверху одной страницы рукописи Эстевана Атана, причастен к оригиналам, лежащим в основе списков Эстевана Атана и Хуана Хаоа. Энглерт пишет: «Настоящее имя Уреваеико было Уре Вае Ику. Я смог узнать о нем очень мало – лишь то, что он был слугой (туура) короля Нгаары и состоял в родстве с женой Даниеля Теавы – Бери а Моту а Манухеуророа. Поскольку сын Даниеля, тоже Даниель, чья фамилия Теаве превратилась в Чавез, женился на Исабель Хаоа, Хуан Хаоа – родственник его жены. Поскольку Уре Вае Ику был туура у Нгаары, он мог выучить знаки дощечек кохау ронго-ронго». (65а) Третью, меньшую по объему рукопись (рукопись В), выцветшую и отчасти изъеденную червями, принес в наш Анакенский лагерь, казалось бы, случайный посетитель из деревни – молодой Элиас (Эриа) Пакарати Атан; он потом заболел и умер. Элиаса звали также Харе Кае Хива в честь одного из предков, кстати, отца Тупутахи, предполагаемого автора книги Эстевана Атана. Доставленная Элиасом рукопись В(66) состоит из десяти маленьких листов из тетради в клетку (двадцать страниц), сшитых крученой пеньковой бечевкой. Верхние края срезаны ножом, но на трех страницах еще можно разобрать печатную надпись «Эскуэлас Примариас де Чиле» (Чилийская начальная школа).

На первых двух страницах нет ни номеров, ни текста, если не считать цифру 1865, написанную карандашом посередине первой страницы. Наверху всех остальных страниц видим написанное чернилами заглавие «Пуа арахоа арапу» и номер. Последняя страница содержит только заглавие, а на предшествующих семнадцати страницах стоят, кроме того, в один или два столбца знаки ронго-ронго и рядом латинскими буквами записан предполагаемый перевод на рапануйский язык. Как повторяющееся заглавие, так и знаки, а также толкование их написаны как будто одной рукой, чернила выцветшие, синевато-бурые. Под большинством рапануйских слов или рядом с ними карандашом приписан испанский перевод. Добавления сделаны явно опытной нерапануйской рукой; иностранец, едва ли знавший рапануйский язык, включил в свой перевод пояснения, очевидно, полученные от пасхальца, который пытался истолковать рапануйские выражения, пользуясь скудным набором испанских слов.

Цифра 1865 на первой странице написана карандашом той же нерапануйской рукой. Вряд ли можно считать это годом появления рукописи – дата слишком ранняя. Хотя Эйро обнаружил дощечки на острове в 1864 году, Зумбом попал на Пасху только в 1866 году и привез первую дощечку Жоссану в 1868 году. Возможно, цифра 1865 обозначает год, к которому предположительно отнес рукопись человек, внесший карандашные пометки на испанском языке.

Остается загадкой, каким образом тетрадь попала в руки человека, владевшего испанским языком и достаточно заинтересовавшегося ее содержанием, чтобы исписать ее всю карандашом, и потом вернулась к рапануйцам. Примечательно также, что молодой владелец рукописи предложил мне ее просто и деловито, без признаков суеверия, гордости или сентиментальности. Он сказал мне, что тетрадь представляет собой копию оригинала, изготовленного его дедом Пуаарахоа Араки, доставшегося в наследство отцу Элиаса, Аугустину Пакарати, и что Матео Херевери хранил эту копию в пещере на островке Моту-нуи.

Правда о происхождении этой рукописи все еще неизвестна. Когда Бартель(67) попытался получить дополнительные сведения от Элиаса и Матео Херевери, он услышал от Матео, что версия о хранении тетради в тайнике на Моту-нуи и об авторстве их деда – знаменитого птичеловека Пуаарахоа – была придумана, чтобы набить цену. Но это звучит малоубедительно, так как вверху каждой страницы той же рукой и теми же чернилами, что и весь текст, написано «Пуа арахоа арапу». К тому же Элиас и не думал расписывать мне славу Пуаарахоа, имя которого я до тех пор не слышал. И, кроме того, Элиас подчеркнул, что текст написан не рукой Пуаарахоа Араки, что речь идет о копии.

Любопытно, что Элиас называл автора оригинала Пуаарахоа Араки, а не Пуаарахоа Арапу, как написано на всех страницах тетради. В генеалогии, составленной Энглертом(68), говорится, что Пуа Арахоа при крещении получил новое имя – Аракилио (таитянский эквивалент Гераклио), которое пасхальцы превратили в Араки. На острове не знали о существовании ни этой рукописи (несмотря на испанские пометки), ни других, и это уже свидетельствует о том, что тетрадь хранилась в тайнике. С точки зрения Элиаса, вряд ли место расположения тайника могло повлиять на ценность рукописи. Скорее всего, рукопись лежала в пещере на Моту-нуи, так как на Пасхе нет других надежных хранилищ, недоступных для местных жителей.

Значительный интерес представляет информация, полученная Энглертом(69): мать Элиаса, Хилариа Атан, была племянницей Пуа Арахоа; следовательно, Элиас приходился Пуа Арахоа не внуком, а внучатым племянником. Отсюда следует, что у покойного Эстевана Атана Пакомио и покойного Элиаса Пакарати Атана был общий родственник – Пуа Арахоа, завоевавший, по данным Бартеля(70), титул птичеловека в год, когда родился переводчик Раутледж – Хуан Тепано (около 1875 года, согласно Раутледж(71)). Таким образом, намечается возможная связь между творцами оригиналов, лежащих в основе рукописей А и В. Рукопись В хранится вместе с рукописью А в музее «Кон-Тики».

Другой посетитель нашего лагеря, Арон Пакарати, принес несколько поврежденных рукописных листов только для того, чтобы показать их мне. Он не согласился расстаться с ними и отказался назвать имя владельца, которому был обязан вернуть эти листы. Возможно, владельцем был Доминго или один из его братьев – Педро, Сантьяго или Тимотео; все трое сотрудничали со мной, когда я попросил их смастерить лодки «пура». Престарелые братья были сыновьями пасхальского учителя закона божьего, который после изгнания первых миссионеров продолжал кое-как вести богослужение.

Мы сфотографировали все тринадцать обрывков, принесенных Ароном (рис. III) (72). На одиннадцати видны обычные вертикальные столбцы знаков ронго-ронго с написанным латинскими буквами рапануйским переводом. На одном под вертикальными колонками есть сплошная горизонтальная строка знаков ронго-ронго; последний клочок содержит только горизонтальную строку письмен ронго-ронго. На одном из обрывков среди рапануйских слов стоят написанные той же рукой французские слова «Ciel» и «Soleil».

Бартель(73) предполагает, что эти обрывки относятся к рукописи С. Это вполне возможно по ряду причин. Как уже говорилось, рукопись С – конторская книга без корок, из которой вырвано большинство листов; два листа обрезаны. И почерк рукописи D как будто совпадает с одним из почерков более разнородной рукописи С. Наконец, клочки оторваны от листов с вертикальными графами такого же рода, какие мы видим на некоторых страницах рукописи С.

Примечательной деталью являются крестики, которыми помечено большинство знаков ронго-ронго в рукописи D. То же самое есть и в рукописи C. Скорее всего, крестики проставлялись, когда делали список. Человек, аккуратно переписывавший знаки, отмечал каждый из них крестиком, чтобы ни одного не пропустить и не повторить.

ДРУГИЕ РУКОПИСИ НА ОСТРОВЕ

Было очевидно, что рукописи, найденные на острове, имеют особое значение для нынешних пасхальцев; недаром они прежде никому о них не рассказывали и отказывались продавать их, за одним исключением (Элиас Пакарати). Когда мы уезжали, у пасхальцев, несомненно, оставались еще рукописи. Своеобразный лист Атана Атана, содержащий связанные тексты ронго-ронго и на рапануйском языке, не был сфотографирован, и данных о том, что этот лист потом кто-либо видел, нет. Рукопись его брата Эстевана Атана мы сфотографировали, потом она считалась пропавшей вместе с владельцем, пока вдруг не появилась вновь в 1964 году. Старший из братьев Атан – Педро – по нашим сведениям, обладал третьей полной рукописью, которую нам так и не показали. Обрывки рукописи Арона Пакарати Атана, не представляющие, казалось бы, никакой ценности, приобрести не удалось, они снова канули в неизвестность.

Интересно, что текст одной из страниц тетради Эстевана Атана был составлен и записан за двадцать лет до нашего приезда(74), когда ее нынешний владелец был еще мальчиком, и что рукопись передавалась от старшего поколения к младшему в полной тайне; это особенно примечательно в такой маленькой островной общине, где всем все известно друг о друге. Просьба Эстевана Атана сфотографировать рукопись на борту нашего судна, чтобы другие пасхальцы не узнали, что у него есть такая вещь, говорит о сознательном стремлении к секретности.

С другой стороны, то обстоятельство, что пациент лепрозория, где нельзя было скрыть своих занятий, открыто работал над рукописью, свидетельствует о живом интересе к традициям, которые играли важнейшую религиозную роль на острове, когда были молоды родители нынешних стариков.

Другие указания о стремлении современных пасхальцев хранить в тайне унаследованные рукописи с письменами ронго-ронго находим в сообщениях, опубликованных уже после нашего посещения острова.

В 1957 году Бутинов и Кнорозов рассказали, что Оливарес, посетивший Пасху в 1956 году на чилийском военном корабле «Пинто», когда мы еще были на острове, будто бы видел у пасхальца Хуана Теао очень неполный «словарь ронго-ронго». Согласно тому же сообщению, рукопись была скопирована с более ранней, принадлежавшей Педро Пате, который унаследовал ее от своего деда Томеники. Томеника, мол, составил оригинал шестьдесят пять лет назад, «чтобы обучать своих учеников». Принадлежащего Педро Пате оригинала никто не видел, и копию Хуана Теао приобрести не удалось, Оливарес успел только сделать несколько фотоснимков, но пленка таинственным образом оказалась «не то утерянной, не то украденной».(75) Узнав, что мы обнаружили на острове Пасхи рукописи, Бартель(76) в 1957 году отправился туда и сумел разыскать страницы, виденные чилийцами; они теперь были у старика Тимотео Пакарати. С помощью другого члена семьи Теао ему удалось также найти часть недостающих листов. Этот список он назвал рукописью E. По словам информаторов Бартеля, эту рукопись в 1946 году подарила Хорхе Пакарати Атану его тетка Хилариа Атан. Она была матерью Элиаса Пакарати Атана, у которого я приобрел рукопись B. Бартель не смог приобрести рукопись E, но он переснял ее. Позднее он сообщил(77), что, по словам Николаса Пакарати, недавно посетившего ФРГ с группой пасхальцев, оригинал пропал на корабле по пути в Чили.

Хотя мне не довелось видеть никаких фотокопий рукописи E, полагаю, что Пакарати ввел в заблуждение Бартеля и рукопись E идентична той, которая попала в руки Макса Пуэльмы Бунстера из Сантьяго (Чили). Пуэльма получил старинную рукопись объемом в сто

тридцать страниц от пасхальцев, прибывших в Чили в 1960 году, после смерти ее владельца Тимотео Пакарати. Напомню, что у Тимотео хранилась рукопись E, когда на Пасху приехал Бартель. Пуэльма, близкий друг семьи Пакарати, сообщает, что получил рукопись в дар.(78) По словам информаторов Пуэльмы, тетрадь старика Тимотео первоначально принадлежала его отцу Николасу Пакарати Уре Потахи, учителю закона божьего, который сам учился на Таити под надзором епископа Тепано Жоссана.(79) Хотя это сообщение о происхождении и наследовании рукописи Пакарати несколько отличается от данных Оливареса и Бартеля, оно, вероятно, близко к истине, так как вполне объясняет, каким образом взгляд Жоссана на ронго-ронго мог отразиться на некоторых частях рукописей, сохраненных в тайниках на острове Пасхи. Сложный состав рукописи Пакарати отнюдь не исключает (по предположению информатора Оливареса), что одним из соавторов был Томеника, дед Педро Пате. В самом деле Томеника и старый учитель закона божьего были тесно связаны между собой. А Доминго Пакарати, сын учителя и брат унаследовавшего рукопись Тимотео, был воспитан Томеникой и носил его имя.(80) По сообщению Пуэльмы(81), двадцать страниц рукописи, написанные карандашом, представляют собой «словарь ронго-ронго». На последних семи страницах столбцы знаков ронго-ронго якобы начертаны Вака о Теа Хивой или Томеникой. Большая часть рукописи отведена фольклору, записанному на рапануйском языке латинскими буквами. Образцы текста, переведенные Пуэльмой с помощью Хуана Лахароа, Леонардо Пакарати и Марианы Пакарати, позволяют определить приблизительный возраст оригинальной записи.

Пуэльма говорит о рапануйском тексте: «Ошибки в написании некоторых слов оставляют впечатление, что писавший не владел в совершенстве языком и точно воспроизводил речь старых людей. Текст, написанный выцветшими чернилами железистого состава, содержит короткие предложения, многие из которых начинаются с последнего слова предыдущего».

Пуэльма допускает, что эта рукопись скопирована с записей, сделанных одним из первых европейцев, побывавших на острове, возможно, миссионером. Однако миссионеры удивительно мало интересовались пасхальским фольклором, хотя по распоряжению епископа Жоссана и стали проявлять усиленное внимание к ронго-ронго. Первым грамотным человеком, который владел рапануйским языком и живо интересовался фольклором острова Пасхи, был Александр (Тати) Салмон. Его записи были утрачены, вероятно, на самом острове, но многое скопировал и опубликовал Томсон (1889 год).

В самом деле образцы, переведенные Пуэльмой и его рапануйскими помощниками, очень напоминают предания, которые рассказывались во времена Салмона, но к XX веку были забыты.

Имя главного информатора Салмона – Уре Вае Ику, слуги последнего короля, – прямо связывается с некоторыми текстами рукописи Пакарати, так же как и в случае с рукописью А.

Пуэльма(82) приводит в качестве примера предание об открытии Пасхи, по которому некий Махаа достиг острова после двухмесячного плавания за заходящим солнцем. Его брат – король Хоту Матуа отправился вслед за ним «на двух судах с 300 подданными, они шли на закат 120 дней, пока в августе (анакена) не достигли Те Пито О Те Хенуа, идя со стороны восхода, из Марае Тое Хау (место погребения), очень жаркого места».

Этот отрывок из рукописи Пакарати, запечатленный на старой бумаге в клетку с пометкой «Эскуэлас Примариас де Чиле», удивительно близок к тексту, записанному Салмоном со слов Уре Вае Ику.(83) Однако, как подчеркивает Пуэльма(84), в рукописи Пакарати указания, что остров был известен до прибытия туда Хоту Матуа, более категоричны, чем в публикации Томсона. Так, по рукописи, сперва остров «явился» Хаумаке видением, потом там побывали три разведчика, затем приплыли Ира, Рапа, Ренга и еще пять человек. Лишь после этого прибыли суда с Хоту Матуа, его родичами и приближенными.

Бартель(85) тоже отмечает, что рапануйское предание в рукописи E, а также короткий текст в рукописи С упоминают легендарные имена людей, которых Хоту Матуа застал,

прибыв на остров Пасхи.(86) Поскольку во всех рукописях, содержащих рапануйские предания, упоминается имя Уре Вае Ику, очень возможно, что он вместе с Томеникой и с учителем закона божьего Николасом Пакарати составлял тексты и списки. Только полная публикация рукописи Пакарати и тщательное изучение языка рассказчика смогут показать, идет ли речь о независимых записях или о копиях записок Салмона.(87) Не исключено, что в руках Оливареса, Бартеля и Пуэльмы побывали разные копии или разные отрывки одной и той же рукописи. В пользу такой версии говорит утверждение Оливареса, что страницы, показанные ему Хуаном Теао, были списаны с оригинала, принадлежащего внуку Томеники, Педро Пате.

Не знаю почему, но рукопись Тимотео Пакарати оставалась в тайнике во время нашего пребывания на острове. Хотя старик Тимотео давал экспедиции ценные сведения о конструкции камышовых лодок и о старинных обычаях, он ни словом не обмолвился о существовании такой рукописи. Ничего не сказал о ней и Педро Пате, который был десятником на раскопках в Ране Параку. Патер Энглерт больше двадцати лет дружил с пасхальцами, но и он не знал их секрета, а ведь Педро Пате был его ближайшим помощником, он выполнял обязанности пономаря деревенской церкви.

Кстати, вероятно, как раз это лучше всего может объяснить причину скрытности пасхальцев. Они знали, что кохау ронго-ронго и все, что связано с этим древним искусством, относилось к языческим ритуалам, которые стали осуждаться, когда на острове утвердилось христианство. Для пасхальцев ронго-ронго было не просто письменностью, оно было магическим средством их предков, с помощью которого те вступали в контакт со сверхъестественными силами. Большинство пасхальцев все еще верило, что их предки совершали оккультные действия, общаясь с «бесами», и что в ронго-ронго заключена мана.

По существу, мало что изменилось с тех пор, как Метро, опросив одного представителя рода Теао (в этом самом роду Оливарес потом обнаружил страницы словаря ронго-ронго), записал его мнение о ронго-ронго: «Чарли Теао не сомневался, что с каждым знаком связана песня, обладающая магической силой. Скажем, если кто-нибудь хотел навязать другому свою волю, достаточно было взять дощечку, посмотреть на определенный знак и спеть надлежащую формулу. Силой колдовства и действия знака можно было даже убить человека. Знаки на дощечках (рона) обладали такой же мана, как аналогичные знаки, нанесенные на черепаха или скалах».(88) Дети и внуки крещеных островитян, некогда спрятавших в потайных пещерах множество дощечек с письменами, продолжали смотреть на них как на запретное связующее звено с загадочным прошлым, не предназначенное для глаз общественности. Деревянные дощечки, за редким исключением, пропали или сгнили, а старый обычай был забыт. И пасхальцы обратились к бумаге и камню, чтобы сохранить оккультные знания и предания. При этом инициаторы попыток уберечь или оживить прошлое предпочитали развивать свою деятельность в тех тайниках, где оказалось ронго-ронго после введения на острове христианства.

Подчеркнутая скрытность островитян и необходимость относиться недоверчиво ко всякой недокументированной информации из пасхальских источников – два обстоятельства, из-за которых особенно трудно выявить взаимосвязь между известными рукописями и установить первоначального автора. В какой-то мере путеводной нитью могут служить степень сходства в оформлении и расположении содержания, повторение одинаковых текстов, наличие страниц с одним и тем же почерком, опознание обрывков или разрозненных страниц, отсутствующих в неполных тетрадах, и наконец обзор нынешних владельцев известных списков.

Среди владельцев рукописей в глаза бросается преобладание двух фамилий – Атан и Пакарати:

1) Эстебан Атан (рукопись А, сфотографированная мной); 2) Атан Атан (рукописная страница, виденная мной); 3) Педро Атан (рукопись, о которой говорили его братья); 4) Хосе Абрахан Атан (по словам Эстебана, временный владелец рукописи А); 5) Хилария Атан (по данным Бартеля, временная владелица рукописи Е); 6) Элиас Пакарати Атан (рукопись В,

приобретенная мной); 7) Хорхе Пакарати Атан (по данным Бартеля, временный владелец рукописи E); 8) Арон Пакарати (обрывки рукописи, сфотографированные мной); 9) Тимотео Пакарати (рукопись E, сфотографированная Бартелем и полученная Пуэльмой); 10) Николас Пакарати Потахи (по данным Пуэльмы, автор рукописи E); 11) Педро Пате (по данным Оливареса, владелец оригинала, лежащего в основе рукописи E); 12) Томеника (по данным Оливареса, автор рукописи E); 13) Хуан Теао (часть рукописи E, сфотографированная Оливаресом); 14) Хуан Хаоа (рукопись C, приобретенная мной).

Должен поблагодарить доктора Эйвинда Мюре из Осло, члена Канадской экспедиции 1964-1965 годов на остров Пасхи, за то, что он вместе с патером Себастьяном Энглертом составил необходимые для этого анализа родословные.

Итак, если разобрать родственные отношения между названными четырнадцатью лицами, оказывается, что Эстефан (1), Атан (2) и Педро Атан (3) – братья, а Хосе Абрахан Атан (4) – их отец. Хилариа Атан (5)

– их мать; она же во втором браке мать Элиаса Пакарати Атана (6).

Таким образом, перебрасывается мост между семьями Атан и Пакарати. Хилариа Атан к тому же тетка Хорхе Пакарати Атана (7) и Арона Пакарати (8), а ее второй муж, Аугустин Пакарати, был братом Тимотео Пакарати (9) и сыном Николаса Пакарати Потахи (10), деда (6), (7) и (8). Возвращаясь к Хиларии Атан (5), видим, что она также сестра Магдалены Пакомио, матери Педро Пате (11). Томеника (12) – дед Педро Пате (11), и, как говорилось выше, считался дядей Эстефана Атана (1), в рукописи которого, наверху первой страницы, стояло имя Томеника. Он вырастил также отца Арона Пакарати (8).

Таким образом, налицо тесная взаимосвязь от (1) до (12), причем Томеника занимает ключевую позицию. По имеющимся данным, во владении Хуана Теао (13) находилась только копия оригинала, принадлежавшего Педро Пате (11).

Отношение Хуана Хаоа (14) к остальным владельцам рукописей представляется не столь непосредственным и ясным. Пожалуй, здесь важно еще раз отметить, что старая тахутаху Виктория Атан играла не последнюю роль при передаче рукописи Хуана Хаоа; эта женщина была единственной живой сестрой Хосе Абрахана Атана (4) и теткой (1), (2) и (3).

Еще одно возможное связующее звено с Хуаном Хаоа (14) – его жена, Ольга Пакомио, с которой он состоит еще и в кровном родстве. Ольга Пакомио, Хилариа Пакомио (мать братьев Атан – (1), (2) и (3) и Магдалена Пакомио (мать Педро Пате, 11) – прямые потомки ученого Урекино Маори, которого, как уроженца племени марамы, звали Хе Марама; при крещении он получил имя Пакомио. Имя Хе Марама, как и Томеники (см. рукопись А и рукопись В), стоит наверху одной страницы рукописи Эстефана Атана (1) и как будто связывает между собой (1) и (14).

Выше мы со ссылкой на Энглерта показали также, что Хуан Хаоа (14) состоит в родстве с ученым Уре Вае Ику, чье имя фигурирует вместе с именем Томеники (см. рукопись А) на одной из страниц рукописи Эстефана Атана (1). На другой странице, где стоит имя Томеники (см. рукопись В), следуют неразборчивые буквы, последние из которых образуют слово «теа». Возможно, подразумевается Театеа, брат отца Томеники; он же, по данным Энглерта(89), вырастил Томенику. Круг замыкается – Театеа был прадедом Педро Пате (11).

Резюмируя, можно сказать, что нити владения известными пасхальскими рукописями тесно переплетаются и явно ведут к группе информаторов или рассказчиков, в которую входят Томеника, Уре Вае Ику и Хе Марама. Николас Пакарати – первый учитель закона божьего, продолживший дело изгнанных миссионеров, – тоже принадлежит к числу авторов, если верить сведениям, полученным Пуэльмой от сына Николаса Пакарати. Пуа Арахоа Арапу же, чье имя стоит на страницах рукописи, приобретенной у Элиаса Пакарати Атана (6) не был автором этих листов, так как они попросту скопированы с ранее известного на острове списка.(90) Томеника, Уре Вае Ику, Хе Марама и Николас Пакарати – все они были просвещенными пасхальцами. Николас Пакарати научился читать и писать на Таити. К имени Хе Марама добавлялось слово «маори» – указание на его ученость. Уре Вае Ику и

Томеника слыли знатоками письмен ронго-ронго.

Вспомним, что Уре Вае Ику был слугой последнего короля; Салмон и Томсон показали, что он не умел читать ронго-ронго, но знал некоторые тексты наизусть. Если Уре Вае Ику умер до прибытия на остров Раутледж в 1914 году, то Томеника скончался через несколько недель после ее приезда. Он утверждал, будто в какой-то мере владеет ронго-ронго и продекламировал ей текст «Хе Тимо те акоако». Этот текст вошел в рукопись Эстевана Атана, на первой странице которой вверху стоит имя Томеники.

Еще примечательнее, что в 1914 году группе Раутледж, как уже говорилось, «однажды показали в деревне лист бумаги из чилийской тетради» со столбцами своеобразных знаков ронго-ронго. По совету островитян, Раутледж показала этот листок помещенному в лепрозорий Томенике, и тот признал, что это «его работа».

Следовательно, Томеника был причастен к созданию рукописей с письменами ронго-ронго до приезда экспедиции Раутледж, ведь он умер через две недели после ее третьего визита в лепрозорий. Если связать эту информацию с тем фактом, что на одной из страниц рукописи Эстевана Атана перечислены названия ночей одного лунного месяца 1936 года(91), и вспомнить, что в 1955 году Габриель Херевери тоже работал в лепрозории над рукописью ронго-ронго, то перед нами конкретные доказательства того, что усилия островитян сохранить наследие отцов не прекращались в первой половине нашего века и, вероятно, продолжают по сей день.

В 1965 году Бьерн Экблум(92) видел в деревне Хангароа хрупкий лист бумаги, на котором выцветшими чернилами были начертаны строки ронго-ронго. Этот лист Экблumu, члену медицинской экспедиции, показал Эстефан Пате. Попытки приобрести его оказались тщетными, владелец даже не хотел говорить о цене.

С тех пор как епископ Жоссан опубликовал каталог, будто бы раскрывающий смысл некоторых знаков ронго-ронго, а епископ Арльский усомнился в верности его толкований и даже в том, что речь идет о письменности, – с этих самых пор дискуссия ведется вокруг двух основных тем: проблемы происхождения и проблемы толкования.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Необычайный интерес Жоссана к бустрофедону, обнаруженному миссионерами на острове Пасхи, объясняется тем, что больше нигде в Океании не было известно никакого вида письма. Как явствует из неизданных записок епископа, он немало потрудился, пытаясь найти в Малайской области следы письменности, которая напоминала бы пасхальское кохау ронго-ронго. Его усилия оказались напрасными. Несмотря на это, более поздние исследователи буквально прочесали далекие архипелаги Меланезии, Микронезии и Индонезии, надеясь хотя бы в искусстве найти мотивы, перекликающиеся с отдельными знаками ронго-ронго.

Каталог Жоссана (кат.1)

Не так давно Кенигсвальд(92а) писал о внешнем сходстве между изображающими птиц знаками ронго-ронго и птичьим орнаментом некоторых вышивок на Южной Суматре. Но письменность Пасхи так и осталась изолированным явлением, поэтому некоторые полинезианисты решили, что она зародилась на острове.

В числе тех, кто предлагал теорию независимой эволюции, был Питер Бак.(93) Питер Бак признавал, что судит о проблеме ронго-ронго с позиций Полинезии, где никакой письменности нет. Он предполагал, что пасхальские исполнители ронго-ронго первоначально вырезали орнаментальные изображения Макемаке и птичечеловека на жезлах, которые держали в руке, когда выступали.

Позже эти мотивы стали изображать на деревянных дощечках, которые полностью покрывались резьбой из-за естественного желания предельно использовать площадь. Расположение бустрофедоном – следствие естественного стремления поставить первый знак последующего ряда поближе к последнему знаку предыдущей строки.

Каталог Жоссана (кат. 2)

знаков приводило к тому, что основные мотивы, заимствованные из культа птиц, стали разнообразить и добавлять в них новые, чисто декоративные изображения. Так, дощечки стали предметом искусства, и, подобно другим ценным вещам, получали собственные имена, как это бывало с нефритовыми украшениями в Новой Зеландии. Пасхальцы, подобно другим полинезийцам, знали свои песнопения и родословные наизусть. Они держали дощечки в руке, как ораторский жезл».

Теория Бака не завоевала широкого признания, хотя Метро(94) тоже одно время придерживался такого воззрения и утверждал, что «пасхальские символы не были письменностью».(95) Он считал «логичным предположить, что дощечки были мнемоническим средством запоминания песен». И дальше: «Несомненно, знаки играли роль символов, они не были чисто декоративными». Однако Метро добавлял: «С какой стати пасхальским жрецам могли понадобиться мнемонические приспособления, без которых обходились жрецы других полинезийских островов».(96) Позднее, ознакомившись с аргументами Бартеля, Кудрявцева, Ольдерогге, Бутинова и Кнорозова, Метро(97) полностью отошел от взглядов Бака и признал, что пасхальские ронго-ронго, вероятно, представляли какой-то род письменности.

Каталог Жоссана (кат. 3)

проблемы: «Пасхальскую письменность впервые наблюдали через 94 года после того, как вожди острова Пасхи присутствовали и поставили свои «подписи» на испанской грамоте об аннексии. Их «подписи» часто используют как доказательство того, что у пасхальцев тогда была письменность. Однако при ближайшем рассмотрении подписи представляют собой либо просто каракули, либо изображения птиц или женского полового органа.

Такие изображения встречаются среди местных петроглифов. Поскольку инкская культура не знала письменности, контакт с европейцами кажется наиболее вероятным стимулом для создания своеобразной неполинезийской письменности на острове Пасхи, а также сходную с ней письма, обнаруженного в Перу после Колумба».

При позднейшем исследовании расположения и повторения знаков на пасхальских дощечках подтвердилась давно высказанная догадка, что ронго-ронго – вид бустрофедона; этот факт говорит не в пользу гипотезы европейского происхождения или связи с полинезийскими ораторскими жезлами.

Таким образом, защитники теории местного возникновения ронго-ронго оказались вынужденными присовокупить маленькую уединенную полинезийскую общину к очень немногим крупным мировым центрам первоначального изобретения письма. Вот почему непрерывно продолжались начатые Жоссаном поиски внешнего импульса.

В этом направлении ничего, что могло бы взволновать ученый мир, не происходило до 1930-1932 годов, когда Э. фон Хорнбостель и Хевеши выдвинули противоречивые теории внепасхальского происхождения письменности ронго-ронго. Хорнбостель(98а) усмотрел связь между письменами Пасхи и рисуночным письмом индейцев куна в Панаме, считая их примитивными предшественниками высоко развитой мексиканской письменности, а названные районы – географическим трамплином, через который древние китайские идеограммы проникли в Новый Свет.

Двумя годами позже Хевеши прочел доклад, в котором указывал на внешнее сходство между некоторыми знаками ронго-ронго и нерасшифрованной письменностью, только что обнаруженной на древних печатях Хараппы и Мохенджо-Даро в далекой Индской долине.

Риве, Стефен-Шове, Имбеллони и многие другие одобрили теорию Хевеши, хотя она подразумевала древние связи между противоположными точками земного шара. Хейне-Гельдерн поддержал как Хорнбостеля, так и Хевеши, полагая, что письменность распространилась из Индской долины в Китай, на остров Пасхи, в Панаму и, наконец, в Мексику.

Бак, Скиннер, Лавашери и Метро были среди тех, кто решительно оспаривал эти гипотезы. Бак(99) отвергает предполагаемое сходство некоторых знаков Индской долины и острова Пасхи, он подчеркивает, что принцип бустрофедона, которому подчинено расположение строк ронго-ронго, неизвестен в индской культуре. Кроме того, «остров Пасхи расположен на расстоянии более 13 тысяч миль от Мохенджо-Даро, цивилизация которого восходит к 2000 году до нашей эры. Могли ли эти знаки сохраниться, пока люди на протяжении 3000 лет в борьбе со стихиями осваивали расстояние, превосходящее 13 тысяч миль? Как могли они прибыть на уединенный остров Пасхи, не оставив следа по пути?..».

Метро, касаясь той же далекой индской культуры, писал: «В их цивилизации нет ни одной черты, которая указывала бы на возможную связь с Полинезией».(100) И еще: «Любой, кто без предвзятости изучает эти дощечки и письмена Инда, неизбежно заметит огромную разницу, не только в системе, но и в очертаниях и типе знаков... Я мог бы сравнить индские письмена с пиктографией американских индейцев и обнаружить не меньшее сходство... Если ученые настаивают на связи острова Пасхи с долиной Инда, я требую того же для обойденных индейцев куна нынешней республики Панамы. Можно сюда подключить также оджибва».

Панамские индейцы куна – не самые близкие соседи пасхальцев в Новом Свете, и однако они обитают не дальше от острова Пасхи, чем племена Центральной Полинезии. Примечательно, что они живут на узком перешейке, связывающем области высоких культур Северной Америки и Анд. Линне писал: «На побережье Перу и Эквадора известны легенды о

вторжениях с севера, причем речь идет не о мифах, а скорее, о преданиях, правда, довольно смутных. И если некоторые элементы культуры индейцев куна в Панаме и Северо-Западной Колумбии, особенно рисуночное письмо, указывают на связь с севером, то археологические находки, сделанные в провинции Кокле, – скорее на связь с Южной Америкой».(101) Первым рисуночное письмо куна систематически анализировал Норденшельд(102) Он нашел вдоволь признаков, которые свидетельствуют, что оно «происходит от рисуночного письма, существовавшего в этой части света ко времени открытия Америки». Ссылаясь на ранних хронистов Мартира и Энсико, Норденшельд показывает, что некоторые аборигенные племена на Панамском перешейке, когда их открыли европейцы, поддерживали связь с племенами, у которых было рисуночное письмо и были книги. Он предполагает, что это были индейцы никарао, населяющие тихоокеанское побережье Никарагуа, протянувшееся на несколько сот миль между важными центрами письменности Нового Света в Мексике и на Юкатане.

Вместе с Овьедо(103) Норденшельд сообщает, что ко времени прибытия европейцев у никарао были пергаментные книги длиной от десяти до двенадцати футов (то есть от трех до четырех метров) и шириной с ладонь; эти книги складывались, так что их можно было накрыть одной рукой.

В том же XVI веке Симон и Кастельяно рассказывали, что у южноамериканских индейцев катиа (Колумбия) было рисуночное письмо, они писали красками на ткани или на другом материале. Как эти южные племена, так и никарао на севере, вероятно, поддерживали контакт с куна и другими индейцами панамской области.

О самих куна Норденшельд говорит: «В своей превосходной работе П. Гассо пишет, что эти индейцы владели каким-то пиктографическим письмом и писали на дощечках. Подробностей он не приводит. Видный американский биолог доктор Харрис посетил куна, чтобы с генетической точки зрения изучить альбиносов или так называемых белых индейцев, которых много в этом племени. Он обнаружил у куна своего рода рисуночное письмо, применяемое для записи различных песен. По словам Харриса, эти записи читают снизу, сначала справа налево, потом слева направо и так далее».

Большинство образцов рисуночного письма, приобретенных Норденшельдом у куна, было запечатлено на европейской бумаге, однако, «иногда пиктограммы рисовали на деревянных дощечках. Как мне рассказывали куна, – говорит Норденшельд, – дерево – исконный материал; П. Гассо подтверждает это. Одна из деревянных дощечек с изумительными изображениями обитателей демонов составляет едва ли не самый ценный предмет нашей коллекции...

Тот факт, что письма первоначально наносились на дерево, говорит об их самостоятельном возникновении, а не под влиянием белых... Пиктограммы читали справа налево, потом слева направо, причем начинали в правом нижнем углу: это доказывает, что идея пиктографии куна родилась не под влиянием знакомства с письменностью белых».

Он резюмирует: «Из сказанного выше явствует, что нет никаких оснований считать рисуночное письмо куна продуктом какого-либо влияния белых. В нем нет ничего похожего на гораздо более развитое письмо майя. Пожалуй, оно больше всего напоминает пиктографию древней Мексики, и я склонен считать, что оно представляет собой выродившуюся разновидность этой пиктографии. В подтверждение можно сослаться на упоминавшееся выше сообщение Мартира. Из него видно, что индейцы дариен в начале XVI века поддерживали связь с индейцами, у которых был какой-то вид рисуночного письма, вероятно, сходного с мексиканским».

Хейне-Гельдерн писал, развивая первоначальную теорию Хорнбостеля: «Нынешние куна пишут преимущественно на бумаге. Но наряду с этим у них есть деревянные письменные дощечки, сами куна называют их исконным материалом для письма. Дощечки, виденные Норденшельдом, предназначались для того, чтобы подвешивать их в домах во время празднеств. Идеограммы начертаны красками. Однако, по сведениям Гассо, прежде идеограммы вырезали на деревянных дощечках».

Здесь вспоминаешь письменные дощечки острова Пасхи. Способ письма бустрофедоном, с чередованием строк снизу вверх, напоминает письменность острова Пасхи. Но куна пишут знаки всегда одинаково, не переворачивают вверх ногами в каждой второй строке, как пасхальцы». И дальше: «Хотя на первый взгляд знаки письменности куна по виду совершенно отличны от пасхальских, мне кажется, что можно установить существенное сходство».(104) Хейне-Гельдерн считает, что изучение вопроса о связи между письменными дощечками куна и пасхальцев подтверждает предположения Хорнбостеля; он говорит: «Форма письмен острова Пасхи намного опередила в развитии письмо куна или же, что вернее всего, письменность куна упростилась и деградировала больше, чем пасхальская, хотя в ней, возможно, лучше сохранена исконная форма многих знаков. Из сообщений Норденшельда вытекает, что сами куна отдают себе отчет в деградации своего письма: «Нынешнее рисуночное письмо индейцев хуже того, которое было у них прежде», – сказал нам Неле». (Неле, информатор Норденшельда, сообщил, что предания куна приписывают изобретение пиктографии у куна герою по имени Ибеоргун, жившему около 800 лет назад, и что нынешнее письмо отличается от исконного: «Последним, кто по-настоящему знал рисуночное письмо, был Мемекина».) (105) Хорнбостель указывал на магический аспект письменных дощечек Панамы и острова Пасхи и отмечал, что куна, как и пасхальцы, «не умеют читать письма в буквальном смысле слова, а поют связываемые с этими письмами традиционные тексты».(106) Хейне-Гельдерн развил это положение: «Совсем как у пасхальцев, у куна необходимо знать текст, чтобы читать его, вернее декламировать».(107) И дальше: «Как и у куна, на острове Пасхи на похоронах декламировали письменные тексты. У куна эти тексты содержали описание дороги, по которой душе покойного предстояло странствовать после смерти. Жрец декламирует текст по пиктограмме, когда тело несут в лодке к могиле...

Полученная Раутледж от островитян информация о похоронах Арики Нгаары, умершего в 1860 году, позволяет предположить, что тексты содержали в основном сведения о странствии, ожидавшем душу после смерти. По рассказам пасхальцев, тело Арики несли к могиле на трех письменных дощечках, которые захоронили вместе с ним...

Пользуясь случаем обратить внимание на своеобразное и, возможно, не случайное сходство погребального обряда обеих областей, а именно, употребление палок с перьями. «Шесть дней подряд после его (Нгаары) смерти, – говорит Раутледж в упомянутом отрывке, – все делали палки с перьями на конце (хеу-хеу), эти палки расставили вокруг того места».

По поводу этих хеу-хеу в записанном Томсоном тексте «Апаи» сказано, что бог перьев Эре Нуку «отгоняет злых духов, когда перья размещены по всему месту погребения». У куна было принято класть в могилу вместе с телом четыре палки с перьями, которые были символом или обителью четырех духов-хранителей, сопровождавших душу в ее посмертном странствии».

Отметив совпадения в начертании и повторении знаков, Хейне-Гельдерн показывает, что перья и нитки перьев многократно представлены в письменности и пасхальцев, и куна. Выше мы говорили о том, что палки с перьями втыкали в землю вокруг площадки, где пасхальские тангата ронго-ронго, облаченные в головной убор из перьев, собирались для ежегодного чтения дощечек.

Если бы случайный образец дощечки, увиденный патером Зумбомом, не заинтересовал епископа Жоссана, познания европейцев об этом изделии могли быть похоронены вместе с нелюбопытным святым братом Эйро. И только в устных преданиях утверждалось бы, что в прошлом на крайнем восточном острове Полинезии писали на каких-то дощечках. Поэтому мы, быть может, ошибаемся, считая, что лишь у одного племени на восточной окраине Тихого океана, а именно у куна, были письменные дощечки.

Предположения о широком распространении письменности в прошлом в Восточной Полинезии мало значат для науки, пока они не подкреплены свидетельствами. А вот к югу от Панамского полуострова исторические источники подтверждают наличие пиктографии как таковой у индейцев катиа в Колумбии и мотилоне в Западной Венесуэле.

Выше говорилось, что европейцы видели пиктограммы катиа нарисованными на тканях и вырезанными на другом материале, скорее всего, на дереве. Индейцы мотилоне наносили свои пиктограммы на ткань, бумагу и дерево. Гонцы племени во время пения «протокольных формул» указывали на знаки, нарисованные на жезлах, именуемых тиот-тио.

Директор Каракасского музея Дж. Краксент, открывший такую систему письменных сообщений у изолированных племен в районе Сьерра де Периха у границы Колумбии, сообщает: «Ясно, что тиот-тио уже переживает стадию культурной трансформации, однако нет никакого сомнения, что оно местного происхождения. Любопытно, что приемы чтения тиот-тио и некоторые знаки напоминают нам рапануйские дощечки острова Пасхи».(108) Хейне-Гельдерн комментирует доклад Краксента, представленный XXIX Международному конгрессу американистов в Нью-Йорке: «Доктор Краксент сообщил об открытии у индейцев мотилоне в Западной Венесуэле системы рисуночного письма, которое не только в общих чертах, но и в деталях настолько близко пиктографии индейцев куна в Восточной Панаме и письменности острова Пасхи, что вряд ли можно сомневаться в наличии некоей связи».(109) Итак, установлено, что разные виды письменности были sporadически распространены от области куна до Мексики. Вероятно также, что распространение письменности в Южной Америке не ограничивалось отдельными племенами Венесуэлы и Колумбии.

Обычай применять мнемонические жезлы, сохранившийся у гонцов мотилоне, напоминает то, что некогда практиковалось в области инков. Пачакути(110) описывает, как Инка Тупак Юпанки, который позднее предпринял дальнейшее плавание в Тихом океане, послал наблюдателя инспектировать свои владения, снабдив его инструкциями в виде черточек на крашенных жезлах.

Беннет(111) подчеркивает, что у инков было принято использовать «в помощь памяти крашенные жезлы». Когда дело доходило до более сложных или важных текстов, вероятно, простой жезл заменялся деревянной дощечкой. К сожалению, алчные до золота конкистадоры не сохранили образцов таких изделий.

Опросив сорок два ученых инкских историка, Сармьенто де Гамбоа(112) услышал, что они почерпнули свои знания о «делах» и «преданиях» предков из записей на дощечках, передававшихся из поколения в поколение. Далее Сармьенто пишет о Пачакути Инге Юпанки, девятом Инке (английский перевод Бандельера(113)): «И ознакомившись с важнейшими из старых преданий, он велел записать их все по порядку на больших досках и поместил эти доски в просторном зале в доме солнца, где названные доски, украшенные золотом, выполняли роль наших библиотек. И он назначил ученых людей, которые понимали их и умели читать. И никто не должен был входить в это помещение, кроме самого Инги или историков, получивших на то особое разрешение Инги».

А вот что пишет патер Молина: «Что касается их идолопоклонничества, то мы видим, что эти люди не знали письменности. Но в доме солнца, именуемом Покен-Канча, что находится недалеко от Куско, хранят они описания жизни каждого Инки и завоеванных ими земель, запечатленные знаками на определенных досках, и там же приведена его родословная... В число этих записей входит также следующая басня, – продолжает Молина, – после чего идет сложнейший текст, включающий даже законы первого Инки».(114) Во введении к английскому переводу записок патера Фернандо Монтесиноса(115) Маркхем и Минз называют автора одним из виднейших ранних хронистов Перу, поскольку он скопировал чрезвычайно важную рукопись Бласа Валера, прежде чем она была утрачена. Блас Валера был наполовину перуанец, его родным языком был кечуа, его мать была связана с двором Инки, и в первые годы после конкисты он воспитывался в Кахамарке, излюбленной резиденции Инки. Тридцать лет Блас Валера изучал предания и легенды, которые ему рассказывали престарелые амаута и кипукамайоки, помнившие годы до прихода европейцев.

Уже одно то, что Монтесинос скопировал записки Бласа Валера, говорят Маркхем и Минз, делает его «важнейшим, даже единственным до сих пор историком, который осведомлен о доинкской истории Перу». Тем интереснее приводимый Монтесиносом эпизод из жизни одного из древнейших доинкских королей:

«Амаута, которым события тех времен известны из старинных преданий, передававшихся из уст в уста, рассказывают, что, когда у власти находился сей правитель (Синчи Коске Пачакути I), существовали буквы, и сведущие в них люди, именуемые амаута, учили других читать и писать. Главной наукой была астрология. Насколько я понимаю, они писали на высушенных листьях банана... Эта письменность была утрачена перуанцами в связи с одним событием, которое произошло во времена Пачакути VI, как мы это увидим».(116) Говоря об организованной системе каски, или гонцов, он пишет: «Когда у них еще были буквы и знаки или иероглифы, они, как мы указывали, писали на банановых листьях, и один каски передавал сложенный лист другому, пока он не попадал в руки короля или правителя. Когда же письменность была утрачена, каски передавали весть друг другу из уст в уста...».(117) В правление Титу Юпанки Пачакути V, после которого сменилось еще двадцать восемь правителей, до того как власть взял первый Инка, из внутренних областей страны пришли огромные армии свирепых воинов и народ Перу вынужден был вести «жестокие войны, в ходе которых была утрачена существовавшая до той поры письменность... Кончилось монархическое правление в Перу. Монархия оправилась только через четыреста лет, а знание письмен было утрачено».(118) Следы древней письменности сохранились в Андах вокруг озера Титикака до исторических времен. Первое основательное исследование этой письменности проделал Ибарра Грассо, но и прежде некоторые авторы упоминали об этом своеобразном рисуночном письме. Ибарра Грассо(119) опубликовал богатый материал об этой письменности, собранный в послеколумбово время среди племен аймара и кечуа. Доказывая ее неевропейское происхождение, он проводит параллель с письменностью куна(120) и приводит образец андского бустрофедонного письма.

На каменной плитке из Андской области стоят в два ряда идеограммы, причем второй ряд продолжает первый согласно системе бустрофедон и к тому же знаки изображены вверх ногами, как на пасхальских дощечках. В отличие от письменности куна, но подобно письменности Пасхи в этой разновидности андского письма текст начинался внизу слева.

Такой способ не так-то просто изобрести. На это было указано во время конференции за круглым столом в Москве в связи с VII Международным конгрессом антропологических и этнографических наук (1964 год), когда Кнорозов(121) подчеркнул, что система перевернутого бустрофедона обнаружена лишь в двух районах мира: на острове Пасхи и в Перу.

Общеизвестно, что кипу стало широко распространенным заменителем письма в культуре инков. Эта замысловатая мнемотехническая система шнурков с узелками так же далека от бустрофедонной письменности, как аналогичные узелковые памятки маркизцев.(122) Мы не располагаем никакими данными, чтобы строить сколько-нибудь приемлемые предположения о том, на что были похожи знаки, изображавшиеся перуанскими амаута на банановых листьях и деревянных дощечках. И мы не располагаем убедительными доказательствами существования характерных знаков типа ронго-ронго когда-либо за пределами острова Пасхи. Для художественного оформления письмен ронго-ронго характерно яркое местное своеобразие. Головы птиц с крючковатым клювом, длинноухие люди, животные с разинутой пастью как будто пририсованы, чтобы украсить знаки; большинство их скорее носит условный характер, чем отражает биологическую реальность.

Хотя многие знаки ронго-ронго явно возникли как чисто абстрактные символы, уже потом обработанные и снабженные зооморфными атрибутами, некоторые из них частично или полностью воплощают формы, поддающиеся определению. Причем все такие формы знаков ронго-ронго совпадают с основными элементами религиозного искусства и символики древнего Перу.

Так, постоянно повторяющийся птичечеловек (человеческое туловище и голова с длинным клювом), птица с крючковатым клювом, птица с двойной головой, млекопитающее с разинутой пастью и выгнутой спиной, рыба, длинноухий человек, трехпалая рука, человек с одной или двумя тростями, человек на серповидной камышовой лодке, солнце, нагрудное украшение в форме полумесяца, головной убор с рогами, фигуры людей или животных с

нитками перьев – все это хорошо известные художественные мотивы и религиозные символы Перу; и они же преобладают среди знаков пасхальского ронго-ронго.

Птица с крючковатым клювом и не менее часто фигурирующее млекопитающее с выгнутой спиной и разинутой пастью – единственные зооморфные знаки в пасхальском ронго-ронго, не имеющие прообразов в местной фауне. Видимо, это и есть «изображения животных, неизвестных на острове», которые увидел Эйро на дощечках, прибыв на Пасху. Все остальные животные, представленные резными символами, могли быть местными: рыба, черепаха, ракообразные и так далее.

Двухголового человека, возможно, следует искать в местных легендах и искусстве. Этот мотив столь же редок в Полинезии и Меланезии, как в большей части Южной Америки. В Индонезии и Южной Азии он не описан; обычен он, как будто, только в Коста-Рике и ранней приморской вальдивийской культуре Эквадора.(123) Однако двухголовый человек по замыслу сродни двухголовой птице, столь часто встречающейся среди знаков ронго-ронго и являющейся одной из главных идеограмм древнего Тиауанако.(124) Пожалуй, особенно примечательно, что у всех антропоморфных фигур пасхальской письменности на руке, кроме большого, только три пальца. Бартель(125) подчеркивает, что это особенность кохау ронго-ронго, потому что на пасхальских петроглифах, а также у скульптур, и деревянных, и каменных, все пальцы на месте.

Он справедливо усматривает здесь параллель с изображением трехпалой руки, типичным для старинной маорийской резьбы по дереву, а также встречающимся, по Кенигсвальду и Хейне-Гельдерну, на Южной Суматре и в древнем Китае. В самом деле отсечение пальцев было широко распространено по обе стороны Тихого океана.(126) Стоит однако отметить, что в андском искусстве по изображению трехпалой руки определяют тиауанакское или тиауанакоидное влияние.

Названные аналогии отдельным компонентам ронго-ронго находили на огромной территории к западу от Пасхи, на всем полушарии, включающем и Суматру, и долину Инда, но мало кто обращал внимание на то, что все они вместе взятые представлены в религиозном искусстве культового центра на ближайшем на восток материке. Для примера достаточно остановиться на одном важном религиозном памятнике, так называемых Вратах Солнца в Тиауанако(127), частично украшенных фигурами, которые мы вправе назвать идеограммами.

Поскольку Тиауанако – главный церемониальный центр культуры, которая в пору своего расцвета была панперуанской, можно предположить, что идеограммы, высеченные на одном из важнейших религиозных памятников этой культуры, отражают важные черты тогдашней местной символики.

На острове Пасхи главным культовым центром и местом религиозных ритуалов ронго-ронго было селение Оронго с каменными постройками неполинезийского вида. Давайте сопоставим письмена дощечек и идеографические знаки и символы, типичные для оронгских ритуалов ронго-ронго, с набором идеограмм, высеченных на Вратах Солнца в Тиауанако.

1) Основной элемент рельефов на церемониальных вратах Тиауанако – три ряда мифических существ. Каждая фигура изображает человека в профиль либо с крыльями, либо с птичьей головой. Все шестнадцать фигур среднего ряда – характерные тиауанакские птичечеловеки: человеческое туловище с руками и ногами увенчано птичьей головой с крючковатым клювом.

Хотя в фауне острова Пасхи нет птицы с крючковатым клювом, птица и птичечеловек с сильно изогнутым клювом являются преобладающей фигурой письменности ронго-ронго. Характерные птичечеловеки с птичьей головой, человеческим туловищем и конечностями высечены также на всех скалах культового центра Оронго; правда, у них клюв длиннее и изгиб на его конце меньше.

Крючковатый клюв, встречающийся среди знаков ронго-ронго, обычно сравнительно короток и напоминает клюв хищной птицы, скажем, кондора, голова которого венчает туловище птичечеловека Тиауанако. Длинный клюв птичечеловека со скал Оронго скорее схож с клювом морской птицы – фрегата; это же можно сказать о длинном клюве с

изогнутым кончиком у мифического птичеловека на камышовой лодке, встречающегося в искусстве области Чиму в приморье Перу.(128) В древнем искусстве этой части перуанского побережья представлены птичеловеки с клювами обоих видов.

2) Каждый птичеловек на тиауанакских воротах держит вертикально трость, сжимая ее (3) в руке, насчитывающей, кроме большого, только три пальца. Среди знаков ронго-ронго тоже много птичеловеков с тростью, и если показана рука, она всегда трехпалая (не считая большого пальца).

4) Среди изображенных в профиль птичеловеков на тиауанакских воротах в центре высечена анфас более крупная человеческая фигура, олицетворяющая солнечное божество здешнего культа. И в Оронго единственное среди многочисленных птичеловеков антропоморфное изображение – портрет бога солнца Макемаке. Здесь он связан с солнечной обсерваторией, и его всегда высекали анфас, в отличие от окружающих птичеловеков, изображавшихся в профиль.

5) Главное тиауанакское божество держит в руках по жезлу, и на обеих руках у него только по четыре пальца, включая большой, – как у птичеловека. Человек, фигура которого вошла в число знаков ронго-ронго, тоже часто держит жезл, причем, как говорилось выше, его руки, подобно рукам птичеловеков, всегда насчитывают четыре пальца, включая большой.

6) Украшения из перьев играют важную роль в церемониальном облачении фигур людей и птичеловеков на воротах в Тиауанако; на голове у всех убор из перьев. Мы уже говорили, что пасхальские вожди и знатоки ронго-ронго всегда надевали такой головной убор, когда собирались для чтения дощечек, а кругом втыкали в землю трости с перьями. Мы видели также, что многие фигуры письменности ронго-ронго держат в руках нити с перьями.

7) Основная особенность жезлов, которые держит главное тиауанакское божество – их верхние и нижние концы, оформленные в виде птичьих голов с крючковатым клювом. Верхняя часть одного жезла вырезана в виде двухголовой птицы. Еще одна двухголовая птица помещена на животе божества. Жезлы в руках окружающих птичеловеков тоже раздвоены вверху в виде двух голов, но уже рыбьих. Как говорилось раньше, двухголовые существа представлены среди знаков на дощечках ронго-ронго, причем особенно часто встречается двухголовая птица с изогнутым клювом.

8) Головы и хвосты рыб вообще многократно фигурируют в виде идеограмм на крыльях и головных уборах птичеловеков на воротах в Тиауанако, а на груди главного божества высечена целая рыба. И в числе письмен ронго-ронго мы часто видим рыб.

9) Сильно изогнувшаяся рыба на груди главного тиауанакского божества исполнена в виде серповидного нагрудного украшения. Ее расположение на столь видном месте особенно примечательно, если вспомнить, что серповидное нагрудное украшение было знаком достоинства пасхальских королей, которые приписывали себе божественное происхождение и управляли всеми церемониями ронго-ронго. Эти серповидные королевские украшения тоже часто фигурируют в письменах ронго-ронго.

У тиауанакского божества серповидное нагрудное украшение, изображающее рыбу, символизирует, как принято считать, его власть над морями и водами, точно так же, как перья и головы кондора олицетворяют власть над небом и воздухом. Символическую роль играло и серповидное нагрудное украшение пасхальских королей; первым исследователям островитяне истолковывали его как изображение судна древнего вида.(129) Импровизируя перевод письмен ронго-ронго, Меторо назвал соответствующий знак «вака» – лодка (см. Каталог Жоссана (кат.2), VI, правый столбец, знак 7).(130) Серповидные камышовые лодки видим также на стальных росписях плит церемониальных построек Оронго, а их сходство в конструкции и материале с камышовыми лодками приморья Перу и озера Титикака, соседнего с Тиауанако, уже обсуждалось.(131).

10) Кроме птицы с крючковатым клювом и рыбы, на тиауанакских воротах изображено еще только одно животное. В нем можно узнать хищника из кошачьих, который во многих областях Северной и Южной Америки символизировал власть верховного божества над

сушей и землей. Шесть перьев, расходящихся от головного убора главного божества, заканчиваются символическими кошачьими головами, другие головы изображены попарно на руках, словно татуировка. Церемониальный пояс представляет двухголовую кошку.

В Океании кошки неизвестны, а на Пасхе, где не знали полинезийской свиньи и собаки, единственным наземным млекопитающим была крыса. Тем не менее один из часто употребляемых знаков ронго-ронго изображает четвероногое существо с выгнутой спиной и разинутой пастью, прообразом которого явно была какая-то длинноногая кошка. Очень сходное существо было единственным млекопитающим среди птичелюбеков и морских тварей, изображенных на скалах Оронго.

Об этих древних, ныне едва различимых фигурах Томсон(132) писал: «...наиболее часто встречается мифическое существо – полуживотное-получеловек, с выгнутой спиной и длинными, переходящими в когти руками и ногами. По словам островитян, это символ бога Меке-Меке, великого духа моря. Абрис этой фигуры, грубо высеченный в камне, удивительно напоминал украшение на черепке гончарного изделия, попавшемся мне в Перу, когда я раскапывал могилы инков».

Меке-Меке – несомненно то же, что Макемаке, который на Пасхе считался властелином не только моря, но и всей вселенной. Фердон(138) говорит о нем: «...Очевидно, что Макемаке был не только богом солнца, однако, возможно, небеса были главной сферой его деятельности...» Верховный пасхальский бог моря, земли и неба Макемаке изображался в виде животного с выгнутой спиной, круглой головой и длинными, переходящими в когти руками и ногами – то есть в облике, который больше всего напоминает кошку.

11) Чресла главного божества на тиауанакских воротах опоясаны горизонтальным рядом, состоящим из шести обобщенных человеческих ликов без ушей. Характерная черта этих масок – круглые глаза. Два безупречно круглых углубления разделены носом, который вверху разветвляется, переходя в охватывающие глаза брови. Этот же условный нос, разветвляющийся над круглыми глазами, и отсутствие ушей – типичные черты пасхальских масок Макемаке, единственных антропоморфных изображений среди оронгских птичелюбеков и кошек.

12) Итак, в дополнение к церемониальным жезлам, головному убору из перьев и серповидному нагрудному украшению у главного божества на тиауанакских воротах есть церемониальный пояс. Значение этого пояса очевидно, ведь такими же поясами снабжены почти все найденные здесь большие каменные статуи. На спине пасхальской базальтовой статуи в Оронго, которая играла важную роль в ритуалах ронго-ронго и была единственной статуей, обожествлявшейся всем населением острова, высечено рельефное изображение церемониального пояса.

Этот пояс мы видим и на других скульптурах Пасхи; он явно имел скорее символические, чем практические функции, ведь все скульптуры изображают обнаженных людей.(134) Бартель(135) говорит о значении этих поясов в ряду знаков ронго-ронго.

13) Ниже локтей главного тиауанакского божества высечены две человеческие головы, они расположены словно подвешенные трофеи. Их отличают сильно вытянутые мочки ушей, которые свисают ниже щек и принимают вид длинных птичьих шей, заканчивающихся головами с обращенным вниз клювом.

Возможно, эти длинноухие символизируют покорность местных жителей своему всемогущему божеству; ведь здешние предания утверждают, что памятники Тиауанако были сооружены длинноухими людьми по указаниям бога-творца.(136) Люди, называвшие себя «рингрим», что означает «ухо», положили начало обычаю удлинять уши, который потом переняли правящие инки. Увеличенные уши присущи также антропоморфным знакам в письменности Пасхи; ими снабжены и все пасхальские статуи среднего периода. Как и в Перу, старинный обычай увеличивать уши сохранился здесь у определенных социальных групп вплоть до прибытия европейцев.

14) В отличие от своих обезглавленных подданных, главное тиауанакское божество подобно условным маскам, опоясывающим его чресла, изображено без ушей. Возможно, что

солнце и солнечные символы, в отличие от людей, вообще полагалось изображать без ушей. На Пасхе сотни расставленных по всему острову статуй среднего периода, воплощавших покойных вождей и представителей знати, наделены сильно вытянутыми ушами. Только у базальтовой статуи в культовом центре Оронго, олицетворявшей верховного бога-творца, были маленькие уши. А все солнечные символы – маски Макемаке, как уже говорилось, вовсе лишены ушей.

15) Двенадцать схематизированных солнечных символов в виде двойных концентрических кругов помещены на концах перьев в головном уборе бога солнца на тиауанакских воротах. Еще пять таких символов парят ниже его щеки. Различные изображения солнца повторяются во всей композиции рельефа.

Лучезарное солнце часто представлено также среди пасхальских писем ронго-ронго, солнце с реалистически исполненными лучами, падающими на птичеловека, – единственное из наскальных изображений Оронго, не относящееся к биологическим объектам.(137) 16) Последняя из определенных учеными идеограмм на воротах в Тиауанако – широко распространенный в этом районе мотив «плачущий глаз». Вертикальная цепочка слез под глазами главного бога и всех окружающих птичеловеков олицетворяет дождь, дарованный этими небожителями. Мотив «плачущий глаз» считается неизвестным в Океании, он типичен для высокоразвитых культур Америки. Тем не менее антропоморфные маски с головным убором из перьев и характерным плачущим глазом встречаются среди настенных росписей неполинезийских каменных построек святилища Оронго.(138) Те же символы и идеограммы повторяются на рельефном изображении ступенчатой, или террасированной, платформы, на которой стоит тиауанакский бог солнца. Эта платформа конструктивно напоминает преобладающие формы ориентированных по солнцу ступенчатых святилищ как древнего Перу, так и острова Пасхи (включая Тиауанако и Оронго). Как и венчающее ее божество, она украшена изображениями изогнутой луком рыбы, солнечных символов и многочисленных голов, принадлежащих животному из кошачьих, и птиц с крючковатым клювом. Эти же элементы образуют декоративный обод, довершающий сложную композицию на церемониальных воротах.

Итак, все идеограммы или символические знаки, представленные на одном памятнике Тиауанако, совпадают с символами или идеограммами дощечек ронго-ронго и культового центра Оронго, где пасхальцы каждый год выбирали птичеловека и где тангата ронго-ронго в головных уборах из перьев во главе с королем читали свои дощечки.

В то же время среди рельефов, петроглифов и наскальных рисунков Оронго, если не считать немногочисленных знаков, изображающих черепаху и женский половой орган, есть лишь один важный элемент, который ни в каком виде не представлен среди идеограмм на тиауанакских воротах: церемониальное двойное весло. Оно изображено на спине оронгской статуи, нарисовано на плитах внутри ритуальных построек, встречается и среди писем ронго-ронго.

Двойные весла, будь то ритуальные или функциональные, неизвестны в других частях Полинезии, зато они относились к оснастке небольших камышовых лодок в доколумбовой Южной Америке, в том числе на озере, лежащем по соседству с Тиауанако. Как показал Томсон(139), на Пасхе двойное весло не всегда играло ритуальную роль. Он пишет о приобретенном им образце, что оно «употреблялось на старинных лодках аналогично приемам гребли американских индейцев».

Хотя на известных дощечках ронго-ронго определено около 800 различных знаков (по Бартелю (140) – 799), лишь немногие из них, если не считать чисто геометрических и отвлеченных, не относятся к описанным выше; такими исключениями являются растения с побегами, морские твари и копьё. Вариация достигается в основном за счет огромного разнообразия изгибов, поз и сочетаний перечисленных компонентов. Подчас видно стремление украсить абрис более простых знаков.

Подводя итог, можно сказать, что сохранившийся обычай декламировать заученные наизусть религиозные тексты, записанные бустрофедоном на деревянных дощечках, хотя

этнографически и ставит пасхальское письмо в ряд с письмом послеколумбовых обитателей Панама, основные знаки и символы совпадают с религиозными идеограммами древнего Перу. Здесь, как и на острове Пасхи, по рассказам аборигенов, раньше писали на банановых листьях и на дереве.

Еще более важным представляется нам то, что элементы пасхальского письма и ритуалы ронго-ронго имеют много общего с чертами, характерными, подчас даже специфическими, для Тиауанако, видного культового центра в бассейне Титикаки, пока еще единственного, кроме Пасхи, района мира, где писали способом перевернутый бустрофедон.

ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ

Среди многочисленных авторов, которые высказывали весьма противоречивые взгляды по вопросам, связанным с наличием на острове Пасхи письменных дощечек, лишь двое утверждали, что могут расшифровать и прочесть тексты ронго-ронго.

Первым был доктор Керролл из Австралии. В 1892 году он в первом томе «Журнала Полинезийского общества» заявил, что дощечки ронго-ронго повествуют о событиях, происходивших в Южной Америке в доисторическую пору, до того как предки пасхальцев мигрировали на запад и достигли острова.(141) Этот взлет фантазии явно был вдохновлен рапануйскими текстами ронго-ронго и преданиями о происхождении островитян из опаленной солнцем страны далеко на востоке, приведенными Томсоном(142) в изданных тремя годами раньше материалах об острове Пасхи. Сам Томсои так комментировал эти предания: «Трудно объяснить столь часто повторяющееся в легендах утверждение, что Хоту-Матуа пришел с востока и открыл новую землю, идя на закат...»

Американский лингвист Черчилль писал о мнимом переводе Керролла: «Его толкование было слишком гладким. Речь шла о каких-то малопонятных событиях на склонах Анд. Когда же доктора Керролла попросили объяснить методику перевода, он исчез со сцены».(143) Вторая претензия на расшифровку была заявлена недавно. В 1956 году на XXXII Международном конгрессе американистов доктор Т. Бартель(144), развивая положения своей статьи, опубликованной годом раньше, утверждал, что расшифровал письменность ронго-ронго. Согласно его прочтению, из текста дощечек явствовало, что первые переселенцы пришли на остров Пасхи с запада, вероятно с острова Рапатеа, около XIV века. Однако советские исследователи ронго-ронго Ю. Кнорозов и П. Бутинов не согласились с определением системы письма, предложенным Бартелем, а я усомнился в информации, якобы содержащейся в тексте.

Через два года журнал «Сайентифик Эмерикен"(145) объявил, что пасхальское письмо расшифровано Бартелем. В статье, посвященной содержанию дощечек ронго-ронго, Бартель(146) говорил:

«Дощечки... содержали «ключевые» реплики, в которых исполнитель мог прочесть только суть куплетов; недостающие слова он должен был вставлять сам. Конечно, вследствие этого нам труднее восстановить полностью сюжет, законспектированный на дощечках. Тем не менее о полинезийском фольклоре они рассказывают нам очень много.

Прежде всего нужно отметить, что сохранившиеся «говорящие дощечки» повествуют преимущественно о религии и ритуалах и почти не говорят о событиях пасхальской истории. У островитян была другая письменность (так называемое «письмо тау»), применявшаяся для летописи и прочих светских записей, но она исчезла. Дощечки, которыми мы располагаем, содержат главным образом гимны богам, указания для жрецов и тому подобное. Некоторые из них повествуют о мифическом начале света, когда Тане отделил небо от земли и воздвиг мощные опоры, чтобы поддерживать небосвод.

Описание ритуалов показывает, что якобы идиллические Южные моря были ареной бешеного канибализма, племенных войн, человеческих жертвоприношений и истязания детей.

На большинстве дощечек речь идет только о мужчинах. Но и женщины упоминаются

на дощечках, толкующих о плодородии.

О предмете, который больше всего занимал археологов, пытавшихся проникнуть в прошлое острова Пасхи – о каменных скульптурах дощечки, к сожалению, мало рассказывают. Но мне представляется гораздо более интересным обилие указаний, связывающих остров Пасхи с остальным полинезийским миром.

Пасхальское письмо само свидетельствует о том, что оно не изобретено на острове, а привезено из какого-то другого района Южных морей. Приведу только один пример: в письме есть особый знак для изображения хлебного дерева, которое никогда не произрастало на острове Пасхи, зато было одним из важнейших растений на островах тропической части Южных морей. Есть знаки, обозначающие и другие непасхальские растения...

Археологи считают, что переселение произошло в XIV или XV веках. Содержание дощечек не оставляет никакого сомнения, что переселенцы пришли откуда-то из сердца Полинезии, возможно, с Раиатеа, о котором известно, что он был начальной точкой больших исходов полинезийских групп на далекие Гавайские острова и Новую Зеландию. И похоже, что окончательно опровергается недавно выдвинутая Туром Хейердалом теория, будто пасхальцы пришли из Перу... Возможно, китайское и полинезийское письмо было связано с древним культурным центром где-то в Юго-Восточной Азии».

Сообщение о том, что знаменитое ронго-ронго наконец-то расшифровано, естественно, опять вызвало живой интерес во всем мире. Поскольку Бартель обнаружил не текст переводов, а лишь свою версию их содержания, его заявление(147), что Гамбургский университет готовит публикацию полного отчета о завершенных переводах дощечек, породило нетерпеливое ожидание.

В монографии (148) оказалось 400 страниц с таблицами и рассуждениями, которые, несомненно, представляют ценность для каждого, кто попытается продолжить поиски толкования. Однако тех, кто надеялся увидеть перевод одной или всех дощечек, высокоученый отчет разочаровал.

В февральском номере журнала «Эмерикен антрополоджист»(149) за 1964 год специалисты по Пасхе Меллой, Шельсволд и Смит предложили Бартелю опубликовать перевод хотя бы одной дощечки; это позволило бы проверить его достоверность путем сопоставления со знаками на других дощечках. Советские исследователи ронго-ронго заявили, что «при изучении письменности острова Пасхи не следует отождествлять язык иероглифических дощечек с современным рапануйским диалектом, как это делает Т. Бартель».(150) Они сказали, что, несмотря на все усилия, пока еще никому не удалось расшифровать и прочесть текст ни одной из пасхальских дощечек.(151) Несомненно, Бартель, опытный дешифровщик, технически вполне корректно подошел к проблеме расшифровки ронго-ронго; возможно даже, что другого эффективного пути вообще нет. Но Бартель основывал свою теорию на предположении, что пасхальцы исторической поры, исполняя тексты ронго-ронго, знали смысл знаков, поэтому он щедро черпал из информации, полученной Жоссаном от Меторо.

Открытие «словарей ронго-ронго», составленных не Меторо, а другими пасхальцами, казалось бы, придавало больший вес словам Меторо, хотя Бак(152) и утверждал, что информация Меторо «явно сочинена на месте», а Метро(153) даже показал, как Меторо импровизировал свои песнопения. Для меня было очевидно: если пасхальцы, сообщившие сведения, которые содержатся в рукописях ронго-ронго, в самом деле владели унаследованным от предков письмом, я должен пересмотреть свое утверждение о том, что смысл письмен был забыт пасхальцами еще до прибытия европейцев(154), а Бак и его многочисленные последователи должны отказаться от своего заявления, что Меторо смошенничал, желая доставить удовольствие епископу.

Бартель основывал свою попытку толкования на принятой им за истину информации одного единственного островитянина (Меторо), известной по каталогу и неизданным запискам епископа, хранившимся в Гроттаферрата; естественно, что его заинтересовали и новые списки, обнаруженные у пасхальцев. Поэтому он был незамедлительно ознакомлен с

только что открытыми рукописями еще до отъезда на Пасху в 1957 году.

В 1958 году, изучив в Осло оригиналы, Бартель любезно написал небольшую статью по этому вопросу, вошедшую в качестве приложения А во второй том отчета Норвежской археологической экспедиции.

В 1962 году по согласованию с Академией наук СССР я привез оригиналы и фотокопии того же материала и представил их группе ленинградских исследователей. Итогом явились три статьи – Кнорозова, Федоровой и Кондратова, – включенные в тот же том в качестве приложений В, С и D.

Из названных статей явствует, что наиболее объемистые рукописи пасхальцев (рукописи А, С и E), в создании которых, как мы видели, участвовало несколько островитян, содержат мифы и предания, королевские родословные, календарные сведения, названия важных растений, текст, декламировавшийся в связи с дощечкой «Хе Тимо», и другие отрывочные рапануйские тексты, написанные латинскими буквами.

Во всех рукописях есть столбцы знаков ронго-ронго, переведенных на рапануйский язык, причем рапануйские слова написаны латинскими буквами. Некоторые, кроме того, содержат сгруппированные в горизонтальные строки знаки ронго-ронго без перевода. Федорова и Кондратов в своих статьях анализируют рапануйские тексты, написанные латинскими буквами. Однако к нашей теме относятся только страницы с письменами ронго-ронго, также рассмотренные Кондратовым.

В целом толкование большинства знаков в рукописях совпадает с толкованием Жоссана. Казалось бы, это повышает ценность каталога Жоссана. Однако не требуется глубокого анализа, чтобы понять причину совпадения. Первые шесть знаков ронго-ронго в каталоге Жоссана (см. Каталог Жоссана (кат.1), I) вместе с рапануйским переводом их повторяются в той же последовательности в (рукописи А). Хотя дальше в рукописи А появляются отклонения, поправки и вариации, ясно, что составитель опирался на труд Жоссана, он откровенно копировал его, даже не пытаясь это скрыть. Автор рукописи В, составляя первую страницу своего словаря ронго-ронго (см. рукописи В), лишь косвенно скопировал каталог Жоссана: он точно воспроизвел первую страницу (рукописи А).

Список ронго-ронго в рукописи С тоже без труда можно привязать к Жоссану: первая страница списка начинается пятью знаками, взятыми с другой страницы каталога Жоссана в той же последовательности, с одной разницей – улучшен рапануйский перевод и исправлены опечатки. Автор фрагментарного списка в рукописи D не копировал другие рукописи, но имел доступ к каталогу Жоссана, судя по добросовестно воспроизведенным из оригинала французским словам *Ciel* и *Soleil* (см. (рис. III) и (кат. 1), II). Другие примеры можно найти у Кондратова.(155) При дальнейшем изучении рукописей, очевидно, добавится еще что-то, но уже то, что бросается в глаза на первых страницах, позволяет сделать вывод: авторы рукописей знали предания, королевские родословные и даже декламировавшийся текст одной дощечки, но для передачи смысла отдельных знаков ронго-ронго островитяне были вынуждены обращаться к каталогу Жоссана.

Рапануйских ученых, например, Уре Вас Ику и Томепику, известных своим интересом к ронго-ронго (причем последний даже писал на бумаге ронго-ронго до прибытия Раутледж), не выручили ни их собственные познания, ни познания других островитян – пришлось искать ответа у епископа Таити.

Это подтверждают исторические свидетельства, приведенные выше: Уре Вае Ику, Томеника и их современники были уже взрослыми ко времени прибытия миссионеров и тем не менее оказывались беспомощными, когда их просили истолковать хотя бы один знак. Они просто декламировали тексты, то ли по памяти, то ли импровизируя, причем продолжали декламацию, если дощечка незаметно подменялась, даже исполняли три разных текста, когда им три воскресенья подряд предъявляли одну и ту же дощечку.

Каталог Жоссана был составлен им самим на основе долгих и невразумительных песнопений Меторо. Жоссан признает, что Меторо ни разу не объяснил ему смысл ни одного знака. Больше того, епископ был единственным среди первых исследователей, кто слепо

поверил тому, что исполнил пасхалец. И не подверг его испытанию, как это предложил сделать Крофт, чисто случайно обнаруживший, что его от начала до конца обманывал другой пасхалец, который, подобно Меторо, был отрекомендован своими соплеменниками в качестве человека, умеющего переводить письмена. Крофт и Жоссан одновременно предприняли свои попытки. Есть ли у нас особые основания полагать, что Меторо знал нечто такое, чего совсем не знали другие?

Если поближе взглянуть на биографию Меторо, выясняется, что его уникальные знания были им приобретены явно после отъезда на Таити. Не следует забывать, что и Меторо, и дощечки Жоссана еще находились на острове Пасхи, когда Зумбом собрал наиболее ученых островитян, чтобы получить перевод двух дощечек. Однако версии ученых островитян расходились, и было ясно установлено, что ни один из них не понимал письмен. Именно после этого случая Жоссан получил первую дощечку от Зумбома, а затем фирма Брандера стала вывозить пасхальцев на Таити.

Таким образом, Меторо либо не участвовал в устроенном Зумбом опросе, так как не считался в своей общине ученым, либо участвовал и, подобно остальным, провалился на этом экзамене. Если бы Меторо в самом деле был единственным на Пасхе знатоком ронгоронго ко времени прибытия миссионеров, он, несомненно, занимал бы видное место в пасхальском обществе. Им не могли бы совершенно пренебречь, как это было, например, когда Эйро, первый европейский поселенец на острове, докладывал своим начальникам, что никто из его прихожан не умеет читать и писать, хотя во всех домах хранятся дощечки и палки, покрытые «иероглифическими знаками».

Вспомним, что Меторо был в расцвете сил, что фирма Брандера привезла его на Таити как рабочего и отпустила к епископу только на две недели. Престарелых пасхальцев не вербовали, они остались на родном острове, где их опрашивали Салмон и Томсон. Один из тамошних стариков, как и двое молодых, уехавших на Таити, утверждал, будто понимает большинство знаков ронгоронго, и предъявленные ему фотокопии читал «от начала до конца без запинки».

Хотя его тексты были вразумительными и некоторые из них, вероятно, имели отношение к каким-то дощечкам, проверка показала, что и этот старик при чтении следил за письменами не больше, чем информатор Крофта. Так что искусство Меторо оказывается подозрительно уникальным.

Итак, мы стоим перед примечательным фактом: все предполагаемые тангата ронгоронго или маори были опрошены поселившимися на Пасхе миссионерами до того, как Брандер стал вербовать островитян. Все, кто вызвался прочесть ронгоронго, провалились, когда дело дошло до проверки в присутствии других.

Двое островитян, отправленных на Таити, опять-таки объявили, будто умеют читать ронгоронго. Им поверили, по одному не повезло: чисто случайно он был уличен как выдумщик и импровизатор. Второй, глядя на пять дощечек Жоссана, две недели декламировал бессмысленные тексты, притом настолько длинные, что их оказалось невозможно опубликовать и они не соизмерялись даже с исполнением многочисленных дощечек, которые читали па Пасхе во время ежегодных праздников ронгоронго.

Бак(156) пишет про декламацию Меторо: «...несмотря на то, что вся композиция преподносилась как песнопение, в ней не было связного смысла; очевидно, она была сымпровизирована на месте, чтобы удовлетворить желание белого человека услышать обрядовое пение по знакам на дощечке. Любой полинезиец умеет импровизировать. Я сам импровизировал песнопение для не понимавшей языка европейской аудитории, чтобы продлить песенный номер. Ни информатор епископа, ни я никого не собирались обманывать, нами руководило желание доставить удовольствие слушателям».

Жаль, что епископ не захотел проверить Меторо и не попросил его повторить исполнение, хотя Крофт(157) предупреждал его, что он тоже будет разочарован. Епископ Жоссан заслуживает чести называться спасителем материальных свидетельств единственного письма, обнаруженного в области обитания полинезийцев; понятное

стремление еще и расшифровать дощечки, очевидно, притупило критическое чутье Жоссана, сбитого с толку долгой декламацией Меторо.

Епископ заметил, что количество исполняемых слов, приходящихся на каждую строку, не соответствует числу знаков, но ловкое заявление Меторо о том, что большая часть слов не записана, поэтому их нельзя увидеть, исключало возможность проверки. И пришлось самому епископу, когда Меторо вернулся на свою работу, доискиваться связи между дощечками и нескончаемыми песнями Меторо. Чтобы расшифровать этот длинейший текст, Жоссан «отделял черточкой то, что относилось к отдельному знаку. Таким образом, в каждой строке оказалось столько же отделенных друг от друга групп слов, сколько было знаков в одной строке дощечки. Любой человек, не зная языка, при помощи точного отсчета мог поместить каждый знак над тем словом, которое передавало его смысл».(158) В исполненном Меторо тексте были десятки тысяч слов («больше двухсот страниц»), которые требовалось привязать к ограниченному количеству знаков ронго-ронго на пяти дощечках Жоссана. Поэтому у епископа были большие возможности в подборе знаков к словам, когда он составлял свой нашумевший каталог.

Метро(159) нашел тексты, которые он называет «мнимыми песнями, исполненными Меторо», в Музее Папе-эте; копии хранились в главной канцелярии конгрегации «Святого сердца» в Брен-ле-Комте. Он утверждает, что каталог Жоссана не представляет никакой ценности, так как «основан, скорее, на предполагаемом смысле, чем на изображенных знаках... Сравнивая текст с дощечкой, я обнаружил, что большинство исполненных строф представляли собой просто объяснения.

Например, глядя на изображение птицы, Меторо говорил: «птица летит» или «птица сидит», а на изображение головного убора – «к головному убору». Так что этот длинный текст представляет собой попросту описательный каталог. Удивительно, что простые объяснительные фразы, сымпровизированные им, Меторо пел. Однако тут нужно учесть, что петь легко, а Меторо знал, что с дощечками всегда было связано пение».

Свое открытие, что Меторо всего-навсего импровизировал, Метро(160) подтверждает примерами, воспроизводя двадцать один знак с дощечек и продекламированный рапануйский текст, а также английский перевод. Вот как (в передаче Метро) выглядят мнимые отрывки из «песни ронго-ронго»:

«(1) Он просверлен (2) он король (3) он пошел к воде (4) человек спит, опираясь на цветущий плод (5) столбы установлены (6) красный ямс растет (7) растение кава сломано (8) красный ямс растет (9) растение кава сломано (10) два человека пошли, все цело (11) вроде рыбы-иглы (12) и солнце (13) цветет (14) это нагрудное украшение (15) он пристал к берегу (16) это выросло перед ним (17) человек ушел (18) к твоему растению кава (19) а вот нагрудное украшение (20) очень маленький человек (21) вроде твоего растения кава».

Итак, Меторо всего лишь импровизировал на ходу бессвязное песнопение, объясняя своими словами, что напоминает ему начертание каждого знака. Или, как говорит Метро: «Сопоставление обрывочных фраз с символами показывает, что они представляют собой составленные наспех объяснения рисунков».(161) В ряде случаев сходство очевидно всякому, и Меторо нетрудно было оставаться последовательным, но многочисленные чисто условные знаки требовали немалой изобретательности и богатого воображения – качеств, которыми большинство пасхальцев наделено в достатке.

Меторо часто не мог вспомнить, что он сымпровизировал по поводу какого-нибудь абстрактного знака во время предыдущего чтения, поэтому мы видим много расхождений. Но разве не могло быть у одного знака двух и более различных смыслов? Или у различных знаков – одного и того же смысла? Словом, открывался безграничный простор для декламации, и читающий мог по своему произволу обогащать ее любыми словосочетаниями.

Когда я знакомился с неопубликованными записками Жоссана, хранившимися в Гроттаферрата под Римом, меня особенно интересовало, как Меторо интерпретировал зооморфный знак, который Жоссан в своем каталоге перевел словом «крыса» или «визжащий, как крыса» (IX, левый столбец, знак 2 или XII, левый столбец, знак 4*. Я

заметил, что изображенное животное наделено признаками кошачьих, которые утрачены в перерисовке Жоссана, но отчетливо видны в оригинальном знаке, скажем, на принадлежавших Жоссану дощечках Мамари и Кеити (названы по имени резчика) или на украшенном надписью реи миро в Британском музее. (* Далее для краткости всюду указано так: например (IX, слева, 2).) В оригинальном начертании у животного круглая голова со свирепо разинутой пастью, тонкая шея и сильно выгнутое кверху туловище, опирающееся на длинные согнутые ноги. Зная, что на Пасхе нет млекопитающих с такой пастью, Меторо не долго думая перевел этот знак как «тангата» (человек), когда встретил его впервые, и потом последовательно придерживался такого толкования на протяжении первой половины записей Жоссана.

Однако затем он, видимо, вспомнил о маленьком грызуне, которого, в отличие от полинезийской свиньи и собаки, знали его предки, и знак вдруг начинает переводиться как «киоре» (крыса). Дальше в записках этот знак бессистемно толкуется то как «человек», то как «крыса».

В своем каталоге Жоссан выбирает то значение, которое его устраивает. Так, толкование «крыса» стоит около группы из шести различных символов, которые оказались составителю крысами (III, справа, 2; IX, слева, 2; XII, слева, 4), и на всякий случай весьма сходное существо включено в группу из шести знаков, которые должны означать «человек» (I, слева, 9).

С одной стороны, как бывший зоолог, я хорошо знаю ползающую *Mus exulans*, с другой стороны, мне известно, как точно полинезийцы подмечают характерные черты животных, вот почему я беру на себя смелость утверждать, что творец этого зооморфного знака не подразумевал ни «крысу», ни «человека».

Каталог Жоссана (воспроизводимый на (кат. 1 – кат. 2), группы I-XII) показывает, что епископ позволял Меторо широко варьировать. Несколько примеров:

Девять различных знаков ронго-ронго истолкованы как «вай» – вода (III, справа, 1), хотя некоторые из них присутствуют в других местах каталога и переводятся как «вах» – рот (II, слева, 1), «те гое» – Млечный путь (II, слева, 11), «хага» – залив (III, слева, 10), «пуре»

– фарфор, посуда (V, слева, 3), а другие трудно было отличить на дощечках от некоторых письмен, толкуемых как «мата» – глаз (II, слева, 4), «мауга» – гора (II, справа, 7), «кана» – моллюск (V, слева, 5), «маго ниухи» – тюлень (V, справа, 2), «хуага» – плод (VI, слева, 6), «харе пюре» – святилище (VI, справа, 4), «хуки хоко ока» – лопата или пика (VI, справа, 9), «тога» – ряд домов (VII, слева, 3), «тино» – киль лодки (VII, слева, 4), «тахета вай» – бассейн (VII, слева, 6), «веро» – черта, копье (VII, справа, 1), «ваивай» – кайма (VII, справа, 7), «хуму и те вае» – татуировка на ногах (VII, справа, 12), «рима вере хенна» – возделывающая рука (VIII, справа, 12), «хенуа, коко кухни» – земля, устье (IX, слева, 8) или «ки то ио» – он дома (XII, слева, 10).

Целых тринадцать напоминающих начертанием рыбу знаков толкуются словом «ика», обозначающим рыб вообще (IV, справа, 1). Однако для разных видов рыб есть свои знаки; так, еще пять знаков, три из которых явно идентичны, означают «маго» – акула (IV, справа, 4), и есть еще один знак, обозначающий «акулу пожирающую» (XII, слева, 9).

Из пяти знаков, представляющих «хону» – черепаху (IV, справа, 6), один видим снова среди восьми различных знаков, толкуемых как «те арики» – король (I, слова, 7), и этот же знак в другом месте обозначает «хака-ганагана» – танцовщики (XI, справа, 2). Восемь совершенно различных замысловатых знаков прочтены одинаково – «те гое»

– млечный путь (II, слева, 11), и однако знак «Матарики» – Плеяды (II, слева, 9) – самого важного созвездия, по которому все полинезийцы определяли наступление Нового года, не отличишь от знака, переведенного в другом месте как «хенуа» – земля (II, справа, 1), а также как «те иноино» – светящееся, лучезарное (IX, справа, 5) и «нохо» – обитать (XI, слева, 10).

Такие важные слова, как «раа» – солнце (II, слева, 6), «хету» – звезда (II, слева, 7) и

«ахи» – огонь (III, слева, 5) изображены одним знаком, значит, пишущий не мог точно выразить, что подразумевал. Невозможно также различить «гару» – волна (III, слева, 9) и «уа» – дождь (III, слева, 1) и так далее. Очевидно, знаки напоминали Меторо и то, и другое... Легко заметить, как Меторо снова и снова нанизывал ряд самых различных знаков на одно и то же значение, тогда как более важные «ключевые» слова либо остались совсем без обозначения, либо обозначены знаком, который уже использовался в другом смысле.

Так, все, напоминающее растение с побегами, становится «руа тупу те ракау» – растение с побегами (VI, слева, 9); все, похожее на крючок, становится «хакату-роу» – рыболовные крючки (VII, слева, 10); все, напоминающее работающего человека, толкуется как «тагата хага» – работающий человек (XI, справа, 4) и так далее.

Хотя остались необозначенными многие важнейшие вещи, мы видим знаки, представляющие самые неожиданные понятия, лишь потому, что такую ассоциацию они вызвали у Меторо. Типичные примеры: «глаза ракообразного» (V, слева, 10), «он лечит, держа красный ямс» (VIII, справа, 4), «он любит своего отца» (XII, слева, 8) и такие знаки, как «человек с двумя головами» (XII, справа, 1), «птица с двумя головами» (XII, справа, 2), «птица с тремя глазами» (XII, справа, 4), «два рта» (XII, справа, 6), «рыба с двумя хвостами» (XII, справа, 8), «человек без головы» (XII, справа, 11) и так далее.

Один из знаков получил сложное толкование «куа оо те тере о те вака», вольно переведенное Жоссаном как «хорошо идущая лодка, человек, перья» – потому что все это напоминает начертание знака (XI, слева, 1). По той же причине другой знак истолкован как «марама, э те хету э те рима» – луна, звезда и рука (VIII, справа, 9), а третий – «мама хакатепа на» – разрезанное пополам ракообразное (IX, слева, 7).

Как было показано выше, из того, что в лексике, которую Меторо привязывал к ронго-ронго, отражены растения, известные только в срединной Полинезии, но не на Пасхе, выводят заключение, будто эта письменность родилась в собственно Полинезии.

Например, хотя на острове Пасхи не знали кавы, в каталог Жоссана вошло восемь различных знаков, обозначающих «каву» – имбирь (VI, слева, 3), и еще один с толкованием «куа хуа те кава» – цветущий имбирь (VI, слева, 4).

Другой пример: пока Меторо жил на Пасхе, он не видел кокосовой пальмы, тем не менее в каталоге Жоссана есть пять знаков «ниу» – кокосовая пальма (V, справа, 4).

Но можно ли сделать вывод, что кохау ронго-рошо было изобретено в сердце Полинезии? А может быть, Меторо под впечатлением таитянских пирушек с питьем кавы, а также повседневной работы на плантациях кокосовых пальм включил эти слова в свою песню, потому что успел с ними свыкнуться? Как восстановить пасхальскую старину, если Меторо толкует знак ронго-ронго (IX, слева, 12) как «е оо и тона пурега» – «он открывает фарфоровый сосуд»? В коротком каталоге Жоссана пять разных знаков переведены как «фарфор», «фарфоровая посуда» (V, слева, 3).

Можно возразить, что Жоссан допускал ошибки, произвольно разбивая текст Меторо на обороты, якобы передающие смысл отдельных знаков, и что в несуразницах виноват перевод Жоссана, что «пуре» означает скорее «моллюск», чем «фарфор», «ниу» – скорее «пальма», чем «кокосовая пальма», а «кава» следовало передать одним из его многочисленных рапануйских значений.

Нельзя только утверждать, что Меторо показал себя тангата ронго-ронго. Его ловкий способ чтения, при котором он между мнимо истолкованными письменами произвольно вставлял буквально тысячи отсутствовавших на дощечках слов, вырезанным на дощечках знакам придавал различное значение или одинаково толковал разные знаки, позволил ему декламировать сколько угодно, лишь бы его де попросили повторить песни. Импровизируя на ходу, Меторо оказался не в состоянии придумать связный сюжет или осмысленный текст. Даже сам Жоссан не пытался найти какой-либо смысл в его декламации. Анализ исторических источников и полных записок Жоссана показывает, что Меторо извлекал из письмен ронго-ронго не больше информации, чем извлек бы наугад любой человек, знакомый с местной фауной, флорой, символикой и верованиями. Современные попытки

извлечь осмысленное решение из этой придуманной системы и текстов могут привести куда угодно. К тому же пытаться найти в информации Меторо осмысленные сюжеты, которых сам он не заметил и не исполнил, – значит подвергнуть сомнению его способности в качестве тангата ронго-ронго.

РЕЗЮМЕ И ВЫВОДЫ

Испанцы, посетившие Пасху в 1770 году, сообщили, что у островитян есть «свое письмо» и что местных вождей уговорили «подписать» грамоту о присоединении. В 1864 году на острове поселился первый миссионер, который обнаружил во всех домах висающие под потолком письменные дощечки и палки. Как показывает сравнение, знаки, начертанные вождями, не принадлежали к письменности, запечатленной на сохранившихся дощечках. Отсюда можно было заключить, что либо на острове Пасхи существовали две различные системы письма, либо тогдашние вожди своими «подписями» подражали европейцам, так как не умели практически применять знаки, вырезанные на их собственных дощечках.

Вероятность второго варианта возросла, когда каждый из трех прибывших на Пасху миссионеров произвел проверку, показавшую, что, к кому бы из островитян ни обращались, никто не брался и не мог прочесть текст дощечек.

Позднее некоторые из молодых и уже обращенных в новую веру пасхальцев отправились на Таити в качестве рабочих, и когда тамошний епископ и мистер Крофт занялись исследованиями, двое из них сделали вид, будто умеют читать дощечки. Крофт разоблачил обман своего информатора, который в три разных воскресенья исполнил с одной и той же дощечки три разных текста.

Он предупредил епископа и посоветовал ему подвергнуть информатора такому же испытанию. Епископ обещал это сделать, но так и не выполнил своего обещания, вероятно, потому, что его красноречивый помощник все отведенное время занял исполнением бессмысленных нескончаемых песнопений. Епископ записал, но не стал публиковать, больше двухсот страниц бессвязных и отчасти невразумительных фраз, исполненных по пяти дощечкам.

Разбор показывает, что находчивый информатор епископа на ходу сочинял и импровизировал текст, попросту описывая, что ему напоминает начертание каждого знака. Затем епископ самостоятельно попытался подогнать и связать письмена и фразы друг с другом, он составил весьма произвольный каталог избранных знаков ронго-ронго с их предполагаемым значением на рапануйском и французском языках.

Пока двое молодых рабочих сочиняли свои тексты для епископа и мистера Крофта на Таити, оставшиеся на Пасхе престарелые островитяне декламировали Томсону и Салмону подлинные тексты предков, будто бы читая фотокопии дощечек епископа. Было установлено, что они знают тексты на память, так как при подмене дощечек продолжали декламировать по-прежнему. Они не могли прочесть ни одного символа или указать знак, соответствующий простейшему слову.

Тем не менее два пасхальских ученых независимо друг от друга исполнили почти идентичные тексты, которые помнили, потому что до прибытия миссионеров многократно слышали, как их читали знатоки, начиная с левого нижнего угла дощечки и переворачивая ее после каждой строки. Эти подлинные тексты, возможно, записанные совсем не на тех дощечках, которые были предложены испытуемым, оказались вполне осмысленными и были по объему соизмеримы с ограниченной площадью дощечек.

На вопрос первых исследователей, почему все либо декламируют по памяти, либо импровизируют, когда их просят прочесть свою собственную письменность, пасхальцы обычно отвечали, что всех грамотных островитян работоторговцы угнали в Перу в 1862 году. Это объяснение было принято епископом Жоссаном и впоследствии многократно приводилось в литературе как удовлетворительный ответ.

Однако нельзя забывать, что набег состоялся всего за два года до прибытия первого

миссионера, сразу отметившего, что никто не умеет читать, хотя в каждом доме есть письменные дощечки. И наверно, работоторговцы увезли пригодных для тяжелой работы на добыче гуано молодых людей и мужчин среднего возраста, оставив преимущественно стариков, среди которых, вероятно, были наиболее сведущие в грамоте люди.

Трудно поверить, чтобы ронго-ронго было известно только более молодым пасхальцам, которых угнали в рабство, а оставшиеся островитяне настолько прочно забыли искусство чтения дощечек, что уже через два года не могли истолковать ни одного знака ронго-ронго.

Скорее всего, подлинное знание письменности было утрачено на острове Пасхи давно, хотя внешняя сторона ритуала сохранилась (новые дощечки вырезали по образцу старых, пели тексты якобы по магическим надписям). Можно сказать, что островитяне, охотно декламировавшие тексты миссионерам, не были обманщиками, они знали, как применялись дощечки их соплеменниками, но им в голову не приходило, что в отдельных знаках заложено что-то еще, кроме известных песен.

Примечательно, что пасхальцы лишь очень смутно представляют себе, как связный текст разбивается на слова. Это можно наблюдать и в наши дни; это хорошо видно в рапануйских рукописях(162), где сплошь и рядом буквы в слове разделены пробелом, зато между словами не всегда есть пробел. Мысль о том, что ронго-ронго можно передавать словами, оказалась новой для островитян, когда европейцы затеяли первые проверки на этот счет.

Пасхальцы декламировали нараспев, не считаясь с отдельными знаками; причем одни исполняли тексты, которые читали по дощечкам сведущие чтецы, а другие, не знавшие наизусть таких текстов, в приличествующем случае монотонном ритме пели то, что им казалось содержанием знаков, например, – «птица с тремя глазами», «человек с двумя головами» и так далее.

Поскольку пасхальцы не могли разъяснить систему своих ронго-ронго и значение отдельных знаков, а на всех остальных островах Океании письменности не было, Бак и Метро выдвинули теорию, что кохау ронго-ронго – вообще не письменность. Первый считал, что речь идет о чисто церемониальных знаках религиозно-магического свойства, созданных во времена развития полинезийского ораторского жезла, второй видел в них несложное, художественно оформленное мнемоническое приспособление. Анализ, проведенный в последние годы независимо друг от друга Бартелем, Кнорозовым и другими, ясно показал, что количество символов, повторяемость знаков и иные признаки не оставляют сомнения: это письменность.

Первые исследователи получили кое-какие интересные сведения, когда расспрашивали старых пасхальских ученых о содержании и применении дощечек и о причине, почему островитяне не могут читать и писать хотя бы простейшие тексты. Пасхальцы все как один говорили, что смысл каждого знака неизвестен; никто из них не мог начертить символа, обозначающего, скажем, понятие «человек»(163), однако они старались объяснить почему.

Так старик Томеника сказал по поводу декламации текстов ронго-ронго, что «слова новые, а вот письмена старые»; Капиера заявил о знаках: «картинки те же, но слова другие». Иначе говоря, знаки на дощечках были вырезаны по подобию прежних, но с ними связывали теперь другие слова.

Это можно истолковать двояко. Либо островитяне обнаружили путаницу в отождествлении текстов и дощечек и поняли, что по древним знакам поют не те слова, либо язык, который был в обиходе, когда создавались знаки, подвергся какому-то изменению, меж тем как знаки остались неизменными. Вряд ли островитяне подразумевали первое, ведь старики уверяли, что могут связать показанную им дощечку с определенным рапануйским текстом. Уре Вае Ику обстоятельно разъяснил, что смысл знаков забыт, но дощечки опознают по верным признакам и их содержание знают на память. (Так можно узнать книгу на иностранном языке, не читая ее.) Возможность лингвистической эволюции или присутствия на дощечках субстрата ясно вытекает из заявления пасхальцев, что текст ронго-ронго, известный под названием «Хе тимо то ако-ако», в котором сами местные исполнители

понимали далеко не все, содержит «великие древние слова», а остальные слова – «малые».

Свидетельства в пользу такого варианта можно почерпнуть также в записях Томсона, которые он делал, когда старик Уре Вае Ику и Каите независимо друг от друга пели ему тексты ронго-ронго. В совершенно ясном рапануйском (точнее, рапануйско-гаитянском) тексте, исполненном к дощечке «Апай», вдруг появляется кусок на неизвестном языке, «ключ к которому давно утрачен». Энглерт сомневается, что удастся понять текст дощечек, даже если они будут расшифрованы. Нынешнее население Пасхи, говорящее на полинезийском диалекте, не поймет исконного рапануйского языка. Здесь можно текст дощечек сравнить с текстами песен, которые исполнялись пасхальцами во время ритуальной игры в веревочку. В свое время Энглерт начал было записывать эти тексты, но вскоре отказался от этого намерения, «потому что островитяне, заучившие эти песни со слов старых людей, не знали их содержания; а понимали только отдельные слова».

Опрашивая стариков, причем однажды при таком опросе присутствовало шестьдесят – семьдесят островитян, с интересом следивших за процедурой, Кнохе записал, что дощечки с письменами были изготовлены не нынешним населением, а более древними обитателями. Уже первые европейские исследователи услышали предания о том, что на остров пришли два разных народа с различной культурой и языком.(164) Согласно старинным преданиям, записанным Салмоном и Томсоном(165), письменные дощечки первоначально были привезены первым королем пришельцев Хоту Матуа, приплывшим с востока, то есть с той стороны, где лежит Южная Америка. Сподвижники короля доставили на остров шестьдесят четыре дощечки, которые старательно копировались последующими поколениями. Хинелилу, предводитель «длинноухих», прибывших с первой волной, «был человеком великого ума, и он писал ронго-ронго на бумаге, которую привез с собой».(166) Пасхальцы рассказали также, что даже в пору упадка, после истребления «длинноухих», строили особые школы, где избранных юношей обучали священному искусству чтения дощечек. Сам Хоту Матуа основал эти школы.(167) В отличие от обычных пасхальских домов и всех полинезийских построек, эти школы по традиции представляли собой круглые каменные строения с входом через коническую камышовую крышу. Археологи нашли на острове развалины таких строений – и точно такие же постройки были распространены на ближайшем на восток материке – в Южной Америке. В начале обучения использовали для письма не дерево, а банановые листья.

По словам пасхальцев, в ронго-ронго была заложена магическая сила и письмена играли важную роль в религиозных ритуалах, например во время обрядов посвящения и праздников равноденствия в селении Оронго, а также при похоронах королей. Раз в год король собирал учителей и учеников в Анакене, чтобы убедиться, что текст дощечек не забыт. Во время этого важного события, как и во время похорон королей, в землю по всей площадке втыкали приготовленные в большом количестве палки с перьями на конце.

Если отрицать, что в пасхальских преданиях о появлении письма на острове заложено зерно истины, возникает вопрос, как могла самостоятельно развиваться письменность в маленькой, крайне уединенной островной общине. Ведь все случаи изобретения и развития письма связаны с немногими крупными мировыми культурными центрами. Потребность в письме была на острове Пасхи ничуть не больше, чем в остальной Океании, и времени для местной эволюции ее было совсем немного, поскольку она уже была забыта, когда на Пасху впервые прибыли европейцы.

Изолированное положение маленькой пасхальской общины посреди океана между другими островами Полинезии и Южноамериканским континентом, а также отсутствие доевропейской письменности на далеких полинезийских архипелагах и на всей огромной площади Океании дальше на запад не только допускает, но и требует сопоставления удаленных друг от друга районов. Различные авторы указывали на четыре географические области, имеющие или имевшие письменность, в какой-то мере напоминающую пасхальское ронго-ронго. Это древняя Южная Америка и Панамский перешеек, расположенные соответственно в 2000 и 2700 милях на восток от Пасхи, Южный Китай, до которого больше

8000 миль на запад, и долина Инда на противоположном конце земного шара, до которой и на запад и на восток по прямой около 11 000 миль.

Если сравнения ради пренебречь огромным географическим, хронологическим и культурным разрывом между Индской долиной и островом Пасхи и попробовать найти отдельные элементы, сопоставимые с системой письма и обычаями, связанными с кохау ронго-ронго, мы увидим, что все аналогии рушатся по следующим причинам.

В древней письменности Южного Китая и особенно долины Инда, расположенных к западу от острова Пасхи, обнаружены знаки, по начертанию похожие на некоторые письмена ронго-ронго. Но этим сходство исчерпывается, так как ни китайская, ни индская системы не относятся к бустрофедону. К тому же нельзя установить, совпадает ли смысл немногочисленных схожих знаков. Справедливо отмечалось, что сходство касается начертаний, достаточно простых, чтобы их вполне могли изобрести дважды, тогда как в общем наборе письмен налицо весьма существенные различия.

К востоку от острова Пасхи протоисторическое и историческое рисуночное письмо Панамского полуострова и северной окраины Анд, как показало сравнение, содержит некоторые знаки, напоминающие письмена ронго-ронго. Беспристрастный наблюдатель Метро подчеркнул, что сходство с письменами индейцев куна и оджибва несколько не меньше, чем со знаками Южного Китая и Индской долины. Но и здесь мы лишены возможности проверить, совпадает ли смысл, а сходство знаков носит настолько общий характер, что речь опять-таки может идти о повторном самостоятельном изобретении. Правда, в области центров письменности Нового Света мы видим уже целый комплекс совпадений, возможно, указывающий на более близкое родство.

Так, панамские индейцы куна даже в историческое время писали бустрофедоном и на деревянных дощечках, как на острове Пасхи. Дощечки развешивали в домах во время празднеств (им придавалось магическое значение), и тексты надписей читала нараспев.

Сходство с обычаями Пасхи проявлялось и в том, что письменные дощечки куна играли важную роль во время похорон; в погребальном обряде использовались палки с перьями; наконец, перья и нитки перьев изображались как в рисуночном письме куна, так и в пасхальском ронго-ронго.

Очевидно, что более примитивные куна вряд ли изобрели свое письмо независимо от имевших письменность и пиктографию центров высокой культуры по обе стороны узкого перешейка. Как и пасхальцы, куна исторической поры не умели читать; глядя на унаследованные от предков знаки на письменных дощечках они пели древние тексты, которые знали на память. Согласно преданиям, эта система представляла собой рудиментарный пережиток старого письма, которое было несравненно лучше.

Есть данные, что примитивное письмо, сходное с письмом куна, сохранилось до наших времен в северной части Анд, где им пользовались мотилоне, декламируя послания. Материал из Центральных Анд содержит сообщения историков, протоисторические предания и примеры рисуночного письма, которое применялось индейцами аймара и кечуа в районе Титикаки и после европейского вторжения.

По данным ранних хронистов, история и легенды инков были написаны на особых досках, имевших значение современных книг и читавшихся посвященными амаута. Инки хранили эти доски в священном месте, которое испанцы сравнивали с европейской библиотекой. Если первые европейцы сообщили только, что для записи преданий служили доски, а для передачи вестей использовали крашенные жезлы, то амаута утверждали, что раньше было еще другое письмо на банановых листьях, но исконные древние знаки вышли из обихода и были забыты во время войн, предшествовавших воцарению первого Инки.

Недостаточность конкретного материала, ограниченного общими ссылками и примерами позднего происхождения, не позволяет проводить сопоставления ни с Панамой, ни с островом Пасхи. Однако идеограммы и символы на археологических памятниках религиозного искусства Перу, а именно в древнем культовом центре района Титикаки, содержат все основные элементы знаков ронго-ронго.

Так, рельефный идеографический орнамент на воротах Солнца в Тиауанако состоит из шестнадцати основных элементов, которые характерны для пасхальского ронго-ронго. Среди них группы птичеловеков, человек, держащий церемониальный жезл, двухголовая птица с изогнутым клювом, животное из кошачьих, рыба, солнечный символ, орнамент из перьев, серповидное нагрудное украшение, «плачущий глаз», длинное ухо и трехпалая рука, которой наделены все фигуры.

Но всего примечательнее недавно установленный факт, что система письма перевернутым бустрофедоном обнаружена во всем мире только в двух местах: на острове Пасхи и в области Тиауанако.

Мне сдается, что система письма бустрофедоном на деревянных дощечках раньше была шире распространена в Центральной и Южной Америке. Дощечками пользовались во время торжественных церемоний. Идея такого письма распространилась до Панамы и Перу и достигла близлежащего острова Пасхи. Изолированность острова помогла письменности сохраниться в этой своеобразной уединенной общине, хотя из-за частых войн и языковых изменений способ чтения был забыт.

Поразительные этнографические аналогии применению кохау ронго-ронго наблюдались у куна, где до протоисторических и исторических времен сохранялись основные обряды, связанные с дощечками. Что касается магии и художественных идей, воплощенных в начертании знаков, а также такой особенности, как уникальная система перевернутого бустрофедона, то их распространение ограничилось двумя сопредельными районами восточной окраины Тихого океана: древним Перу и островом Пасхи. (XII)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Заселение Полинезии Anell, 1955; de Bisschop, 1939; Buck, 1938; Campbell, 1897/98; Deniker, 1900; Dixon, 1933; Graydon, 1952; Heyerdahl, 1952a; Hill-Tout, 1898; Mourant, 1954; Simmons etc., 1955; Sullivan, 1923; Wallace, 1870; Williamson, 1939

Возможные океанские пути в Америку и из Америки до Колумба de Bisschop, 1939; de Candolle, 1884; Greenman, 1963; Merrill, 1930. 1931, 1946, 1950, 1954

Культурные растения – доказательство доколумбовых контактов с Америкой 1 de Candolle, 1884, s. 461 2 Merrill. 1937, s. 282 3 Merrill, 1946, s. 344 4 Merrill, 1954 6 de Candolle, 1884, s. 433 6 Guppy, 1906, s. 413 7 Merrill, 1954, s. 195, 267 8 Nordenskiöld, 1931, s. 269 9 Buck, 1938a, s. 315 10 Buck, 1945 11 Eames und St. John, 1943, s. 256 12 Merrill, 1950, s. 9 13 Merrill, 1954, s. 255 14 Stevenson, 1825; Wittmack, 1890, s. 340; Harms, 1922, s. 166 15 Rochebrune, 1879, s. 346, 348 16 Merrill, 1954, s. 278 17 Hutchinson, Silow und Stephens, 1947, s. 79 18 Sauer, 1950, s. 537 19 Carter, 1950, s. 169 20 Merrill, 1954, s. 338 21 Merrill. 1954. s. 190, 242 22 Skottsberg, 1934, s. 278 23 Skottsberg, 1956, s. 193 bis 438, bes. s. 407, 412; 1957 24 Thomson, 1889, s. 456 25 Bertoni, 1919, s. 280 26 Brown, 1931, s. 137 27 Degener, 1930, s. 88 28 Bryan, 1935, s. 67 29 Hillebrand, 1888, s. 14 30 Carter, 1950, s. 173 31 Prain, 1895, s. 325 32 Fedde, 1909, s. 280 33 Stokes, 1932, s. 599 34 Yacovleff und Herrera. 1935 35 Carter, 1950, s. 172, 179 36 Zum Folgenden: Brown, 1935, s. 190, 49, 79, 336 37 Baker, 1893, s. 192 38 O. F. Cook, 1903, s. 490 39 Clausen, 1944, s. 29 40 Yacovleff und Herrera, 1934 41 O. F. Cook, 1903, s. 483, 496 42 Guppy, 1906, s. 413 43 Steward, 1949 44 Sauer, 1950, s. 513 45 Carter, 1950, s. 165 46 Brown, 1931, s. 153 47 Jakeman, 1950 48 Brown, 1935, s. 174 49 O. P. Cook und R. C. Cook, 1918, s. 156, 169 50 Merrill, 1920, s. 195 51 Carter, 1950, s. 164, 181 52 Kornicke, 1885, s. 136 53 Wittmack, 1880, s. 176 54 Sauer, 1950, s. 502 55 Stonor und Anderson, 1949, s. 392 56 Whitaker und Bird, 1949 57 Sauer, 1950, s. 499 68 Merrill, 1950, s. 9

Роль инкских преданий для испанцев, открывших Полинезию и Меланезию 1 Amherst und Thomson, 1901, vol. 1, s. XVII 2 Las Casas, (1559), 1876, s. 78, 79 3 Lizarraga, (1560 bis 1602), 1946, s. 32, 33 4 Saamanos, (1526), 1844, s. 196 5 Andagoya, (1541 bis 1546), 1865, s. 36 6 Oviedo, (1535 bis 1548), 1855, bd. 4. bk. 46, kap. XVII 7 Cobo, (1653), 1890 bis 1895, bk. 12, kap. 32 8 Garcilasso, (1609), 1869 bis 1871, vol. 1, bk. 3, kap. 16 9 Sarmiento, (1572). 1907, s. 135 10

Balboa, (1576 bis 1586), Mss. s. 501 11 Balboa, (1568), 1840, kap. VII, s. 81 12 Betanzos, (1551), 1880, kap. 3 13 Sarmiento, (1572), 1907, s. 32, 186 14 Balboa, (1576 bis 1586), Mss.

15 Stevenson, 1625, bd. 1, s. 394 16 Oliva, (1631), 1910, s. 325 17 Acosta, 1590, s. 56 18 Heyerdahl, 1952a, s. 550 bis 555, 1957; Eisleb, 1963 19 Amherst und Thomson, 1901, bd. 2, s. 463 bis 468 20 Aguera, 1770, s. 109 21 Amherst und Thomson, 1901, bd. 2, s. IV bis VI 22 Gonzales, (1770), 1908, s. XLIV 23 Amherst und Thomson, 1901, bd. 1, s. 6, 7, 83 bis 85, 97, 98, 161, 162, 217, 218, 461 24 Christian, 1924, s. 525 25 Rivet, 1928, s. 583, 603; 1943, s. 124 26 Buck, 1938, s. 22, 453 27 Ferdon, 1961, s. 254 28 Heyerdahl und Skjolsvold, 1956; Heyerdahl, 1961 29 Beechey, 1831, I, s. 186 bis 188

Бальсовый плот и роль гуар в аборигенном мореходстве Южной Америки 1 Heyerdahl, 1941a 2 Hutchinson, 1875, s. 426, 454 3 Lothrop, 1932 4 Means, 1942 5 Hornell, 1945 6 Saamanos, 1844 7 Saamanos, 1844, s. 196 8 P. Pizarro, 1884 9 Las Casas, 1876, s. 78, 79 10 Oviedo, 1855; Andagoya, 1865; Zarate, 1700 11 Garcilasso, (1609), 1869 bis 1871, kap. 16 12 Benzoni, 1857 13 Garcilasso, 1869 bis 1871, s. 261 14 Lizarraaga, 1946, s. 32, 33 15 Cobo, 1890 bis 1895, s. 218 16 Spilbergen, 1619 17 Juan und Ulloa, 1748, vol. 1, s. 189 18 Lescallier, 1741, s. 458 bis 463 19 Charnock, 1801, s. 12 20 Humboldt, 1816; Stevenson, 1825, s. 223 21 Paris, 1841 bis 1843 22 Skogman, 1852 23 Lothrop, 1932, s. 240 24 Bennett, 1954, fig. 89, 90 25 Uhle, 1922, s. 49 26 Nordenskiold, 1931, s. 265 27 Valverde, 1879, s. 179 28 Lothrop, 1932, s. 238 29 Byam, 1850, s. 200 30 Means, 1942, s. 240 31 Dixon, 1934 32 Emory, 1933, s. 48 33 Emory, 1942, s. 129 34 Morgan, 1946, s. 80 35 Buck, 1945, s. 11 36 Weckler, 1943, s. 35

Раскопки на Галапагосских островах 1 Byam, 1850; v. Hagen, 1949; Heyerdahl und Skjolsvold, 1956; Hornell, 1946; Hutchinson, 1875; Juan und Ulloa, 1748; Lothrop, 1932; Sharp, 1680; Skogman, 1854

Остров Кокос – база доиспанского индейского судоходства?

1 Chubb, 1933, s. 25 bis 30 2 Dampier, 1729, bd. 1, s. 111 3 Wafer, 1699, s. 379 bis 381 4 de Candolle, 1884, s. 435 5 Oviedo, 1535 bis 1548; Kerchove, 1878, s. 147 6 de Candolle, 1884, s. 429 bis 435 7 Berry, 1926, s. 184 8 Heyerdahl, 1952a, s. 453 bis 468 9 O. F. Cook, 1910 bis 1912, s. 293, 304, 318, 340 10 Hill, 1929, s. 151 11 Sauer, 1950, s. 524 12 Merrill, 1920, 1930, 1946 usw.; 1954, s. 190, 195, 267 13 Porter, 1815, bd. 2, s. 139 14 Stewart, (1832, s. 177), Amerikanischer Kapitän, berichtet, jene atua, die die Kokosnu? nach den Marquesas brachten, hatten den Ozean auf einem «Steinkanu» überquert. N. A. Rowe (persönliche Mitteilung am 16.4.1950) stellt fest, daß diese merkwürdige Nachricht erstmals in dem handgeschriebenen Tagebuch des frühen Missionars William Pascoe Crook festgehalten wurde, der 1797 bis 1798 auf den Marquesas arbeitete, und er fügt in bezug dieses obskure Wasserfahrzeug hinzu: «Jahrelang habe ich mich gefragt, was das hei?en konnte, aber jetzt sehe ich natürlich, daß es sich um den Hinweis auf ein Flo? oder pae-pae handelt. Pae-pae kann auch eine steinerne Plattform sein, daher die Venvirrung.»

15 Chubb, 1933, s. 26 16 Alfaro, 1898, s. 33 17 Pors. Information von Dr. Doris Stone, 17. 3. 1965 18 Mundl. Information 19 Coe, 1960, s. 384 bis 386, 390 und folgende Seiten 20 Heyerdahl und Skjolsvold, 1956 21 Lothrop, 1932; Heyerdahl, 1958; Eisleb, 1963

Статуи острова Пасхи – проблема и итоги 1 Buck, 1938a, 1938b, 1945; J. Cook, 1777; Englert, 1948; Ferdon, 1965; Gonzales, 1770/71; Heyerdahl, 1957a, 1961; Knoche, 1912, 1925; Kotzebue, 1821; Lavachery, 1935; Lisjanskij, 1812; Metraux, 1940; Mulloy, 1961; du Petit-Thouars, 1841; La Perouse, 1797 (1908); Roggeveen, 1722 (1908); Routledge, 1919; Skjolsvold, 1961, 1965; Skottsberg, 1920; Smith, 1961; Thomson, 1889

Полинезийские и неполинезийские элементы на острове Пасхи 1 Heyerdahl, Ferdon et al., 1961 2 Behrens, 1722, s. 134, 136; Aguera, 1770, s. 96 3 J. Cook, 1777, vol. II, s. 296 4 vgl. die Originalübersetzungen, gesammelt bei Heyerdahl 1961, s. 33 bis 43 5 Thomson, 1889, s. 532 6 Knoche, 1912, s. 876, 877; 1925, s. 309 bis 312 7 Markhams, 1870 8 Balfour, 1917, s. 377, 378 9 Haddon, 1918, s. 161, 162 10 Routledge, 1919, s. 221, 295 bis 299 11 Shapiro, 1940, s. 24 bis 30 12 Metraux, 1940, s. 414, 415 13 Lavachery, 1935, s. 324, 325; 1936, s. 393 14 Heyerdahl, 1941b, s. 18, 21, 22 15 Englert, 1948, s. 88, 101, 156, 157 16 Englert, 1948, s. 121, 122 17 Aguera, 1770, s. 109, 110 18 Ross, 1936 19 Metraux, 1940, s. 31 20 Englert, 1948, s. 139 bis 147; Siehe auch

Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 30, 39, 40 21 J. Cook, 1777, vol. I, s. 290; Forster, 1777, vol. I, s. 564, 584, 585 22 Smith, 1961, s. 385 bis 391 23 J. Cook, 1777, vol. II, s. 364 24 Forster, 1778, s. 284 25 J. Cook, 1777, vol. I, s. 278 26 Roussel, 1908 27 Palmer, 1870, s. 109 28 Pinart, 1878a, s. 238 29 Churchill, 1912, s. 5 30 Bergsland und Vogt, 1962; Englert, 1948, s. 327 31 Metraux, 1940, s. 309 32 Metraux, 1940, s. 315 33 Geiseler, 1883, s. 131; Ferdon, 1961, s. 250 bis 253 34 Ferdon, 1961, s. 250 bis 254 35 Roggeveen, 1722, s. 15; Rehrens, 1722, a. 133; Ferdon, 1961, s. 534 36 Ferdon, 1961, s. 534 37 Metraux, 1940, s. 340, 341 38 Ferdon, 1961, s. 534 39 Heyerdahl, 1952a, s. 579 bis 582. pi. 80 40 Heyerdahl, 1952a, pl. 81, fig. 588 41 Skottsberg, 1956, s. 497, 412; 1957 s. 3 42 Ferdon, 1961, s. 535 43 Heyerdahl, 1952a, s. 583 44 Thomson, 1889, pl. 23; Routledge, 1919, fig. 105; Ferdon, 1961, fig. 65, s. 535 45 Heyerdahl, 1952a, pl. 82 46 Thomson, 1889, s. 481, 482 47 Heyerdahl, 1952a, s. 505, 506 48 Jaussen, 1894, s. 261 49 Ferdon, 1961, s. 534; Heyerdahl, 1961, s. 497 bis 502, 328 50 Buck, 1938a, s. 232 51 Smith, 1961, s. 217, 218; Heyerdahl, 1961, s. 507 52 Skjolsvold, 1961, s. 360 bis 362; Heyerdahl, 1961, s. 462 bis 469, 502 bis 512 53 Mulloy, 1961, s. 100, 128, 130, 133 bis 135 54 Ferdon, 1961, s. 535 55 Geiseler, 1883, s. 30, 31; Ferdon, 1961, s. 381 bis 383, fig. 12b 56 Ferdon, 1961, s. 329 bis 338 57 Skjolsvold, 1961, s. 295 bis 303; Ferdon, 1961, s. 305 bis 311 58 Ferdon, 1961, s. 338; Bruyne, 1963 59 Thomson, 1889, s. 486; Ferdon, 1961, s. 329 bis 331 60 Mulloy, 1961, s. 138 bis 145; Smith, 1961, s. 287 bis 289; Skjolsvold, 1961, s. 291 bis 293 61 Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 449, 450, pl. 80 a-d 62 Izumi und Sono, 1963, pl. 24 63 Smith, 1961, s. 270, 271; Mulloy, 1961, s. 151 bis 153; Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 398 bis 400, 481, 482 64 Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 415 bis 438, 485 bis 487 65 Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 448, 484, 485 66 Metraux, 1940, s. 215 67 Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 412, 413, 484; Izumi und Sono, 1963, pl. 101b 5, 102b 6, 164 68 Metraux, 1940, s. 201 69 Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 438 bis 448, 487, 488

Историческое население острова Пасхи и письменность ронго-ронго 1 Knorozov, 1964a, s. 4 2 Fedorova, 1964, s. 1, 7 3 Corney, 1908, s. 47 bis 49 4 Aguera, 1770, s. 104 5 Routledge, 1919, fig. 102; Ferdon, 1961, fig. 65 usw, 6 Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 68 bis 71 7 Roussel, 1869, s. 464 8 Zumbohm, 1880, s. 232, 233 9 Jaussen, 1893, s. 12 bis 17 10 Jaussen, 1893, s. 17, 18 11 Croft, 1874, s. 318 bis 320 12 Englert, 1948, s. 317, 318 13 Heyerdahl, Berichte der Norwegischen Archaologischen Expedition, bd. III, in Vorbereitung 14 Dr. Y. Nielsen hat das Vorkommen in dem Katalog des Osloer Universitätsmuseum festgehalten: «Historisk Oversikt over Universitetets Ethnografiske Samlinger, 1857-1907»

15 Palmer, 1875, s. 289 bis 291 16 Ferdon, 1961, s. 221, 244 17 Pinart, 1878a, s. 239 18 Meinecke, 1871 19 Bastian, 1872a, 1872b 20 Geiseler, 1883, s. 23, 24 21 Thomson, 1889, s. 514 bis 517 22 Routledge, 1919, s. 207 23 Thomson, 1889, s. 519 24 Thomson, 1889, s. 516 25 Macmillan Brown, 1924, s. 90 26 Routledge, 1919, s. 247, 248 27 Thomson, 1889, s. 517 bis 526 28 Alazard, 1908, s. 8 29 Alazard, 1908 30 de Harlez, 1896 31 Knoche, 1925, s. 242, 243 32 Knoche, 1925, s. 243 33 Knoche, 1925, s. 228, 239, 243, 298, 299 34 Routledge, 1919, s. 211 35 Routledge, 1919, s. 213 36 Routledge, 1919, s. 243 bis 254 37 Routledge, 1919, s. 252, 253 38 Routledge, 1919, s. 273, 274 39 Metraux, 1940, s. 398. 399 40 Metraux, 1940, s. 398, 399 41 Metraux, 1940, s. 399 42 Lavachery, 1934, s. 67 bis 71 43 Metraux, 1940, s. 392 44 Metraux, 1940, s. 404, 405 45 Metraux, 1940, s. 403 46 Metraux, 1940, s. 405 47 Metraux, 1940, s. 403, 404 48 Englert, 1948, s. 318 49 Englert, 1948, s. 322 50 Englert, 1948, s. 222, 316, 317 51 Skjolsvold, 1961, rp. 9; Ferdon, 1961, rp. 10, 13 52 Englert, 1948, s. 323 53 Barthel, 1965, rp. 16, Appendix A 54 Ferdon, 1958, s. 146, 147 55 Wiedergabe aller Photographien bei Heyerdahl und Ferdon, 1965, fig. 96 bis 136 56 Barthel, 1965, rp. 16, Appendix A 57 Englert, pers. Mitteilung v. 15.1.1965 58 Englert, pers. Mitteilung, v. 15.1.1965 59 Thomson, 1889, s. 514 bis 516 60 Routledge, 1919, fig. 83 61 Englert, pers. Mitteilung, v. 15.1.1965 62 Englert, 1948, s. 322 63 Heyerdahl, 1957a, kap. 9 64 Heyerdahl, 1957a, kap. 9 65 Kondratov, 1965, rp. 16, Appendix D 65a Englert, pers. Mitteilung, v. 15.1.1965 66 Heyerdahl und Ferdon, 1965, fig. 172 bis 188 67 Barthel, 1965, rp. 16, Appendix A 68 Englert, 1948, s. 55 69 Englert, 1948, s. 55 70 Barthel, 1965, rp. 16, Appendix A 71 Routledge, 1919, s. 214 72 vgl. Heyerdahl und Ferdon 1965, fig. 189 bis 191 73 Barthel, 1965, rp. 16, Appendix A 74 Kondratov, 1965, rp. 16, Appendix D 75 Butinov und Knorozov, 1957; Knorozov,

Fedorova und Kondratov, 1965, rp. 16, Appendices B, C, D 76 Barthel, 1965, rp. Appendix A 77 Rarthel, pers. Mitteilung, v. 21.3.65 78 Puelma, pers. Mitteilungen, v. 26. 4 und 2. 6. 1965 79 Puelma, pers. Mitteilungen, v. 26. 4 und 2. 6. 1965 80 Puelma, pers. Mitteilung, v. 14. 5. 1965 81 Puelma, pers. Mitteilungen, v. 4. 7. 1962; 18. 11. 1963; 9. 9. 1964 82 Puelma, pers. Mitteilung, v. 9. 9. 1964 83 Thomson, 1889, s. 526 bis 532 84 Puelma, pers. Mitteilung, v. 9. 9. 1964 85 Barthel, 1960, s. 236, 237 86 Fedorova, 1965, rp. 16, Appendix C 87 Eine Probeseite von Puelmas Pakarati-Manuskript wird von Heyerdahl und Ferdon, 1965, fig. 192, wiedergegeben um zu zeigen, da? die Handschrift desselben Schreibers auf bestimmten Seiten von mehr als einem Manuskript wiederzukehren scheint 88 Metraux, 1940, s. 399 89 Englprt, pers. Mitteilung, v 15. 1. 1965 90 Kondratov, 1965, rp. 16. Appendix D 81 Kondratov, 1965, rp. 16, Appendix D 92 Ekblom, pers. Mitteilung, v. 24. 5. 1965 92a Konigswald, 1951 93 Buck, 1938a, s. 237, 238 94 Melraux, 1940, s. 403 bis 405 95 Metraux, 1940, s. 399 96 Metraux, 1940, s. 404 97 Metraux, 1957, s. 206, 207, Mundl, Mitteilung 98 Emory, 1963, s. 567 98a Hornbostel, 1930 99 Buck, 1938a, s. 235, 236 100 Metraux, 1938, s. 219, 235, 238 101 Linne, 1938, s. 169 102 Nordenskiold, 1928, s. 13 bis 21 103 Oviedo, 1535 bis 1548, vol. 4, s. 36 104 Heine-Geldern, 1938, s. 883 bis 892 105 Nordenskiold, 1928, s. 17 106 Hornbostel, 1930, s. 953 107 Heine-Geldern, 1938, s. 884, 885 108 Crucent, pers. Mitteilung, v. 13. 5. 1950 109 Heine-Geldern. 1950, s. 352 110 Pachacuti, 1620, s. 291 111 Bennett, 1949, s. 613 112 Sarmiento, 1572, s. 200 113 Bandelier, 1910, s. 313 114 Molina, 1570 bis 1584, s. 4 115 Montesinos, 1642 116 Montesinos, 1642, s. 18 117 Montesinos, 1642, s. 32 118 Montesinos, 1642, s. 58, 62 119 Ibarra Grasso, 1948, s. 9 bis 124 120 Ibarra Grasso, 1948, s. 117 121 Knorozov, 1964b, s. 4 122 Heyerdahl, 1952a, s. 638 bis 642 123 Schuster, mundl. Mitteilung 124 Heyerdahl, 1952a, pl. 82, 1 125 Barthel, 1958b, s. 327 126 Heyerdahl, 1952a, s. 140 127 Heyerdahl, 1952a, pl. 82, 1 bis 3 128 Heyerdahl, 1952a, pl. 812, fig. s. 588 129 Jaussen, 1893, s. 9 130 Jaussen, 1893, s. 27 131 Ferdon, 1961, s. 535 132 Thomson, 1889, s. 481, 482, Abb. 7, 8 133 Ferdon, 1961, s. 254 134 Ferdon, 1961, s. 221; Heyerdahl, 1961, s. 513, 514 135 Barthel, 1958b, s. 298 bis 300 136 Bandelier, 1910, s. 304, 305 137 Ferdon, 1961, pl. 30c 138 Lavachery, 1939, pt. 2, pl. 23, 30, 32; Ferdon, 1961, s. 236, 255, 535, fig. 65b, f, pl. 29c 139 Thomson, 1889, s. 537, 538 140 Barthel, 1958b, s. 40 141 Carroll, 1892, s. 103 bis 106, 233 bis 253 142 Thomson, 1889, s. 526 bis 532 143 Churchill, 1912, s. 4 144 Barthel, 1955 145 Scientific American, vol. 198, no. 6, 1958 146 Barthel, 1955, s. 66 bis 68 147 Barthel, 1958b, s. 65 148 Barthel, 1958b 149 American Anthropologist, Febr. 1964, Bd. 66, s. 148, 149 150 Fedorova, 1964, s. 7 151 Knorozov, 1964a, s. 4; Fedorova, 1964, s. 1; Kondratov, 1965, rp. 16, Appendix D 152 Buck, 1938a, s. 237 153 Metraux, 1940, s. 397 154 Heyerdahl, 1952a, s. 625 155 Kondratov, 1965, rp. 16, Appendix D 156 Buck, 1938a, s. 237 157 Croft 1874, s. 320 158 Jaussen, 1893, s. 15 159 Metraux, 1940, s. 394, 396, 397 160 Metraux, 1940, s. 397 161 Metraux, 1940 162 Heyerdahl und Ferdon, 1965, fig. 96 bis 191 163 Routledge, 1919, s. 252 164 Heyerdahl und Ferdon, 1961, s 33 bis 43 165 Thomson, 1889, s. 533 166 Routledge, 1919, s. 279 167 Metraux, 1940, s. 394

ЛИТЕРАТУРА

- Acosta J. de. Historia natural y moral de las Indias en que se tratan las cosas... Sevilla, 1590 (engl. Übersetzung, London, 1604).
- Aguera y Infanzon F.A. de. Journal of the Principal Occurrences During the Voyage of the Frigate «Santa Rosalia» in the Year 1770. Hakluyt Soc., ser. 2, Nr. 13, 1908.
- Alazard I. Introduction to Roussel. In: Roussel, 1908, s. 1-9.
- Alfaro A. Memoria de la Secretaria de Fomento, 24 de junio de 1898. In: Reproducciones Cientificas, una expediti?n de la Isla del Coco. Institute Geogr?fico de Costa Rica. San Jose, 1963.
- Amherst und Thomson B. Introduction and Notes to: The Discovery of the Solomon Islands by Alvaro de Mendana in 1568. Hakluyt Soc., ser. 2, Nr. 7, London, 1901.
- Andagoya P. De. Narrative of the Proceedings of Pedrarias Davila... 1541-46. Hakluyt Soc., Bd 34, 1865.
- Anell B. Contribution to the History of Fishing in the Southern Seas. Studia Ethnographica

Uspaliensia, 9, Uppsala, 1955.

Baker J. G. A Synopsis of the Genera and Species of Museae. Ann. Bot., VII, London, 1893.

Balboa M. C. de. Miscellanea antarctica. Mss, in der New York Public Library, von dem heute verlorenen Original zwischen 1700-25 kopiert, o. J.

– Histoire du Perou. 1586. In: Ternaux-Compans: Voyages, Relations et Memoires originaux pour servir a l'histoire de la decouverte de l'Amerique. Paris, 1840.

Balfour H. Some Ethnological Suggestions in Regard to Easter Island, or Rapanui. Folk-Lore, Bd 28, s. 356-381, London, 1917.

Bandelier A. F. The Islands of Titicaca and Koati. New York, 1910.

Barthel T.S. Die Entzifferung der Osterinselschrift. Die Umschau, H. 12, s. 360-362, Frankfurt/Main, 1955.

– The «Talking Boards» of Easter Island. Scientific American, Bd 198, Nr 6, s. 61-68, New York, 1958a.

– Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift. Hamburg, 1958b.

– Wer waren die ersten Siedler auf der Osterinsel? Ethnologica, N. F., Bd 2, Koln, 1960.

– Native Documents from Easter Island. Appendix A zu Report 16 in: Heyerdahl und Ferdon. 1965.

Bastian A. Bemerkungen zu den Holztafeln von Rapa-nui. Zs. Ges. f. Erdkunde, Bd 7, s. 81-89, Berlin, 1872a.

– Über die auf der Osterinsel aufgefundenen Zeichentafeln. Verhandlungen d. Berliner Ges. f. Anthropologie..., Bd 4, s. 44, Berlin, 1872b.

Beechey F. W. Narrative of a Voyage to the Pacific and Bering's Strait... in the Years 1825-28. 2 Bde. London, 1831.

Behrens C.F. Der wohlversuchte Sud-Lander, das ist: ausführliche Reise-Beschreibung um die Welt. 1722. Übersetzung ins Engl.: Hakluyt Society, ser. 2, Nr 13, Cambridge, 1908.

Bennett W.C. Mnemonic and Recording Devices. Handbook of South American Indians, Bd 5. Smithsonian Inst. Bur. Am. Ethn., Bull. 143. Washington, D. C., 1949.

– Ancient Arts of the Andes. New York, 1954.

Benzoni G. La Historia del Mundo Nuevo. Venedig 1565 (ins Engl. übersetzt von W.H. Smyth: History of the New World). Hakluyt Soc., Nr 21, London, 1857.

Bergsland K. und Vogt H. On the Validity of Glottochronology. Current Anthropology, Bd 3, Nr 2, s. 115-153, Chicago, 1962.

Berry E.W. Cocos and Phymatocaryon in the Pliocene of New Zealand. Am. J. Sci., Bd 5, Nr 12, New Haven, Conn., 1926.

Bertoni M.S. Essai d'une monographie du genre ananas. Anal. Ci. Paraguaos, II, Nr 4, Asunción, 1919.

Betanzos J. de. Suma y narrati?n de los Incas. Madrid, 1880.

Bisschop E. de. Kaimiloa. D'Honolulu a Cannes par l'Australie et le Cap a bord d'une double pirogue polynesienne. Paris, 1939.

Blaxland G. Treatise on the Aboriginal Inhabitants of Polynesia with Evidence of Their Origin and Antiquity. Mss. loc. Nr B 760, Mitchell Library, Sydney.

Brown F.B. H. Flora of Southeastern Polynesia. I: Monocotyledons, 1931. III: Dicotyledons, 1935. B.P. Bishop Mus. Bull. 130, Honolulu, 1935.

Bruyne E. de. Informe sobre el descubrimiento de un ?rea arqueol?gica. Museo Nacional de Historia Natural, Publicati?n Ocasional, Nr 2, s. 1-16, Santiago de Chile, 1963.

Bryan E.H. Jr. Hawaiian Nature Notes. Honolulu, 1935.

Buck P. (Te Rangi Hiroa) Vikings of the Sunrise. New York, 1938a.

– Ethnology of Mangareva. B.P. Bishop Mus. Bull. 157, Honolulu, 1938b.

– An Introduction to Polynesian Anthropology. B.P. Bishop Mus. Bull. 187, Honolulu, 1945.

Бутинов Н.А. и Кнорозов Ю.В. Новые материал» об острове Пасхи. Советская этнография Э 6, Москва, 1957, 38-42.

Byam G. Wanderings in Some of the Western Republics of America... London, 1850.

- (Deutsche Ausgabe: Wanderungen durch sudamerikanische Republiken. Dresden, 1851).
- Campbell J. The Origin of the Haidahs of the Queen Charlotte Islands. Trans. Roy. Soc. Canada, ser. 2, Bd 3, Abschnitt II. 1897/98.
- Candolle A. de. Origin of Cultivated Plants. London, 1884.
- Carroll A. The Easter Island Inscriptions, and the Translation and Interpretation of them. J. Polynesian Soc., Bd 1, Nr 4, s. 103-106, 233-253. London, 1892.
- Carter G.F. Plant Evidence for Early Contacts with America. South Western J. Anthrop., VI, Nr 2, Albuquerque, N. M., 1950.
- Charnock J.A. History of Marine Architecture. Bd 1. London, 1801.
- Christian F.W. Early Maori Migration as Evidenced by Physical Geography and Language. Report of the Sixteenth Meeting held in Australas. Ass. Adv. Sei. Wellington, N. Z., 1924.
- Chubb L.J. Geology of Galapagos, Cocos, and Easter Island. B.P. Bishop Mus. Bull. 110, Honolulu, 1933.
- Churchill W. Easter Island. The Rapanui Speech and the Peopling of Southeast Polynesia. Carnegie Inst. Wash., Publ. Nr 174, Washington, 1912.
- Clausen R.T. A Botanical Study of the Yam Beans (*Pachyrrhizus*). Cornell Univ. Mem. 264. Ithaca, New York, 1944.
- Cobo B. Historia del Nuevo Mundo..., 1653. Ed. Marcos Jimenez de la Espada. Sevilla, 1890-95.
- Coe M.D. Archaeological Linkages with North and South America at la Victoria. Guatemala. Am. Anthropologist, Bd 62, Nr 3, 1960.
- Cook J. Second Voyage Towards the South Pole and Round the World, Performed in the «Resolution» and «Adventure» – 1772-75. London, 1777.
- Cook O.F. Food Plants of Ancient America. Ann. Rept. Smiths. Inst., Washington, D. C., 1903.
- History of the Coconut Palm in America. Contr. U.S. Nat. Herb., Bd 14. Washington, 1910-12.
- Cook O.F. und Cook R.C. The Maho, or Managua, as a Trans-Pacific Plant. J. Wash. Acad. Sei., VIII. 1918.
- Corney B.G. Editorial Annotations to: Gonzales (1770). 1908.
- Croft T. Letter of April 30, 1874 from Thomas Croft, Papeete, Tahiti, to the President of California Academy of Sciences. California Acad. Sei., Proc., Bd 5, s. 318-323, San Francisco, 1875.
- Dampier W. Captain William Dampier's Voyage Round the Terrestrial Globe. A Collection of Voyages. 4 Bde, London, 1729.
- Degener O. Ferns and Flowering Plants of Hawaii National Park. Honolulu, 1930.
- Deniker J. The Races of Man. London, 1900.
- Dixon R.B. The Problem of the Sweet Potato in Polynesia, Am. Anthropol., Bd 34, 1932.
- Contacts with America across the Southern Pacific In: The American Aborigines, Their Origin and Antiquity. A Collection of Papers, by Ten Authors, Assembled by D. Jenness. Univ. of Toronto Press, Toronto, 1933.
- The Long Voyages of the Polynesians. Proceedings, Am. Philos. Soc., Bd 74, Nr 3, 1934.
- Eames A.J. und St. John H. The Botanical Identity of the Hawaiian Ipu Nui or Large Gourd. Am. J. Bot., XXX, Nr 3, 1943.
- Edmondson C.H. Viability of Coconut Seeds after Floating in Sea. B.P. Bishop Mus., Oce. Papers, Bd 16, Nr 12. Honolulu, 1941.
- Eisleb D. Beitrag zur Systematik der altperuanischen «Ruder» aus der Gegend von Ica. Baessler-Archiv, N. F., Bd 10, s. 105-128, Berlin, 1963.
- Emory K.P. Stone Remains in the Society Islands. B.P. Bishop Museum Bull, Nr 116, Honolulu, 1933.
- Oceanian Influence on American Indian Culture: Nordenskiöld's View. J. Polynes. Soc., Bd 51, 1942.

- Review of Archaeology of Easter Island (Heyerdahl und Ferdon, 1961). *Am. Antiquity*, Bd 28, Nr 4, s. 565-567, 1963.
- Englert P.S. *La Tierra de Hotu Matu'a. Historia, Etnologia y Lengua de Isla de Pascua*. Imprenta y edit. «San Francisco» Padre las Casas, Chile, 1948.
- Outlines of Easter Island's Ancient History. Vortrag, gehalten von der Medical Expedition to Easter Island. *Mss. Hangaroa*, 17. 1. 1965.
- Eyraud E. Lettre au T.R.P. Superieur general de la congregation des sacres-coeurs de Jesus et de Marie. Valparaiso, decembre 1864. *Ann. Assoc. Propagation de la Foi*, Bd 38, s. 52-71, 124-138, Lyon, 1866 (1884)
- Fedde F. *Papaveraceae-Hypercoideae et Papaveraceae-Papa-veroideae*. *Das Pflanzenreich*, H. 49, Leipzig, 1909.
- Fedorova I.K. *On Kohau Rongo-Rongo Legends*. Nauka Publishing House. Moskau, 1964.
- Versions of myths and legends in manuscripts from Easter Island. Appendix C zu Report 16 in: Heyerdahl und Ferdon, 1965.
- Ferdon E.N. Jr. *Easter Island Exchange Systems*. *Southwestern Journal of Anthropology*, Bd 14, s. 136-151, Albuquerque, 1958.
- The Ceremonial Site of Orongo, – Sites E-4 and E-5. – Stone-Houses in the Terraces of Site E-21. – Easter Island House Types, – An Easter Island Hare Moa. – A Summary of the Excavated Record of Easter Island Prehistory. 6 Artikel in: Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 221-255, 305-311, 313-321, 329-338, 381-383, 527-533.
- The Marquesas Islands. Surface architecture of the site of Paeke, Taipi Valley, Nukuhiva. Report 9 in: Heyerdahl; und Ferdon, 1965.
- Forster G.A. *Voyage Round the World in His Britannic Majesty's Sloop «Resolution...»* 2 Bde. London, 1777.
- Forster J. R. *Observations Made During a Voyage Round the World*. London, 1778.
- Garcilasso de la Vega, Inca. *First Part of the Royal Commentaries of the Yncas*. 1609. *Hakluyt Soc.*, Bd 41-45. London, 1869-71.
- Geiseler. *Die Oster-Insel. Eine Stätte prahistorischer Kultur in der Sudsee*, Berlin, 1883.
- Gonzalez F. *The Voyage of Captain Don Felipe Gonzalez in the Ship of the San Lorenzo, with the Frigate Santa Rosalia in Company, to Easter Island in 1770-1771*. *Hakluyt Soc.*, 2 Ser., Bd 13, Cambridge, 1908.
- Graydon J.J. *Blood Groups and the Polynesians*. *Mankind*, Bd 4, s. 329-339, Sydney, 1952.
- Greenman E.F. *The Upper Palaeolithic and the New World*. *Current Anthropology*, Bd 4, Nr 1, s. 41-66, Chicago, 1963.
- Gretzer W. *Die Schifffahrt im alten Peru vor der Entdeckung... Mitteil. Roemer-Museum Hildesheim*, Nr 24, Hannover, 1914.
- Grisebach A. *Die Vegetation der Erde nach ihrer klimatischen Anordnung*. Bd 1-2, Leipzig, 1872.
- Guppy H.B. *Observations of a Naturalist in the Pacific Between 1896 and 1899*. Bd II, London, 1906.
- Haddon A.C. *Melanesian Influence in Easter Island*. *Folk-Lore*, Bd 29, Nr 1, s. 161-162. London, 1918.
- Hagen V.W. von. *Ecuador and the Galapagos Islands*. University of Oklahoma Press, IX, s. 290, 1949.
- Harlez G. de. *L'Ile de Paques et ses monuments graphiques*. Lowen, 1896.
- Heine-Geidern R. von. *Die Osterinselschrift*. *Anthropos*, Bd 33, 1938.
- Cultural Connections between Asia and pre-Columbian America. *Anthropos*, Bd 45, Nr 1-3, 1950.
- Heyerdahl T. *Pa Jakt efter Paradiset*. Oslo, 1938.
- Marquesas Islands. Report of the Standing Committee for the Protection of Nature in and around the Pacific for the years 1933-1938. *Proceedings of the Sixth Pacific Science Congress*. Berkeley and Los Angeles, 1940.
- Did Polynesian Culture Originate in America? *International Science*, Bd 1, s. 15-26, New

York, 1941a.

– Turning Back Time in the South Seas, National Geographical Magazine, Bd 79, Nr 1, Washington, Jan., 1941b.

– The Kon-Tiki Expedition. Oslo, 1948 (ubersetzt in 57 Sprachen).

– The Voyage of the Raft Kon-Tiki. An Argument for American Polynesian Diffusion. Geographical Journal, Bd 115, Nr 1-3, London, 1950.

– American Indians in the Pacific. The Theory behind the Kon-Tiki Expedition. Stockholm, London, Chicago, 1952a.

– Objects and Results of the Kon-Tiki Expedition. Proceedings of the Thirtieth International Congress of Americanists. Cambridge, 1952b.

– Some Basic Problems in Polynesian Anthropology. Proceedings of the Thirtieth International Congress of Americanists. Cambridge, 1952c.

– En Gjenoppgaget Inka-Kunst. Guara-metoden som lar flater krysse og jibbe uten ror eller styreare. Teknisk Ukeblad, n. r., Bd 48, Oslo, 1954.

– The Balsa Raft in Aboriginal Navigation off Peru and Ecuador. Southwestern Journal of Anthropology, Bd 11, Nr 3, s. 251-264, university of New Mexico, Albuquerque, 1955.

– Aku-Aku. The Secret of Easter Island. Oslo, 1957 (ubersetzt in 27 Sprachen).

– Guara Navigation: Indigenous Sailing off the Andean Coast. Southwestern Journal of Anthropology, Bd 13, Nr 2, s. 134-143, Albuquerque, 1957b.

– Guara Sailing Technique Indigenous to South America. Actas del XXXIII Congreso de Americanistas. San Jose, Costarica, 1958.

– Merrill's reappraisal of ethnobotanical evidence for prehistoric contact between South America and Polynesia. Proc. of the 34 International Congress of Americanists. Wien, 1960.

– An Introduction to Easter Island. – Surface Artifacts. – General Discussion. 3 Artikel in: Heyerdahl und Ferdon, 1961. s. 21-90, 397-489, 493-526.

– Archaeology in the Galapagos Islands. Papers of the Tenth Pacific Science Congress. University of Hawaii. Honolulu, 1961a.

– Prehistoric Voyages as Agencies for Melanesian and South American Plant and Animal Dispersals to Polynesia. In: Plants and the Migrations of Pacific peoples. 10. Pacific Science Congress. Honolulu, 1961b.

– Sea Routes to Polynesia. «Expedition», The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania, Bd 4, Nr 1, s. 22-29, 1961c.

– Statuene pa Paskeoen. Problem og Resultat. Vortrag, gehalten vor der Schwedischen Anthropologischen und Geographischen Gesellschaft. 24. April 1962. Ymer, H. 2, Stockholm, 1962.

– Navel of the World. In: Vanished Civilizations. London, 1963:

– Feasible Ocean Routes to and from the Americas in pre-Columbian Times. Actas y Memorias del XXXV Congreso Internacional de Americanistas, Mexico, 1962, Mexico, 1964a.

– Plant Evidence for Contacts with America before Columbus. Antiquity, Bd XXXVIII, Nr 150, s. 120-133, Cambridge, 1964b.

– The Inca inspiration behind the Spanish discoveries of Polynesia and Melanesia. Vortrag auf dem XXVI. Internationalen Amerikanistenkongre?, Barcelona, 1964c.

– How Far is Easter Island Culture Polynesian? Vortrag auf dem VII. Internationalen Kongre? fur Anthropologie und Ethnologie, Moskau, 1964d. Mss.

– The statues of the Oipona me'ae, with a comparative analysis of possibly related stone monuments. Rp. 10 in: Heyerdahl und Ferdon, 1965.

– The Concept of Rongo-Rongo among the Historic Population of Easter Island. Rp. 16 in: Heyerdahl und Ferdon, 1965.

– Notes on the pre-European Coconut Groves on Cocos Island. Rp. 17 in: Heyerdahl und Ferdon, 1965.

Heyerdahl T. und Ferdon E.N. Jr. ed. Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and the-East Pacific. Bd I. Archaeology of Easter Island. Monographs of the School of

American Research and the Museum of New Mexico, Nr 24, T. I, 1961. Bd II, Miscellaneous Reports. Monographs of the School of American Research and the Kon-Tiki Museum, Nr 24, T. 2, 1965, Santa Fe, New Mexico.

Heyerdahl T. und Skjolsvold A. Achaological Evidence of pre-Spanish Visits to the Galapagos Islands. Memoirs of the Society for American Archaeology, Nr 12, Salt Lake City, 1956.

Hill A.W. The Original Home and Mode of Dispersal of the Coconut. Nature, vol. 124, London, 1929.

Hillebrand W. Flora of the Hawaiian Islands. Heidelberg, 1888.

Hill-Tout C. Oceanic Origin of the Kwakiutl-Nootka and Salisli Stocks of British Columbia and Fundamental Unity of Same with Additional Notes on the Dene. Proc. Trans. Roy. Soc. Canada, 2 ser., Bd 4, 1898.

Hornbostel E. von. Chinesische Ideogramme in Amerika. Anthropos, Bd 25, 1930.

Hornell J. Was there a pre-Columbian Contact between the Peoples of Oceania and South America? J. Polynesian Soc., Bd 54, s. 167-191, 1945.

– How Did the Sweet Potato Reach Oceania? J. Linnaean Soc. London, Bd 53, Nr 348, s. 41-62, London, 1946.

Humboldt A. von. Vues des Cordilleres, et monuments des peuples indigenes de l'Amérique. Paris, 1810.

Hutchinson J.B., Silow R.A. und Stephens S.G. The Evolution of Gossypium and the Differentiation of the Cultivated Cottons. London, New York und Toronto, 1947.

Hutchinson T.J. Anthropology of Prehistoric Peru. J. Roy. Anthropol. Inst., Bd 4, London, 1875.

Ibarra Grasso D.E. La escritura indigena Andina. Ann. Lateranensi, 12. Vatican City, 1948.

Izumi S. und Sono T. Andes 2, Excavations at Kotosh, Peru, 1960, Tokyo, 1963.

Jacoby A. Senor Kon-Tiki. Oslo, 1965.

Jakeman M.W. The XXIX International Congress of Americanists. Bull. Brigham Young Univ., Marz 1950.

Jaussen T. L'Ile de Paques, Historique – Ecriture et Repertoire des signes des tablettes ou bois d'Hibiscus Intelligents. Paris, 1893.

– L'Ile de Paques. Histoire et Ecriture. Bulletin Geogr. Hist, et Descriptive. No. 2, s. 240-270, Paris, 1894.

– (s.a.): L'Empire des Maoris. Ile de Paques ou Rapa-nui. Ecriture de l'Ile de Paques. Mss., 299, s, 19x29,3 cm, aufbewahrt im Ordenskapitel der Congregation des Sacres Coeurs, 412 Via Aurelia Antica, Rom.

Juan G. und Ulloa A. de. Relaci?n hist?rica del viaje a la America Meridional... Bd 1, Madrid, 1748.

Kerchove de Denerghem O. de. Les Palmiers; histoire iconographique, geographie, paleontologie, botanique, description, culture, emploi, etc., Paris, 1878.

Knoche W. Vorlaufige Bemerkung uber die Entstehung der Standbilder auf der Osterinsel. Zs. f. Ethnologie, Bd 44, s. 873-877, Berlin, 1912.

– Die Osterinsel. Eine Zusammenfassung der chilenischen Osterinselexpedition des Jahres 1911. Concepci?n, 1925.

Кнорозов И.В. В поисках ключа. Неделя, 2-8 августа, М., 1964 г.

– Recorded statements at Izvestija's Round Table Conference. August 10th. 1964. In: «Kon-Tiki» плыл не зря, Известия 12 августа, М., 1964г.

– Manuscripts from Easter Island. Appendix B zu Rp. 16 in: Heyerdahl und Ferdon, 1965.

Konigswald G.H. R. von. Uber sumatranische Schiffstucher und ihre Beziehungen zur Kunst Ozeaniens. In: Sudseestudien, Gedenkschrift zur Erinnerung an Felix Speiser, s. 27-50, Basel, 1951.

Kornicke F. Uber die Heimath unserer Gartenbohne Phaseolus vulgaris. Verh. Naturhist. Ver. Preuss. Rheinlande etc. Bonn. 1885.

Kondratov A.M. The hieroglyphic signs and different lists in the manuscripts from Easter Island. In: Heyerdahl und Ferdon, 1965, Appendix D zu Rp. 16.

Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле Рюрик, т. 1-3, СПб, 1821-23 (engl. Übers. London, 1821).

Las Casas B. de. Historia de las Indias. 1559. Colección de Documentos Inéditos para la Historia de España. Madrid, 1876.

Lavachery H. Les bois employés dans l'Île de Paques. Bull. Soc. des Americanistes de Belgique. März 1934. s. 67-71. 1934.

– La Mission Franco-Belge dans l'Île de Paques. Bulletin Société Royale de Géographie d'Anvers, Bd 55, s. 313-361, Antwerpen, 1935.

– Easter Island, Polynesia. Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution, s. 391-396, Washington, 1936.

– Les petroglyphes de l'Île de Paques. 2 Bde., Antwerpen, 1939.

Lescallier M. Traité pratique du gréement des vaisseaux et autres bâtiments de mer. Bd 1, Paris, 1741.

Linne S. Zapotecan Antiquities and the Paulson Collection in the Ethnographical Museum of Sweden. Publications of the Ethnographical Museum of Sweden, N. S., 4, Stockholm, 1938.

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803-1806 гг. СПб, 1812, М., 1947 (Engl. Übersetzung Lisiansky, London, 1814).

Lizarraga R. de. Description de las Indias. Crónica sobre el Antiguo Perú... 1560-1602. Los Pequeños Grandes Libros de Historia Americana, ser. 1, Bd 12, Lima, 1946.

Lothrop S.K. Aboriginal Navigation off the West Coast of South America. J. Roy. Anthropol. Inst., Bd 62, s. 229-256, London, 1932.

Macmillan Brown J. The Riddle of the Pacific. London, 1924.

Markham C.R. siehe: Proceedings of the Royal Geographical Society, Bd 14, s. 116-119, London, 1870.

Martius C.F.P. de. Historia Naturalis Palmarum. 3 Bde. Monachii (München), 1823-50.

Means P.A. Pre-Spanish Navigation Off the Andean Coast. American Neptune, Bd 2, Nr 2, 1942.

Meinicke C. Die Holztafeln von Rapanui. Zs. Ges. f. Erdkunde, Bd 6, s. 548-551, Berlin, 1871.

Merrill E.D. Comments on Cook's Theory as to the American Origin and Prehistoric Polynesian Distribution of Certain Economic Plants, Especially Hibiscus Tiliaceus Linnaeus. Philippine J. Sci., XVII, Manila, 1920.

– The Improbability of pre-Columbian Eurasian-American Contacts in the Light of the Origin and Distribution of Cultivated Plants. Journal of the New York Botanical Garden, Bd 31, s. 209–212, New York, 1930.

– The Phytogeography of Cultivated Plants in Relation to Assumed pre-Columbian Eurasian-American Contacts. American Anthropologist, Bd 33, Nr 3, s. 375-82, Menasha, 1931.

– Domesticated Plants in Relation to the Diffusion of Culture. Early Man. Philadelphia, 1937.

– Merrilleana. A Selection from the General Writings of Elmer Drew Merrill, ed. by Frans Verdoorn. Chronica Botanica, Bd 10, Nr 3-4, Waltham, 1946.

– Observations on Cultivated Plants with Reference to Certain American Problems. Ceiba, Bd 1, Nr 1, s. 2-36, Tegucigalpa/Honduras, 1950.

– The Botany of Cook's Voyages and Its Unexpected Significance in Relation to Anthropology, Biogeography and History. Chronica Botanica Company, Bd 14, Nr 5-6, Waltham, 1954.

Metraux A. The Proto-Indian Script and the Easter Island Tablets. Anthropos, Bd 33, 1938.

– Ethnology of Easter Island. B.P. Bishop Museum Bulletin 160, Honolulu, 1940.

– Easter Island. A Stone Age Civilization of the Pacific. New York, 1957.

Molina C. de. The Fables and Rites of the Yncas. 1570-84. Hakluyt Soc., Bd 48, London, 1873.

Montesinos F. Memories antiguas historiales del Perú. 1642. Ins Englische übersetzt und

herausgegeben von P.A. Means. London, 1920.

Morgan A.E. *Nowhere Was Somewhere*. New York, 1946.

Mourant A.E. *The Distribution of Human Blood Groups*. Springfield, III, 1954 Mulloy W. *The Ceremonial Center of Vinapu*. In: Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 93-180.

– Rp. 9 in: Heyerdahl und Ferdon, 1965.

Murphy R.C. *The Earliest Spanish Advances Southward from Panama along the West Coast of South America*. *Hispanic. Amer. Hist. Rev.*, Bd 21, Durham, N. Carolina, 1941.

Nordenskiöld E. *Picture-writing and Other Documents by Nele and Ruben Perez Kantule*. *Comparative Ethnographical Studies*, Bd 7, Gothenburg, 1928.

– *Origin of the Indian Civilizations in South America*. *Corp. Ethnogr. Stud.*, IX, Gothenburg, 1931.

Oliva A. *Histoire de Perou. 1631*. Übersetzung von Bandelier, Paris, 1857. Ausgabe, Paris, 1910.

Oviedo y Valdes G.F. de. *Historia general y natural de las Indias, islas y tierra-firme del mar oceano (1535-48)*. 4 Bde. Madrid, 1855.

Pachacuti-Yamqui Salcamayhua J. de Sta Cruz. *Relacion de antiguedades deste reyno del Piru. 1620*. Ed. M. J. de la Espada, Madrid, 1879.

Palmer J.L. *A Visit to Easter Island, or Rapa Nui*. *Royal Geogr., Soc. Proceedings*, Bd 14, s. 108-119, London, 1870.

– *Davis or Easter Island*. *Lit. and Phil. Soc. of Liverpool Proc.*, Nr 29, s. 275-297, London, 1875.

Paris F.E. *Essai sur la construction navale des peuples extra-europeens*. Paris, 1841-43.

La Perouse J.F.G. de. *A Voyage Round the World Performed in the Years 1785, 1786, 1787, and 1788...* 2 Bde, und ein Atlas (Orig. ed. Paris 1797), London, 1798.

Petit-Thouars A. du. *Voyage autour du monde sur la fregate La Venus, pendant les annees 1836-1839...* 2 Bde., 1 Bilderatlas, Paris, 1841.

Pinart A. *Voyage a l'Ile de Paques. Le Tour du Monde*, Bd 36, s. 225-240, Paris, 1878a.

– *Exploration de l'Ile de Paques*. *Bull. Soc. Geogr.*, ser. 6, Bd 16, s. 193-213, Paris, 1878b.

Pizarro Pedro. *Relacion del Descubrimiento y Conquista de los Reinos del Peru. 1571*. *Collecion de Documentos Inedites para la Historia de Espana*, Bd 5. Madrid, 1844 (ins Englische ubersetzt und mit Anmerkungen versehen von P.A. Means: *Relation of Discovery and Conquest of the Kingdoms of Peru*. 2 Bde, New York, 1921).

Porter D. *Journal of a Cruise made to the Pacific Ocean*. Philadelphia, 1815.

Prain D. *An account of the genus Argemone*. *J. Bot.*, XXXIII, 1895.

Rivet P. *Relations commerciales precolombiennes entre l'Oceanie et l'Amerique*. *Festschrift P.W. Schmidt*. Wien, 1928.

– *Les origines de l'homme americain*. Montreal, 1943.

Rochebrune A.-T. de. *Recherches d'ethnographie botanique sur la flore des sepultures peruviennes d'Ancon*. *Actes Soc. Linn. Bordeaux*, ser. 4, Bd 3, Bordeaux, 1879.

Roggeveen J. *Extract from the Official Log of the Voyage of Mynheer Jacob Roggeveen, in the Ships Den Arend, Thienhoven and De Afrikaanische Galey, in 1721/22, in so far as it relates to the discovery of Easter Island*. 1722, *Hakluyt Soc.*, ser. 2, Nr 13, Cambridge, 1908.

Ross A.S. C. *Preliminary notice of some late eighteenth century numerals from Easter Island*. *Man*, Bd 36, Nr 120, 1936.

Roussel H. *Vocabulaire de la langue de l'ile de Paques ou Rapa Nui*. *Le Museon*, Nr 2-3, s. 159-254, Lowen, 1908.

– *Ile de Paques. Notice par le R.P. Hippolyte Roussel, SS. CC. Apotre de l'ile de Paques* *note I*. 1869. *Annales de La Congregation des Sacres-Coeurs de Jesus et de Marie*, Nr 305, s. 355-360; Nr 307, s. 423-430; Nr 308, s. 462-466; Nr 309, s. 495-499; Paris, 1926.

Notel

1869 nach Valparaiso gesandt

- Routledge K. *The Mystery of Easter Island. The Story of an Expedition.* London, 1919.
- Saamanos J. de. *Relacion de los primeros descubrimientos de Francisco Pizarro y Diego de Almagro: Sacada del codice numero CXX de la Biblioteca Imperial de Viena, 1526. Colecion, de Documentos Ineditos para la Historia de Espana, Bd 5, Madrid, 1844.*
- Sarmiento de Gamboa P. de. *History of the Incas. 1572. Hakluyt Soc., 2. ser., Bd 22, Cambridge, 1907.*
- Sauer C.O. *Cultivated Plants of South and Central America. Handbook of South American Indians, Bd VI, Smithsonian Inst. Bur. Amer. Ethn., Bull, 143. Washington, D. C., 1950.*
- Shapiro H.L. *The Physical Relationship of the Easter Islanders In: Metraux, 1940.*
- Sharp B. *The Dangerous Voyage, and Bold Attempts of Capt. Bartholomew Sharp,... The History of the Buccaneers of America, Bd 2, T. 4, London, 1704.*
- Simmons R.T., Graydon J.J., Semple N.M. und Fry E.I. *A Blood Group Genetical Survey in Cook Islanders, Polynesia, and Comparisons with American Indians. Amer. J. Physical Anthrop., Bd 13, s. 667-690, Philadelphia, 1955.*
- Skjolsvold A. *House Foundations (Hare Paenga) in Rano Raraku. – Site E-2, a Circular Stone Dwelling, Anakena. – The Stone Statues and Quarries of Rano Raraku. 3 Artikel in: Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 291-293, 295-303, 339-379.*
- Skogman C. *Fregatten Eugenie's resa omkring jorden aren 1851-53. Bd 1, Stockholm, 1854.*
- Skottsberg C. *The Natural History of Juan Fernandez and Easter Island. Uppsala, 1920.*
- *Le peuplement des iles pacifiques du Chili. Soc. de Biogeograph., IV, Paris, 1934.*
- *Derivation of the Flora and Fauna of Juan Fernandez and Easter Island. The Natural History of Juan Fernandez and Easter Island, Bd 1, s. 193-438, Uppsala, 1920-1956.*
- *Paskon. Goteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning, 7 Okt., Gothenburg, 1957.*
- Smith C.S. *A Temporal Sequence Derived from Certain Ahu. – Two Habitation Caves. – Tuu-ko-ihu Village. – The Poike Ditch. 4 Artikel in: Heyerdahl und Ferdon, 1961, s. 181– 219, 257-271, 287-289, 385-391.*
- Spilbergen Joris van. *Speculum Orientalis Occidentalis Indiae navigationis, 1614-18. Leiden, 1619.*
- Stevenson W.B. *A Historical and Descriptive Narrative of Twenty Years' Residence in South America. 3 Bde, London, 1825.*
- Steward J.H. *The Comparative Ethnology of South American Indians. Handbook of South American Indians, Bd V, Washington, D. C. 1949.*
- Stewart C.S. *A Visit to the South Seas in the U.S. Ship «Vincennes» during the Years 1829 and 1830. London, 1832.*
- Stokes J.F. *Spaniards and the Sweet Potato in Hawaii and Hawaiian American Contacts. Amer. Anthrop., XXXIV, Nr 4, o. J.*
- Stonor C.R, und Anderson E. *Maize among the Hill Peoples of Assam. Ann. Missouri Bot. Gard., XXXVI, Nr 3, 1949.*
- Sullivan L.H. *Marquesan Somatology with Comparative Notes on Samoa and Tonga. B.P. Bishop Mus. Mem., Bd 9, Nr 2. Honolulu, 1923.*
- Thomson W.J. *Te Pito te Henua, or Easter Island. Rept. U.S. National Museum for the year ending June 30, 1889. Washington, D. C., 1889.*
- Uhle M. *Fundamentos Etnicos y Arqueologia de Arica y Tacna. Universidad Central, Quito, 1922.*
- Valverde V. *Relacion del sitio del Cuzco y principio de las guerras civiles del Peru... 1535 a 1539. Colecion de Libros Espanoles Raros o Curiosos. Bd 13, Madrid, 1879.*
- Wafer L. *A New Voyage and Description of the Isthmus of America. In: Dampier, 1729, Bd 3.*
- Wallace A.R. *Discussion of Paper Read by Prof. T.H. Huxley. In: Huxley T.: On the Geographical Distribution of the Chief Modifications of Mankind. J. Ethn. Soc. London, N. W., Bd 2, London, 1870.*
- Weckler J.E. *Polynesian Explorers of the Pacific. Smithsonian Institution War Background*

Studies, Nr 6. Washington, 1943.

Whitaker T.W. und Bird J.B. Identification and Significance of the Cucurbit Materials from Huaka Prieta, Peru. Amer. Mus. Novitates, Nr 1426. New York, 1949.

Williamson R.W. Essays in Polynesian Ethnology. Ed. by R. Piddington (Cambridge Univ. Press). Cambridge, 1939.

Wittmack L. Uber Bohnen aus altperuanischen Grabern. Sitzungsber. Bot. Ver. d. Prov., XXI. Brandenburg, 1880.

– Unsere jetzige Kenntnis vorgeschichtlicher Samen. Ber. Deutsche Bot. Ges., IV, Berlin, 1866.

– Die Heimath der Bohnen und der Kurbisse, Ber. Deutsche Bot. Ges., VI, Nr 8. Berlin, 1888.

Yacovleff E. und Herrera F.L. El mundo vegetal de los antiguos peruanos. Rev. Mus. Nac., III, Nr 3, Lima, 1934, und IV, Nr 1, Lima, 1935.

Zarate A. de. Histoire de la decouverte et de la conquete du Perou. (Orig. od. Antwerpen 1555). Amsterdam, 1700.

Zumbohm G. Lettres du R.P. Gaspard Zumbohm au directeur des Annales sur la mission de l'Ile de Paques. Annales de la Congregation des Sacres-Coeurs de Jesus et de Marie, Bd 5, Nr 46, s. 660-667, Okt. 1879; Bd 6, Nr 50, s. 117-131, Nr 52, s. 231-242; Nr 54, s. 377-385, Febr. – Juni, 1880, Paris, 1879-1880.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Человек, написавший статьи, собранные в этой книге, несомненно принадлежит к великому и неистребимому племени ученых-романтиков.

Ох уж эти романтики! Они всегда угадывают неожиданное там, где ничего такого «не может быть, потому что этого не может быть никогда». Их логика алогична. Их «знаю» походит больше на «верую». Их интуиция предвосхищает и, вот поди ж ты, случается, даже опровергает, казалось бы, безупречно построенные доводы рассудка. Их теории, концепции, взгляды всегда дерзки, даже парадоксальны, а значит, и «неудобны»! И, будьте покойны, за все это ученые-романтики всегда получают сполна: их критикуют, опровергают, шельмуют, высмеивают, ими возмущаются и пренебрегают, им даже отказывают в праве говорить от имени науки, называют дилетантами, невеждами, фальсификаторами, а то еще и похуже. Выдержать это по силам только настоящему ученому и подлинному романтику.

Тур Хейердал выдержал.

Вот уже 30 лет – с того самого времени, как он, в сущности еще юноша, оказался на Маркизских островах* – Хейердал наперекор всем авторитетам доказывает, что заселение островов Тихого океана шло не только из Азии, но и со стороны Америки. «Американские индейцы в Тихом океане*** – так прямо и назвал Хейердал свое главное исследование, с величайшими трудностями, и то лишь после блистательного рейса на «Кон-Тики», опубликованное им в 1952 году, – исследование, тут же преданное анафеме и осмеянию***. В дружном хоре разгневанных оппонентов лишь изредка раздавались трезвые, уважительные голоса****. Да и как могло быть иначе? Ведь в этой своей книге Тур Хейердал осмелился поднять руку на давно уже утвердившуюся в науке и потому ставшую традиционной, «удобной» и привычной теорию заселения Полинезии исключительно из Юго-Восточной Азии; осмелился взять под сомнение доказательность – ни много, ни мало – всей (!) совокупности аргументов, академическая корректность которых казалась более чем безупречной. Что же это были за аргументы?

(* См. книгу Т. Хейердала об этом путешествии в русском переводе: Т. Хейердал. В поисках рал. М., 1964. ** Т. Heyerdahl. American Indians in the Pacific. Stockholm, 1952. *** См., например: J. Hackel. Review in: Anthropos, Bd 51, 1956, Fase. 3-4; H. Plischke. The colonization of Polynesia – a reply to Thor Heyerdahl. Universitas, vol. I, No. 4, 1953; E. Norheck. Book review of American Indians of the Pacific by Thor Heyerdahl. In: American Antiquity, vol. XIX, No. 1, 1953; R. Linton. Book review of American Indians in the Pacific by Thor Heyerdahl.

In: American anthropologist, vol. LVI, No. 1, 1954; E. D. Merrill. The botany of Cook's voyages Chronica Botanica, 1954, vol. 14, No. 5-6; и многие другие. **** См., например: P. E. de Josselin de Jong. The «Kon-Tiki» theory of Pacific migrations. Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde, Deel 109, 1-e aflevering. S-Gravenhage, 1953.) Своеобразен и необычен мир Полинезии. На безграничных просторах Тихого океана рассыпано бесчисленное множество мелких и мельчайших островов, скопления которых отстоят друг от друга порой на многие сотни и тысячи километров. Как же могло случиться, что острова эти с незапамятных времен были заселены людьми каменного века? То есть людьми, не знавшими ни компаса, ни карт, ни «настоящих» кораблей? Но может быть полинезийцы – всего лишь остатки древнего населения материка, опустившегося ныне на дно Тихого океана? В истории науки такие предположения делались, и не раз. Однако в настоящее время эта гипотеза оставлена, тем более что она не встретила поддержки у геологов и океанологов. Но если гипотеза об автохтонности полинезийцев не выдержала критики, значит, полинезийцы откуда-то приплыли на острова, которые они в настоящее время заселяют. Но откуда? Вопрос этот давно уже волнует умы ученых, исследователей, путешественников. Собственно говоря, возможных вариантов не так уж много: предки полинезийцев, очевидно, могли проникнуть в Тихий океан либо со стороны Азии, либо со стороны Америки.

В соответствии с этой гипотезы заселения Полинезии делятся обычно на «азиатские» и на «американские». На первый взгляд «азиатские» гипотезы выглядят гораздо убедительнее и основательнее. Ведь от американского побережья до ближайших островов Полинезии несколько тысяч километров открытого океана, тогда как от берегов Юго-Восточной Азии до самой Полинезии тянется почти непрерывная цепь архипелагов, отдельных островов и атоллов. Впрочем, это не решающий аргумент.

Сторонники «азиатских» гипотез прежде всего указывают на родство полинезийских и индонезийских языков – факт, впервые установленный Адельбертом фон Шамиссо, немецким писателем, натуралистом и путешественником, участником кругосветной русской экспедиции О.Е. Коцебу 1815-1818 годов. В пользу «азиатского» происхождения полинезийцев говорит как будто и то, что полинезийцам были знакомы свинья, сахарный тростник, куры, хлебное дерево, банан, ямс, таро и ряд других южноазиатских по происхождению элементов культуры, к тому же – что очень важно – неизвестных коренному населению Америки. Наконец, сторонники «азиатских» гипотез указывают и на то, что полинезийцы и народы Юго-Восточной Азии принадлежат к одной монголоидной расе. Таким образом, географические, лингвистические, этнографические и антропологические данные как будто действительно подтверждают предположение о заселении Полинезии выходцами из Азии.

Среди тех, кто искал предков полинезийцев непосредственно в Юго-Восточной Азии, наибольшую известность приобрел выдающийся ученый и крупный общественный деятель Новой Зеландии полумаори-полуирландец Те Ранги Хироа (его европейское имя Питер Бак). Суть гипотезы Те Ранги Хироа в следующем: предки полинезийцев отправились навстречу солнечному восходу от берегов Индонезии, вытесненные оттуда какими-то монголоидными племенами. Их мореходное искусство и судостроительная техника совершенствовались по мере продвижения на восток. Через острова Микронезии предки полинезийцев достигли архипелага Таити. Один из островов этого архипелага, Раиатеа, и стал легендарной прародиной полинезийцев «Гаваики», упоминаемой в преданиях во всех уголках Полинезии. Именно здесь сложилась собственно полинезийская культура, религия и мифология. Отсюда по всем направлениям шла колонизация остальной Полинезии. На карте Те Ранги Хироа изобразил пути заселения Полинезии в виде спрута, голова которого находится на Таити, а восемь щупалец протянулись к различным островам Тихого океана.

Такова гипотеза Те Ранги Хироа. Его книга «Мореплаватели солнечного восхода»* – несомненно лучшая из книг, когда-либо написанных в защиту «азиатской» гипотезы заселения Полинезии. И она убедила многих. Почти всех. Конечно, споры не умолкли и после ее появления. Но это были в основном уже споры о частностях: двигались ли предки

полинезийцев через Микронезию, как утверждал Те Ранги Хироа, или южнее, вдоль берегов Новой Гвинеи и островов Меланезии; были ли заселены острова Западной Полинезии – архипелаги Самоа и Тонга – переселенцами с Таити или еще до них предками полинезийцев, продвигавшихся на восток; и т. д. (* См.: Те Ранги Хироа. Морепоплаватели солнечного восхода. Предисловие С.А. Токарева. М., 1950; То же. Предисловие В.М. Вахты. М., 1959.) Казалось, что вопрос окончательно решен в пользу азиатской прародины. И все же, несмотря на всю свою убедительность, эти гипотезы не дали удовлетворительного толкования некоторым фактам, указывающим на глубокие исторические связи полинезийцев с американскими индейцами. А между тем эти связи так же несомненны, как и связи полинезийцев с миром Юго-Восточной Азии. Сам факт существования таких связей не отрицают и сторонники «азиатских» гипотез. Да и как иначе объяснить, почему по всей Полинезии возделывается батат – культурное растение южноамериканского происхождения. Ведь даже полинезийское название батата «кумара» соответствует южноамериканскому – «кумар». Пресноводный камыш тотора, 26-хромосомный хлопчатник, тыква – растения, также завезенные на острова Полинезии из южной Америки. При этом возможность занесения семян этих растений морскими течениями или птицами в данном случае биологически исключена.

Всякого рода соответствий, совпадений, аналогий между полинезийской культурой и культурами индейской Америки не так уж мало. Однако сторонники «азиатских» гипотез видят во всех этих фактах лишь указание на то, что полинезийцы некогда доплывали до берегов Южной Америки, вступали в контакты с ее населением и возвращались назад. Те Ранги Хироа считал даже, что «этот исключительный подвиг мог быть совершен только один раз».

Но отдавая должное увлеченности Те Ранги Хироа и его единомышленников, следует признать, что такое объяснение полинезийско-американских связей малоубедительно. В самом деле, трудно поверить, чтобы участники всего лишь одной или даже двух-трех случайных экспедиций из Полинезии в Америку усвоили в течение короткого пребывания в незнакомой, скорее всего враждебной, стране и методы выращивания новых земледельческих культур, и необычные приемы архитектурной и скульптурной обработки камня, и созданную чуждым народом и на чуждом языке мифологию. Не только хорошо познакомились с этими и многими другими существенными элементами иноязычной культуры, но и, вернувшись на родину, распространили их по другим архипелагам Полинезии. Тем не менее подобного рода сомнения отходили на задний план каждый раз, когда сторонники «азиатских» гипотез выдвигали свои главные доводы: родство индонезийских и полинезийских языков и отсутствие указаний на то, что индейцы Тихоокеанского побережья Северной и Южной Америки обладали когда-либо знаниями и искусством, необходимыми для дальних морских путешествий.

Но не прошло и десяти лет после выхода в свет «Морепоплавателей солнечного восхода», как Тур Хейердал вместе с пятью спутниками, отплыв из порта Кальяо в Перу, пересек на плоту, построенном по древнеперуанским образцам, Тихий океан с востока на запад и достиг островов Восточной Полинезии. А это значило, что, вопреки общераспространенному мнению, американские индейцы обладали до европейской колонизации достаточными техническими средствами, знаниями и опытом, необходимыми для того, чтобы достичь далекой Полинезии.

Плаванию на плоту предшествовала долгая исследовательская работа. А в последующие годы Хейердал приступил к планомерным археологическим поискам и раскопкам на ближайших к южноамериканскому побережью восточных островах Полинезии. Хейердалу удалось найти немало новых доказательств того, что американо-полинезийские связи отнюдь не были случайным эпизодом в истории заселения островов Тихого океана и что среди предков нынешних полинезийцев несомненно были выходцы и из Южной, а возможно, и из Северной Америки.

Всем этим доказательствам и посвящен сборник, который вы прочитали. Работы,

вошедшие в состав сборника, написаны в 1961–1965 годах, за исключением одной, несколько более ранней. Сборник составлен очень удачно; он дает достаточно полное и всестороннее представление о гипотезе заселения Полинезии, выдвинутой и отстаиваемой Туром Хейердалом. Здесь уместно подчеркнуть, что эту гипотезу нередко относят – кто в пылу спора, а кто по недоразумению – к числу «американских», т. е. таких, согласно которым предками полинезийцев были аборигены Американского континента. В действительности (и в этом не так уж трудно убедиться, прочитав сборник) одним из важных достоинств и преимуществ гипотезы Хейердала является как раз то, что ее автору удалось преодолеть односторонность и ограниченность как «азиатских», так и «американских» гипотез заселения Полинезии. По сути дела Хейердал впервые в истории проблемы в равной мере учитывает и объясняет и азиатский, и американский компоненты в антропологическом типе, языке и культуре полинезийцев.

Очень важно далее, что советский читатель впервые знакомится со строго научным изложением гипотезы Хейердала во всей ее сложности и многосторонности. Дело в том, что оппоненты Хейердала нередко сосредоточивают свой огонь на популярном изложении гипотезы Хейердала в его широко известных у нас книгах.* Справедливости ради должно отметить, что и в «Кон-Тики», и в «Аку-Аку» Хейердал изложил свои взгляды упрощенно, схематично, чем дал повод к целому ряду досадных недоразумений. (XIII) (* Есть несколько изданий этих книг на русском языке. См., например: Т. Хейердал. Путешествие на «Кон-Тики». М., 1957; он же. Аку-Аку. Тайна острова Пасхи. М., 1959.) Однако с тех пор утекло немало воды. Помимо «Американских индейцев в Тихом океане» вышли в свет: книга об археологических изысканиях на островах Галапагос*, два объемистых тома Отчетов об археологических раскопках в Восточной Полинезии**. Кроме того, различные аспекты гипотезы Хейердала были им научно аргументированы во множестве специальных статей, а также в устных докладах и выступлениях, лишь малая часть которых вошла в настоящий сборник вместе с тремя работами из двух томов вышеназванных Отчетов.

(* T. Heyerdahl and A. Skjolsvold. Archaeological evidence of prespanish visits to the Galapagos islands. Salt Lake City. 1956. ** Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and the East Pacific, vol. 1. Archaeology of Easter Island. T. Heyerdahl, E.N. Ferdon. Eds. Stockholm, 1961; Reports of the Norwegian Expedition Archaeological to Easter Island and the East Pacific, vol. 2. Miscellaneous Papers. T. Heyerdahl and E.N. Ferdon. Eds. Stockholm, 1965.) Подчиняясь неумолимым фактам, многие серьезные ученые, в том числе и убежденные сторонники той или иной «азиатской» гипотезы заселения Полинезии, признав, что доводы Тура Хейердала не столь легковесны, чтобы ими пренебрегать, нашли необходимым включить американских индейцев в родословную островитян Тихого океана. Любопытно и достойно внимания, что на состоявшемся в 1961 году в Гонолулу X Тихоокеанском научном конгрессе не только было сделано открытое признание, что Южная Америка наряду с Юго-Восточной Азией и прилегающими к ней островами является также важным источником информации о генезисе народов и культур островов Тихого океана. На конгрессе была выражена тревога по поводу более быстрого развития археологических исследований в Южной Америке, причем подчеркивалась острая необходимость оказания возможной помощи при археологических изысканиях в Юго-Восточной Азии*. Это уже больше походит на оборону, не правда ли? (* A. P. Elkin. Pacific Science Association 1961 Congress Oceania, vol. XXXII, No. 3, 1962.) Доброжелательных, хотя и строгих критиков своей гипотезы обрел Хейердал и в нашей стране, где до появления его книг умами исследователей тихоокеанских народов почти безраздельно владел блестящий лидер сторонников азиатского происхождения полинезийцев – Те Ранги Хироа. Обстоятельно и придиричливо взвесив все «за» и «против» гипотезы Хейердала, маститые советские ученые – этнограф С.А. Токарев и востоковед В.И. Брагинский – согласились с главным выводом Хейердала о том, что среди предков полинезийцев были, несомненно, и выходцы из Америки.* Более осторожны в оценке взглядов Хейердала советские ученые С.А. Арутюнов, Н.А. Бутинов, Р.В. Кинжалов, Я.М. Свет.** (* С.А. Токарев. Тур Хейердал и его исследования в Океании, в кн.: Т.

Хейердал. Путешествие на «Кон-Тики». М., 1957; В.И. Брагинский. К дискуссии о проблеме заселения Полинезии (обзор литературы вопроса). Краткие сообщения института народов Азии, вып. 61, М., 1963. ** С.А. Арутюнов. Проблемы историко-культурных связей Тихоокеанского бассейна. Советская этнография, Э 4, 1964; Н.А. Бутинов. О «теории белой расы» и о плаваниях с запада на восток в Тихом океане. Там же, N 4, 1963; Р. В. Кинжалов. О статье Тура Хейердала «Ответ «Советской этнографии»». Там же. Я.М. Свет. История открытия и исследования Австралия и Океании. М., 1966.

Но что там ни говори, а новые данные, полученные учеными самых различных специальностей в последние годы, не дают оснований для того, чтобы отвергнуть главный тезис капитана «Кон-Тики». С тем большей горечью приходится отмечать, что некоторые наши этнографы продолжают, то ли по инерции, то ли из каких иных соображений, придерживаться той точки зрения, будто все или почти все, сделанное Хейердалом, находится за рамками настоящей науки. Видимо, именно с этой тенденцией связано появление полной ошибок и искажений книги А. Кондратова «Великаны острова Пасхи» – книги, в которой взгляды Хейердала нарочито рассматриваются по примеру некоторых воинственно настроенных зарубежных оппонентов Хейердала в искаженном донельзя виде.* (* Подробнее о книге А. Кондратова см.: Л.Г. Розина. Рец. на кн.: А. Кондратов. Великаны острова Пасхи. М., 1966. Советская этнография, Э 6, 1967.) Видимо, именно с этой тенденцией связан и перевод на русский язык книги-памфлета американского ученого Роберта Уокопа.* Уокоп, конечно же не случайно ставит взгляды Хейердала в один ряд с мистическими бреднями мормонов и теософов, с наивными фантазиями безграмотных в научном отношении искателей приключений. И так же не случайно Ю.В. Кнорозов, автор русского предисловия, оппонент номер один Хейердала в нашей стране, как бы лишь вскользь оговорив, что «труды самого Т. Хейердала о Полинезии, конечно, нельзя сопоставлять с писаниями мистиков», тем не менее, не приведя ни единого довода против Хейердала, заключает, что «некоторые его (то есть Хейердала. – В.Б.) высказывания все же неприемлемы для большинства (!) советских и зарубежных ученых».** Если бы и в самом деле истина в науке определялась так просто – большинством голосов!

(* R. Wauchope. Lost tribes and sunken continents. Myth and method in the study of American Indians. Chicago, 1962. Русский перевод: Р. Уокоп. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. Предисловие Ю.В. Кнорозова. М., 1966. ** Там же, стр. 12.

Наконец, именно этой тенденции обязаны мы тем, что многие советские этнографы-океанисты по-прежнему пишут свои работы так, будто проблема заселения Полинезии с востока вообще не заслуживает сколько-нибудь серьезного внимания. Таковы, например, работы И.К. Федоровой об острове Пасхи.* Такова и ее рецензия на Труды археологической экспедиции Хейердала, опубликованная в 1967г. в журнале «Советская этнография»**. Таково освещение проблемы заселения Полинезии в работах Д.Д. Тумаркина*** и некоторых других советских ученых.**** (* И.К. Федорова. Ареои на острове Пасхи. Советская этнография, Э 4, 1966; она же. Фольклорные памятники острова Пасхи как исторический источник. Автореферат диссертации. Л., 1966. ** Она же. Исследования экспедиции Т. Хейердала в Юго-Восточной Полинезии. Советская этнография, Э 6, 1967. *** Д.Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М., 1964; он же и Н.Н. Чебоксаров. Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе. Советская этнография, Э 1, 1967. **** См., например: С.И. Королев. Вопросы этнографии на X Тихоокеанском научном конгрессе. Советская этнография, Э 5, 1962; К.В. Малаховский. Борьба империалистических держав за тихоокеанские острова. М., 1966 (стр. 19-29); и др.) Не вдаваясь здесь в суть всех «против», я хотел бы обратить внимание читателя лишь на одно, крайне важное на мой взгляд обстоятельство, которое, безусловно, укрепляет позиции Хейердала, хотя сам он упоминает об этом обстоятельстве лишь мимоходом.

Одним из важнейших завоеваний прогрессивной исторической науки является строго научное доказательство закономерности процесса развития общества и культуры, доказательство того, что каждому историческому этапу, каждой стадии этого процесса

соответствует вполне определенный уровень развития всех материальных, социальных и духовных форм жизни, находящихся в неразрывной связи и взаимодействии. Стоит напомнить, что не кто иной, как Ю.В. Кнорозов, упорно отвергающий саму мысль о возможности заселения острова Пасхи из Америки, в свое время, защищая им же обоснованное толкование характера письмен майя, опирался в числе прочего и на вывод о стадильной обусловленности генезиса письменности и подчеркивал, что «письмо, передающее звуковую речь, – явление стадильное».* Однако в полемике с Хейердалом Кнорозов, говоря об иероглифической письменности пасхальцев, об этом и не вспоминает.** (* Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.-Л., 1963, стр. 45. **Он же. Легенды о заселении острова Пасхи. Советская этнография, Э 4, 1963.) Между тем как раз и прежде всего с общесоциологической точки зрения возникновение письменности, а также, добавим, искусных каменных сооружений на маленьком изолированном от всего мира островке (я имею в виду остров Пасхи) с первобытным по уровню развития производства и общества населением даже не парадоксально, а попросту немислимо. Столь же социологически наивно выводить всех предков пасхальцев с Маркизских островов, хотя и ближайшего, но, что важнее, одного из самых отсталых в социальном отношении архипелагов Полинезии. А вот в Южной Америке, в мире доинкских культур, мы обнаруживаем и достаточно высокий для создания иероглифической письменности и каменной архитектуры уровень развития общества и культуры, и саму подобную письменность, и подобную архитектуру.

В свете сказанного постепенное, но неумолимое огрубление, варваризация, если хотите, культуры острова Пасхи (забвение традиций письменности, искусства каменной кладки и многое другое) выглядит закономерным и неизбежным процессом угасания в неадекватных условиях культурных традиций, проникших сюда из более обширного и географически, и демографически и более развитого в социальном и культурном отношении мира. Этим миром могла быть тогда – в первых веках нашей эры – только Южная Америка.

Об этом говорит и наибольшее сходство с доинкскими культурами именно древних (хотя, возможно, и не самых древних) памятников пасхальской культуры. А то, что на острове Пасхи растет несомненно южноамериканский тростник тотора и столь же несомненно американский хлопок (см. комментарии), то, что в записанных испанцами легендах-лоциях южноамериканского побережья содержалось удивительно точное описание острова Пасхи (перечитайте еще раз в настоящем сборнике статью «Роль инкских преданий для испанцев, открывших Полинезию и Меланезию»), и все прочие тому подобные факты – это лишь дополнительные (а не основные!), так сказать, «криминалистические» доказательства правоты Тура Хейердала.

В. М. Бахта

КОММЕНТАРИИ

(I) Результаты серологических исследований (т. е. исследований генетически обусловленного состава крови) среди народов Тихоокеанского бассейна довольно противоречивы. Это связано с тем, что вот уже не одно столетие в сравнительно малые и изолированные популяции островитян интенсивно проникают отдельные лица и целые группы из самых различных стран Европы, Азии и Америки, причем это проникновение не поддается сколько-нибудь точному учету. Однако исследования, на результаты которых ссылается Т. Хейердал, и исследования, результаты которых были опубликованы позже (см. например: R. T. Simmons. Blood group genes in Polynesians and comparisons with other Pacific peoples. Oceania, vol. XXXII, No. 3, 1962, pp. 198-210), или свидетельствуют в пользу гипотезы Хейердала, или, по крайней мере, оставляют вопрос открытым.

Крупнейший советский антрополог Я.Я. Рогинский, оценивая результаты исследований Р. Симмонса (см. Я.Я. Рогинский. О первоначальном заселении Полинезии. По материалам антропологии. Советская этнография, Э 5, 1966, стр. 75-80), придает в своем изложении

выводам последнего на мой взгляд, несколько более скептический оттенок, чем они заслуживают. Крайне осторожная форма, в которую Симмонс облакает свои выводы, вызвана не его сомнениями относительно возможного участия индейцев Америки в формировании населения Полинезии (в этом Симмонс как раз не сомневается), а тем, что он, так же как и новозеландский ученый Э. Шарп (подробнее о взглядах Э. Шарпа см комментарии к стр. 97) не верит в преднамеренную массовую колонизацию Полинезии. По мнению Симмонса, пестрота генетических характеристик крови у полинезийцев объясняется именно тем, что Полинезия заселялась случайно немногочисленными и самыми различными по происхождению группами людей с унесенных в открытый океан судов. (См.: R.T. Simmons. The blood group genetics of Easter islanders (Pascuense) and other Polynesians. Reports of the Norwegian archaeolog. expedition..., vol. 2, 1965, Stockholm, pp. 333-343).

Рогинский указывает также на то, что по некоторым серологическим признакам полинезийцы скорее близки к айнам, нежели к индейцам (см.: Я.Я. Рогинский. стр. 77). Что ж, так называемая айнская проблема далеко еще не решена, и давать категорическое объяснение этим фактам, во всяком случае пока, преждевременно. Однако, видимо, полинезийцев пришлось сравнивать по генетическому составу крови не с индейцами вообще, а с какими-то достаточно ограниченными их группами, если, конечно, время еще не потеряно.

Весьма существен и удачно подчеркнутый Рогинским факт отсутствия сходства по крови у микронезийцев и полинезийцев. Он видит в этом признак слабости серологических доводов в пользу гипотезы Хейердала. «Ведь в этом случае, – пишет Рогинский, – заведомо известно, что в Восточной Микронезии сильна полинезийская примесь». Но противоречит ли это гипотезе Хейердала? Интенсивное смешение микронезийцев с европейцами и азиатами продолжается непрерывно в течение всей колониальной истории Микронезии, т. е. вот уж четыреста лет, если не более (подробнее об этом см.: П.И. Пучков. Население Океании. М., 1967, стр. 115-151).

О генетически чистом типе (или типах) крови у современных микронезийцев говорить просто не приходится. А это значит, что кровь микронезийцев в любом случае не может свидетельствовать ни за, ни против гипотезы Хейердала. К тому же среди ученых до сих пор нет единой точки зрения на происхождение в Микронезии «полинезийской примеси», которая, к слову сказать, обнаруживается не только в антропологическом типе микронезийцев, но и в их языке и культуре. Одни (например, У. Черчилл, А. Кэппел, А. Маршалл) склонны видеть в этой примеси следы первоначального движения предков нынешних полинезийцев на восток в Тихий океан. Другие (их большинство) рассматривают «полинезийскую примесь» как следствие проникновения в Микронезию с востока отдельных групп уже обосновавшегося в Полинезии населения.

(II) Генетическое родство японской керамики с керамикой прибрежных культур нынешнего Эквадора на рубеже IV-III тысячелетий до н. э. можно считать твердо установленным (см.: B. J. Meggers, C. Evans, E. Estrada. Early formative period of Coastal Ecuador. Smithsonian contributions to anthropology, vol. 1, Washington, 1966).

Как считает советский ученый С.А. Арутюнов, этот удивительный факт можно объяснить, предположив, что лодку рыбаков – древних жителей Японии – некогда отнесло в открытый океан, подхватило течением Куроисио и вынесло к эквадорскому побережью Южной Америки, где злосчастные рыбаки слились с каким-то местным племенем рыбаков (см.: С.А. Арутюнов. Древние тихоокеанские связи: миф или действительность? Советская этнография, Э 4, 1967).

Так или иначе культурные контакты (случайные или преднамеренные – это уже вопрос другой) между Азией и Америкой возникали много раньше той эпохи, с которой связывают обычно заселение Полинезии. Действительность (и в который раз!) превзошла самые дерзновенные гипотезы. А ведь предполагаемая лодка неолитических рыбаков Японии могла двигаться только по дуге течений, пересекающей Тихий океан от Азии к Америке. Между тем скептики и по сей день спорят, могли ли выходцы из Азии достичь Америки, плывя по

этой, называемой Хейердалом дуге (см. например: В.И. Войтов. Морские пути в Полинезию. Природа, Э 2, 1965).

(III) Увлекательную, полную приключений историю о французе Эрике де Бишопе и его плаваниях в Тихом океане вы сможете прочесть в книгах Б. Даниельссона «Большой риск. Путешествие на «Таити-Нуи» (1962) и Э. де Бишопе «Таити-Нуи» (1966).

(IV) Критика этноботанических доводов Хейердала, выдвинутых им в защиту своей гипотезы, была одно время особенно суровой и непримиримой. Возможно, это произошло и потому, что Хейердал приобрел в лице видного американского ботаника Э. Меррилла убежденного и высоко эрудированного противника своих взглядов. История полемики между Хейердалом, с одной стороны, и Мерриллом и его сторонниками, с другой, рассказана здесь самим Хейердалом с достаточной полнотой и к тому же в весьма увлекательной форме.

Победителем в этом споре, несомненно, стал Хейердал. Данные этноботаники действительно подтверждают американское происхождение ряда культурных растений Полинезии. Особенно примечательна находка американского культурного хлопчатника при раскопках в Мексике в слоях, датируемых шестым тысячелетием (5800) до н. э. (см.: С. Е. Smith, R.S. Macneish. Antiquity of American polyploid Cotton. Science, vol. 143, No. 3607, 1964).

Едва ли стоит также оспаривать американское происхождение такой важной земледельческой культуры полинезийцев, как батат. На X Тихоокеанском научном конгрессе Г. Конклин убедительно показал легковесность всех гипотез, согласно которым батат проник в Океанию из Африки или даже наоборот – в Африку из Океании (см.: Н. С. Conklin. The Oceanian-African hypotheses and the Sweet potato. Plants and the migrations of Pacific peoples. Honolulu, 1963), а Д. Йен, развивая идеи замечательного советского ботаника Н.И. Вавилова, обстоятельно доказал, что центр происхождения батата находится именно в Южной Америке. Что же до Азии и Африки, то не исключено, что батат был занесен туда уже в историческое время испанцами и португальцами (D. E. Yen. Sweet-potato variation and its relation to human migration in the Pacific. Ibidem). Эти примеры конечно, не исключают того, что в проблеме происхождения культурных (и некоторых дикорастущих, но используемых человеком) растений Полинезии еще много неизученного, а потому спорного, неясного и противоречивого Но – и в этом суть – в целом данные этноботаники не противоречат гипотезе Хейердала, как это иногда безапелляционно утверждается.

(V) «Роль инкских преданий для испанцев, открывших Полинезию и Меланезию» и «Вальсовый плот и роль гуар в аборигенном мореходстве Южной Америки» – это, пожалуй, лучшие, самые яркие и самые впечатляющие статьи сборника. Содержащиеся в этих статьях выводы (о том, что испанцы, проникая в Тихий океан, руководствовались и преданиями индейцев, и о том, что индейцы западного побережья Южной Америки были умелыми и опытными мореходами – на бальсовых плотках они бесстрашно уходили в открытый океан), по существу, никем не оспорены. Факты, содержащиеся в этих статьях, свидетельствуют, между прочим, и о том, что американские и европейские ученые зачастую неоправданно недооценивают самобытное мореходное искусство народов Америки и Океании. Недооценка эта ярче всего сказалась, пожалуй, в работах современного новозеландского ученого Эндрью Шарпа, который вот уж который год доказывает, что заселение Полинезии – результат стихийной игры ветра и морских течений. Если согласиться с Шарпом, навсегда унесенные в бурю от родных островов суда незадачливых островитян или гибли в волнах, или же прибывались по воле случая к необитаемым островам и архипелагам. Экипажи таких попавших в беду, но уцелевших судов и образовывали, по Шарпу, первоначальное население новых и новых островов *note 2* Эту точку зрения разделяют и некоторые другие видные исследователи тихоокеанских народов, в том числе К.П. Эмори (К.Р. Emory. Origin of the Hawaiians. J. Polynesian soc., vol. 68, No. 1, 1959.) и Р. Симмонс (см. комментарий I). После

Note2

(A. Sharp. Ancient voyagers in the Pacific. Lnd, 1957; idem. Polynesian navigation to distant islands. Lnd, 1901; idem. Ancient voyagers of Polynesia. Berkeley, 1964).

знакомства с двумя названными работами Хейердала скептицизм Шарпа и его единомышленников в отношении мореходного искусства аборигенов Америки и Океании кажется особенно неоправданным. Естественно, что непреднамеренные – по воле волн и ветра – плавания к необитаемым островам также играли определенную роль в заселении Полинезии. «Но решающую роль в заселении Полинезии, – как верно подчеркивает крупный советский географ Я.М. Свет, – все же сыграли не горе-путешественники, отнесенные ветрами к неведомым берегам, а мореплаватели, которые бороздили Океанию по определенным маршрутам и с определенной целью.» (Я.М. Свет. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966, стр. 39). Отметим, что произведенные американским археологом Робертом Саггсом раскопки древнейших поселений на острове Нуку-Хива (Маркизские острова) как будто хорошо подтверждают последнюю точку зрения (см.: R.C. Suggs. The archeology of Nuku Hiva, Marquesas islands, French Polynesia. – *Anthropol. papers Am. Museum nat. hist.* vol. 49r pt 1, N. Y. 1961; idem. *The hidden worlds of Polynesia.* N. Y., 1962).

(VI) Более подробно результаты крайне важных для подтверждения гипотезы Хейердала археологических изысканий на островах Галапагос изложены Хейердалом и археологом А. Шельсволдом в работе: T. Heyerdahl and A. Skjolsvold. *Archaeological evidence of prespanish visits to the Galapagos islands.* (*Memoirs of the Soc Am. Arch.*, No. 12, 1956).

(VII) Предложение Хейердала о том, что так называемые «длинноухие» и «короткоухие» (об ином толковании терминов ханау-момоко и ханау-еепе см. Ю.В. Кнорозов. Легенды о заселении острова Пасхи. Советская этнография, Э 4, 1963) принадлежали к разным народам и разным расовым типам, как будто не подтверждается. Советский ученый Н.А. Бутинов пришел к весьма обоснованному выводу, что пасхальцы делились на «короткоухих» и «длинноухих» не в силу разного происхождения, а что это было «деление внутри одного (полинезийского – В. Б.) народа.» (Н.А. Бутинов. Короткоухие и длиннухие на острове Пасхи. Советская этнография, Э 1, 1960). Похоже, что на это же указывают и результаты антропологических исследований черепов из пасхальских погребений, правда, сравнительно поздних (R. Murril. A study of cranial and postcranial material from Easter island. *Reports of the Norvegien archaeol. expedition to Easter island and the East Pacific*, vol. 2).

Но, как справедливо заметил Хейердал, комментируя эту статью Меррилла, независимо от того, «согласимся ли мы с тем, что «длинноухие» и «короткоухие» лишь социальные подразделения, или что это представители различных по происхождению групп населения», между теми и другими существуют вполне определенные различия. (Т. НРyerdahl. *Addendum. Ibidem*, p. 327). Впрочем, на выводах Меррилла сказалось, возможно, и то, что все обследованные им черепа были взяты из погребений «короткоухих».

(VIII) К настоящему времени это утверждение, тогда справедливое, уже устарело. В распоряжении ученых-океанистов сейчас целый ряд абсолютных датировок для древних стоянок на островах Полинезии. Все они получены так называемым методом С-14. Этот метод определения абсолютного возраста органических остатков (угля, золы, дерева, костей и др.) основан на том, что в живых тканях животных и растительных организмов соотношение обычного изотопа углерода С12 и радиоактивного изотопа С14 (период полураспада около 5360 лет) строго постоянно, тогда как в мертвых тканях вследствие радиоактивного распада изотопа С14 это соотношение непрерывно изменяется. Определив соотношение С12 и С14, узнают абсолютный возраст археологического памятника, содержащего органические остатки.

Известный археолог-океанист Роберт Саггс (упорный оппонент Хейердала) приводит следующие древнейшие для Полинезии даты: для Маркизских островов – примерно 150 год до н. э.; для Гавайских островов – 120 год н. э.; для островов Самоа – I век н. э.; для острова Пасхи – IV век н. э., и т. д. (R.C. Suggs. *The archeology of Nuku Hiva*, pp. 174-175).

Число анализов и полученных по методу С-14 датировок быстро растет. Иногда полученные таким образом датировки противоречат друг другу и другим данным (см.,

например: Y.H. Sinoto. A tentative prehistoric cultural sequence in the Northern Marquesas islands. *The Y. Polynesian Soc.*, vol. 75, No. 3, 1966). Поэтому делать заключения, даже предварительные, пока во всяком случае еще рано. Но один очень важный вывод уже можно сделать: оказывается, человек заселил Полинезию по меньшей мере на добрую тысячу лет раньше, чем думали еще 10-15 лет тому назад!

(IX) То, что статуи Маркизских островов были созданы, по-видимому, много позже статуй острова Пасхи (наличие полученных методом С-14 дат достаточно убедительно) – обстоятельство, крайне важное, так как многие оппоненты Хейердала в поисках ближайшей (неамериканской!) суши невольно обращают свои взоры к Маркизским островам как к месту исхода предков пасхальцев (см., например: И.К. Федорова. Фольклорные памятники острова Пасхи как исторический источник, стр. 6. Она же. Исследования экспедиции Т. Хейердала в Юго-Восточной Полинезии. Советская этнография Э 6, 1967, стр. 144; R.C. Suggs. *The island civilizations of Polynesia*. N.Y., 1960, pp. 226-227 etc.: idem. *Archeology of Nuku Hiva*, pp. 193 etc). Особенно активен и настойчив в этом отношении Кеннет Эмори (К.Р. Emory *Origin of the Hawaiians*; idem. *East Polynesian relationships*. Ibidem. 1963, vol. 72, No. 2; idem, and Y.H. Sinoto. *Eastern Polynesian burials at Maupiti*. Ibidem, vol. 73, No. 2. 1964). Стремясь во что бы то ни стало опровергнуть результаты раскопок Хейердала и его коллег на о. Пасхи, Эмори даже пустил в оборот совершенно несуразное предположение о том, что знаменитый оборонительный ров Поики был, якобы, всего-навсего обычной в Полинезии канавой для выращивания клубневой культуры таро (см. К.Р. Emory and Y.H. Sinoto. *Implications of recent archaeological finds in East Polynesia*. A paper delivered at the American Anthropol. Association Annual Meeting, November 21-24, 1965, p. 4).

(X) Следует подчеркнуть, что Хейердал здесь абсолютно прав. Даже те лингвисты, которые явно склонны к переоценке возможностей лексикостатистики и глоттохронологии, невольно констатируют в историографических разделах своих работ поразительную разногласию среди исследователей, пытающихся установить генетическое соотношение полинезийских языков и диалектов между собой и с языками других народов (см., например: G.W. Grace. *The linguistic evidence*. *Current anthropology*, vol. 5, No. 5, 1964; R. Green. *Linguistic subgrouping within Polynesia: the implications for prehistoric settlement*. *J. Polynesian soc.*, vol. 75, No. 1. 1966).

Крайний разнобой в лингвистических характеристиках полинезийских языков хорошо виден и из обзора классификаций их в книге П.И. Пучкова «Население Океании» (стр. 32-35). В связи с этим нельзя не согласиться с немецким ученым Х. Келером в том, что «лингвистические исследования сами по себе не могут дать удовлетворительных результатов в решении проблемы происхождения и миграций полинезийцев, меланезийцев и микронезийцев» (H. Kehler. *Comments*. *Current anthropology*, vol. 5, No. 5, 1966, p. 393).

Существенным пороком лингвистических исследований в Полинезии методами лексикостатистики и глоттохронологии является и то, что авторы гипотетических генетических схем, исследуя ныне распространенные в Полинезии полинезийские языки и расставляя эти языки в том или ином порядке, не рассматривают проблемы существования, если не сейчас, то в прошлом неполинезийского языкового компонента в Полинезии. А в этом ведь как раз и заключается суть гипотезы Хейердала. Поэтому любые выводы, сделанные на основе подобного рода лингвистических исследований, не могут опровергнуть гипотезу Хейердала просто потому, что они бьют мимо цели.

(XI) Если отвлечься от истории вопроса, то основной смысл статьи – в утверждении Хейердала, что пасхальская письменность имеет неполинезийское происхождение. Это, конечно, пока гипотеза, но гипотеза, заслуживающая внимания хотя бы из-за соображений, приведенных в послесловии.

Немало места в статье уделено предпринимавшимся различными исследователями попыткам прочтения пасхальских дощечек, в частности попыткам увязать тексты дощечек с записанными вариантами легенд, преданий, верований, родословных. В связи с этим приходится отметить, что при оценке фольклора пасхальцев обе стороны – и Хейердал, и его

оппоненты, видимо, проявляют известную неосторожность. Обязательно ли должны присутствовать в фольклоре острова Пасхи неполинезийские элементы и мотивы? Хейердал полагает, что обязательно. Доказывает ли, с другой стороны, отсутствие таких мотивов и элементов, что население острова Пасхи всегда было строго полинезийским?

Советские ученые Н.А. Бутинов, Ю.В. Кнорозов, И.К. Федорова в этом не сомневаются (см., например: Н.А. Бутинов. Короткоухие и длинноухие на острове Пасхи; Ю.В. Кнорозов. Легенды о заселении острова Пасхи; И.К. Федорова. Ареои на острове Пасхи. Советская этнография, Э 4, 1966). Кажется, однако, что и на тот, и на другой вопрос правильнее дать отрицательный ответ. И вот из каких соображений. Обзор легенд о заселении острова Пасхи, собранных и записанных Т. Жоссаном, У. Томсоном, С. Раутледж, А. Метро, С. Энглертом, Ф. Фельбермайером и некоторыми другими исследователями, привел Ю.В. Кнорозова к выводу, с которым едва ли нужно спорить: все рассмотренные легенды «имеют чисто полинезийский характер» (Ю.В. Кнорозов. Легенды о заселении острова Пасхи, стр. 153). Собственно, так и должно быть: ведь нынешнее население острова – полинезийцы и только полинезийцы. Совсем не обязательно, чтобы в современном полинезийском фольклоре сохранялся неполинезийский субстрат. Но в сколь глубокую древность можно проникнуть, опираясь на анализ фольклора острова Пасхи? Можно ли, опираясь на полинезийский характер местного фольклора, заключить, что полинезийцы здесь были с самого начала? Разве древняя традиция не могла или даже не должна была быть прервана?

Следует учитывать и еще одно существенное обстоятельство. Вторжение элементов нового (например, библейских мотивов под влиянием миссионерских проповедей или не свойственных аборигенам географических знаний после первого контакта с европейскими морепроходцами) в старые легенды, предания, вообще в устную традицию происходит удивительно быстро, и далеко не всегда ученым удается «поймать» момент и причину внедрения нового, инородного в старое, традиционное. А бесхитростные энтузиасты ученые склонны порой рассматривать это новое как неотъемлемую часть подлинно древней традиции. Любопытные примеры этому привел недавно Грегори Денинг (см: G. Dening. Ethnohistory in Polynesia. J. Pacific History, vol. 1. Canberra, 1966, pp. 32-33 etc.).

(XII) Над раскрытием характера письменности ронго-ронго работали советские ученые Б.Г. Кудрявцев, Д.А. Ольдерогге, Н.А. Бутинов, Ю.В. Кнорозов (Б.Г. Кудрявцев. Письменность острова Пасхи. Сб. Музея антропол. и этногр., вып. XI, М.-Л., 1949; Д.А. Ольдерогге. Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи. Советская этнография, Э 4, 1947; Н.А. Бутинов и Ю.В. Кнорозов. Новые материалы об острове Пасхи. Советская этнография, Э 6, 1957; Они же. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи. Советская этнография, Э 4, 1956; Н.А. Бутинов. Иероглифическая письменность острова Пасхи. Вестник истории мировой культуры, Э 3, 1959. Он же. Длинноухие и короткоухие на острове Пасхи). Немало интересных предположений было сделано этими учеными и относительно содержания пасхальских дощечек. Однако никто из них не подверг сомнению полинезийское происхождение письменности ронго-ронго. Да и вообще, насколько мне известно, никем еще не был предпринят серьезный поиск лингвистического ключа к содержанию ронго-ронго в южноамериканской археологии и этнографии. Это, будем надеяться, дело будущего.

(XIII) Только подобного рода недоразумением можно объяснить, что некоторые критики гипотезы Хейердала обвиняют его в расизме (?!), утверждая, что Хейердал приписывает создание древних цивилизаций Центральной и Южной Америки «белым рыжебородым» пришельцам из далекого Средиземноморья, а американских индейцев считает неспособными на это. Все это просто неверно. Дело в том, что у майя, ацтеков, чибча, инков и многих других народов Центральной и Южной Америки действительно были распространены легенды и предания, согласно которым творцами и хранителями наивысших достижений индейской культуры были будто бы пришлые немногочисленные группы людей, резко отличных по своему физическому типу от основной массы монголоидного населения. В числе важнейших отличительных признаков во внешнем облике этих людей легенды

согласно указывают светлый (белый) цвет кожи и рыжую бороду.

Нередко эти же признаки приписывались индейцами местным богам. Схожие представления о людях и богах европеоидо-подобного облика есть и в полинезийских преданиях и мифах. Но, может быть, мотив «белых рыжебородых пришельцев» был привнесен в индейские легенды и предания полинезийцев уже в новое время в связи с вторжением в Америку и Полинезию европейских колонизаторов и христианских проповедников? Этот существенный, на первый взгляд, аргумент не трудно отвести. В самом деле. Не случайно же инки приняли завоевателя Перу, испанского конкистадора Писарро и его бандитов-солдат за вернувшихся к ним богов, а гавайцы равным образом увидели в английском мореплавателе Джемсе Куке своего бога Лоно. Но, что решает дело окончательно, информация о бородачах европеоидо-подобного облика содержится не только в легендах и преданиях, но и в древних памятниках изобразительного искусства Центральной и Южной Америки.

В книге «Американские индейцы в Тихом океане» Хейердал на 125 страницах свел воедино огромное число фактов, судя по которым в реальном существовании таинственных бородачей едва ли можно сомневаться. Кто же они и откуда они пришли?

Пока загадка остается загадкой. Хейердал отнюдь не бьется за то, что это были представители высшей «белой» расы, облагодетельствовавшие американских монголоидов-варваров. Он лишь называет несколько возможных направлений поиска и в том числе ставит (только ставит!) вопрос о теоретической возможности проникновения какой-то группы древних европеоидов в Америку через Атлантический океан. Впрочем, и тут Хейердал крайне осторожен, особо подчеркивая, что нет достаточных оснований считать «бородачей» кавказоидами (термин, синонимичный термину «европеоиды»); поэтому он называет их «подобными кавказоидам» (Caucasian-like), скорее с целью обратить внимание на немонголоидные и ненегроидные черты в их облике (Т. Heyerdahl. The American Indians in the Pacific, p. 225). Собственно говоря, Хейердала интересует совсем другое: то, что легенды о людях и богах европеоидо-подобного облика имеют хождение не только в Америке, но и в Полинезии! При этом, если в американских легендах эти люди (или боги) в некоторый момент уходят (или уплывают в океан), то в Полинезии они, наоборот, в некоторый момент появляются, приплывают из-за горизонта как выходцы из некой жаркой, засушливой страны. В совокупности этих вот фактов. Хейердал не без оснований видит еще одно доказательство генетической общности населения Америки и островитян Полинезии. Спрашивается, при чем же здесь расизм? Добавлю в заключение, что наличие европеоидо-подобных черт у части полинезийцев так или иначе признается всеми исследователями Полинезии, в том числе и столь убежденными противниками гипотезы Хейердала, как например, Те Ранги Хироа (см.: Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959, стр. 22-27).

СОДЕРЖАНИЕ

Речь в Королевском географическом обществе Заселение Полинезии Возможные океанские пути в Америку и из Америки до Колумба Культурные растения – доказательство доколумбовых контактов с Америкой Роль инкских преданий для испанцев, открывших Полинезию и Меланезию Вальсовый плот и роль гуар в аборигенном мореходстве Южной Америки Раскопки на островах Галапагос Остров Кокос – база доиспанского индейского судоходства?

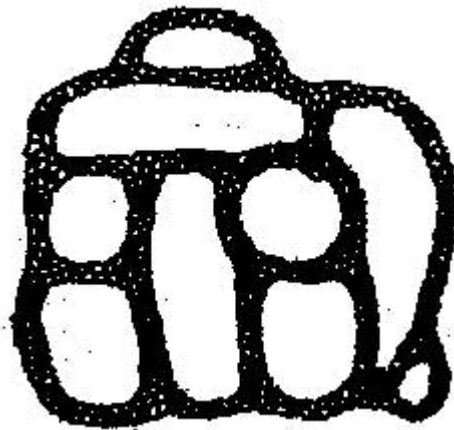
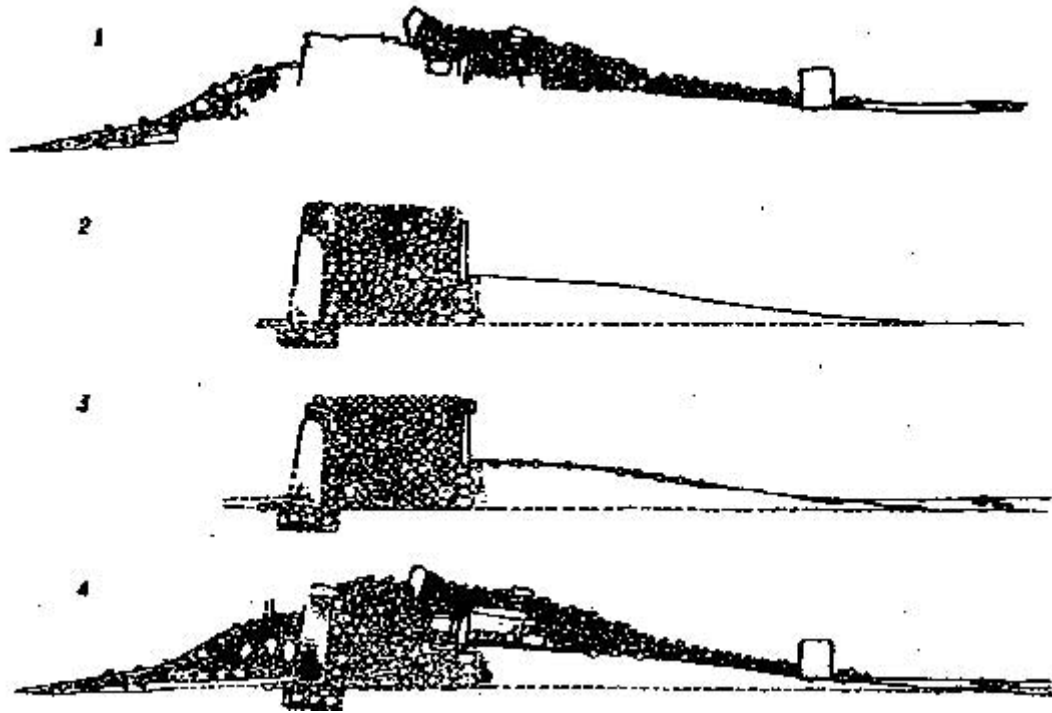
Остров Пасхи Статуи острова Пасхи – проблема и итоги Полинезийские и неполинезийские элементы на острове Пасхи Историческое население острова Пасхи и письменность ронго-ронго Библиографические справки Литература Послесловие (В. М. Бахта) Комментарии (В. М. Бахта)

Тур Хейердал

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОЙ ТЕОРИИ

*Редактор Л.П. Жданова Художник Ю.С. Детинкин
Художественный Редактор В.А. Евтихийев Технический редактор
И.К. Пелипенко Корректоры Е.П. Баскакова и В.С. Игнатова
ОСР – Андрей из Архангельска*

*Типография им Анохина Управления по печати при Совете
Министров Карельской АССР г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4*

21

HB Ma Ralla

lagata, keti, ite rua, uhi

13

22

E rua lagata hana keti

23

keti lagata, rogo kite taki ato,

24

keti mo. Rata moena,

25

lagata ho ni, o rogo, ite kora

26

ke moena, oie kora, a vata i te kuru o te ate

27

ke a vaga,

28

kuaki tetagata,

29

moou eterae.

№	Имя	№	Имя
1	Иванов Иван	11	Петров Петр
2	Сидоров Сидор	12	Смирнов Смирн
3	Климов Клима	13	Попов Попов
4	Лебедев Лебед	14	Кузнецов Кузн
5	Васильев Васи	15	Морозов Мороз
6	Мухоморов Мух	16	Соколов Сокол
7	Павлов Павла	17	Новиков Новик
8	Зайцев Зайца	18	Воробьев Вороб
9	Мельников Мель	19	Соболев Собо
10	Воронин Ворон	20	Королев Корол

Puá aTahsa aTAPU

<p>Hea tua Raro rera El Rey. <i>Atyanti</i></p>	<p>Kola <i>ty</i></p>
<p>Hea tua hillo pea El Rey. <i>gaita el cilo</i></p>	<p>tehuare. <i>entra</i></p>
<p>Hea tua hiko hura El Rey. <i>Madona</i></p>	<p>mote paki <i>pas au hys</i></p>
<p>Hea tua hillo tea El Rey. <i>blanca nive</i></p>	<p>hepiti <i>rei hys tamin</i></p>
<p>Hea tua mata vipi El Rey. <i>ojo uhorde</i></p>	<p>teata riki. <i>tu hys mayor</i></p>
<p>Hea tua haka magogo El Rey. <i>Plyhondo</i></p>	<p>tera ina.</p>
<p>Hea tua haka rei El Rey. <i>que hays el Rey udo</i></p>	<p>rei mira</p>
<p>Hea riki El Rey. <i>de la lugo lugo</i></p>	
<p>Etoru a riki tehupe Eus Rey. <i>blanca</i></p>	<p>tagaco.</p>
<p>Hea riki paka El Rey. <i>que hays la Uaria.</i></p>	<p>epakoa hite uá.</p>
<p>Hea riki marga El Rey. <i>que hays marga el caso fu e)</i></p>	<p>ete una marga hite o hite hite mai.</p>
<p>Hea riki hite marga El Rey. <i>que hays hite marga</i></p>	<p>hite marga</p>

